

Рецензенты:

доктор исторических наук *С.В. Соколовский*,
кандидат исторических наук *В.В. Степанов*

Тишков В.А., Шабаев Ю.П.

Т47 Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов / Тишков В.А., Шабаев Ю.П. — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 376 с. (Библиотека факультета политологии МГУ).

ISBN 978-5-211-06197-2

Учебник подготовлен академиком, директором Института этнологии и антропологии Российской академии наук В.А. Тишковым и известным специалистом в области этнополитологии, доктором исторических наук, профессором Ю.П. Шабаевым. В нем излагаются основные положения и проблемы современной этнополитологии — науки о политических функциях этничности и о политическом взаимодействии государства и этнических сообществ. Рассмотрены предмет и методы науки, теоретические подходы к анализу исследовательских направлений, проблемы политической организации многоэтнических обществ, этнонационализма, конфликтов и прикладное значение науки.

Для студентов, преподавателей гуманитарных факультетов, специалистов в области социального управления и политического менеджмента.

УДК 323/1; 227/39; 316:35:39
ББК 60.54; 66.5

© В.А. Тишков, Ю.П. Шабаев, 2011
© Издательство Московского университета, 2011
© Факультет государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011

ISBN 978-5-211-06197-2

Введение	7
Глава 1. Предмет, объект и методы этнополитологии	13
Предмет этнополитологии.....	13
Развитие этнополитологии как науки.....	20
Методы этнополитологии.....	23
Функции этнополитологии.....	29
Глава 2. Теории этничности и политика	37
Примордиализм как научное направление.....	38
Функционализм о природе этничности.....	42
Конструктивизм в этнологии.....	44
Сущность инструментального подхода в этнологии.....	47
Глава 3. Этничность и национализм	52
Этнос, этническая общность и этничность.....	52
Национализм и этничность.....	61
Нации и национализм.....	68
Глава 4. Как понимать «народ» и «нацию»	75
Соотношение понятий «народ» и «нация».....	75
Представления об этнической и гражданской нации.....	81
Нация и многоэтничность.....	86
Нациестроительство на постсоветском пространстве.....	90
Глава 5. Этничность как политический ресурс	94
Политический ресурс этничности.....	94
Политизация этничности.....	106
Официальное признание этнополитики.....	112
Конструирование этничности.....	125
Глава 6. Этничность и государство	142
Содержание понятия «национальное государство».....	142
Роль этнической стратификации в политических процессах.....	150
Роль категории «гражданство» в этнополитике.....	155
Политическая роль этнических меньшинств.....	159
Глава 7. Этничность и демократия	167
Модели демократии.....	168
Критика моделей демократии.....	178
Демократия и проблемы меньшинств.....	180

Глава 8. Этнополитические конфликты	187
Сущность этнополитического конфликта.....	188
Типы этнополитических конфликтов.....	193
Проблемы управления конфликтом.....	197
Глава 9. Этничность и власть	212
Этничность как легитиматор власти.....	212
Изддержки этнизации власти.....	216
Этнический фактор в политической жизни российских регионов...	221
Культура и политика насилия.....	225
Глава 10. Ассимиляция, мультикультурализм и экстремизм в этнополитике	236
Ассимиляторская модель этнополитики.....	236
Мультикультурализм.....	245
Расизм и геноцид как крайние формы этнополитики.....	260
Глава 11. Этничность и право	273
Основные правовые коллизии в этнополитике.....	274
Обычное право и порядок урегулирования споров с общинами коренных народов.....	284
Право наций на самоопределение и правовое поле этнополитики.....	288
Культурные права.....	293
Язык правовых документов и правоприменительная практика.....	295
Глава 12. Этнополитические мифы	299
Сущность этнополитических мифов.....	299
Практика этнополитического мифотворчества.....	306
Глава 13. Глобализация и этничность	314
Исторические этапы и сущность процесса глобализации.....	314
Глобализация и проблема сохранения этничности.....	316
Глобализация и политическая кооперация этнических сообществ.....	317
Глава 14. Этнополитика в образовательной и информационной сферах	329
Молодежь и школа как субъект этнополитики.....	329
Этническая проблематика в СМИ.....	336
Социальная реклама и информационные кампании.....	343
Заключение	349
Терминологический словарь	359
Примерные темы рефератов и курсовых работ	374

Введение

Этнополитология — молодая научная дисциплина. Ее появление было обусловлено потребностью поиска решений этнополитических проблем в последней трети XX столетия. Рост этнического национализма и вооруженных этнических конфликтов во многих регионах мира, распад основанных на этно-территориальном принципе федеративных государств СССР, Югославии и Чехословакии свидетельствовали не просто об актуализации этнополитической проблематики, но и о «взрыве этничности», «этническом парадоксе современности», «бунтующей этничности». Стало очевидно, что роль этнического фактора в политических процессах, а также в управлении многоэтничными государствами долгое время недооценивали.

Важную роль в становлении этнополитологии как науки сыграли масштабные политические перемены, порожденные двумя мировыми войнами XX в. Первая мировая война, существенно изменив карту Европы, привела к созданию ряда новых государств, возникших после распада династических империй. Эти государства отличались относительно однородным этническим составом населения, что стимулировало формирование этнонационального самосознания в странах, где, казалось бы, самоопределились одна или несколько этнических общностей (этнонаций). Так было в Венгрии, Чехословакии, Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия), странах Балтии. На самом деле создание так называемых национальных государств обострило проблему этнических меньшинств и привело к политизации этничности.

Другим фактором политизации этничности стала международно-правовая система, возникшая после заключения Версальского мирного договора. Учрежденная в 1919 г. Лига Наций следовала принципу максимального совпадения этнических и государственных границ. Именно поэтому она поддерживала массовые переселения (обмен меньшинствами) представителей этнических групп из одних стран в другие. Именно Лига Наций впервые стала претворять в жизнь систему защиты меньшинств

и стала требовать от вступивших в нее имперских держав проведения «рациональной» колониальной политики.

После Второй мировой войны возникла Организация Объединенных Наций, были сформулированы основополагающие принципы международного права, в числе которых важное место заняло право наций на самоопределение. Под нациями понимались прежде всего территориальные сообщества в рамках административно-колониальных образований. Этот принцип позволил осуществить процесс деколонизации, в результате которого на основе многоплеменного населения бывших колоний были созданы десятки новых государств, и процессы нациестроительства приобрели мировой размах.

Уроки Второй мировой войны привели международное сообщество к пониманию необходимости диагностировать субъекты самоопределения не в этнических, а в территориально-гражданских категориях. Поэтому ООН в своих документах, касающихся политических прав, не отождествляла территориальные сообщества с этническими группами, а рассматривала народ-субъект самоопределения как население страны или региона. Но старые подходы не ушли в прошлое, в результате чего в международном праве и в политической практике возникла коллизия между этничностью и гражданственностью, между принципом самоопределения и принципом территориальной целостности государств. Преодолеть этот конфликт не удается до сих пор по причине живучести этнического национализма, который трактует самоопределение почти исключительно как наделение государственно-административным статусом и «своей» территорией представителей одной этнической принадлежности или же как отделение (сепессию) от общего государства.

Наконец, окончание «холодной войны» и демонтаж авторитарных режимов в Европе привели к «освобождению этничности» от государственного контроля и актуализации этнополитических движений, в идейных позициях которых этничность и гражданственность нередко противопоставлялись. Началась масштабная политизация этничности, которая, с одной стороны, была порождена прежними издержками государственной политики, а с другой — стала инструментом в реализации по-

литических замыслов определенных политических сил. Стало очевидно, что этничность — это не только форма социальной и культурной организации, но и политический ресурс, которым можно воспользоваться как в созидательных, так и в разрушительных целях. Итогом накопления политического ресурса этничности на протяжении XX в. стал драматичный распад Югославии, неправовой демонтаж СССР и не вполне корректный раздел Чехословакии на словацкое и чешское государства, актуализация этнонационалистических и сепаратистских движений в других регионах мира. Вследствие этого этнополитологическая проблематика заняла важное место в обществоведческих исследованиях.

Вместе с тем этнополитическая проблематика стала неким «пугалом цивилизации», ибо дискуссии о «столкновении цивилизаций» из научных превращаются в политические. Провал проекта единой европейской конституции, беспорядки в арабских пригородах Парижа, рост экстремистских настроений среди населения меньшинств и иммигрантов в Великобритании, кризис австралийского мультикультурализма и балансирование Бельгии на грани распада показали, что старая политическая система и новая политика многокультурности в разных ее вариантах не справляются с этнополитическими вызовами современности.

В научной литературе и в политической публицистике появляются прогнозы, согласно которым в обозримом будущем в быстро растущих иммигрантских общинах европейских стран сформируется своя элита и элита эта не только станет выразителем интересов иммигрантского населения Европы, но и в конечном итоге оттеснит коренное население от рычагов политического влияния. Некоторые зарубежные специалисты пророчат рост межэтнической, межконфессиональной напряженности не только в Европе, но и в Америке. Американский консерватор Патрик Бьюкенен в своей книге «Гибель Запада» анализирует схему нарастания этноконфессиональной и расовой напряженности, которая якобы угрожает в ближайшем будущем расколоть США.

Мрачные прогнозы по поводу будущего России как политического государства регулярно озвучивают российские ультрапатриоты и радикальные националисты. Например,

высказывается мнение о «цивилизационной отсталости» северокавказских республик и их неминуемом «уходе» из России, утверждается, что среди этнических элит финно-угорских народов усиливаются сепаратистские настроения, которые поддерживаются из-за рубежа в надежде возродить идею «Великой Финляндии». Устремления тюркских народов по той же логике якобы ориентированы на Турцию и на некую тюрко-исламскую цивилизацию. Дальний Восток в результате проникновения туда китайцев, по мнению некоторых российских авторов, отойдет к Китаю. При всей надуманности подобных сценариев можно согласиться, что за ними стоят действия отдельных интеллектуальных радикалов и возможные прожекты глубоко законспирированных зарубежных геополитиков и спецслужбистов. В конечном итоге не мифологические факторы, сдобренные многолетней ксенофобией в отношении «выходцев с Кавказа» и иммигрантов из Средней Азии, лежат в основе этнополитических проблем. Прежде всего неэффективное управление в сфере этнополитики и ее слабая экспертная обеспеченность порождают социальные, культурные и политические проблемы и приводят к открытым конфликтам в среде многоэтнического народа.

Невозможность игнорировать этнополитическую проблематику стала очевидной в начале 1990-х гг., когда этнический фактор (или так называемый национальный вопрос) дал о себе знать в целом ряде государств. Формирование и всплеск активности этнокультурных и националистических групп, организаций и даже массовых движений в России породили интерес отечественных исследователей к этнополитической проблематике. Политизация этничности потребовала от российских властей реагирования на вызовы времени. Как следствие этой реакции появляются государственные службы федерального и регионального уровней, призванные обеспечивать этнокультурные и этнополитические запросы населения страны в целом и отдельных ее регионов. Национальная политика становится одним из важных направлений внутренней политики государства. В конце 1991 г. был создан Государственный комитет по национальной политике Российской Федерации, председатель которого имел ранг федерального министра. В 1996 г. указом

Президента РФ была принята Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. В том же году Государственная Дума приняла Закон о национально-культурной автономии. Стало очевидно, что этнополитика требует не только официального признания, но и теоретического анализа и прикладного осмысления.

Стабилизация политической ситуации в России в начале XXI века, ослабление политических позиций этнонационалистических сил породили у части общества иллюзии относительно неактуальности этнического фактора в политической жизни страны, результатом чего стало упразднение федерального министерства по делам национальностей и ослабление внимания к этнокультурным и этнополитическим проблемам на федеральном уровне. Однако этничность как форма идентичности и этническая мозаика населения страны сама по себе не исчезли и не исчезнут в обозримом будущем. Это значит, что потребность в осмыслении данной стороны общественной жизни будет постоянной.

Исторический опыт показал, что упрощенные теоретические модели типа советской «новой исторической общности людей» и американского «плавильного котла» не дают возможности оценить всю сложность взаимодействия между этничностью и политикой. Чтобы выстроить систему взглядов и представлений о роли этничности в политике и роли политики в этнических процессах, данное взаимодействие необходимо рассматривать более обстоятельно. Именно с этой целью в предлагаемом учебнике излагаются подходы, которые имеют важное значение для использования опыта этнополитики и для обеспечения эффективного управления в многоэтническом обществе.

Учебник ориентирован не только на обучение студентов. Он рассчитан на подготовку и переподготовку кадров государственных служащих, работников правоохранительных органов и социальных служб. В полиэтнической и поликонфессиональной России современные политические менеджеры, блюстители закона, работники сферы культуры, образования и информации должны обладать знаниями в области этнополитологии, чтобы разбираться в сложных социальных явлениях и принимать адекватные управленческие решения. Опыт СССР и россий-

ской государственности показывает, что неэффективные и неверные решения в этнонациональной сфере не просто оборачиваются политическими издержками, а приводят к социальным потрясениям. Цена им, как оказывается, не только потерянные десятки и сотни миллиардов рублей, огромные материальные разрушения, но и человеческие жизни. Предлагаемый учебник есть ответ на вызовы времени и попытка системно проанализировать важнейшие проблемы этнополитики.

Глава 1

Предмет, объект и методы ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ

Предмет этнополитологии

Предмет этнополитологии вытекает из самого названия этой научной дисциплины. Очевидно, что дисциплина имеет непосредственную связь с этнологией и политологией, является пограничной наукой, заимствующей методы анализа как политических наук, так и этнологии. Ее предмет и объект представляют собой специфическую сферу, где пересекаются политика и этничность.

Если политика — это участие в делах государства, определение форм, задач, типов, видов, направлений политической деятельности, способы и методы, технология, механизмы ее осуществления, то **этнополитика — это проявление этнического фактора в политике, участие этнических групп в делах государства и в свою очередь роль политики и государства в делах этнических сообществ, управление многоэтническими государствами, обеспечение межэтнического согласия и преодоление этнополитических конфликтов.**

Этнополитология есть та предметная область этнологии (и политологии), которая связана с изучением государственной политики в сфере обеспечения как *личных прав* представителей этнических сообществ, так и коллективных *интересов* этнических групп, составляющих население страны. Этнополитология также связана с изучением роли этничности в политических процессах на региональном, федеральном и международном уровнях, что выражается в мотивированных этническим фактором воззрениях и действиях граждан, в деятельности этнонациональных общественных организаций и движений, политических групп и отдельных политиков, некоторых международных структур и информационно-сетевых сообществ.

В самом общем плане **предметом этнополитологии является этничность в политике и политические функции**

этничности. В более конкретном плане предметом этнополитологии являются источники, побудительные мотивы и закономерности формирования этнонациональной политики, модели и механизмы ее реализации, идеология и практика этнополитических движений и организаций, этнополитические ориентации населения и формы их выражения.

Некоторые авторы дают расширительное определение предмета этнополитологии, тем самым неоправданно вторгаясь в сферы политической философии, теории государства и права, международных отношений, собственно этнологии (этнографии) и социальной (культурной) антропологии. К такому можно отнести, например, следующее определение: «Под предметом и проблематикой этнополитологии понимаются место и роль этнонациональных сообществ (этносов, наций, этнических групп) в истории человечества и политической жизни общества, их взаимодействие между собой, с государством и его органами, закономерности этнополитических процессов, начала и принципы этнонациональной политики, политические устремления народов и приобретение тех или иных форм национальной государственности, политического и правового статуса, пути и методы урегулирования этнополитических конфликтов и обеспечения этнополитической стабильности в отдельном государстве и в мире в целом»¹.

Неприемлемой является попытка придать этнополитическим реалиям характер уникальных явлений и на этой основе заявлять о необходимости своего рода этнических версий этнополитологии. Это нашло выражение в предлагаемой Е.С. Троицким «Русской этнополитологии»: «Для России нужна не только этнополитология вообще, но и в особенности русская этнополитология как своего рода пограничная наука, изучающая российскую политическую действительность и вместе с тем неразрывно связанный с последней русский вопрос, включающий целый комплекс нерешенных наболевших проблем нашей нации»².

Во многих учебниках, словарях, пособиях и монографических работах по данной дисциплине, на наш взгляд, устарев-

ший подход к самому феномену этничности, сводящий основанное на этнической идентичности многообразие культурных проявлений и коллективных действий к якобы фундаментальной форме человеческого коллектива под названием «этнос» и его высшей стадии — нации¹. Этим подходом руководствуются расизм и шовинизм разного толка и этнические сепаратисты, отвергающие общее государство и культурную сложность его населения. На наш взгляд, феномен этничности — это прежде всего форма идентичности человека и культурная традиция, на основе которых существуют в различных конфигурациях и взаимосвязях человеческие коалиции (или группы), называемые этническими общностями (народами, национальностями или этнонациями).

Потребность в системном изложении этнополитологических знаний, в освещении проблем этнополитики стало остро ощущаться в конце XX в. Это привело к учреждению серии периодических изданий, посвященных проблемам этнополитики и национализма. В их числе следует назвать североамериканские журналы «Nationalities Papers» (с 1977), «Canadian Review of Studies in Nationalism» (1973) и международный журнал «Ethnic and Racial Studies» (1978), европейские научные журналы «Nations & Nationalism» (1995), «Nationalism & Ethnic Politics» (1995), «National Identities» (1995), «Journal on Ethnopolitics and Minorities Issues in Europe» (2001), «Global Review of Ethnopolitics» (2003), «Вестник российской нации» (2008). Проблемы этнополитики регулярно рассматриваются в политологических, социологических, исторических, географических журналах, в изданиях, посвященных международным отношениям и регионалистике.

Неменьший интерес проблематика этнополитики вызывает и в России. Необходимость обобщения опыта решения этнополитических проблем, особенно актуализация проблемы этнологического и этнополитического просвещения, привела к тому, что отечественные исследователи еще в 1990-е гг. предложили различные варианты курса «Этнополитология». Одним из пионеров внедрения этнополитологии в учебный процесс

¹ Тавадов Г.Т. Этнология. М., 2002. С. 25.

² Троицкий Е.С. Русская этнополитология. Т. 1. М., 2001. С. 17.

¹ См., например, псевдофилософскую трактовку темы в книге: Рыбаков С.Е. Философия этноса. М., 2001.

был Санкт-Петербургский государственный университет, где в 1995 г. на кафедре культурной антропологии и этнической социологии в рамках курса социальной антропологии в качестве спецкурса начала преподаваться политическая антропология, объект и предметная область которой были близки к предмету этнополитологии.

Исторические корни современной этнополитологии, как и многих других общественных дисциплин, усматриваются еще в Античности. Попытки использовать знания о других народах в целях практической политики имели место в Древнем Риме и Византии, но особенно широко эти знания стали применяться в колониальной практике европейских государств в Новое и Новейшее время. Классики социальной антропологии К. Леви-Строс, Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун, Э. Эванс-Притчард отмечали необходимость изучения механизмов управления в туземных обществах, познания традиционных политических систем, сформировавшихся в колониальных странах до прихода туда европейцев. Д. и Дж. Джерри в «Большом толковом социологическом словаре» отмечали, что «политическая антропология (political anthropology) — часть социальной антропологии, изучающая *политический процесс* и политические учреждения в *простых обществах*». Эти общества называют еще сегментированными и безгосударственными. Несомненно, что такие общества требуют изучения, и оно должно составлять особую область научного знания в силу специфичности объекта изучения. Несомненно, что усвоение знания о простых обществах должно стать частью учебного процесса на специализированных кафедрах университетов, и можно приветствовать не только появление в учебных программах соответствующих дисциплин, но и появление в России учебников, раскрывающих сущность политической антропологии. При этом меняется и сама политическая антропология. Прежде она обращала внимание главным образом на ранние формы политических институтов, классическим образцом такого рода исследований служит изданный в 1940 г. труд М. Фортеса и Э. Эванс-Притчарда «Африканские политические системы». Правда, авторы названного труда вообще не дали определения понятия «политика», но их анализ политических систем заслуживает пристального внимания.

В 1966 г. под редакцией М. Шварца, В. Тернера и А. Таддена был издан коллективный труд «Политическая антропология», где сделана попытка определить понятия «политический процесс» и «политика», введены такие категории, как «конфликт», «борьба», «политическая арена» («политический процесс», «динамика», «интерес»). Впервые антропологи стали отходить от статичного видения политической системы или культуры и обращать внимание на то, как различные группы и партии оперируют и даже манипулируют различного рода мифическими верованиями и символами для достижения своих интересов. Политически значимые верования, ритуалы и символы стали рассматриваться не только как культурные основания политических действий, но и как явления повседневной социальной жизни, а также исследоваться в контексте конструирования новых групп и коалиций и их новых взаимоотношений.

Современные антропологи, работая в сложных обществах, где этнические и религиозные различия, экономическое неравенство, политическая и правовая неоднородность сосуществовали в границах изучаемых сообществ обратили внимание на политическое поле как на культурный процесс и культурное действие и отказались от восприятия политической антропологии как науки о «древних» и «вечных» политических системах, в основе которых лежит мифологизированное восприятие отношений властвования. Появились глубокие разработки ключевых элементов политического процесса, например, таких, как принуждение и его разновидности — сила, поддержка и легитимность, политический статус, официальность, принятие решения, составляющие власти, принуждение и влияние, мобилизация, конфликты и их разрешение.

Подлинное переосмысление политической антропологии произошло в 1990-е гг. в значительной мере благодаря усилиям европейских социальных антропологов, координирующих свои исследования в рамках созданной в 1990 г. Европейской ассоциации социальных антропологов (European Association of Social Anthropologists) — ЕАСА. Одним из заметных событий стала публикация в 1997 г. под редакцией британских ученых Криса Шора и Сюзан Райт книги «Антропология политики», основанной на материалах сессии «Политика, мораль и искусство управления» в рамках очередного съезда ЕАСА в г. Осло в

1994 г. В этом же ключе написана переведенная с французского на русский язык книга Жоржа Баландье «Политическая антропология».

Сегодня понимание того, что культурные модели, стереотипы, образы и интерпретации могут иметь политическое значение, стало вполне определенным. При этом современные отношения внутри политических элит порой описываются с помощью антропологических терминов «племя», «ритуал», «реципрокальный обмен» и т.п. Примером такого рода работ является известное исследование политической сферы США «Племена на Холме» (Weatherford, 1981). Ее автор, профессиональный антрополог, будучи помощником сенатора Дж. Глена, провел исследование повседневной жизни Конгресса США методом включенного наблюдения и сделал довольно критичный «коллективный портрет» американских конгрессменов.

Что означает на практике тщательный анализ культуры в целях политического управления, можно проследить на примере упущенных возможностей мирного урегулирования политических конфликтов. Наиболее яркий пример подобного рода приводится профессором Иллинойского университета Гарри Триандисом. 9 января 1991 г. тогдашний министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз и госсекретарь США Джеймс Бейкер встретились в Женеве с целью попытаться достичь компромисса и избежать войны. В паре с Азизом в переговорах участвовал родной брат иракского президента Саддама Хусейна. Последний постоянно связывался с Багдадом и сообщал Хусейну о ходе переговоров. Бейкер же средствами связи не пользовался и сосредоточился только на изложении позиции своей страны, однозначно указав иракской стороне, что США атакуют Ирак, если он не выведет свои войска из Кувейта (который был оккупирован Ираком незадолго до того). Однако иракцы не обратили внимания на содержание заявлений Бейкера, но внимательно следили за тем, как он говорил. После встречи брат Хусейна сообщил в Багдад, что американцы нападать на Ирак не будут. Через шесть дней началась американская операция «Буря в пустыне».

«Если бы Бейкер, — пишет Триандис, — учел культурные особенности общения и взаимодействия, типичные для иракцев, использовал бы для выражения своих мыслей более жесткие выражения (например, “Мы сделаем из вас отбивную”), стук-

нул бы кулаком по столу и сделал свирепую гримасу. Если бы он действительно хотел произвести нужное впечатление, он мог бы раздраженно бросить телефонную книгу в сторону Азиза!

Большинство “вестернизированных” арабов не считают, что такие формы поведения необходимы... Они стремятся вести себя в соответствии с западными нормами и образцами и могут испытывать затруднения с интерпретацией традиционных образцов поведения представителей собственной культуры. Хусейн и его брат, в отличие от многих арабов, знакомых с западной культурой, знали о ней не так много и, вполне вероятно, “неправильно” интерпретировали содержание речи Бейкера во время переговоров. Также и Бейкер, скорее всего, недостаточно эффектно выразил степень решимости намерений США. Возможность мирного разрешения проблемы была упущена, поскольку ни одна из сторон не учла в достаточной степени кросс-культурные особенности диалога»¹.

В итоге началась «война в заливе», следствие которой — десятки тысяч жертв с иракской стороны, огромный материальный урон иракской экономике и появление новых оснований для роста антиамериканизма в арабском мире, являющегося стимулом для усиления политического ислама и активизации радикальных сил. Впрочем, американцам удалось извлечь некоторые уроки из своих действий в Ираке, и определенная стабилизация в этой стране была достигнута благодаря тому, что генерал Дэвид Петреус стал активно работать с иракскими племенами и использовал ресурс традиционной организации иракского общества для решения текущих проблем американских военных.

Тем не менее не следует смешивать политическую антропологию и этнополитологию. В своем учебнике Н.Н. Крадин определяет политическую антропологию как «антропологическую дисциплину, изучающую народы мира с целью выявления особенностей политической организации в исторической динамике»². В отличие от политической антропологии этнополитология в первую очередь анализирует роль этнического фактора в политике и характер взаимодействия государственных институтов и

¹ Триандис Г. Культура и социальное поведение. М., 2007. С. 52.

² Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2004. С. 14.

этнических сообществ. Этнополитология также проводит разграничительную линию с достаточно самостоятельной сферой изучения урегулирования международных конфликтов, в которых, как правило, участвуют государства или их отдельные регионы, а этнокультурный фактор не является определяющим. По этому направлению имеются отдельные учебные пособия, рассчитанные на студентов-международников¹.

Развитие этнополитологии как науки

Утверждение этнополитологии в качестве самостоятельной дисциплины является следствием «этнического парадокса современности», ибо актуализация этнического фактора в политической жизни многих государств и мирового сообщества в целом не только вызвала особое внимания исследователей к изучению конкретных этнополитических ситуаций, но и потребовала более широких научных обобщений, построения теоретических моделей этнополитических процессов, механизмов их регулирования.

Предтечей этнополитологии можно считать довольно противоречивую дисциплину геополитику, которая пытается в своем предмете объединить политику, географическое пространство и населенные разными народами территории. Географическое пространство объединялось с политикой еще в работе немецкого географа Ф. Ратцеля «Политическая география», опубликованной в 1897 г. Классик немецкой геополитической мысли К. Хаусхофер (1869–1946) рассмотрел вопросы о связи земли и народа, о трудностях фиксации расовых и племенных границ, о том, что государственные границы не совпадают с этническими территориями. Тем не менее в рамках геополитики серьезное внимание изучению роли этничности в политической жизни стран и регионов не уделялось. Политические проекции этничности не были предметом изучения и в отечественной этнографии. Они игнорировались в политических науках. Положение дел в мировом общественном сознании стало меняться только в 1970-х гг., когда выяснилась несостоятельность ряда фундаментальных концептов западной антропологической мысли, когда

¹ См., напр.: Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Уч. пособие. М., 1999.

стало очевидно, что этничность не «затухает», а проявляет себя активно, в том числе в сфере политики.

У истоков формирования актуального представления об этническом возрождении, механизмах включения этнических и расовых сообществ в политическую жизнь стояли американцы Н. Глейзер и Д. Мойнихен, указавшие, что концепция «плавильного тигля нации» более не отражает реалии современного американского общества и необходимо новое видение феномена этничности в социальных и политических процессах. К проблеме изучения соотношения этничности и политики с 1970-х гг. обратились не только этнологи, но и социологи, психологи, историки и сами политики. Одна из первых попыток дать систематизированное представление об этнополитике и изложить принципы этнополитологии была сделана американским ученым Дж. Родшильдом, который в 1981 г. опубликовал книгу «Этнополитика». В ней он доказывал, что этнонационалистические позиции и стратегии, соответствующим образом оформленные и обеспеченные ресурсом, гарантируют преимущество перед другими политическими позициями и стратегиями. Люди во всех всех столкновениях чаще всего встают на кровную сторону: права она или не права¹. История любой страны, в том числе и России, изобилует примерами такого рода этнополитической солидарности. Этнически мотивированная солидарность и ее политическая роль остаются одной из главных тем дисциплины и сегодня.

В работе Ротшильда была предложена типология полиэтничных государств, показана роль этнической статусности во внутривнутриполитической жизни страны, указано, что происходящие в обществе социально-демографические и другие перемены могут приводить к политизации этнических сообществ. В результате понятие этничности превратилось из сугубо культурологического в политическое, а на стыке этнологии и политологии сформировалась этнополитология. В 1980–1990-е гг. появились крупные труды российских авторов по проблемам государственного строительства в сложных по составу населения обществах, идентичности и самоопределения, национализма, конфликтов, миграции, истории этнополитики в России и в других странах мира (В.А. Авксентьев, Ю.В. Арутюнян,

¹ Rothchild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework. N. Y., 1981.

М.Н. Губогло, А.В. Дмитриев, Л.М. Дробижева, М.В. Горшков, А.Г. Здравомыслов, А.В. Малашенко, Э.А. Паин, В.Ю. Зорин, В.А. Михайлов, А.В. Миллер, С.В. Соколовский, В.В. Степанов, В.А. Шнирельман и др.). Одним из авторов данного пособия еще в 1990-е гг. были изданы книги и статьи, в которых впервые излагаются критические оценки старых понятийных категорий и теорий так называемой национальной политики и формируются понятия этнополитики и нациестроительства после распада СССР¹.

В последние 10–15 лет на русский язык были переведены фактически все основные зарубежные работы, которые по данному направлению считаются классическими или обрели популярность в последние годы (работы Б. Андерсона, Ф. Барта, Д. Горовица, Л. Гринфельда, У. Коннора, Д. Лейтина, Д. Комароффа, К. Вердери, М. Белзера, М. Олкотта, А. Ливена, Д. Ливена, Ч. Тилли, П. Колсто, Э. Смита, Ю. Хабермаса, Э. Каррера Данкосса, Г. Симона, А. Каппеллера и др.). В них достаточно явно представлены мировые подходы к трактовке этнического как партикулярно-группового и национального как гражданско-политического феномена.

С 2008 г. в России стал выходить общественно-политический и научный журнал «Вестник российской нации» как орган Общероссийского союза общественных объединений «Российская нация». На его страницах освещаются различные аспекты существования и развития многоэтнического российского народа как гражданской нации, а также пути утверждения в России национального самосознания и патриотизма при сохранении и поддержке этнонационального и религиозного разнообразия. На всероссийских съездах этнографов и антропологов этнополитическая тематика заняла ведущее положение. Этнополитика как тема и как дисциплинарная сфера представлена в программах российских и международных конгрессов не только этнологов и антропологов, но и философов, историков, социологов, политологов. По примеру международных организаций, в России существует ассоциация конфликтологов, которая также проводит регулярные конгрессы.

¹ См.: Тишков В.А. Очерки политики этничности в России. М., 1997; Он же. Этнология и политика: Научная публицистика. М., 2001; Он же. Политическая антропология. Нью-Йорк, 1996.

Методы этнополитологии

Потребность в понимании явлений и событий в сфере этнонациональных отношений, целей намеренной политизации этничности требуют теоретического осмысления роли этнической составляющей в общественной жизни, форм и способов влияния политики на этнические процессы. Поскольку этнополитология только начинает формироваться, ее теоретические построения обретают форму законченных концепций по мере накопления практических данных.

Методы этнополитологии существенно не отличаются от методов других общественных наук, и их можно разделить на общенаучные и специальные. Из общенаучных методов наибольшее значение для этнополитологии имеет *социологический*, который предполагает выявление зависимостей в функционировании общественных институтов, в социальном поведении людей, а в этнополитологических исследованиях это метод изучения воздействия социальных факторов на решение этнонациональных проблем и на сферу политической активности этнических групп. Социологический метод предполагает системное изучение явлений общественной жизни, т.е. рассмотрение их через призму всей совокупности связей и отношений, через выявление стабилизирующих и дестабилизирующих условий социальной среды.

Помимо общесоциологического подхода к изучению этнополитических процессов и явлений, на вооружении этнополитологии находятся конкретные социологические приемы и методы исследований. В числе этих методов и приемов следует назвать опросы, анкетирование, интервьюирование, статистический анализ. В результате их использования ученый получает массовый формализованный материал, который поддается обработке и позволяет выявить зависимости одних явлений от других, определить тенденции развития социальных процессов, сделать прогнозы.

К числу эффективных социологических методов изучения этнополитических проблем относятся и *мониторинговые исследования*. Мониторинг — это сбор различных данных о состоянии среды (природной и социальной) по формализованным показателям на какой-либо определенной территории. В случае с этнополитологией речь идет о сборе данных, характеризующих

ющих состояние межэтнических отношений, политическую активность этнополитических организаций, деятельность органов власти в области этнонациональной политики и т.д. Системный анализ всех этих показателей позволяет выявлять и отслеживать проблемные ситуации еще на стадии их зарождения, а в случае открытого конфликта — не допустить его эскалации и разработать стратегию его трансформации и разрешения. Примером эффективного использования данного метода является Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), созданная Институтом этнологии и антропологии РАН в 1994 г. Эта сеть есть не что иное, как сообщество ведущих экспертов, которые собирают и анализируют сведения об этнополитической ситуации в большинстве субъектов Российской Федерации и ряде стран СНГ. Сеть издает кварталный бюллетень (для Поволжского федерального округа — два выпуска в месяц), публикует оценку степени конфликтности и напряженности в различных регионах России, издает ежегодные доклады с анализом актуальных проблем и этнополитической ситуации.

Таким образом, в задачи экспертов сети входит:

1. Сбор и систематизация информации об этнополитических процессах, подготовка аналитических статей и выработка рекомендаций по ослаблению напряженности в том или ином регионе;
2. Анализ конфликтных ситуаций и позиций различных сторон конфликтов, определение путей и механизмов их разрешения;
3. Мониторинг показателей этнополитического фона в российских регионах и странах СНГ и Балтии, прогнозирование тенденций этнополитического развития;
4. Обобщение мирового опыта межэтнического сотрудничества и разрешения конфликтов.

Сходные задачи решают некоторые другие экспертные сообщества и группы: в странах Западной Африки более десяти лет действует общественная организация WANEP (West Africa Network for Peacebuilding) — сетевая организация, выпускающая кварталные обзоры состояния конфликтов и ежемесячный бюллетень «Этнический конфликт», проводящая тренинг-семинары и осуществляющая другую миротворческую

деятельность. Из западных организаций наиболее давними и авторитетными являются организации «Международная тревога» (International Alert) со штаб-квартирой в Лондоне и «Группа по урегулированию конфликтов» (Conflict Management Group), ассоциированную с Гарвардским университетом в США. В Гааге находится штаб-квартира сетевой организации «Европейская платформа по предотвращению конфликтов» (European Platform for Conflict Prevention), которая объединяет на свободной основе около 150 европейских организаций и групп, действующих в данной области. Там же, в Гааге, расположился секретариат созданного в 2005 г. сетевого сообщества под названием «Глобальное партнерство по предотвращению вооруженных конфликтов» (Global Partnership for the Prevention of Armed Conflict).

Существуют многочисленные национальные и международные исследовательские организации в области изучения, предотвращения и разрешения этнополитических конфликтов. Одной из активно работающих в странах Азии (особенно в Шри-Ланке) является германская общественная организация (частный фонд) Бергхофский центр по конструктивному разрешению конфликтов (Berghof Research Center for Constructive Conflict Management). Эта организация подготовила и издала настольную книгу-пособие практической направленности о методах и подходах разрешения этнополитических конфликтов¹. Примером сетевого политического мониторинга, в том числе и внутренних вооруженных конфликтов, является деятельность Международной кризисной группы (International Crisis Group), которая имеет более сотни сотрудников в разных странах мира, но общий контроль и направленность оценок задаются представителями США. Материалы своих докладов и оценок-предупреждений организация публикует в Интернете и в издании «Crisis Watch».

Помимо мониторинга глобального и регионального характера, существуют локальные сети по предупреждению конфликтов, как, например, Международный исследовательский институт конфликтов (International Conflict Research Institute —

¹ Этнополитический конфликт: пути трансформации: Настольная книга Бергхофского центра / Ред. русского издания В. Тишков, М. Устинова. М., 2007.

INCORE) при Ольстерском университете в Северной Ирландии. Очевидно, что многочисленные очаги этнополитической напряженности в мире, наличие ряда непризнанных государственных образований, рост терроризма обуславливают потребность в постоянном развитии и совершенствовании деятельности служб по раннему предупреждению конфликтов и мониторинговых систем. **Мониторинг — это метод, предусматривающий систематический и долговременный анализ ситуации в сфере межэтнических отношений, а значит, и создание исследовательских структур, обеспечение деятельности которых требует определенных финансовых затрат и организационных усилий.**

Менее затратным, но не менее востребованным является метод *этнологической экспертизы*. Этот метод связан с решением нескольких прикладных задач, в числе которых значатся «рецензирование проектов нормативных правовых документов (законов, постановлений, концепций, федеральных, региональных и местных программ, подзаконных актов)... оценка мероприятий по сохранению и восстановлению аборигенной культуры, подвергшейся натиску “цивилизации”, анализ социально-культурных последствий внедрения промышленных и строительных проектов... анализ документов судебных расследований, выработка рекомендаций по предупреждению и урегулированию общественных конфликтов...»¹.

Важным дополнением к профессиональным исследовательским, экспертизам и мониторинговым сетям служит система информационных центров, которая создана при поддержке международных организаций и ведет сбор информации о положении национальных меньшинств и аборигенных малочисленных народов. Наиболее известной является Международная рабочая группа по делам аборигенных народов (International Working Group for Indigenous Affairs — IWGIA), которая уже несколько десятилетий ведет по всему миру мониторинг положения аборигенных народов и выступает в их защиту в случае дискриминации и угрозы их существованию. Группа издает тематические и проблемные доклады, а также ежегодный обзор

¹ Степанов В.В. Принципы, объекты и терминология этнологической экспертизы // Расы и народы. Вып. 34. М., 2009. С. 144.

положения аборигенных народов в мире. Длительное время в центре внимания этой деятельности были народы аборигенного происхождения в странах, возникших на основе колонизации (страны Америки, Австралия и Новая Зеландия). Но затем в понятие аборигенных народов были включены все малочисленные аборигенные группы населения, которые проживают во многих странах мира и в силу природных, исторических и социально-культурных условий пребывают в уязвимом положении и нуждаются в дополнительной, в том числе международной, протекции.

В России в эту группу народов попадают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (более 40 этнических сообществ), которые с момента первого съезда народов Севера в 1989 г. начали активную общественно-политическую деятельность по защите своих интересов. В 1990 г. была создана Российская ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНСС и ДВ), которая входит в международную общественную организацию Международная циркумполярная конференция (International Circumpolar Conference — ICC), а также имеет членство в межправительственной организации северных стран — Международный арктический совет. Ее информационные центры осуществляют свою деятельность при поддержке активистов этнополитических организаций коренных малочисленных народов и главным образом сообщают на своих информационных сайтах о фактах нарушений прав этих народов, чаще всего о посягательствах различных компаний и предпринимателей на их родовые угодья. В какой-то мере ту же задачу этнополитического мониторинга применительно к коренным народам США, Канады, Гренландии, Норвегии, Швеции, Финляндии и России решает в своей деятельности и Международная рабочая группа по делам коренного населения.

Следующим методом, который находит применение в этнополитологии, является сравнительный или *компаративистский метод* исследований. Его суть заключается в сопоставлении двух или более объектов изучения, анализируемых по сходным параметрам. Сравнительное исследование имеет строгую логическую последовательность. На первом этапе происходит отбор и

описание изучаемых фактов или явлений, на последующем — выявление и описание тождества и различий, обнаруженных в данных фактах или явлениях, далее следует анализ связей между составляющими этнополитических процессов и явлений с другими социальными реалиями и формулирование гипотез и, наконец, проверка гипотез, подтверждение их достоверности.

Сравнительный этнополитический анализ необходим в тех случаях, когда речь идет о странах с полиэтничным составом населения, неоднородных в этническом, религиозном и расовом отношениях. Здесь в определении прав представителей этнических сообществ необходимо использовать общедемократический подход и вместе с тем учитывать специфическую ситуацию, складывающуюся на территории проживания отдельных народов и этнических групп, особенно это касается этнических меньшинств и таких самобытных сообществ, как коренные малочисленные народы Севера. Сопоставление различных политических практик и инструментов политической защиты интересов этнических, конфессиональных или расовых меньшинств в разное время и в разных странах позволяет выработать общую модель государственной политики в сфере отношений с миноритарными сообществами (сообществами меньшинств), которая учитывала бы как интересы большинства, так и интересы меньшинства населения. Речь идет прежде всего о поиске баланса этих интересов, допустимого в данной конкретной стране и в данное время и не нарушающего общенациональной стабильности.

Как в политологии, так и в этнополитологии весьма значимым является *психологический* метод. Более того, в этнополитологии данный метод оказывается существенно значимее, поскольку этническое самосознание признается на сегодня этнологами, пожалуй, главным этнодифференцирующим фактором, ибо во многих случаях особенности быта, хозяйства и ряд других факторов утратили свою прежде значительную роль отличительных признаков этнической группы или сообщества. Особенно это касается государств и регионов промышленно развитого мира. Психологический метод нацелен на изучение субъективных механизмов политического поведения, специфики восприятия политических лидеров, политических инсти-

тутов и политических действий этническими сообществами, а также типичных механизмов психологических мотиваций. Особую роль в этой связи играет изучение этнических стереотипов поведения, этнических установок на электоральное поведение, на принятие или отторжение политических и других решений.

Функции этнополитологии

Любая наука имеет свои функции, которые определяют ее общественное значение. Как система научного знания этнополитология выполняет *гносеологическую (познавательную) функцию*, т.е. она призвана создавать целостную систему представлений об определенной области общественного бытия. Прежде всего, она призвана выявлять и оценивать, каким образом этничность оказывает влияние на политику и как политика воздействует на этнические процессы, какие объективные связи и закономерности ей присущи.

Этнополитология призвана не только изучать закономерности, тенденции и противоречия, свойственные политической сфере жизни общества и ее этнополитической составляющей, но и выполнять *функцию рационализации этнонациональной политики*, предлагая, в частности, меры по формированию «демократии согласия», при которой достигается баланс интересов доминантных этнических сообществ и миноритарных групп. Она предлагает и обосновывает пути создания и реформирования специальных политических институтов для регулирования межэтнических отношений и для решения местных проблем этнических сообществ и групп. Тем самым этнополитология помогает «встраивать» этническую составляющую в общие политические процессы, предварительно определив необходимость такого «встраивания».

Важной функцией, которая становится все более актуальной в демократических странах, является *функция политической социализации*, предусматривающая вовлечение этнических меньшинств в политическую жизнь, особенно тех, которые с помощью обычных демократических процедур не имеют возможности обеспечить политическое представительство своих сообществ в федеральных и региональных органах власти и в органах местного самоуправления. Этнополитология способ-

ствует формированию политической культуры населения, предлагая пути и средства формирования культуры этнической толерантности как части общей политической культуры. Она обеспечивает оптимальное соотношение между общегражданскими интересами и интересами локальных сообществ и групп, помогает выработать отношения к этнополитическим движениям и организациям.

Логически связанной с указанными функциями является *прогностическая функция этнополитологии*, которая имеет существенное значение в любой прикладной научной дисциплине. В прогностические задачи этнополитологии входит анализ развития межэтнических отношений в различных регионах страны в краткосрочной и долгосрочной перспективах, оценка деятельности органов государственной власти с точки зрения того, как те или иные меры скажутся на межэтнической напряженности в стране в целом и в проблемных регионах в частности. Значимую часть этнополитического прогнозирования составляют оценка степени влияния программных положений и политической тактики различных политических партий на общественные настроения отдельных этнонациональных групп и меньшинств, а также анализ степени воздействия на массовое сознание идеологии и политической практики этнонациональных организаций и неформальных (сетевых) сообществ.

Все функции этнополитологии, как и любой другой науки, связаны между собой. Выполнять свое социальное предназначение этнополитология может эффективно лишь тогда, когда в обществе и среди «потребителей» этнополитологических знаний будет сформировано должное понимание актуальности и значимости этих знаний для развития и эффективного функционирования государственных и общественных институтов. Такое понимание возможно тогда, когда этнополитология войдет в арсенал государственного регулирования в качестве инструмента экспертизы и компонента при принятии политических решений. Отсутствие же этнополитологического анализа и нежелание властной элиты считаться с его результатами может привести и приводит к огромным политическим, экономическим и человеческим утратам. Российская и советская политическая практика это ярко продемонстрировала на исходе XX столетия.

К примеру, очевидная межэтническая напряженность в Нагорном Карабахе задолго до стадии открытого конфликта была зафиксирована советскими этнологами, которые направляли в правительственные органы докладные записки о необходимости принятия превентивных мер, чтобы не допустить в этом регионе взрыва этнического насилия. Эти предупреждения не были услышаны. В результате в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в этом регионе Закавказья произошел открытый конфликт между азербайджанцами и армянами, карабахский узел противоречий до сих пор осложняет ситуацию на Кавказе. Накануне первой чеченской войны этнологи в своих публикациях предупреждали о возможности обострения ситуации на Северном Кавказе, но политическая элита России не прислушивалась к мнению профессионалов. В этой связи можно подчеркнуть, что точный этнополитический анализ и его умелое использование дают стране очевидную выгоду и помогают избежать потерь как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических; как социальных, так и экономических.

Обосновывая необходимость конструктивно-прикладного осмысления процессов этнокультурного развития народов и территорий и принятия мер по политическому регулированию этих процессов, нельзя ограничиваться только опытом России. Свидетельств того, что такое регулирование необходимо, много и в других странах. Причем такое регулирование должно иметь своим приоритетом интересы и запросы людей, преследовать цели обеспечения безопасности, стабильности и развития, а не удовлетворять узкую озабоченность бюрократии или амбиции этнических активистов. Весьма показательными в этой связи являются действия некоторых североамериканских индейских общин, в 1960–1970-е гг. запретивших социальным антропологам проводить исследования на своих территориях — резервациях. Основанием для этого стали обвинения в том, что, проводя многочисленные исследования на индейских территориях, антропологи ничего не делали, чтобы помочь индейским общинам. Такие же запреты на проведение исследований имели место в странах Латинской Америки и Африки.

С начала 1970-х гг. крупные общины и индейские организации стали сами финансировать проведение исследований, связанных с контролем за сохранением ресурсов, оптимизацией

хозяйственного развития территорий, анализом воздействия правительственных решений, касающихся аборигенных народов, проблемами сохранения традиций и развития образования и т.д. Саамы Скандинавских стран в 1973 г. создали свой научно-исследовательский институт — **Sami Instituhtta** (Институт северных саамов), который ставил своей целью создание условий для подготовки собственных экспертов по различным дисциплинам, необходимым для анализа саамских проблем. Иными словами, потребность в прикладных этносоциологических и этнополитологических исследованиях ощутили сами представители меньшинств.

Еще раньше эту потребность ощутили социальные антропологи. Классик социальной антропологии Клод Леви-Строс в своей работе «Первобытное мышление» писал: «Антропология должна изменить саму свою сущность, она должна признать, что из логических и моральных соображений почти невозможно продолжать рассматривать общества только как *объекты изучения*, которые кое-кто из ученых хотел бы сохранить. Теперь эти общества стали *коллективными субъектами* и требуют прав на нужные им перемены»¹.

Попытки развивать прикладное направление антропологических исследований учеными предпринимались неоднократно, а сегодня понимание того, что социальная антропология (и этнология) должна усилить свою общественную значимость, стало устойчивой тенденцией. Вот что по этому поводу заявил известный американский антрополог Джордж Маркус: «Среди тенденций развития антропологии в последнее время... обозначилась отчетливая тенденция движения к общественно значимой антропологии, которая была бы понятна публике, к антропологии, которая могла бы использовать богатый фонд накопленного исследовательского материала в целях продвижения нашего знания о настоящем, в целях лучшего понимания сложности культурно-исторических условий, в которых находится наше собственное общество и общества тех людей, которые живут рядом с нами»².

Прикладное направление в антропологических и этнографических исследованиях появилось давно. Оно было связано с колониальной экспансией мировых держав в XIX–XX вв. Поэтому неслучайно лидерами этого направления стали британские антропологи. Авторитетный британский антрополог Э. Тейлор называл антропологию «политической наукой» и полагал, что эффективное использование результатов антропологических исследований будет способствовать улучшению жизни человеческих сообществ. А впервые использовал антропологические данные в практике политического управления другой британец, Т. Норткот, который в 1908 г. обосновал метод косвенного управления британскими колониями. В 1906 г. предмет «прикладная антропология» был включен в учебную программу Оксфордского университета, но сам термин использовался еще в 1860-х гг. основателем Лондонского антропологического общества Дж. Хантом.

В XX в. прикладная антропология и этнология получили широкое развитие. Особо значимым это направление научной деятельности стало после Первой мировой войны. Так, одним из наиболее важных аргументов в пользу создания Института этнографии (ИЕ) во Франции в 1925 г. стал довод, что страна остро нуждается в понимании колонизированных ею народов. Неслучайно финансирование Института этнографии осуществлялось колониями, а для преподавания в нем приглашались опытные колониальные чиновники. В 1941 г. ученые США основали «Общество прикладной социологии», стали издавать журнал «Прикладная антропология», переименованный в 1949 г. в «Человеческую организацию».

Прикладные антропологи стремились минимизировать негативные последствия столкновения различных культур. Вместе с тем они нередко принимали участие в политически ангажированных исследовательских проектах, результаты которых использовались не столько для блага местных сообществ, сколько для удовлетворения конкретных политических интересов заказчика, а таковым часто выступала колониальная администрация. Деятельность антропологов стала ассоциироваться с колониализмом. С критикой прикладной антропологии выступали многие организации, в числе которых Международная рабочая группа по делам аборигенных народов, Культурное выживание,

¹ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1999. С. 35.

² Маркус Д. О социокультурной антропологии США, ее проблемах и перспективах // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 43–55.

Антропологический ресурсный центр и др. Эта критика заставила антропологов и этнологов строже подойти к содержанию своей исследовательской деятельности и выработать специальные правила научной работы. Так, в «Кодексе этики» Американской антропологической ассоциации, в частности, указывается: «Антропологи должны делать все от них зависящее для того, чтобы их исследование не нанесло вреда безопасности, достоинству или частной жизни людей, с которыми они работают, проводят исследование или в отношении которых осуществляют другие профессиональные действия».

Кроме того, антропологи и этнологи стремились преодолеть противоречия между академическими интересами и политикой, опытом научной деятельности и практическим использованием результатов исследований, интересами местных сообществ и позициями политических акторов. Стремление научного сообщества сделать науку действенным инструментом социальной и политической модернизации нашло выражение на XIII конгрессе Международного союза этнологических и антропологических наук, проходившем в 1983 г. в Мехико. Во время работы конгресса была создана комиссия «Антропология в политике и практике».

Изучение этнических сообществ и этнополитических проблем давно перестало быть сферой только научного интереса, и сегодня антропологическая (этнологическая) экспертиза стала частью политического менеджмента, не говоря о хозяйственно-промышленной деятельности. К примеру, в Канаде была принята программа этнических исследований, призванная содействовать достижению целей политики многокультурности. Однако среди зарубежных и отечественных ученых, занимающихся этнической проблематикой, нет единого мнения относительно того, насколько этнические исследования должны быть привязаны к политике и на каких сферах «пересечения» этничности и политики следует сосредоточить исследовательский интерес. Но актуальность «этнополитического дискурса» очевидна. Расширение исследовательского поля этнологии требует совершенствования методов исследований и выхода исследователей за рамки старых школ, чтобы видеть суть и масштабы этнополитических проблем.

Безусловно, для изучения этнических сообществ как политических субъектов, для анализа этнополитических процессов и подготовки качественных прогнозов необходимо развитие теории и практики этнополитологических исследований, ибо без этого наука не будет способна выполнять свои функции. В числе позитивных примеров, ориентированных на практику научных разработок, можно назвать многолетнюю серию (с 1990 г. вышло более 200 докладов) «Исследования по неотложной и прикладной этнологии» Института этнологии и антропологии РАН, а также независимые экспертные доклады по таким многоаспектным проблемам, как, например, обеспечение стабильности на Северном Кавказе или развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока¹. Самую позитивную оценку получила инициатива академических ученых подготовить своего рода пособие для российских политиков по истории и культуре народов Северного Кавказа².

Контрольные вопросы и задания

1. В чем состоит предмет этнополитологии?
2. Каковы методы этнополитологии как науки и как они соотносятся с методами этнологии и политологии?
3. В чем состоят функции этнополитологии как науки?
4. Каково прикладное значение этнополитологии?
5. Что такое этнологический мониторинг, какие организации и группы в области мониторинга и предотвращения конфликтов существуют в России и в мире?

Литература

1. Ачкасов В.А. Этнополитология: Учебник. СПб., 2005.
2. Ачкасов В.А., Бабиев С.А. «Мобилизованная этничность»: этническое изменение политической культуры современной России. СПб., 2000.
3. Баландье Ж. Политическая антропология. М., 2001.
4. Боришполец К.П. Методы политических исследований: Учеб. пособие. М., 2005.

¹ Пути мира на Северном Кавказе: Независимый экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1999; Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2004.

² Российский Кавказ: Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2007.

5. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
6. В поисках себя. Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях / Под ред. Е.А. Пивневой и Д.А. Функа. М., 2005.
7. Гузенкова Т.С., Пименов В.В., Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Этнополитологическое исследование: Уч.-метод. пособие. М., 2000.
8. Коробков А., Мукомель В. Опыт миграционной политики США: уроки для России. М., 2008.
9. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2004.
10. Кирдяшов В.Ф. Этнополитология: Уч. пособие. Саранск, 2003.
11. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005.
12. Мухаметишина Н.С. Этничность и политика: Уч. пособие. Самара, 2005.
13. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002.
14. Национальная политика России: история и современность. М., 1997.
15. Политическая антропология / Сост. Бочаров В.В. Хрестоматия: В 2 т. СПб., 2003.
16. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
17. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
18. Тишков В.А. Этнология и политика. 2-е доп. изд. М., 2004а.
19. Тишков В.А. Опыт этнологического мониторинга. М., 2004б.
20. Тишков В.А., Степанов В.В. Измерение конфликта: Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. М., 2004.
21. Тураев В.А. Этнополитология: Уч. пособие. М., 2004.
22. Фадеева М.А. Человек в этнополитике. Концепция этнонационального бытия. Екатеринбург, 2003.
23. Шабаев Ю.П. Этнополитология в России: наука без периферии // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007). М., 2008.
24. Шабаев Ю.П., Садохин А.П. Этнополитология: Уч. пособие. М., 2005.
25. Этнология — антропология — культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: Мат-лы междунар. науч. конф., 3–5 апр. 2008 г. М., 2009.
26. Этнополитический конфликт: пути трансформации: Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007.
27. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная антропология. Ростов н/Д, 2005.
28. A New Politics of Identity: Political Principles for Independent World / Ed. by Brikhu Parekh. Basingstoke, Hampshire, 2008.
29. Foster M. Applied Anthropology. California, 1969.
30. Rotshild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.-Y., 1981.
31. The Anthropology of Politics. A Reader in Ethnography, Theory, and Critique / Ed. by J. Vincent. Oxford, 2002.

Глава 2

Теории этничности и политика

Основным и даже единственным объектом изучения советской, а затем и российской этнологии (этнографии) долгое время объявлялись этносы или народы, т.е. сообщества, объединенные общностью культуры, языка и самосознания. Западная социально-культурная антропология (аналог российской этнологии) основное внимание уделяла изучению культур и основанных на них социальных структур. Поэтому в западной литературе почти не используется термин «этнос», а широко распространено понятие «этничность», которое рассматривается как культурная черта, отличающая одну группу от другой или как некое коллективное ощущение. К примеру, норвежский ученый Томас Эриксен отмечает, что «этничность есть аспект социального взаимодействия между агентами, считающими себя культурно отличными от членов других групп, с которыми они имеют хотя бы минимум регулярного взаимодействия... Когда культурные различия регулярно воспроизводятся во взаимодействии между членами групп, социальные взаимоотношения обретают этнический элемент»¹.

Сегодня большинство российских этнологов трактуют это понятие как комплекс чувств, обусловленных принадлежностью к культурной общности. Принципиальное значение имеет разница в теоретических подходах к анализу сущности этничности и этнической культуры. Здесь у исследователей нет единства, но многообразие подходов сводится к нескольким теоретическим моделям — примордиализму, функционализму, конструктивизму и инструментализму.

¹ Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism. Anthropological perspectives. L., 1999. P. 12.

Примордиализм как научное направление

Примордиализм (эссенциализм, субстанционализм) — это подход, согласно которому с самых древних и даже первобытных времен существуют коллективные общности под названием *этносы*, а этническая принадлежность человека является объективной данностью. В основе такого подхода к анализу социальных сообществ лежат идеи, высказанные еще в работах Герберта Спенсера. Социобиологи распространяют законы естественного отбора, сформулированные Ч. Дарвином, на человеческое общество и полагают, что каждый человек подчиняется инстинкту самосохранения и продолжения рода. Он природой «запрограммирован» на сохранение и распространение своих генов. Эволюционно его борьба за существование происходила в коллективе, и стремление быть частью коллектива заложено в природу человека. В коллективе, который формировался длительное время и сохранял при этом некую устойчивость, постепенно создается определенный генофонд, носители которого совместно борются с другими человеческими популяциями за собственное выживание и выживание своих генов, предпринимают усилия для поддержания биологического здоровья сообщества и его самовоспроизводства.

Наиболее последовательным сторонником данного подхода среди исследователей был американец Пьер ван дер Берге. Из отечественных исследователей этничности определеннее всех социобиологический подход был сформулирован в популярных у широкой публики, но далеко не безупречных в научном плане трудах Л.Н. Гумилева. Согласно его теории, «с точки зрения эволюции вида как целого этносы были всегда... Этнос — не следствие, а предпосылка социальной эволюции человечества»¹. Сторонниками этого подхода можно назвать ряд известных отечественных ученых (Ю.И. Семенов, В.И. Козлов, В.В. Пименов и др.), и многочисленных неофитов, которые берутся писать книги и даже учебники по «исторической этнологии», «этнопсихологии» или «философии этноса» (С.В. Лурье, С.Е. Рыбаков, А.И. Кравченко, В.Г. Крысько, Т.Г. Стефаненко и др.).

¹ Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению // Социологические исследования. 1992. № 1. С. 51.

Французский исследователь Марлен Ларюэль считает, что примордиалистская традиция имеет в России глубокие корни, но он также обращает внимание на то, что идеологические конструкции «новых правых» на Западе близки по содержанию к теории Гумилева и взглядам его последователей и приверженцев: «Эссенциалистское видение культуры теоретиками “новых правых” и биологизаторская концепция этноса Гумилева имеют немало общего: примат группы над индивидом; утверждение о том, что истинными действующими лицами истории являются национальные общности; отказ от западной политической системы, основанной на представительной демократии и либерализме; примордиалистское понимание народов; отказ от смещения во имя сохранения уникальной специфики каждой национальной группы»¹.

В чистом виде социобиологический подход в науке сегодня не популярен. Чаще всего имеют место приближенные к данному подходу трактовки природы этничности. Среди таковых, к примеру, можно назвать взгляды, изложенные в ранних работах американцев антрополога Клиффорда Гиртца и социолога Эдварда Шилза. Среди имен видных европейских представителей примордиализма можно назвать англичанина Энтони Смита. В его концепции этносы являются основой современных наций, и поэтому изучение последних не может обойтись без изучения этнической истории. Э. Смит выделяет два типа развития этносов — латеральный и вертикальный. Латеральные этносы развивались вширь в результате завоеваний, в процессе которых в обширных империях из представителей разных народов, а точнее, из их вождей, племенной верхушки, аристократии формировался элитный слой. Эта элита порывала с собственными сообществами, отказывалась от племенных обычаев и локальных традиций и создавала свою культурную среду, отличную от культурных традиций основной массы населения. В результате между элитой и народом было мало общего, их объединяла лишь фигура верховного правителя, типичная для подобных этносов. По существу, в таких имперских сообществах только

¹ Ларюэль М. Теория этноса Льва Гумилева и доктрины западных «новых правых» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 42.

элита и могла считаться протонацией. Примером подобных народов, по мнению Смита, являются турки-османы и русские.

Большинство этносов Западной Европы развивалось иначе — по вертикали. Они не могли осуществлять широкую территориальную экспансию вследствие сопротивления влиятельных соседей. Поэтому элиты европейских государств были ориентированы на связи внутри этноса, благодаря чему возникла общность элиты и народа. Таким образом, этническая культура становилась общей для всех социальных слоев, и тем самым возникали определенные этнические границы при взаимодействии с другими этносами, представители которых с трудом могли интегрироваться в такие сообщества. Вместо фигуры священного царя в массовом сознании главную роль играло представление о священной общности людей, ставшее основой для образования наций и укоренения демократических институтов.

Формирование национализма как идеологии начинается с «национализации» культуры. На первом этапе группа интеллектуалов открывает для широкой публики свою этническую культуру. В этой истории выбираются значимые символические элементы, которые ставятся на службу политическим целям. Затем интерпретированная идеологами национализма этническая история, которая может быть как реальной, так и выдуманной, преподносится широким слоям населения в качестве символа веры, политического ориентира.

Современные последователи примордиализма готовы согласиться с тем, что нация является социальным конструктом, творением элит. Для них важно подчеркнуть значение реальной культурной основы, которая служит регулятором процесса нациестроительства. В этом отношении примером является так называемая советская теория этноса, основные положения которой были изложены в трудах академика Ю.В. Бромлея. Приверженцы этой теории, которая, по сути, не имела законченной формы, признают естественную природу этнических сообществ, говорят о них как об «объективной реальности», как об «организме» (этносоциальный — у Бромлея, социально-исторический — «социор» — у Семенова), но сводят понимание природы этих социальных общностей к некоему набору признаков. Согласно Ю. Бромлею, этнос есть исторически сло-

жившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознающих свое единство и отличие от других подобных образований. Бромлей довольно искусственно выделял две формы существования этноса — этнос в широком смысле слова (ЭСО или этносоциальный организм) и этнос в узком смысле слова (*этникос* как все наличные носители определенной этничности).

Сегодня примордиализм в российском обществоведении утратил ведущие позиции, но он по-прежнему имеет немало сторонников среди этнологов, социологов, философов и политологов, которые заявляют об «объективной природе» этносов и рассматривают этническое сообщество как своего рода «коллективное тело». В этой связи японский исследователь Т. Уяма отмечает, что на Западе сдвиг от примордиализма к инструментализму/конструктивизму произошел после 1960-х гг., но «советская наука этногенеза была настолько хорошо организована и оформлена, что преодоление ее наследия до сих пор представляется проблематичным»¹. Особенно сильны примордиалистские мотивы в дискуссионных выступлениях ученых-обществоведов из российских республик, а идеология этнонациональных движений строится именно на примордиалистском субстрате. Природная обоснованность прав на отличительность, а отсюда и прав на ресурсы и власть есть наиболее убедительный аргумент, по мнению сторонников политизации этничности, в борьбе за культурные, социальные, политические и экономические права этнических общностей. Именно этнические активисты при поддержке последователей ортодоксальных подходов являются апологетами примордиалистского понимания природы этнических общностей. Именно они активно выступают против концепта гражданской полиэтничной нации, особенно если речь идет о России и о российском народе.

¹ Уяма Т. От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: Сб. статей / Под ред. К. Мацузато. Саппоро, 2003. С. 43.

Функционализм о природе этничности

Следующим подходом к анализу этничности необходимо назвать **функционализм**, основы которого были заложены еще трудами Огюста Конта и Герберта Спенсера. Функционалисты чаще всего рассматривают этничность как ограниченное во времени явление. Для сторонников функционализма значимо то, как функционирует культура, какие потребности людей она удовлетворяет, как осуществляется трансляция культурных норм и ценностей. Виднейшими представителями этого научного направления были британские ученые Б. Малиновский и А.Р. Рэдклифф-Браун, которые сформулировали основные положения функционализма. В трудах британских антропологов главным предметом анализа чаще всего выступает социальная структура изучаемых обществ в виде систем родства, родовых, общинных, племенных и классовых образований¹. Они полагали, что при исследовании общества необходимо описывать различные проявления культурной жизни в их целостности и взаимосвязи, абстрагируясь от происхождения и динамики культуры в целом. Культура, согласно концепции Малиновского, представляет собой совокупность взаимосвязанных институтов, призванных удовлетворять первичные биологические и вторичные, порожденные самой культурой потребности. Различия между культурами обусловлены способами удовлетворения базовых потребностей, которые не зависят от культуры. Эти способы он назвал «культурным стандартом жизни». Помимо базовых потребностей есть еще и производные потребности, формируемые самой культурной средой. Позднее из этого понятия базовых потребностей некоторые специалисты по этническим конфликтам сформулировали целую теорию, оправдывающую насилие и даже терроризм во имя достижения «национального самоопределения», и эта теория стала одним из постулатов конфликтологии (Дж. Бартон, А. Сандоле, Е.И. Степанов).

Основные положения концепции А. Рэдклифф-Брауна были изложены в трудах «Метод этнологии и социальной антропологии» и «Историческая и функциональная интерпретации

¹ См.: Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб., 2008.

культуры». Социальная антропология, согласно его концепции, формулирует и научно доказывает общие законы развития человеческого общества, формирования и функционирования культуры. Метод познания этих законов он называл первоначально генерализирующим, затем функциональным и сравнительно-социологическим. Развивая свои взгляды, Рэдклифф-Браун подчеркивал важность соединения метода «исторических изучений», присущего этнологии, с методом «социологических изучений», являющегося главным инструментом познания в социальной антропологии. В своих рассуждениях он, как и Малиновский, пользовался понятием «потребность», но не придавал ему инструментального значения. Такой подход привел к тому, что в своих исследованиях А. Рэдклифф-Браун сосредоточился в основном на политической организации различных культур, особенностях систем родства и их роли в социальных системах, на функциональном анализе структур первобытных форм верований.

Особого внимания заслуживает практическая направленность исследований приверженцев этой школы. Функционализм первым из всех направлений этнологии заявил о своем прикладном характере. Его последователи стремились создать социальную антропологию как прикладную науку, обеспечивающую решение актуальных политических задач прежде всего в английских колониях Африки и в Британской Индии. Первоочередная политическая задача состояла в организации управления на территориях с доминированием традиционных обществ. Не без влияния функционализма в английской колониальной политике была разработана концепция «косвенного» управления, решавшая задачи контроля территорий населявших их племен и народов с помощью традиционных институтов политической власти. Не чурались британские функционалисты и разработки номенклатуры племен, и определения территорий их управления, чем предвосхитили направление, получившее название конструктивизма. Функционализм был распространен в российской дореволюционной и в советской гуманитарной науке (Н.Я. Марр, В.Г. Богораз, В.И. Йохельсон, В.О. Долгих, Н.А. Бутинов, Л.Е. Куббель), а структурализм, позднее развитый французом Клодом Леви-Стросом, остается в арсенале российских этнологов по сей день, тем более что ин-

теллектуальные основы структурализма в значительной мере оформились и развивались в российской науке (Р.О. Якобсон, В.Я. Пропп, Ю.М. Лотман, Е.М. Мелетинский, С.А. Старостин, А.К. Байбурун и др.).

Конструктивизм в этнологии

В последние десятилетия широко используется в социальных науках **конструктивистский** подход и его разновидности. Стимулом для его формирования в самостоятельное научное направление стал выход в 1967 г. книги Питера Бергера и Томаса Лукмана «Социальное конструирование реальности». Основная идея данного труда состоит в том, что общество как объективная реальность одновременно является и продуктом деятельности людей и в этом смысле оно есть социальный конструкт. Авторы, оценивая социальную реальность с позиций социологии знания, указывали: «Люди вместе создают человеческую окружающую среду во всей совокупности ее социо-культурных и психологических образований, ни одно из которых нельзя понять в качестве продуктов биологической конструкции человека, которая... устанавливает лишь внешние пределы производительной деятельности человека»¹.

Конец 1960-х гг. на Западе стал эпохой социальных потрясений. В это время происходило становление многих молодых независимых государств, формирование новых межгосударственных объединений, новых территориальных сообществ. Происходила повсеместная переоценка ценностей, которая коснулась и академической среды. Структурно-функционалистский подход был подвергнут критике и стал рассматриваться многими исследователями нового поколения как средство оправдания устоявшегося общественного порядка. Так появились стимул и условия для смены приоритетных направлений в обществоведении.

Изначально конструктивистский подход получил наибольшее распространение в США и в других иммигрантских странах. Популярность конструктивистского подхода в этих странах объясняется отсутствием в них давней укорененности

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 86.

этнических групп (за исключением аборигенного населения), в отличие от полиэтничных государств, сложившихся на основе объединения в государственных образованиях носителей автохтонных культур. Согласно конструктивистскому подходу, порождаемое на основе дифференциации культур этническое чувство и формируемые в его контексте представления и доктрины являются интеллектуальным конструктом, сознательно создаваемым писателями, учеными, политиками. Этот подход уделяет особое внимание роли сознания и языка как ключевого символа, вокруг которого формируется понимание этнической отличительности.

Теоретическое обоснование конструктивистский подход получил в трудах американского культурного антрополога Джона Комароффа и многих других ученых. Однако наиболее распространенное в мировой науке понимание этничности связывают с именем норвежского этнолога Фредерика Барта, определившего этничность как категорию социальной идентичности, как ситуативный феномен, создаваемый средствами символического различения. Барт полагает, что «этническая граница направляет социальную жизнь», т.е. этнические границы выделяются в качестве важнейшего критерия формирования основы групповой отличительности.

Сторонники конструктивизма широко и специфическим образом иллюстрируют образование традиций, в частности приводят в качестве примера знаменитую шотландскую мужскую юбку (килт), которая была придумана англичанином и благодаря деятельности любителей гэльской культуры стала ассоциироваться с гэльскими кланами. Для конструктивизма этничность — вопрос сознания, членство в этнической группе зависит от того, как индивид представляет себе эту группу. Поэтому для определения этничности решающее значение имеет не «культура этноса» вообще, а те ее характеристики, которые в данный момент подчеркивают различия и групповые границы.

Этнос в конструктивизме — это общность людей, формирующаяся на основе культурной самоидентификации (самоопределения) по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях. Эта концепция этничности отличается от других не добавлением в определения понятий этноса новых признаков, а введением в любой подобный

перечень элемента «представления об этих признаках». **Этничность в таком понимании — это процесс социального конструирования воображаемых общностей, основанный на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями, единым типом культуры и идеей или мифом об общности происхождения и общей истории.**

Примером конструктивистского подхода к анализу этнонациональных проблем, процесса нациестроительства является книга Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества». В его понимании нация — это как раз и есть воображаемое сообщество, которое конструируется сознательно и с использованием совершенно определенных механизмов. Андерсон опровергает широко укоренившееся представление о том, что нация стала фактом общественной жизни лишь в результате Великой французской революции. Известно, что солдаты республиканской армии шли в атаку с возгласами: «Да здравствует нация!» Известно также, что именно деятели французской революции ввели в оборот термин «национализм». Но сам национализм, как полагает Андерсон, появился впервые не в Европе, а в Латинской Америке во время борьбы испанских колоний за независимость. Этот свой вывод он делает, исходя из того, что население 18-ти латиноамериканских стран разговаривает на одном языке, но при этом население каждой отдельной страны эмоционально поддержало обретение независимости именно в рамках своих административных границ, а не всего сообщества испанских колоний в Америке. Он подчеркивает тот факт, что латиноамериканские национализмы зародились среди креольских элит, состоявших из потомков от смешанных браков первых колонизаторов — переселенцев из Испании и Португалии с представителями местного индейского населения. Эти элиты, основу которых составляли латифундисты, стремились выйти из-под имперского контроля Испании и обрести статус полноценного правящего слоя, поскольку возможности для их вертикальной мобильности в метрополии были крайне ограничены. Их лозунгом стала национальная независимость без социальной революции. Тяжелое положение метрополии в конце XVIII — начале XIX в. помогло испанским колониям в Америке добиться успеха в борьбе за независимость. Разделению колоний на самостоятельные государства способствовали

естественные географические барьеры, административные границы, установленные еще колониальной администрацией. Некоторая искусственность этих границ была легитимизирована созданием национальных идеологий, в чем главную роль сыграла элита. Именно роль элиты в формировании идеологий и в процессе нациестроительства особенно подчеркивается Андерсоном. Пример латиноамериканских стран был использован для насаждения официального национализма «сверху» и в ряде европейских стран, а также в Японии, Индонезии и в странах Африки.

В России идеи конструктивизма стали предметом жарких научных дискуссий в начале 1990-х гг., когда ряд отечественных исследователей заявили, что этносы, как и формации, есть умственные конструкции, своего рода «идеальный тип», применяемый для систематизации конкретного материала историками, социологами, этнологами. Было отмечено, что понятие «этнос» — укоренившееся к тому времени в отечественной этнологии, предполагало существование гомогенных, функциональных и статичных характеристик, которые отличают группу от других, обладающих иным набором подобных характеристик. Но поскольку предлагаемые характеристики этноса оказываются на деле условными, неоднозначными и подвижными, постольку было предложено использовать категорию «этничность», обозначающую существование культурно отличительных (этнических) групп и форм идентичности.

Сущность инструментального подхода в этнологии

В середине 1970-х гг. в западной этнологии и политологии получил распространение **инструментальный** подход, согласно которому этничность рассматривается в качестве инструмента, используемого в борьбе за власть, статус, благосостояние. Создатели этого подхода исходили из того, что различия между группами людей в обществе могут служить основой для формирования этнической идентичности каждой группы, определяющей в свою очередь характер межгрупповых отношений и мобилизующей этнические группы на целенаправленную политическую деятельность. Инструменталистские концепции

часто опираются на социально-психологические теории, трактующие этничность как средство восстановления политического и культурного равноправия, как способ социальной терапии.

Некоторые сторонники инструментализма ограничиваются анализом того, каким образом этническая солидарность усиливает те социальные обстоятельства, которые они называют «структурными условиями» (Д. Горовиц, Дж. Ротшильд, С. Олзан, Дж. Нейджел и др.). Другие идут дальше и анализируют, как определенные социальные обстоятельства ведут к рациональному стратегическому выбору этнической идентичности в качестве средства достижения желаемых политических, экономических и иных социальных целей, в свою очередь усиливающих групповую солидарность. В этой связи показателен так называемый политологический подход в инструменталистских концепциях. Он опирается на теорию рационального выбора. Одним из сторонников теории рационального выбора, используемой при анализе этнических проблем, является американец Дэвид Лэйтин. Он, как и другие сторонники данного подхода, обращает внимание на то, что люди живут и действуют одновременно в разных группах, исполняя в каждой из них разные социальные роли. Поэтому в каждом человеке одновременно присутствует множество идентичностей — семейные, гендерные, классовые, религиозные, этнические. Человек в зависимости от ситуации выбирает ту идентичность, которая больше соответствует потребностям момента или жизненной цели. Такая ситуационная идентичность есть проявление свойства индивида делать разумный выбор, но не есть свойство абстрактного коллектива.

В подобном понимании различные идентичности являются особым видом ресурсов, которые может использовать индивид в меняющихся обстоятельствах. Вот почему идентичность можно рассматривать как один из инструментов для достижения индивидом своих целей. В связи с этим содержание индивидуальных идентичностей довольно подвижно. Выходит, в разных индивидуальных идентичностях, в том числе этнических и национальных, нет и не может быть неизменной основы. Каждый человек действует в своих интересах, и эти интересы диктуют ему способ действий, который не зависит от неких абстрактных коллективных идентичностей. Эти выводы Д. Лэйтин иллюстрирует тем,

как соображения престижа побуждают, например, испанцев из Андалузии при переезде на заработки в более развитую Каталонию учить каталонский язык и обычаи, гордиться своей новой каталонской родиной и в итоге способствовать тому, чтобы их дети становились каталонцами. Применительно к странам Балтии Лэйтин выдвинул уязвимую концепцию вероятной ассимиляции русскоязычного населения в культуру балтийских стран как наиболее престижную и политически выгодную.

Соображения престижа, конечно, дополняются еще и факторами материального порядка. Причем надо заметить, что при выборе этнической принадлежности эти факторы оказываются более весомыми, чем престиж. Так, в свое время соображения престижа заставили многих коренных жителей Аляски забыть о своем происхождении и отождествлять себя только с доминантным большинством населения страны. Но после того как в 1971 г. был принят Акт по разрешению земельных требований коренных народов Аляски и ассоциации коренных аляскинцев стали крупнейшими земельными собственниками (что повлекло за собой приток денег от корпораций, эксплуатирующих эти земли), в коренные аляскинцы пожелали записаться многие из тех, кто прежде отказывался от этого статуса. Те же самые соображения рационального выбора во многом определили массовое стремление коми-ижемцев во время переписи 2002 г. записываться не коми, а только ижемцами. Это стало базой для того, чтобы их ассоциация потребовала от Правительства РФ предоставления ижемцам статуса «коренного малочисленного народа Севера» со всеми вытекающими из этого статуса налоговыми и земельными льготами, с альтернативной воинской службой и государственными дотациями.

Российская история дает немало примеров ситуационной идентичности, т.е. смены этнической принадлежности в зависимости от тех выгод или же тех податей и обязательств, которые государство назначает различным подвластным ему народам. Так, в XVIII в. на землях башкир наблюдалась массовая башкиризация русских переселенцев, что объяснялось стремлением избежать уплаты налогов, возлагавшихся на русское население. В современной России, как показали переписи населения 2002 и 2010 гг., номенклатура этнических идентичностей подверглась существенным изменениям именно по причине этнического

лоббирования и инструменталистского выбора. Но анализируя различные концептуальные подходы к изучению этничности, нельзя не заметить, что многие их сторонники рассматривают этничность лишь в связи с более широкой социальной проблематикой. Об этой проблематике речь пойдет в следующих главах.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем состоит суть примордиалистского подхода к анализу этничности?
2. Э. Смит и Ю. Бромлей о двух типах развития и двух формах этносов.
3. Функционализм в этнологии и его роль в прикладном использовании этнологических исследований.
4. Рождение и эволюция конструктивизма в этнологии.
5. Каковы основания инструментального подхода в этнологии?
6. Каково соотношение понятий «племя», «народность», «нация» и в чем состоит разница между этносом и нацией?

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
3. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
5. Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1994.
6. Концепции зарубежной этнологии: Критические этюды. М., 1976.
7. Ларюэль М. Теория этноса Льва Гумилева и доктрины западных «новых правых» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.
8. Лейтин Д. Теория политической идентичности. Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М., 1999.
9. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005.
10. Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб., 2008.
11. Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. М., 2001.
12. Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004.
13. Социальная антропология во Франции. XXI век / Под ред. Е. Филипповой и Б. Петрика. М., 2009.
14. Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1.
15. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
16. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

17. Тишков В.А. Наука и жизнь: Разговоры с этнографами. СПб., 2008.
18. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.
19. Эванс-Причард Э.Э. История антропологической мысли. М., 2003.
20. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Фр. Барта. М., 2006.
21. Этнография за рубежом (историографические очерки). М., 1979.
22. Этнология в США и Канаде / Под ред. Е.А. Веселкина и В.А. Тишкова. М., 1989.
23. Dictionary of Race and Ethnic Relations. 4th ed. L.; N. Y., 1996.
24. Ethnicity / Ed. by John Hutchinson & Antony D. Smith. Oxford; N. Y., 1992.
25. Ethnicity: Theory and Experience / Ed. by Nathan Glazer and Daniel P. Moynihan. Cambridge, 1976.
26. Fenton S. Ethnicity. Cambridge, 2003.
27. Rethinking Ethnicity: Majority Groups and Dominant Minority / Ed. by Eric Kaufmann. L., 2004.
28. Spencer S. Race and Ethnicity: Culture, Identity and Representation. L.; N. Y., 2006.
29. Theories of Ethnicity. A Classical Reader / Ed. by W. Sollors. N. Y., 1996.
30. Theories of Race and Ethnic Relations / Ed. by J. Rex and D. Mason. Cambridge, 1986.

Глава 3

Этничность и национализм

Этничность как историко-культурное основание национализма является предметом активного обсуждения исследователей. Этническая дифференциация общества нередко трактуется как важнейшее условие формирования наций, как естественное основание государства, но такая трактовка упрощает понимание проблемы, почему этничность может превращаться в мощный политический ресурс и какова на самом деле природа современных наций.

При анализе культурных оснований национализма значимо то, каким образом понимается этничность в национальных академических школах и как это понимание экстраполируется из теоретических дискуссий в сферу политики или, наоборот, как сфера политики навязывает академическому сообществу свои модели понимания природы этничности. В этой связи полезно рассмотреть соотношение понятий «этнос», «этничность», «этническая группа», определить, как соотносятся этничность и национализм и каковы формы самого национализма, насколько они обусловлены этническим фактором.

Этнос, этническая общность и этничность

Термин «этнос» происходит от древнегреческого «ethnos», первоначально служившего для обозначения и различных сообществ людей, и живых существ (например, пчелиный рой), а позднее использовавшегося как определитель народов негреческого происхождения, которых греки называли варварами. В научной традиции термин стал использоваться лишь в XIX в. и первым, кто стал его применять, был немецкий ученый А. Бастиан. Это было не случайно, ибо немецкая этнологическая школа и немецкое понимание природы нации существенно отличались от французской и англосаксонской объяснительных моделей.

Во Франции термин «ethnie» долгое время использовали исключительно в религиозном контексте для обозначения групп

населения, придерживающихся языческих верований. Эти же группы на светском языке назывались «нациями» (nation) или народами (peuple). Уже в XIX в. названные термины были заменены терминами «расы» (race) и «племена» (tribu), а в XX в. определения «раса» и «племя» были вытеснены термином «ethnie». При этом смысловое значение терминов изменилось: понятие «нация» использовалось теперь для обозначения населения «цивилизованных» государств Запада, а вместо понятия «народ», которое интеллектуальной элитой воспринималось как слишком «благородное», применительно к «дикому» населению периферийных и колониальных стран стали употреблять термин «народность» (peuplade). В свою очередь термин «раса» приобрел более узкое значение и стал использоваться в физической антропологии или антропометрии для описания фенотипических характеристик населения.

Важно подчеркнуть, что понятие «ethnie» имело негативный смысл и базировалось на представлениях о превосходстве европейского населения над неевропейским. Причем, последнее нередко понималось как лишенное внутренней социальной организации, а потому не являвшееся участником общемирового исторического процесса.

В противовес терминам «народ» и «нация» содержание термина «ethnie» определялось натуралистическим, субстанционалистским пониманием природы этнического. В рамках этого подхода этнос рассматривался как однородная социальная общность, обладающая языком, культурой, названием (этнонимом), системой родства, организованной по родовому, клановому или племенному принципу, а также территорией, обычаями и осознанием собственной принадлежности к одной и той же группе, отличной от других. Затем эту статичную модель сменила более динамичная, в которой категория «этнос» характеризует культурные различия между группами. На первый план в этой трактовке выходит межгрупповое взаимодействие и акцент делается не на самоидентификации и не на этногенезе, а на процессе этнификации, т.е. этнос рассматривается как открытая социальная система, которая подвержена конструированию и деконструированию.

В настоящее время во Франции существуют два взгляда на «этнический вопрос». Странники первого рассматривают эт-

ничность как одну из важнейших составляющих политических процессов в бывших колониях, особенно в Африке. Сторонники второго полагают, что этничность — это прежде всего идеологически и даже политически сконструированная категория, не имеющая реального содержания. Вторая позиция опирается на тот факт, что население бывших французских колоний не имеет в своих словарях термина, по смыслу сходного с категориями «ethnie» или «tribu».

В немецкой научной традиции было распространено примордиалистское понимание природы этнического, и неслучайно примордиализм зародился в XIX в. именно в Германии. Теоретические положения этого методологического подхода основываются на признании этничности как «осязаемой реальности», которая характеризуется такими признаками, как общность расы, языка, территории, религии, культуры. Традиции эволюционно-исторического направления в примордиализме были заложены немецким историком и философом И.Г. Гердером. В его трактовке народ есть общность, возникающая на основе «крови» и «почвы». Неоромантические взгляды Гердера, подхваченные такими уже современными исследователями, как Вильгельм Мюльман (последний был также последователем русского ученого С.М. Широкогорова), были восприняты некоторыми зарубежными и многими российскими этнографами. Ныне они являются базовым элементом идеологических конструкций этнонационализма в России и в других странах.

В англо-американской социальной и культурной антропологии термин «этнос» не употребляется. Ключевыми здесь являются понятия «этничность» и «этническая группа», к которым часто относят религиозные и даже этнорасовые общности, например афроамериканцев, американцев азиатского происхождения. При этом под понятием «этническое» подразумевается, как правило, не основное население страны, а этнические меньшинства и мигрантские сообщества. В доминирующем среди американских и британских социально-культурных антропологов конструктивистском подходе к природе этнического основное внимание уделяется личностному восприятию этого феномена, т.е. самосознанию. Этничность рассматривается как особое состояние сознания, чувство солидарности с группой, которую индивид признает культурно значимым для себя со-

обществом. В этом смысле термин «этничность» есть синоним культурной идентичности.

В Оксфордском словаре английского языка термин «этничность» появился только в 1972 г. Автором термина назван американский социолог Д. Рисман, впервые применивший его в 1953 г. Творцами термина «этничность» нередко называют американских исследователей Н. Глезера и Д. Мойнихена, опубликовавших в 1975 г. книгу «Этничность». Значение научной категории «этничность» приобрела позднее, когда инструменталистская и конструктивистская парадигмы стали доминировать в западном общественном сознании. Научную определенность термину придали многочисленные публикации, в которых этничность выступала важной составляющей понятийного аппарата. В «Словаре расовых и этнических отношений», изданном в 1996 г., подчеркивается, что категория «этничность» «описывает группу, обладающую некоторой степенью связанности и солидарности, сформированную из людей, которые, по крайней мере латентно, осведомлены о том, что они имеют общее происхождение и интересы». При этом отмечается, что этническая принадлежность «глубоко внедрена в сознание» и что этничность настолько реальна, насколько этого хотят люди. В обобщенном виде этничность характеризуется совокупностью нескольких основных положений: 1) этничность является термином, который используется для выделения различных групп; 2) этническая группа основана на общности субъективных представлений, понятий о происхождении, интересах или будущем (или комбинации их); 3) этническая группа не является «расой», хотя зачастую группы с этнической организацией, рассматриваются некоторыми исследователями именно как расы; 4) в одних случаях этничность может использоваться в качестве политического инструмента, в других — защитной стратегии; 5) этничность может быть важной линией раскола в обществе, хотя она и не связана напрямую с классовыми факторами¹.

В советской и российской этнографии/этнологии длительное время ключевым являлось понятие «этнос». Укоренилось оно в терминологическом аппарате науки довольно поздно — только в 1960-х гг. Однако его появление в отечественной этнографической литературе датируется началом XX в., а полное его обосно-

¹ Dictionary of Race and Ethnic Relation. 4th ed. L.; N. Y., 1996. P. 124.

вание было предложено С.М. Широкогоровым в работе «Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» (Шанхай, 1923). По мнению Широкогорова, этносом следует считать группу людей, говорящих на одном языке, признающих общность своего происхождения, обладающих общим укладом жизни, обычаями, отличающими ее от других групп. В работе Широкогорова указывается, что в основе жизни этноса лежат факторы биологического свойства, а сам этнос рассматривается как биологический вид.

Советская этнография вынуждена была развиваться, строго ориентируясь на идеологические постулаты правящей партии. Поэтому взгляды эмигранта Широкогорова долгое время не могли быть приняты и по причинам идеологического характера, ибо они не учитывали в должной мере марксистского принципа стадильности общественного развития. Теоретики советской этнографической школы взяли на вооружение сталинское определение нации, которое без существенных изменений применили для объяснения природы этнических сообществ. Согласно советским моделям, этнические общности развиваются по мере смены общественно-экономических формаций. Ранним историческим формам организации общества соответствуют ранние формы этнической организации (род, племя), а капиталистической формации соответствуют такие формы этнических сообществ, как народность и нация (социализму как первой фазе коммунистического общества соответствуют «социалистические нации», которые трактуются и как этнические общности, и как гражданские сообщества).

Идея стадильности оставалась важной составляющей теоретических построений в этнографической науке, но как только ученые обрели некоторую свободу творчества, они попытались выйти за рамки идеологических догм и создать менее идеологизированные теоретические модели, объясняющие природу этнических групп. Для нового подхода отправной оказалась конструкция Широкогорова, хотя теоретик советской этнографической школы Ю.В. Бромлей, упоминая работу ученого, не признавал его решающего вклада в разработку основ названной теории. По Бромлею, этнос есть «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и

относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)»¹. При этом он отмечал, что этносы возникают «не по воле людей, а в результате объективного развития исторического процесса» и обладают «объективными свойствами»², прежде всего общностью территории, общими чертами культуры, быта, общим языком и религией, составляющими некую целостность. Члены этноса обладают общим самосознанием, что находит внешнее проявление в общем самоназвании.

Эта теория была принята советскими этнографами, и все дальнейшие исследования строились в рамках заданной модели. Какие-либо альтернативы теории этноса предложены не были. С конца 1980-х гг. под воздействием процессов демократизации гуманитарные науки освободились от идеологического гнета, а ученые-гуманитарии — от необходимости обслуживать государственную идеологию, трактовавшую многообразие общественной жизни исключительно с позиций одного методологического подхода. Однако эта свобода открывала новые возможности не только для научного поиска, но и для приверженцев социобиологического направления в этнологии, которое играло заметную роль в XIX–XX в. Примером тому стали труды Л.Н. Гумилева по этногенезу. При этом в отличие от Бромлея и его сторонников — представителей эволюционно-исторического направления в примордиализме — Гумилев рассматривал этнос прежде всего как биологическую популяцию.

Критика концепции Гумилева отечественными этнологами была вполне убедительной. Российский философ В.С. Малахов справедливо отмечает следующее: «Под влиянием Л. Гумилева произошла перекалфикация *этнографии* в *культурологию*. Частная, методологически и предметно ограниченная область знания превратилась в универсальную обществоведческую теорию (в случае Гумилева — в культурофилософию и философию истории). “Этносы” приобрели статус подлинных субъектов истории. Взаимодействие между ними сделалось ключом

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 57–58.

² Там же. С. 49.

к объяснению социальной динамики. У Гумилева понятие “этнос” подменило собой апробированные понятия социальной науки, прежде всего, такие как *общество и культура*. Последние оказываются в конечном итоге ненужными фикциями. В самом деле, зачем такие абстракции, как “общество”, если на деле существуют естественным образом детерминированные сообщества — “этнос”? Какую реальность может описывать термин “культура”, если реальны лишь *этнические культуры*? Не бывает культур многосоставных, они изначально монистичны, ибо представляют собой объективации “народной души”, а душа у народа — одна»¹.

Попытки переосмыслить теорию, трактовавшую этнос как объективную реальность (социальную или биологическую), начались еще в 1990-е гг., хотя дискуссия по этому поводу не привела к принципиальным переменам в отечественной этнологии. Кардинальный сдвиг от примордиализма к конструктивизму, трактующему этничность как форму организаций культурных различий, произошел лишь после 2000 г. Наиболее значимой в этом плане представляется разработанная норвежским ученым Ф. Бартом концепция этнической границы. Барт отмечал, что приписывание этнической идентичности есть главный признак этнической группы, а сама группа сохраняется до тех пор, пока сохраняется культурная граница между ней и другими группами. Именно ментальная граница формирует этническую единицу, и возникает она на основе некоего набора дифференцирующих признаков и ценностных ориентаций, которые могут меняться.

Таким образом, этническую идентичность следует рассматривать, скорее, как форму социальной организации, нежели как выражение определенного культурного комплекса. Процесс рекрутирования в состав группы, определения и сохранения ее границ свидетельствует о том, что *этнические группы и их характеристики являются результатом исторических, экономических и политических обстоятельств, а также ситуативных воздействий*. Причем огромное число современных этнических групп, особенно относящихся к так называемым национальным мень-

шинствам, возникло не в результате историко-эволюционного процесса, или этногенеза, а в силу других факторов.

Оформление группы связано не только с субъективным восприятием группы как таковой, но и с индивидуальным признанием себя членом отдельной группы. Существенное значение здесь имеет политика так называемого этнического предпринимательства. Иными словами, если члены группы мобилизуются на активные коллективные действия и позиционируют себя как особое сообщество, то это не только приводит к конструированию группы, но и помогает менее активным членам осознавать себя частью заявившего о своем существовании культурного сообщества. В процессе конструирования группы формируются общие представления о ней, разделяемые всеми членами, кристаллизуются культурный образ этнического сообщества и стереотипы его восприятия.

Этническая идентичность характеризуется тремя принципиальными положениями.

Во-первых, этнические общности представляют собой социальные конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий людей и создаваемых ими институтов, но главным образом государства. Цельность этих сообществ поддерживается субъективными процессами идентификации, т.е. признанием отдельными индивидами своей принадлежности к данной общности. Иными словами, если предположить, что все члены этнической группы откажутся осознавать свою принадлежность к ней, то такая группа прекратит свое существование.

Во-вторых, границы этнических общностей являются подвижными не только во времени, но и в зависимости от конкретных ситуаций. Например, в одной ситуации мордвин назовет себя мордвином (в Москве), в другой — мокшей (в своем селе), в третьей — русским (за пределами России). Равно как личностная идентификация, способна меняться и групповая идентификация. Это делает существование этнической общности реальностью отношений, а не реальностью набора объективных признаков. И действительно, проявления этнической идентичности зависят от того, в какие отношения индивид вступает со своим окружением.

¹ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 221.

В-третьих, этническая общность, основанная на индивидуальном выборе и групповой солидарности, цементируется во многом способностью группы консолидированно противостоять внешним угрозам и вызовам, а культурная схожесть членов помогает осуществлять контроль ресурсов и политических институтов, обеспечивать комфортное существование личности в рамках культурно-гомогенных сообществ.

Важно при этом иметь в виду, что меняющиеся социальные реальности способны ослаблять внутреннюю солидарность и трансформировать восприятие группы у отдельных ее членов. Поэтому для сохранения этнической группы необходимо прилагать постоянные усилия к тому, чтобы представления ее членов о целостности и культурных ценностях группы не трансформировались. Существенную роль в этом процессе играет государство. Неслучайно значительная часть современных «этносов» в форме «социалистических наций» была создана на начальном этапе «национально-государственного строительства» в СССР.

Рассматривая этнос как социальный организм (или как биологическую популяцию), примордиалисты признают, что все «объективные» признаки этноса достаточно условны. Главное заключается в том, что эти признаки ни в отдельности, ни в совокупности представлений об этническом явлении, равно как само явление и не формируют, ибо между ними и культурными характеристиками этнической группы нет обязательной связи (ни собственный язык, ни территория, ни особенности быта или психического склада не являются обязательными признаками).

В этом смысле конструктивистская парадигма более приемлема, ибо она трактует этнические сообщества как социальные конструкции, которые существуют благодаря солидарности их членов. Сама этническая группа трактуется не как некая физически воспринимаемая целостность, не как территория, обозначенная пограничными столбами и населенная индивидами, обладающими общими внешними данными, унифицированными культурными потребностями и культурными ценностями, но и как процесс постоянного отождествления с группой, культурные границы которой есть некая условность, формируемая благодаря воспроизводству представлений об их существовании.

В современном индустриальном обществе в ходе процессов глобализации многие внешние атрибуты этнических культур стираются, но сами этнические сообщества, меняясь во времени, сохраняются. Главную роль в поддержании стабильности таких сообществ играет этническая идентичность, т.е. субъективное восприятие общности некой социальной реальностью и причисление себя к этим сообществам. Поэтому категория «этническая идентичность» является ключевой для понимания природы этнического, и в этой связи объяснимы неприятие термина «этнос» и замена его (а скорее, возврат к прежнему языку) более спокойным понятием «этническая общность».

Воображаемый характер этнических сообществ, о котором говорят конструктивисты, предполагает, что группа изменчива во времени и пространстве, что ее восприятие также изменчиво, а потому ее место в социальной структуре общества нельзя характеризовать такой жесткой генерализующей категорией, как этнос. Этнические группы вписаны в другие социальные структуры и играют подчиненную роль по отношению к обществу в целом, государству, территориальным сообществам. Они и самими людьми воспринимаются чаще всего как социальная структура вторичного плана.

А раз это так, то адекватным по содержанию понятием для ее обозначения будет понятие «этническая общность» («группа»). Члены группы все разные, но на субъективном уровне воспринимаются как похожие друг на друга, и эта похожесть проистекает из разделяемого представления об общем культурном образе и признаваемых ими общих культурных норм.

Отсюда этническая общность — это коллектив людей, которые имеют общую историю, язык, обычаи и идентичность и следуют некоторым общим нормам поведения. Термин «этничность» характеризует степень конформизма членов коллектива в их принятии общих норм в процессе социального взаимодействия.

Национализм и этничность

В последние годы социально-культурные антропологи сосредоточились на анализе соотношения этничности и национализма. Проблема соотношения этничности и национализма

была основательно рассмотрена К. Калхуном в его книге «Национализм». Калхун исходит из того, что «современные нации часто имеют исторические корни в старых этнических идентичностях. Но национализм — это особый способ осмысления коллективной идентичности, отличный от этничности, а сама этничность — это лишь один из способов организации коллективных идентичностей в прошлом. Тесно связанной с ним, но более базовой и глубокой была риторика родства и происхождения»¹.

Многие этнические группы не только воспринимаются как основа нации, но и нередко заявляют о себе как таковые. Более того, само наименование многих наций происходит от этнонимов, т.е. от самоназваний этнических групп. Французская нация очевидно восприняла этноним «французы», шведская — «шведы», польская — «поляки» и т.д. Имя собственное доминирующей этнической группы присваивается и всему политическому сообществу. Но не все политические сообщества согласны и могут пользоваться этнонимом доминирующей культурной группы, да и сам этнический состав населения государства, его история и опыт взаимодействия культурных сообществ порой исключает возможность обозначения национальности, т.е. гражданской принадлежности представителей политического сообщества определенным этнонимом. Основное население Испании — Кастильцы, но нация называется испанской. Основное население Великобритании англичане, но нация называется британской. Основное население Китая — ханьцы, но нация называется китайской (миндзу).

Советский Союз в этом отношении был уникальным государством, ибо, во-первых, этнические определители здесь приобрели характер гражданских категорий, т.е. стали именоваться национальностями; а во-вторых, исходя из понимания этничности как основы социалистической нации осуществлялся процесс так называемого национально-государственного строительства. В Узбекистане, который приобрел статус союзной республики, осуществлялся процесс формирования единой узбекской этнической общности, на Алтае из более десятка самостоятельных этнических групп формировались

алтайцы и т.д. Впрочем, и колониальные администрации западных стран весьма успешно занимались формированием этнических категорий¹.

Очевидно, что государство, административные границы и формирование культурных институтов, символов и маркеров приводили к созданию новых этнических групп, которые осознавались именно как таковые. Попытки некоторых интеллектуалов «отменить» коми-пермяцкую, алтайскую, молдавскую, азербайджанскую и прочие идентичности и возродить прежнее не имели большого успеха, поскольку обратный процесс требовал таких же масштабных и последовательных усилий со стороны государства. Однако если этничность может конструироваться «сверху» с помощью государства, то возникает вопрос: а не формируется ли само государство столь же успешно «снизу», но посредством усилий этнических общностей и их интеллектуальных элит? Именно такой путь считают естественным и самым очевидным некоторые ученые, занимающиеся изучением национализма.

Цель политической и культурной унификации граждан впервые была провозглашена в ходе Великой французской революции, которая политическим идеалом сделала свободу, равенство и братство, а носителем идеи равенства — гражданина. Свободные и равные граждане составляли нацию. По сути, **идея нации возникла не из эволюционного развития государства на базе доминирующего сообщества, а из революционного отрицания прежних моделей идентификации — как социальных, так и этнических.** Общее равенство отрицало как культурное доминирование, так и культурное подчинение. Идея «одна страна — один народ — один язык» не была направлена против этнических меньшинств или на получение привилегий одной этнической группой. Нацию объединял французский язык, на котором говорило менее половины населения страны. Французская культура понималась не как этническая категория, а как форма культурной солидарности свободных от сословных и этнических уз граждан.

Если же взять в качестве примера становление латиноамериканских наций или североамериканской, то здесь тезис о том,

¹ Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 87.

¹ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 181–203.

что нации вырастают из этнических общностей, еще менее очевиден, а точнее, совсем не очевиден. Эти нации носили выраженный полиэтнический характер. Этнический компонент, безусловно, имел место, но это были переселенческие группы, оторванные от «материнского этноса» и культурно самостоятельные во многих отношениях. Интегрирующую роль в этих группах играл не этнический компонент, а иные факторы.

Таким образом, донациональный этап развития государств не демонстрирует очевидной связи между этничностью и национализмом. Вместе с тем исследователи справедливо выделяют западный национализм и появившийся позднее восточный национализм, который, в отличие от национализма французского или североамериканского, развивался несколько иначе. Механизм национальной мобилизации здесь был иным, хотя отрицать роль французской революции в становлении националистических движений в Восточной Европе нельзя. Здесь социальная стратификация отличалась от западноевропейской, а потому мобилизационный ресурс был найден не в идее социального равенства, а в идее политического равенства этнических групп.

Поэтому националистические движения начинались с обращения интеллигенции к этнической культуре, с романтизации и мифологизации прошлого этнических сообществ. Неслучайно первый этап национальных движений здесь принято называть культурным пробуждением, а инициаторов этого процесса — будителями или возрожденцами. Второй этап, как правило, был связан с появлением политических программ в Восточной Европе, которые, однако, не шли дальше требований политической автономии или расширения политических полномочий территориальных анклавов, исторически связанных с формированием отдельных этнических групп. Пожалуй, единственным исключением являлось польское национальное движение, целью которого было восстановление польской государственности. То же самое можно сказать о балканских освободительных движениях, но ситуация на Балканах отличалась от восточноевропейской. Государственная независимость восточноевропейских государств стала следствием не успехов национальных движений, а военного поражения и распада дина-

стических империй, а также политики стран-победительниц в Первой мировой войне. Иными словами, национальные движения восточноевропейских стран просто не смогли ко времени обретения государственной независимости дойти до осознания идеи гражданской нации. Поэтому странам-победительницам пришлось создавать систему защиты прав меньшинств и возлагать ответственность за положение меньшинств на «государственные народы».

Проект, который основывался на идее создания государственных территориальных единиц по языковому принципу, породил серьезные внутренние противоречия в новых государствах, ибо не учитывал того факта, что этнически гомогенных территорий в Европе не существует. Многие города и провинции при доминировании одного этнического компонента в составе их населения реально были поликультурными. В такой ситуации принятая в качестве модели взаимодействия между общинами этническая иерархия создавала угрозу государственному единству, ибо искусственно разделяла территориальные сообщества на этнические сегменты, представители которых наделались разными политическими статусами.

Незавершенность процессов нациестроительства и попытки утвердить идею «этнонаций» или «государственных народов» в политической жизни только усилили сепаратизм меньшинств. В конечном итоге они вызвали политические потрясения, которые впоследствии привели к изменениям этнического состава населения, конфигурации границ многих государств и даже полностью разрушили такие государственные образования, как Югославия и Чехословакия. Иными словами, **этнический принцип построения государств ведет к ослаблению государственного единства**, и ярким примером тому явился распад Советского Союза. Гражданская нация разрушается, когда в процессе государственного строительства не удается преодолеть этнический сепаратизм. Из этнонаций не рождается политическая (гражданская) нация, ибо она есть многоэтническое сообщество людей на основе единой государственности, территории, историко-культурной традиции и общего самосознания. Этнонационалистическая идея и производные от нее политические практики ведут к формированию сегментированных тер-

риториальных сообществ, в которых ослаблена солидарность и внутренняя стабильность.

Британский историк Э. Хобсбаум полагает, что принцип этнической принадлежности не является программным и в еще меньшей степени он является политическим. В определенных обстоятельствах, когда этничность выполняет политические функции она может быть связана с определенной программой, в том числе националистической или сепаратистской. Националистические движения обращались к этнической принадлежности с целью усилить групповую солидарность, обосновать необходимость создания собственного государства и политического размежевания с чужаками, в роли которых могут выступать государственные институты.

Нация не «вырастает» из этнических сообществ, не является простой суммой этнических групп, проживающих на территории того или иного государства, и нация не может рассматриваться как некая высшая форма развития этносов. Утверждение, что «ни одна нация как государство не формировалась без наций-этносов. Но при этом всегда был государственнообразующий этнос, который подавлял, ассимилировал или объединял остальных»¹, является ошибочным.

В качестве доказательства тезиса об этносе как первооснове нации приводится довод, что «американцы как нация формировались на основе “янки”, англосаксонских протестантов». Но, во-первых, речь здесь идет не об этносе (этнической общности), а о диаспорной группе, которую можно отнести к англосаксам, как, например, всех русских первой волны послереволюционной эмиграции в Европу и Америку можно отнести к великороссам, хотя многие из них в момент эмиграции были евреями, украинцами, белорусами и др., а ныне они считают себя французами, англичанами, датчанами и т.д. Хотя миграционные группы ассимилировали туземное население и создавали собственную культурную среду, они являются не самостоятельными этническими сообществами, а своего рода «осколками» населения стран исхода. Кроме того, миграционные сообщества складывались из потоков мигрантов разной этнической принадлежности, и даже если в этих потоках был один доми-

нирующий этнический компонент, на новой родине происходило смешение различных культурных традиций переселенцев и формирование нового сообщества. Если исходить из тезиса, что этническая группа служит основой для рождения наций, то американские англосаксы должны были ощущать себя частью британской нации и никаких поползновений к формированию новой нации у них не могло зародиться.

Идею об этнической группе как основе нации опровергает и латиноамериканский опыт нациестроительства. Можно ли основой колумбийской, венесуэльской, боливийской, мексиканской и еще 14-ти наций считать испанский «этнос» (и можно ли вообще говорить об испанском «этносе», а не о кастильцах, каталонцах, галисийцах, андалузцах, составляющих вместе испанскую нацию), который как культурное сообщество находился далеко за морем? В населении американских испанских колоний не было доминирования мигрантов из Испании. Местные сообщества, возглавляемые креольскими элитами, складывались и осознавались как некие особые американские «миры»¹. Именно стремление к осознанию себя независимыми культурными и политическими сообществами (а не отпочковавшейся частью «материнских этносов») сформировало латиноамериканские нации.

Со временем важнейшим компонентом латиноамериканских наций становится аборигенный индейский компонент, который также сам по себе многоэтничен и многоязычен (только индейцы майя в мексиканском штате Чиapas разговаривают на дюжине разных языков!). Нынешние президенты ряда стран этого континента имеют индейское происхождение (Моралес в Боливии, Чавес в Венесуэле). Еще более очевидно отсутствие «этнического ядра» в индийской нации, которая воспринимается в самой Индии как мозаика идентичностей, объединенных общими устремлениями и солидарностью.

Сторонники идеи нации-этноса могут сослаться на пример арабских стран, где нации имеют, казалось бы, гомогенную арабскую этническую основу, но и этот пример говорит не в пользу названной идеи, а против нее. Получается, что единый арабский

¹ Абдулатипов Р.Г. Этнополитология: Уч. пособие. СПб., 2004. С. 104.

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 71–88.

«этнос» не смог стать основой для общегосударственного единства, а под воздействием исторических и политических причин «рассыпался» на отдельные нации. Причем попытки использовать этнические основания для объединения ряда арабских государств в более крупные государственные образования предпринимались неоднократно, но все они не увенчались успехом. **Таким образом, национальное единство и сущность нации как политического сообщества поддерживается не этническими основаниями, а связями и интересами более значимыми — территориальными, политическими, экономическими.**

Нация является прочной и органичной, когда она создается на паритетной основе, т.е. когда идеологически не выделяется «этническое ядро» национального сообщества, а все этнические группы, включая меньшинства, являются равными партнерами в процессе нациестроительства. Классический пример такого паритетного национализма — Финляндия, где финны, составляют более 90% населения, но шведы являются равнозначной оставляющей финской (точнее, финляндской) нации, а финский и шведский языки обладают статусом государственных языков. Правда, такое восприятие финского общества сложилось исторически, ибо шведский язык долгое время был языком образования и государственного управления, а сама Финляндия входила в состав Шведского королевства. Канадская нация также мыслится как двухобщинная (англофоны и франкофоны) и плюс меньшинства и коренные народы.

В этой связи встают следующие вопросы: что же такое «нация», если она покоится не на этнической основе? Как следует понимать национализм?

Нации и национализм

В советском общественном знании было принято выделять три исторические формы этнических общностей — племя, народность, нация. Племя — это доклассовая стадия развития, народность соответствовала рабовладельческой и феодальной стадиям, нация — стадия капитализма и индустриальной цивилизации. И сегодня во многих словарях и учебниках социологии повторяется трактовка исторически сменяющихся друг дру-

га типов этнических сообществ¹. Эта классификация устарела. Однако проблема типологии наций и определения сущности этого сообщества остается дискуссионной. В работе Т.Ю. Сидориной и Т.Л. Полянникова «Национализм: теории и политическая история» авторы, к примеру, обращают внимание на распространенное в отечественной политической науке понимание типологии наций. В частности, они выделяют **коренную нацию** и отмечают, что данный термин является составной частью теоретических положений «сталинской национальной политики», которая заявляла о возникновении «социалистических наций» в СССР и предусматривала всемерную поддержку процессу развития коренных наций в регионах, которые стали именовать «национальными».

В постсоветскую эпоху аналогом термина «коренная нация» стал термин «**титულიчная нация**». Этот термин применялся и применяется для обозначения тех этнических групп, именем которых названы республики и автономные округа в составе Российской Федерации. Применение данных терминов сомнительно, ибо возникает вопрос о том, как следует обозначать *нетитულიчное население* республик и округов, которое как бы исключается из состава наций. Между тем это население нередко исторически связано с территорией, на которой проживает так называемая титульная нация, и составляет органическую часть населения региона. Нетитულიчное население зачастую численно превосходит титульные «нации». Помимо всего прочего, нетитულიчное население имеет тот же политический статус, что и титульное, и обладает теми же гражданскими правами, т.е. вписывается в политическое сообщество, принятое именовать «нацией».

Далее авторы, ссылаясь на работу К. Хюбнера, выделяют так называемую **государственную нацию**, сформированную из нескольких или многих этнических групп, осознавших свое единство. Под этим понятием, по их мнению, может подразумеваться доминирующая роль некоего сообщества в государстве или ее интегративный характер.

В приведенной типологии прямо или косвенно присутствует этничность как важнейший классификационный признак.

¹ Нации и этносы в современном мире: Словарь-справочник. СПб., 2007.

Однако в ходе строительства нации связи, получившие политическую значимость, приобретают приоритет по отношению к другим связям, и потому этничность и этнические связи нельзя рассматривать ни как основу нации, ни как принцип классификации наций. В большинстве определений нации указание на этничность как ее основу или важнейший признак отсутствует, хотя культурные определители упоминаются. Поэтому чаще всего **нацию определяют как большую относительно однородную социальную группу, обладающую общностью языка и культуры, имеющую единую территорию и политические институты и сохраняющую стабильность благодаря солидарности ее членов.** Еще более короткое и емкое определение нации дал американский социолог К. Дойч, который предложил считать нацией народ, объединенный общим государством. При этом народ здесь понимается не как этническая, а как гражданская общность, не как «этнос», а как «демос». С этим определением согласны, по сути, многие исследователи.

Впрочем, несмотря на кажущуюся очевидность того, что следует понимать под термином «нация», до сих пор не существует единого определения этого социального феномена. В российской традиции все еще больше принято трактовать нацию не как гражданско-политическую, а как этнокультурную общность.

Обобщая концепции национализма, В.В. Коротеева выделяет три основных положения западных исследователей проблем национализма. Они сводятся к следующему: 1) нация — реальная в смысле самосознания и восприятия общность, обладающая своей спецификой; 2) интересы и ценности нации являются приоритетными для индивида в сравнении с другими коллективными интересами и ценностями; 3) нация должна быть максимально независимой, что подразумевает ту или иную степень политического суверенитета. Национализм же понимается как политическая идеология, которая использует в качестве ключевого понятия термин «нация»¹.

В современном общественном сознании принято делить национализм на гражданский, или государственный, и этнический (этнокультурный или культурный). Первый тип националистической идеологии основывается на том, что под нацией понимается по-

литическая общность, т.е. сообщество, основанное на гражданской солидарности. Второй тип исповедует идею, согласно которой нация представляет собой этнокультурное сообщество, т.е. сообщество, объединенное этнической солидарностью.

При этом этнический национализм может иметь как культурные, так и политические формы. Этнонационализм почти всегда преследует определенные политические цели, а именно обеспечение того или иного государственно-административного статуса для этнической группы, достижение или удержание власти представителями данной национальности. Цель культурного этнонационализма — сохранение этнической идентичности и групповой целостности через поддержку языка, культуры, исторического наследия. Такой этнонационализм носит позитивный характер, если не содержит в себе идей культурной исключительности и превосходства, культурной изоляции и негативной направленности против других культур.

Но деление национализма на этнический и гражданский довольно условно, поскольку оба этих типа покоятся на представлениях о культурно-исторической основе нации (именно поэтому бывает трудно определить содержание националистической идеологии, которой руководствуется то или иное движение). Тем не менее гражданский национализм понимается как либеральная идеология и как практика нациестроительства, ориентированная на формирование нации-государства. Этнический же национализм понимается как средство достижения группой контроля над властью и ресурсами и стремление к созданию этнически гомогенных государств. Формы этнического национализма могут быть различными, о чем свидетельствует современная практика российской региональной этнонациональной политики.

В последние годы в российской внутренней политике произошли важные изменения, видоизменились и националистические практики, но на них по-прежнему оказывает влияние опыт этнополитической мобилизации 1990-х гг. Надо отметить также живучесть идеологии этнического национализма и попыток выстроить на его основе новые теоретические модели, реализация которых на практике оборачивается жестоким политическим противостоянием и межобщинными столкновениями. Одной из таких моделей является «индигенный (аборигенный)

¹ Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных науках. М., 1999.

национализм», сторонники которого доказывают, например, что бенгальский национализм (а значит, и бенгальская нация) в Индии существовали до возникновения собственно индийского национализма времен Дж. Неру и И. Ганди. Появляются работы африканских ученых с изысканиями аборигенного национализма колониальных времен. В них подвергается сомнению правомочность постколониальных африканских национализмов нетрайбалистского (гражданского) типа (нигерийского, сомалийского и др.) и обосновывается давность и легитимность мини-национализмов в рамках многоэтнических государств Африки (зулу, банту и т.п.).

Индигенный национализм в трактовке выпускников элитных западных университетов, рекрутированных из представителей местных сообществ постколониальных стран Азии и Африки, перекликается с периферийным постсоветским национализмом, за которым стоят десятилетия интеллектуальных усилий по установлению глубоких исторических корней советских этнонаций и по производству их культурных героев.

Необходимо отметить, что в современной России националистические практики эволюционируют в сторону периферийного, локального этнонационализма, и результатом этой эволюции становится усиливающееся давление отдельных этнических групп на федеральные органы власти с требованиями признать данные группы самостоятельными этническими сообществами, предоставить им статус малочисленного народа, преференции и льготы. При этом есть все основания полагать, что усиление локальных, местных, индигенных национализмов провоцирует самими процессами глобализации, ростом самосознания малых общин и активностью их лидеров. Примечательно, что на прошедшем в Москве в апреле 2009 г. VI съезде коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в качестве основной была сформулирована стратегия культурно ориентированной модернизации в рамках Российского государства. Однако претензии на исключительность (в плане отношений с природой и использования ее ресурсов) и на преференции (в плане хозяйственной деятельности, социальной и культурной поддержки со стороны государства и бизнеса) оставались одним из доминирующих мотивов дискуссии и настроений аборигенных лидеров.

Контрольные вопросы и задания

1. Понятие «этнос» в отечественной этнологии.
2. Сущность понятий «этничность», «этническая группа».
3. Представления об этнических корнях наций.
4. Современная сущность понятия «нация».
5. Национализм как идеология и как политическая практика.
6. Сущность гражданского (государственного) и этнического (культурного) национализмов.
7. Что такое индигенный национализм?

Литература

1. Амелин В.В. Этническое многообразие и власть в российском регионе. М., 2004.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1982.
4. Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм»? // Нации и национализм. М., 2002.
5. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
6. Дробужева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
7. Калхун К. Национализм. М., 2006.
8. Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.
9. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005.
10. Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007.
11. Национализм в поздней и посткоммунистической Европе: В 3 т. / Под ред. Э. Яна. М., 2010.
12. Сидорина Т.Ю., Поляников Т.Л. Национализм: теории и политическая история. М., 2006.
13. Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004.
14. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
15. Тишков В.А. Нация и национальная идентичность в России // Вестник российской нации. 2008. № 1.
16. Тишков В.А. Национализм в мировой истории // Вестник российской нации. 2008. № 2.
17. Филиппов В.Р. «Теория этноса» С.М. Широкогорова // Этнопанорама. 2005. № 3-4.
18. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
19. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002.
20. Шабает Ю.П. Конструирование нового национализма финно-угров: конкуренция глобального и регионального // Мир России. 2004. № 3.

21. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. М., 2006.
22. Dictionary of Race and Ethnic Relation. 4th ed. L.; N. Y., 1996.
23. Eriksen Th.H. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. L.; Sterling, 1999.
24. Esman M. Ethnic Politics. Ithaca, 1994.
26. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison / Ed. by P. Brass. New Delhi, 1991.
25. Ethnicity / Ed. by J. Hutchinson & A.D. Smith. Oxford; N.-Y.: Oxford University Pres, 1992.
27. Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism / Ed. by D. Conversi. L., 2002.
28. Kellas J.G. The Politics of Nationalism and Ethnicity. N.Y., 1998.
29. Nnoli O. Ethnic Politics in Africa. Ibadan, 1989.
30. Singh G. Ethnic Politics in India: A Case Study of Penjab. L., 2001.
31. Snyder L.L. Encyclopedia of Nationalism. Chicago, 1990.
32. Theories of Ethnicity. A Classical Reader / Ed. by W. Sollars. N. Y., 1996.
33. Walzer M. et al. The Politics of Ethnicity. Cambridge, 1989.

Глава 4

Как понимать «народ» и «нацию»

Бывает так, что широко используемые в политико-правовом языке понятия не имеют четкого и общепринятого определения. К многозначным научным и политико-правовым понятиям относятся и понятия «нация» и «национальность».

Соотношение понятий «народ» и «нация»

Несмотря на то что понятия «народ» и «нация» употребляются разными авторами в разных смыслах, мы все же будем исходить из общепринятых и наиболее употребляемых в мировой науке и в общественно-политической практике смыслов. Понятие «народ» имеет более обыденный смысл. Под ним, как правило, подразумевается население страны. Британский, испанский, бразильский, канадский, австралийский, китайский народы — население соответствующих государств. Эти названия ничем не отличаются от вариантов «народ Великобритании», «народ Австралии». Тот же самый смысл у языковых обозначений жителей страны по ее названию (политонимов) — австралийцы, бразильцы, британцы, испанцы, канадцы и т.п. Под ними понимаются все жители страны разной этнической принадлежности, включая людей иммигрантского происхождения. Условно эту общность можно назвать **государственным народом**, т.е. народом по государству. В определенных ситуациях или в политико-административных целях иммигранты (тем более если они не граждане) не считаются частью соответствующего народа. В России в понятие российского народа не входят временные трудовые иммигранты, и россиянин — это тот, кто имеет российский паспорт, а также дети этого гражданина или гражданки.

Однако понятие «народ» используется равным образом применительно к этническим общностям (в России в последние два-три десятилетия в таких случаях используется еще и термин «этнос»). Поэтому есть понятия «армянский», «русский», «татарский», «чеченский», «чувацкий» и другие народы, и есть

понятие «народы России» наряду с понятием «российский народ». Всего в Российской Федерации, согласно переписи населения 2002 г., проживает 158 народов или этнических групп, а вместе с подгруппами (например, казаки и поморы в составе русских, кряшены и сибирские татары в составе татар, кубачинцы и кайтагцы в составе ларгинцев) общее число этнических «единиц» составляет около 200¹. В 1994 г. была опубликована энциклопедия «Народы России», в которой содержатся сведения о населяющих страну этнических общностях — народах. В 2009 г. вышло уникальное издание «Народы России. Атлас культур и религий». Иногда синонимом может быть понятие «**национальность**». Но это только в России. В остальном мире понятие «национальность» (*nationality*) означает гражданство той или иной страны. Россияне уже научились отвечать в визовых анкетах на вопрос о национальности словом «Россия», но внутри страны национальность по-прежнему означает этническую принадлежность.

Понятие «**нация**» более строгое. Оно нагружено символическим и эмоциональным смыслами, но по сути своей подразумевает народ в форме государственного территориального сообщества. **Нация — это категория социальной классификации, за исключительное обладание которой борются две формы человеческих общностей — этнические и государственные.** Как категория и как политический инструмент она мало что дает для понимания общества и управления им, но порожденные на ее основе доктрины и практики, называемые **национализмом**, являются одним из наиболее значимых явлений новой и современной истории. Но если в настоящее время невозможно отказаться от употребления понятия «нация», то представляется допустимым **называть нациями как этнические общности (этнонации), так и государственные сообщества (согражданства).** При этом у последних ресурсов и аргументов на признание за ними данного обозначения больше. Поэтому для политического менеджмента наиболее приемлема формула «**Россия — это нация наций**».

Подобная формула доминирует в мировой политической практике. Таков и современный научный взгляд на нацию. По

¹ Этнокультурный облик России: Перепись 2002 года / Под ред. В.В. Степанова и В.А. Тишкова. М., 2007.

мнению американского антрополога К. Вердери, «нация — это аспект политического и символического/идеологического порядка, а также мира социального взаимодействия и чувства. В течение многих веков она являлась важным элементом системы социальной классификации»¹. Поскольку коренное значение этого слова «быть урожденным», то под нациями понимались самые разные сообщества: гильдии и корпорации, землячества в старинных университетах, феодальные сословия, массы людей и групп, имеющих общую культуру и историю. Это понятие изначально служило инструментом отбора, ибо спланивало в общую массу одних людей, которых нужно отличать от других, существующих бок о бок с этими первыми. Критерии отбора менялись в зависимости от времени и контекста. «В современную эпоху, — пишет К. Вердери, — нация стала мощным символом и основой классификации в международной системе национальных государств. Ею обозначаются отношения между государствами и их подданными, а также между одними государствами и другими; это идеологический конструкт, играющий важную роль в определении позиций субъектов как в рамках современного государства, так и в рамках международного порядка. Это значит, что нация имеет решающее значение для определения способа связи государства со своими подданными, который отличает их от подданных других государств, а также для его внешнего окружения»².

Связь понятий «нация» и «государство» отражена в сложной категории нация-государство (*nation-state*). Это есть общепризнанное обозначение всех суверенных государств мира, входящих в Организацию Объединенных Наций. Среди суверенных государств — членов ООН нет таких, которые не считали бы себя национальными государствами, даже если в их конституциях и доктринах признается сложный характер населения и отдельные его группы также называют себя нациями. Как пишет французский политический социолог Д. Кола, «нация представляет собой продукт определенных социальных условий и не является продолжением природы другими способами. Нация есть не что иное, как государство-нация: политическая форма террито-

¹ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. М., 2002. С. 297.

² Там же. С. 297–298.

риального суверенитета над подданными и культурная (языковая и/или религиозная) гомогенизация группы, накладываясь друг на друга, *порождают нацию*»¹.

Особого внимания заслуживают взгляды на природу нации немецкого философа Ю. Хабермаса, который, в частности, замечает: «Мировое сообщество, как уже следует из его названия — “Объединенные нации” — сегодня политически состоит из национальных государств. Это отнюдь не тривиальный факт. Исторический тип государства, впервые возникший с Французской и Американской революциями, распространился по всему миру. После Второй мировой войны, благодаря процессам деколонизации, сформировалось третье поколение национальных государств. Эта тенденция продолжилась с развалом советской империи. Национальные государства доказали свои преимущества как перед городами-государствами (или федерациями таковых), так и перед современными преемниками старых империй (последний из которых, Китай, как видим, именно сейчас переживает процесс глубокой трансформации)»².

Согласно Хабермасу, национальные государства последнего поколения — это «наследники империй», вышедшие из их состава и уже самим этим фактом доказавшие свои преимущества перед государствами — «преемниками старых империй». В таком случае Россия конечно же оказывается в числе последних, а Грузия, Украина и остальные «непреемники», видимо, по самому факту правовой непреемственности пребывают в составе национальных государств со всеми их преимуществами. Чем многоэтничные Украина, Грузия, Казахстан или Узбекистан отличаются от России с точки зрения нациестроительства, непонятно. Какие такие свои преимущества эти государства продемонстрировали перед Россией, — еще более непонятно. Ни с точки зрения экономической и социальной ситуации, ни с точки зрения консолидации управляемого населения и эффективности центральной власти, ни с точки зрения утверждения национального самосознания и уважения прав меньшинств, ни в каком другом отношении эти страны не могут быть названы

в числе успешных, а тем более «примерных» для России государств. *Россия — гораздо более успешно самоопределившееся национальное государство, чем большинство тех, которых Хабермас зачисляет в национальные государства, появившиеся после распада СССР.*

Что касается Китая, то при всей его многоэтничности он является одним из наиболее сильных и успешных национальных государств мира именно с точки зрения «юридически оформленного и высокодифференцированного административного аппарата», а также с точки зрения обладания вооруженными силами и полицией, которая сохраняет внутреннюю и внешнюю автономию государства и имеет монополию на насилие внутри государства. В России, как и в Китае, все эти признаки в добавление к организационному единству и контролю над собственными территориями налицо. Проблема сепаратизма, с которой столкнулась Россия в Чечне, и Китай — с Тибетом, никак не могут считаться обстоятельствами, вычеркивающими эти страны из числа национальных государств. Таким образом, нет причин, которые не позволяют считать эти два крупных и сильных образования современными (значит, национальными) государствами.

Сегодня все мы живем в национальных обществах, которые обязаны своей идентичностью политическому единству государств. Однако современные государства стали возникать до появления «наций» в современном их понимании. Две политические сущности — современное государство и современная нация — сплелись в форму национального государства не ранее конца XVIII столетия. Но в юридическом и политическом контекстах мы обычно пользуемся понятиями «нация» и «народ» как взаимозаменяемыми. Хотя, помимо прямого юридического и политического значения, термин «нация» указывает на общность, сформированную по критерию единства происхождения, культуры и истории, а часто также общего языка. Поэтому отнюдь не случайно понятие «нация» имеет двойное значение — **Volknation** и **Staatsnation** — «культурная нация» (или этнонация) и государственная (или гражданская) нация.

Хабермас напоминает, что в римском словоупотреблении *nation* относилось к сообществу людей одного и того же происхождения, еще не объединившихся в политическую форму

¹ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 351.

² Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы: О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002. С. 364.

государства, но связанных совместным поселением, общим языком, обычаями и традициями. В таком значении оно использовалось вплоть до начала Нового времени. Однако не следует думать, что «сообщество людей» или «совместное поселение» было лишено иерархических, сословных исключений. «Нациями» в старой Германской империи были всего лишь правящие сословия из разных владений («стран»), и именно аристократия обрела политическое существование в качестве «нации». А остальные были всего лишь «частными подданными». **Нация знати превратилась в нацию народа («третьего сословия») в результате усилий ученых, интеллектуалов, представителей городских образованных средних классов. Если хотите, современные нации появились именно в результате идеологии национализма, а не наоборот.** Хабермас выделяет специфику и уникальное достижение национального государства, которое оказалось возможным благодаря объединяющей идее нации: «Эта первая современная форма коллективной идентичности послужила катализатором преобразования раннего современного государства в демократическую республику. Национальное самосознание народа составило тот культурный контекст, который способствовал росту политической активности граждан. Именно национальная общность породила новый тип взаимосвязи индивидов, ранее совершенно чуждых друг другу. Тем самым национальное государство смогло решить сразу две проблемы: оно учредило демократический способ легитимации на основе новой и более абстрактной формы **социальной интеграции**»¹.

Наделение населения политическими правами, переход от статуса подданных к статусу граждан продолжается до сих пор. Невозможно отрицать разную степень социальной интеграции в рамках современных наций. **Наций с абсолютно лояльными гражданами, всецело солидарными друг с другом и с властью, без внутренних коллизий и даже открытых конфликтов, в мире просто не существует.** Мы не найдем на политической карте мира такого государства, которое отвечало бы идеальному представлению о национальном государстве. В Великобритании и Испании много лет действует сепаратистское подполье; в Канаде и Бельгии существуют двух- и трехоб-

щинные разноязыкие части страны и жесткие сепаратисты; в Аргентине, Чили и Греции при режиме военных хунт сажали и убивали политических оппозиционеров и т.д. Свои довольно специфические представления о правах человека существуют в странах Азии, а в мусульманских странах трудно вести речь о суверенном личностном статусе женщин. Тем не менее все эти страны числятся среди национальных государств.

Нацию следует понимать как принимаемую на массовом уровне идею о суверенном и солидарном согражданстве, а не как буквальное наличие всех присущих ей атрибутов. Из этого следует, что юридическая принадлежность к государственной общности, само по себе членство в гражданской нации придают «добавочный политический и культурный смысл вновь обретенной принадлежности к общности полноправных граждан, активно способствующих ее упрочению» (Хабермас). Именно идея нации затрагивает сердца и умы людей в большей степени, чем абстрактные понятия прав человека и народного суверенитета.

Заметим, что в историческом Российском государстве (Российская империя — СССР — Российская Федерация) понятие гражданства с момента его появления в эпоху Петра I и Екатерины II также не ограничивалось юридическим статусом. Оно означало одновременно принадлежность к единой историко-культурной общности (российскому или советскому народу) и стремление «активно способствовать ее упрочению», т.е. служить Отечеству и защищать Родину.

Представления об этнической и гражданской нации

Итак, термин «**национальность**» применяется для обозначения принадлежности граждан к тому или иному национальному государству. Гражданин Великобритании (этнические англичанин, ирландец, шотландец, уэльсец или выходец из иммигрантов) является членом британской нации. Канадские франкофоны (главным образом жители Квебека — квебекцы), англофоны, индейцы и эскимосы, иммигранты итальянского, украинского или русского происхождения — все они канадцы, если имеют канадское гражданство и достаточно интегрированы (обычно предоставление гражданства связано с интеграци-

¹ Там же. С. 367–368.

ей, если оно не куплено за деньги в виде капиталовложений в стране или не пожаловано за особые заслуги). В испанскую нацию входят не только кастильцы, составляющие большинство населения страны, но и каталонцы, баски, галисийцы и другие граждане Испании независимо от регионально-культурных различий и регионально-этнических идентичностей. Каталонец является одновременно представителем испанской нации. Конечно, есть радикальные элементы, например баскские и ольстерские экстремисты или квебекские сепаратисты, отвергающие принадлежность к испанской, британской или канадской нации соответственно. Но эти крайние случаи только подтверждают норму: подавляющее большинство басков и каталонцев считают себя испанцами, а основная часть квебекцев — канадцами. Данную закономерность подтверждают как референдумы среди населения, так и общенациональные празднования спортивных побед, как, например, «испанской “Барселоны”» (обратите внимание: не каталонской, а испанской, хотя Барселона — столица Каталонии!) в европейском футбольном чемпионате или канадской хоккейной команды (в ней более половины игроков — франкофоны) в мировом первенстве.

В Шотландии всегда были сторонники шотландского этнонационализма, выразившегося в историческом мифе, региональном патриотизме, особых культурных традициях, языковой отличительности. В последнее время этот национализм обрел отчетливые политические формы вплоть до инициирования местной правящей партией референдума о государственной независимости Шотландии. Однако на сегодняшний день господствующая идея государственного устройства страны заключается в идее британской нации. Мы видим, что шотландцы, включая премьер-министра Великобритании Гордона Брауна, являются частью британской нации. И шотландским поэтом Робертом Бернсом нация, а не только этнические шотландцы. Однако представлять гражданские нации только как сообщества носителей одинаковых паспортов, а этнические нации как подлинных производителей культуры и всего остального, включая саму государственность, — значит радикально сужать смысл и роль основной формы человеческих коллективов, которая известна нам с момента всеобщего «огосударствления» человечества, по крайней мере, с эпохи возникновения совре-

менных государств. Такой формой являются территориально-государственные сообщества, обладающие разной степенью политической и социальной консолидации и этноконфессиональной гетерогенностью, но имеющие общие историю, культуру и идентичность.

Некоторые отечественные ученые подвергают сомнению феномен гражданской нации. По мнению В.В. Коротеевой, например, в России нет не только подобия французской нации, созданной на основе ассимиляционной модели, но «нет в России и того ощущения единой исторической судьбы, которая сложилась у американской нации в ходе борьбы за независимость и последующего отстаивания целостности страны... Исторический миф русских, связанный с государством, не смог подчинить себе конкурирующие мифы других народов, несогласных с идеей “добровольного вхождения” и бесконфликтного сосуществования в рамках единого государства. ...Миф гражданской нации как добровольно объединившегося сообщества не стал в России господствующим»¹.

Эти рассуждения во многом ошибочны. Во-первых, и французская и американская нации являются гражданскими, а не этническими нациями. Ассимиляционная модель для обеих стран, когда она провозглашалась частью политики правящего класса, была всего лишь некой идеей и программой, которые не обязательно включала задачу этнической ассимиляции. Во Франции в период революции и позже этнические меньшинства и их языки в действительно подвергались гонениям. Но с тех пор многое изменилось. Как и в прошлом, сегодняшний корсиканский исторический миф радикально не совпадает с собственно французским, хотя их и роднит фигура Наполеона Бонапарта. Современная французская нация еще более разнообразна и сложна по составу, чем 200 лет тому назад. Что касается американской нации, то на всех этапах своего существования она являлась расовым, этническим и религиозным конгломератом. В Америке так называемые «воспы» (белые англосаксы-протестанты) также не смогли подчинить своему мифу «конкурирующие мифы других народов», особенно афроамериканцев, испаноамериканцев и индейцев. Однако оба государственно-

¹ Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. 1997. № 3.

политических согражданства имеют свою собственную общую культуру, общий исторический мета-нарратив (главную версию прошлого), обогащенные этническими и другими составляющими.

Фактически каждая страна обладает собственным культурным багажом, порожденным историей и вкладом носителей разных традиций.

После завоевания независимости американская нация вела не борьбу за «отстаивание целостности страны», а жестокую гражданскую войну и не менее жестокие войны с аборигенным населением страны, а также территориальные захваты испаномексиканских и гавайских территорий и постоянно конфликтовала с частью населения, состоящего из африканских рабов и их потомков. Однако некоторые исследователи считают¹, что в США нет и не было конкурирующих исторических мифов, а бытовало и бытует представление о бесконфликтном сосуществовании в едином государстве «белых», «черных», «краснокожих» и прочих. В США якобы разом все разом и навсегда «ощутили единую историческую судьбу» и стали нацией, а вот в России так не получилось. И поэтому гражданской нации в ней нет. В отношении нашей страны здесь повторяется тривиальный тезис о «народах России» и их несовместимости с русским народом. Следует помнить, что применительно к Средним векам и даже к Новому времени, не говоря уже о древности, правильнее говорить не о «народах», как мы их понимаем сегодня, а о племенном населении и о разнокультурных общностях, которые «народами» себя не осознавали, «конкурирующих исторических мифов» вовсе не имели. До завоевания или присоединения к России эти «народы» чаще всего пребывали под господством собственных или иноземных правителей: татарских и джунгарских ханов, польских и шведских королей, турецких и персидских властителей. Природа тогдашних раннегосударственных и социально-культурных коалиций людей была такова, что этничность, включая даже язык, мало что значила для их оформления. Когда речь шла о власти и подчинении, восприятия людей были совсем другими. На протяжении длительного времени существования российской монархии «вхождение»

¹ См., например: *Коротеева В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // *Pro et Contra*. 1997. № 3.

или покровительство русского царя (государственные границы в те времена не оформлялись) считалось не только желанным и почитаемым, но и жизненно важным или же просто «богоданным», т.е. предрежденным некими высшими силами.

Образ русского «белого царя» как идеального государя, как арбитра и заступника прочно закрепился в массовом сознании присоединенных к России в разное время нерусских народов. Исследовавший этот вопрос российский историк В.В. Трепавлов отметил, что в средневековой России большинство российских народов находилось на стадии раннегосударственного развития. Они воспринимали власть как данную Богом. «Высшая государственная власть понималась как явление, во-первых, тотальное, всеохватное, пронизывающее все сферы жизнеустройства; во-вторых, магическое, далекое и недостижимое, недоступное для простых людей; в-третьих, персонифицированное — воплощенное в монархе. В эпицентре власти основным ее носителем естественно оказывался царь. Именно его абстрагированный образ (а не конкретно-исторический индивидуум!) служил воплощением тех надежд, иллюзий и стереотипов, которые были характерны для традиционной политической культуры народов России в XV–XVIII вв. Представления о верховном сюзерене формировались во многом стихийно, по ходу жизни в пределах государства, но порой также пропагандировались (насаждались) властями на местах. В условиях, когда волей истории в общих границах объединились носители многих языков и нескольких религий, фигура государя служила одной из немногих идеологических и политических скреп колоссальной полиэтничной державы»¹.

Что касается более поздних «добровольных вхождений» и их позднейших юбилейных празднований, то какое все это имеет отношение к обоснованию наличия или отсутствия нации? Кстати, индейские народы США и Латинской Америки также не праздновали такие громкие юбилеи, как 500-летие открытия Америки Колумбом и 200-летие образования США. У них на этот счет были свои «конкурирующие исторические версии», причем не мифические, а реальные с точки зрения адекватной истории.

¹ *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 5–6.

Нация и многоэтничность

Население государств как в прошлом, так и в настоящем (т.е. *всегда*) было многоэтничным. В каждом государстве проживают представители разных этнических групп, которые могут, кстати, также называться нациями, народами, меньшинствами в зависимости от степени самоорганизации этих групп и политики правительства той или иной страны. В Турции, например, вообще не признается существование каких-либо других групп, кроме собственно турок, хотя в стране проживает несколько миллионов курдов с отчетливым самосознанием, организованно борющихся за свои права (лидер курдов Оджалан был приговорен в Турции к смертной казни). В Китае более 50 неханьских народов общей численностью в сто миллионов человек называются этническими группами или национальными меньшинствами. В Канаде группы аборигенного населения (индейцы и эскимосы) называют себя «первыми нациями». Это обозначение стало общепризнанным даже на уровне Конституции. В дореволюционной России после сложения централизованного государства существовало основное понятие «русский (российский) народ» и в отношении этнических меньшинств и неправославных использовались понятия «инородцы», «иноверцы», «племена», «туземцы», «народности» и другие категории. Важно отметить, что русский народ представлял собой широкую (внеэтническую) категорию. Известная и ныне переизданная книга автора XIX в. М. Забылина об обычаях, обрядах, верованиях и преданиях русского народа¹ включала сведения о татарских, чувашских, мордовских, черемисских свадьбах, о шаманизме среди тунгусов и самоедов и о других этнокультурных традициях, которые к собственно русским и даже к православным отнести было нельзя.

В СССР этнические общности назывались по-разному: национальными меньшинствами, национальностями, нациями и народностями. Современное понятие «национальное меньшинство» перегружено противоречивыми смыслами. Как пишет один из специалистов по данной проблеме, «оно может играть разные роли: быть способом категоризации населения,

¹ См.: Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Адаптир. изд. М., 1997.

описывать отношения субординации и доминирования, выступать как политическая программа, служить основой риторического и институционального включения тех или иных групп в политическое сообщество или их исключения и т.д. Симптоматично, что никому пока еще не удалось выработать общепризнанную дефиницию меньшинства»¹. В современной России есть свои особенности в понимании и использовании этого термина. Фактически все авторы, особенно юристы, политологи и социологи, воспринимают меньшинства как объективно существующие и культурно определенные группы, а проблему меньшинств — как проблему отношений между группами или между группой и государством. В отечественной юридической литературе является общепризнанной трактовка коллективных прав меньшинств как прав на «выживание», «развитие», «самоопределение», а равенства — как обеспечения равных прав этнических групп и коллективных прав меньшинств². При этом смысл зарубежного права в данной сфере конституционно-государственного строительства и международной политики, включая смысловое содержание переводимых на русский язык терминов трактуется искаженно³. Самое уязвимое в отечественной трактовке меньшинств — это сохраняющееся с советских времен этнонационалистическое представление о группах людей одного согражданства, которые якобы живут за пределами «своих» национально-государственных образований или на «своей» этнической территории. На самом деле в России все граждане живут на территории своего национального государства, а «этнических территорий» в государстве вообще не существует, кроме определенных законом участков для ведения традиционных видов хозяйства коренными малочисленными народами Севера. В целом же в государстве, в том числе и в Рос-

¹ Осипов А. Эссенциалистские представления об этничности в системе преподавания правовых специальностей // Расизм в языке образования / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб., 2008. С. 161.

² См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. 4-е изд. М., 2005; Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003; Андриченко Л.В. Право национальных меньшинств на культурно-национальную автономию // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.

³ См.: Блищенко И.П., Абашидзе А.Х. Международная защита прав национальных меньшинств. М., 1993.

сии, действует принцип, что право на территорию путешествует вместе с гражданином.

Однако вернемся к вопросу о нации. Слово «нация» встречается в русском политическом лексиконе с XVIII в., но оно было употребительным уже во второй половине XVII столетия преимущественно в дипломатической среде. С момента правления Петра I этот термин прочно укореняется в официальных текстах, а также на страницах газет, художественных произведений, мемуаров и в частной переписке. Как правило, значение слова «нация» было идентично понятиям «народ», «люди». Характерно, что в тех русских официальных документах, которые должны были дойти до сведения европейских дворов и потому целенаправленно переводились на различные языки, в частности на немецкий, слово «нация» звучало как «die Nation» или «das Volk». В источниках зафиксировано употребление термина «нация» и в узкословном (дворянском) смысле. Например: «Государь <...> должен знать, что нация, жертвуя частию естественной своей вольности, вручила свое благо Его попечению <...>, а дабы нация имела свою вольность, надлежит правлению быть так устроено, чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти»¹.

Население государств, т.е. гражданские нации, как правило, отличаются также сложным религиозным и расовым составом. **Для современных государств многоэтничность и поликультурность народа (или нации) — это норма.** Культурная сложность наций относится и к языковой ситуации, ибо язык — одна из отличительных характеристик этнических групп. Очень мало государственных народов или наций, представители которых говорили бы на одном языке. Среди мексиканцев, например, около 10% составляют индейцы-аборигены, говорящие на языках групп майя и ацтеков, а швейцарцы используют четыре языка — немецкий, французский, итальянский и ретороманский и т.п. Как правило, нации многоязычны, хотя чаще всего по причинам демографического большинства или удобства коммуникации доминирует какой-то один или два языка, которым в целях оптимизации государственного управления

¹ Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование / Сост. Е.С. Шумигорский. СПб., 1907. С. 9–11.

и консолидации населения страны может придаваться официальный статус. Общепринятый правовой подход заключается в том, что *бюрократии должны разговаривать на языке большинства налогоплательщиков, а не налогоплательщики должны выучивать язык чиновников.* Этот тезис актуален для постсоветских государств. Особенно для Латвии, Украины, Казахстана, где добрая половина платящих налоги жителей пользуются русским языком как основным языком знания и общения.

Имеющиеся среди населения государств различия (этнические, языковые, религиозные и даже расовые) относятся к категории культурных. Многокультурный характер населения ныне признается практически всеми государствами-нациями¹. Однако существуют государства, идеологии и религиозные системы, не признающие культурную сложность наций и культурную свободу человека. Так, например, ислам фундаменталистского толка отвергает возможность выхода из религии и насаждает представление об исламской *умме* как своего рода нации-общности на основе веры, а не государства. Следует сказать, что и в христианстве этническое начало мало что значит, ибо «для Бога нет ни эллина, ни иудея».

В России исторически было так, что все принявшие православие считались одним народом, который назывался русским или российским. Только в последнее время среди некоторых православных активистов и даже священнослужителей появились ревнители исключительно русского взгляда на Россию, для которых российскость выглядит как нечто подрывающее основы государственности. Церковь в России действительно носит название *Русской* православной церкви, но в этом названии меньше всего этнического содержания.

В некоторых государствах недоминирующая религия подвергается гонениям, а в иных (с коммунистическим правлением) любая религия отрицается как «опиум для народа». Есть государства-нации, которые долгое время утверждали себя как целостность на основе мифов о расовой и этнокультурной гомогенности, например миф о «белой Австралии», который был демонтирован только в последние два десятилетия, причем настолько радикально, что австралийская нация приветствовала

¹ См.: *Тышков В.А.* О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1.

мир из олимпийского Сиднея аборигенно-этническим разнообразием уже как своего рода визитной карточкой страны.

Концепты многорелигиозной, многорасовой и многоэтнической нации и единого народа с разной степенью успешности утверждаются в таких крупных странах, как Бразилия, Канада, США, Великобритания, Китай, Индия, Пакистан, Индонезия, Новая Зеландия, Филиппины, Танзания, Нигерия и т.д. Формула «единство в многообразии» (unity in diversity) как основа политического устройства и управления находится в арсенале большинства современных государств — от огромной Индии до маленькой Ямайки. На ямайском долларе имеется надпись «Из многих — один народ» (from many one people).

Наконец, есть государства, где укоренилось представление о нации как об этнической целостности, говорящей на одном языке и имеющей свой особый характер («этническую психологию») и даже этногенофонд. Эта доктринальная и политическая традиция восходит к австромарксистам и к российским большевикам. Она была на вооружении в Германии в период правления национал-социалистов и некоторое время сохранялась и после Второй мировой войны. В науке и в общественной практике она утвердилась главным образом в СССР и в регионе его идеологического и политического влияния. Родоначальником марксистского видения нации в советском варианте был «чудесный грузин», написавший в 1913 г. «превосходную брошюру» (оба определения принадлежат В.И. Ленину) под названием «Марксизм и национальный вопрос». Эта идеологическая матрица сохранялась весь советский период. Отчасти она жива до сих пор.

Нациестроительство на постсоветском пространстве

В Восточной Европе, где этнонационализм и идея культурной нации господствовали с конца XIX в., в последние десятилетия и особенно после распада СССР концепт культурной нации (этнонации) стал второстепенным по отношению к концепту политической нации. Им достаточно условно обозначают этническую диаспору (все венгры или все поляки в мире как представители венгерской или польской «культурной нации»). При этом ответственные и грамотные люди понимают, что венгер-

ская нация — это прежде всего граждане Венгрии, польская нация — это граждане Польши, а не господа Джордж Сорос, Збигнев Бжезинский и Ричард Пайпс. Последние — представители американской нации, имеющие смешанное венгерско-еврейское и польско-еврейское этническое происхождение. Если даже венгры и были бы склонны зачислить Николя Саркози в состав венгерской нации, то французы не могут отдать им своего лидера нации, да и сам он считает себя французом.

В силу ментальной инерции и влияния этнического национализма государства бывшего СССР от концепта этнонации к концепту гражданской нации продвигаются трудно. Многим постсоветским политикам, ученым и этническим активистам кажется, что признание второго означает отрицание первого. Поэтому остается в обиходе представление о нации как об этнической общности, которая образовала соответствующее государство и является его собственником, включая даже воздушное пространство (как это записано во многих постсоветских конституциях). Другими словами, в Латвии все принадлежит латышской нации, т.е. этническим латышам, а не латвийской нации, включающей русских граждан и неграждан — таких же создателей современного государства и исправных налогоплательщиков. На Украине владелец государства, его недр и воздушного пространства — украинская нация, в которую могут войти русские, поляки, крымские татары и другие нетитульные нации, только если они станут украинцами. И так во всех постсоветских государствах.

Широкое, гражданское понимание нации (например, казахстанской или латвийской) пока утверждается робко, главным образом для внешнего мира, чтобы выглядеть прилично. В казахстанских паспортах для выезда за рубеж в графе «национальность» стоит «Казахстан», а для внутреннего пользования в той же графе указывается этническая принадлежность. Этническая и языковая сложность постсоветских наций продолжают отвергаться, и граждане, не принадлежащие к «титульной» этничности, переведены в категорию национальных меньшинств без членства в нации. *В этом заключается радикальное отличие от мирового концепта меньшинств.* В обычном варианте меньшинства входят в состав нации и обладают всеми правами ее членов.

Как носители малых культур меньшинства (точнее, культура и образ жизни части населения государства) пользуются особой поддержкой государства через соответствующую политику, которая может называться по-разному (этническая политика, политика в отношении меньшинств, политика аффирмативных акций и т.п.). Например, в Финляндии шведское национальное меньшинство входит в состав финляндской нации вместе с этническими финнами, саамами, местными русскими, татарами и другими. В этой стране действуют меры поддержки культуры саамов и шведов, а шведский язык имеет статус официального языка наряду с финским языком.

Наконец, последний вопрос, который принципиально значим для целей этнополитики: как соединить многообразие страны и этнокультурное развитие отдельных общностей и регионов с проектом гражданской нации и обеспечением гражданского единства?

Многообразие и есть единство, которое не должно пониматься как единообразие. Признавая, поддерживая и укрепляя региональные и этнокультурные идентичности как составляющие российскую идентичность, как общее достояние, а не как эксклюзивную собственность отдельных групп населения, мы тем самым укрепляем групповое достоинство и уверенность людей в том, что Россия — это их общее государство, а не собственность какого-то одного народа. Россия есть общая и главная родина россиян. Для многих в стране эта Родина включает и малую родину, где прошло детство или где исторически проживают представители собственной этнической группы. Воспитание таких представлений требует обновления ряда образовательных и информационных политик, но больше всего — той сферы, которая до сих пор носит старое советское название — «национальная политика».

Контрольные вопросы и задания

1. Как соотносятся понятия «народ» и «нация»?
2. Почему Россия есть национальное государство?
3. Взгляды Юргена Хабермаса на природу нации.
4. Идея нации в российской истории.
5. Особенности нациестроительства на постсоветском пространстве.

Литература

1. *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
3. *Ачкасов В.А.* Этнополитология: Учебник. СПб., 2005.
4. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
5. *Горшков М.* Российская идентичность в условиях трансформирующихся процессов // Вестник российской нации. 2008. № 1.
6. *Дробижева Л.М.* Российская идентичность в массовом измерении // Вестник российской нации. 2009. № 1 (3).
7. *Каррер д'Анкосс Э.* Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / Пер. с фр. М., 2007.
8. *Кожановский А.Н.* Испания и ее «национальный вопрос» // Вестник российской нации. 2009. № 1 (3).
9. *Кола Д.* Политическая социология / Пер. с фр. М., 2001.
10. *Коротеева В.В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. 1997. № 3.
11. *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.
12. *Миллер А.* Государство и нация в Украине после 2004 г. — анализ и попытка прогноза // Вестник российской нации. 2009. № 5.
13. *Национализм в мировой истории* / Под ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. М., 2008.
14. *Национальная идея: страны, народы, социумы* / Под ред. Ю.С. Оганисяна. М., 2007.
15. *Смит Э.* Национализм и модернизм. М., 2004.
16. *Соколовский С.В.* Права меньшинств. Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М., 1997.
17. *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
18. *Тишков В.А.* Нация и национальная идентичность в России // Вестник российской нации. 2008. № 1.
19. *Тишков В.А.* Национальная идентичность (о смысле дебатов) // Вестник российской нации. 2009. № 1 (3).
20. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.
21. *Хюбнер К.* Нация: от забвения к возрождению. М., 2001.
22. *Chatterjee P.* The Nation and Its Fragments. Colonial and Postcolonial Histories. Princeton, 1993.
23. *Guibernau M.* Nationalisms. The Nation-State and Nationalism in the Twentieth Century. Cambridge, 1996.
24. *Nationalism* / Ed. by J. Nutchinson and A.D. Smith. Oxford, 1994.
25. *Notions of Nationalism* / Ed. by S. Perival. Budapest, 1995.

Глава 5

Этничность как политический ресурс

Важнейшим в этнополитологии является вопрос: можно ли рассматривать этничность как политический ресурс? Если мы признаем этничность политическим ресурсом, то каково значение этого ресурса и насколько оно устойчиво? Рассматривая этничность как политический ресурс, надо определить формы, в которых проявляются политическое значение этничности, методы политизации этничности и место этничности в арсенале современной политики.

Для доказательства постулата «этничность есть политический ресурс» необходимо рассмотреть примеры, которые демонстрируют роль этничности в формировании и распаде государств, в межгосударственных отношениях, в возникновении и эскалации этнических конфликтов, ее значение в государственном строительстве, во внутриполитической жизни государств и в международной политике.

Политический ресурс этничности

Первый опыт использования политического ресурса этничности относится к эпохе колониальных захватов. Активно этот ресурс использовала колониальная администрация Британской империи, которая рассматривала статус этнических групп и этническую иерархию колонизируемых народов как инструменты для управления местными сообществами. Но особенно масштабный характер политизация и своего рода огосударствление этничности приобрели в Советском Союзе. Еще во время Гражданской войны большевики активно привлекали на свою сторону горские народы, передавая им «освобожденные» от казаков станицы. Затем они приступили к построению этнической федерации с целью формирования лояльных к режиму этнических элит.

Распространено мнение, что этничность является неременным условием государственного строительства, а соответствие между государственными и этническими границами — основа

национального государства. **На этом базовом принципе строится концепция нации-этноса.** Тем не менее не только империи Древнего мира и средневековые династические монархии были полиэтничными государствами, но таковыми стали и многие национальные государства Нового времени. История возникновения латиноамериканских государств, Швейцарской Конфедерации, арабских государств свидетельствует о том, что для создания современных государств гораздо более серьезными основаниями являются не этнические, а территориальные связи и политический фактор. Более того, некоторые этнологи утверждают, что этничность не может служить основой государственности и даже внутреннего административного деления. И все же именно этничность нередко выступает в качестве идеологического обоснования требований создания национального государства.

Идеологическая конструкция нации-этноса становится основой для политической мобилизации этнических сообществ, и это ведет к формированию националистических движений и последующей их борьбе за создание независимых государств. В этом смысле этничность выступает как ресурс общенационального уровня. Юридическим следствием такого рода движений стало то, что фактически этничность была признана одной из основ доктрины самоопределения, а помимо этого стала источником возникновения в мировой юриспруденции проблемы «коренных народов» или индигенных народов, особенно в отношении государств, основная часть населения которых имеет переселенческое происхождение.

Исторические примеры показывают, что национальное пробуждение и движение за государственную независимость начинаются с культивирования интереса к этническим корням культуры, к развитию языка. Так в XIX в. происходило национальное пробуждение в Финляндии, Болгарии, Чехии, Венгрии, в других странах Восточной Европы, которые после Первой мировой войны обрели статус независимых государств. Революционные и национальные движения долгое время рассматривались революционерами как составные части антиимпериалистической борьбы, борьбы за социальные преобразования. Российская социал-демократия, как и социал-демократы Европы, уделяла много внимания вопросам национального самоопределения,

включала их в политические программы и использовала этнонациональную проблематику в политической борьбе. Неслучайно российские большевики создали одно из немногих в мире государств, построенных по этнотерриториальному принципу.

В основе такого подхода к построению государства лежала доктрина этнического национализма, которая покоилась на двух основных теоретических положениях. Первое положение состояло в признании в качестве основы нации этнической группы, которая обладает рядом обязательных характеристик, как то: территория, язык, общность экономической жизни, общее самосознание. Согласно второму положению условием успешного существования нации являлось наличие собственной государственности в той или иной ее форме, а на территории данного национально-государственного образования «государственнообразующий» этнос или этническая группа признавались «коренной нацией», все остальные граждане — «некоренным населением».

Этнополитическая модель построения государственного организма способствует тому, что составляющие государство местные сообщества начинают отождествлять себя прежде всего с собственным национально-государственным образованием, а не с государственной общностью в целом. В результате общегосударственное сознание, общегосударственные начала оказываются ослабленными.

Осознавшие себя нациями этнические группы способны не только цементировать государственные устои, но и при определенных условиях разрушать государство. Одно из условий внутренней нестабильности проистекает из принципа построения государств. В Европе по этому принципу в XX столетии были построены три государства — СССР, Югославия и Чехословакия. Все они возникли или строились впоследствии как федеративные государства, и все они не дожили до конца столетия, что подтверждает тезис, согласно которому этнический принцип построения государства не способствует формированию общегосударственного сознания у жителей «этнических» провинций. Но чтобы жители этих провинций осознали себя нациями, необходимы соответствующие условия. К примеру, в СССР в период горбачевской перестройки инициаторами сепаратистских настроений оказались не республики Средней

Азии и Кавказа, а республики Прибалтики, хотя традиции государственности были более глубокими именно в среднеазиатском регионе и на Кавказе. Но дело в том, что в современных границах ни одна из республик Средней Азии или Кавказа как государственное образование никогда не существовала (за исключением недолгого периода после Октябрьской революции 1917 г., когда Армения, Азербайджан и Грузия получили государственную независимость и тут же были ввергнуты в пучину междоусобиц). После октября 1917 г. страны Балтии, среди которых только Литва имела прежде собственное государство, обрели государственную независимость. Именно это обстоятельство способствовало тому, что здесь титульное население стало прочно воспринимать себя как нации даже тогда, когда независимость была вновь утрачена, а потому политическая мобилизация этничности в Прибалтике происходила успешнее, чем в других советских республиках и этнический национализм был наиболее силен.

Построенная по тому же этническому принципу Югославская федерация изначально имела больше шансов стать прочным государственным образованием, нежели Советский Союз, который в основном держался на жесткой тоталитарной политической системе. Но внутренняя политика югославского руководства способствовала не росту интеграционных связей в государстве, а превращению республик в самодостаточные территориальные сообщества. Эта самодостаточность породила сначала политический сепаратизм, а затем и этнический национализм. Исследователи отмечают, что «и советский, и югославский кризисы явились результатом краха традиционной национальной политики и коммунистической системы в целом... Предпосылки этнической мобилизации были созданы благодаря организации власти по национально-территориальному принципу, а также в результате совпадения региональных экономических интересов с этническими»¹.

Первая «модель» Югославии появилась в 1918 г. после окончания Первой мировой войны, когда представитель династии Карагеоргиевичей король Александр объединил под своей властью никогда прежде не жившие в едином государстве на-

¹ Вуячич В., Заславский В. СССР и Югославия: причины распада // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 33.

роды. Государство было названо Королевством сербов, хорватов и словенцев. Сербь в королевстве превратились не только в этническое большинство, но стали доминировать в государственной жизни, а великосербская идеология все больше влияла на массовое сознание сербов и официальную политику. Эта модель была разрушена в ходе Второй мировой войны и второе объединение Югославии было заслугой коммунистов во главе с маршалом Иосипом Броз Тито. Коммунисты создали федерацию из шести республик, построенных по этническому признаку, провозгласив лозунг «братства и единства всех народов и народностей Югославии». В основу внутренней политики они положили интегральный югославизм, идею югославского братства и единства. 31 января 1946 г. была принята первая конституция ФНРЮ (в 1963 г. принята вторая и страна стала называться СФРЮ). В Югославии было объявлено юридическое равноправие народов и языков. Но в реальности югославизм, который базировался на старых идеях о будущем добровольном единении и слиянии южнославянских народов и их языков, нередко воспринимался в республиках как проявление унитаризма со стороны доминирующей этнической группы — сербов. Доктрина унитаристского югославизма на практике переросла в свою противоположность, в идею политического (республиканского), экономического, этноязыкового размежевания. Началось все с политизации этноязыковых проблем и противостояния интеллектуалов, предлагавших, в частности, аннулировать решения Венского литературного соглашения 1850 г. (тогда было принято решение о едином литературном сербохорватском языке) и самостоятельно развивать два языка — сербский и хорватский. Межэтнические отношения особенно обострились в конце 1960-х — начале 1970-х гг. В Хорватии, Сербии, Словении прокатилась волна студенческих выступлений и забастовок с требованием реформ и предоставления республикам большей самостоятельности. Хорватские СМИ культивировали страх перед «экспансией сербского элемента» и перспективой ассимиляции хорватского населения доминантной группой. В сербской же среде культивировались мнения, что сербы есть самый многочисленный народ, который вынес на себе основную тяжесть народно-освободительной борьбы и внес наибольший вклад в создание новой Югославии, а потому они должны играть ре-

шающую политическую роль в стране. Межреспубликанские и межэтнические трения обострялись в результате децентрализации экономической и политической системы страны. В 1967–1971 гг. были приняты поправки к конституции, которые расширили права республик, укрепив их экономическую и политическую самостоятельность. Но эти меры не устранили противоречия, а только усилили их.

Тем не менее, авторитарный режим Тито прочно контролировал страну до 1974 г. В 1974 г. была принята новая конституция страны, которая обострила отношения между югославскими республиками. Новая конституция предоставила республикам широчайшие полномочия и свела к минимуму права федеральных органов. Это не только способствовало закреплению региональных различий в уровне жизни и степени экономического развития республик, но и ознаменовало переход Югославии от федеративного к конфедеративному устройству. Стал усиливаться сепаратизм и регионализм. Но если в Словении и Хорватии, где уровень жизни был выше и тяга к независимости от центра всегда была велика, новая конституция приветствовалась, то в менее развитых республиках она вызвала недовольство. С принятием новой конституции нарастанию центробежных тенденций, росту экономического эгоизма республик уже ничего не мешало, и югославские республики стали строить отношения друг с другом как с иностранными государствами (расчеты между республиками велись в иностранной валюте).

После смерти Тито отношения между республиками обострились до крайности. В ходе первых многопартийных выборов в 1990 г. в четырех республиках к власти пришли оппозиционные силы и победили главным образом партии с националистической окраской, лидеры которых заявили о своей независимости от Белграда. Партии «югославской ориентации» потерпели на этих выборах поражение. В Сербии и Черногории победили коммунисты. Это осложнило переговоры о будущем устройстве страны, усилило противоречия. Фактически лидеры республик не искали путей перестройки отношений внутри федерации, а стремились форсировать распад страны, активно эксплуатируя этнический национализм. В республиках стали создавать свои воинские формирования, которые после провала переговоров и провозглашения независимости югославскими республиками

стали вести вооруженную борьбу против федеральных войск, хотя и югославская армия, по сути, раскололась по этническому признаку после заявления лидеров ряда республик о выходе из состава Югославской Федерации. Если прежде хорваты, словенцы, македонцы и представители других народов были в положении этнических меньшинств, то теперь сербы стали меньшинствами в отколовшихся от федерации республиках. У этой части сербского населения явочный характер самоопределения республик только усилил опасения за свое будущее и стремление к воссоединению с Сербией. Сербский лидер С. Милошевич использовал эти настроения и призвал армию восстановить контроль над государственными границами, что в итоге привело к гражданской войне и к окончательному распаду Югославии.

Мягкий распад Чехословакии нередко противопоставляют драматичному развалу Югославской Федерации, но причина распада Чехословацкого государства также кроется в этническом национализме и прежде всего в словацком. Для его возникновения и актуализации имелись исторические основания, но в целом опыт дезинтеграции чешского и словацкого государства нуждается в пристальном изучении. Многие исследователи убеждены, что, как и распад Советского Союза, распад Чехословакии не был неизбежен. Распад обеих стран стал результатом деятельности определенных политических сил (граждане СССР на референдуме высказались за сохранение единого государства, а политики Чехословакии сознательно отказались от проведения референдума, хотя общественные настроения в стране ясно показывали, что восхитивший многих в Европе «развод» не поддерживался большинством чехов и словаков). Проблема Чехословакии состояла в том, что изначально в стране не были решены правовые вопросы сосуществования двух основных этнических общин, а по большому счету даже четырех этнических составляющих данного государства. Значительное несовпадение этноязыковых и государственных границ и отсутствие идеи интегральной нации и эффективной интеграционной политики сыграли роковую роль в чешской истории новейшего времени. В чешских землях не только чехи, но и немцы со времен Средневековья обладали развитым божественным и моравским самосознанием. Этому способствовало сохранение

исторических рамок чешской государственности в составе империи Габсбургов. Подъем национальных движений в первой половине XIX в. способствовал актуализации как чешского, так и немецкого самосознания. Идеологи чешского движения уже не могли удовлетвориться идеей исторической Чехии и стали искать новые культурные ориентиры в идее солидарности славянских народов, а немцы — в пангерманизме. Возникновение чехословацкой идеи ряд исследователей считают производным от идеи славянской. Проживавшие на севере «земель венгерской короны», т.е. в венгерской части Австро-Венгрии, словаки, испытывая гнет венгерских помещиков и чиновников, все более отчуждались от венгерской государственности и ориентировались на чехов, которые в свою очередь, ориентируясь на идею славянской солидарности, воспринимали словаков как естественных «союзников».

Возникшая после Первой мировой войны Чехословакия своим названием подчеркивала, что она является государством чехов и словаков, но на самом деле это было более сложное этнополитическое объединение. Три миллиона судетских и прочих немцев как коренных жителей Чехии и Моравии с новым государством связывала историческая, но не этническая близость. На юге Словакии было сосредоточено семисоттысячное венгерское меньшинство, которое не было связано с Чехией ни государственной традицией, ни этнически, поскольку венгерский анклав был довольно произвольно присоединен к новому государству творцами Версальской системы. Словаков связывала с населением нового государства этническая близость, но не историческая традиция. Помимо этого в стране проживали многие десятки тысяч цыган. Чехи и словаки вместе составляли 65% населения страны, т.е. являлись большинством, однако проблема меньшинств во внутривнутриполитической практике Чехословакии всерьез не принималась во внимание. Государственная идеология строилась на концепции формирования единой чехословацкой нации и единого чехословацкого языка в двух вариантах — чешском и словацком. Эта идеология изначально таила опасность будущих конфликтов, ибо она строилась на идее «чехословакизма», суть которой состояла в том, что этнические меньшинства не включались в состав нации и противопоставлялись ей.

Законом о языке в 1920 г. чехословацкий язык как язык большинства был объявлен государственным и обязательным для употребления во всех сферах жизни государства. Ставилась задача конвергенции чешского и словацкого языков, а стремление максимально приблизить словацкий язык к чешскому становилось политической задачей властей страны. Искусственное стирание различий между двумя языками в пользу чешского проявилось при создании новых правил правописания и в языковой политике в целом. Однако в Словакии идея чехословакизма в период первой республики (1918–1938) все чаще воспринималась как угроза сохранению этнической и языковой идентичности словаков. Названные опасения вместе с недовольством словацкой элиты политическим лидерством чехов привели к кризису государственности и к расколу Чехословакии в 1939–1945 гг. Еще более важную роль в кризисе первой республики сыграла идея исключительной принадлежности государства чехам и словакам, ставшая базовым принципом нацистроительства, но не принимавшаяся этническими меньшинствами.

Поскольку при образовании чехословацкого государства артикулировался именно этнический принцип, немецкое, а тем более венгерское население ощущало себя отчужденным от новой государственности. Это отчуждение стало важным аргументом, который использовался гитлеровской Германией для выдвижения претензий в адрес Чехословакии и повлияло на позицию западных держав при обсуждении проблемы Судетов. Мюнхенское соглашение 1938 г. не только привело к отчуждению Судетской области от Чехословакии и способствовало ее оккупации Германией, но и стало фактическим признанием провала этнополитической модели первой республики.

С момента основания единого государства ключевыми компонентами словацкой политической программы были автономия и сохранение словацкой культурной идентичности, но правящие круги делали упор не на том, чтобы оптимизировать сосуществование двух народов, а на том, что в основе политической идеологии нового государства должна лежать идея «чехословаков». По существу, в процессе формирования политической нации руководство страны «перепрыгивало» через целый исторический этап — этап гражданской консолидации. Неспособность властей первой республики установить неко-

торую симметрию в отношениях между чехами и словаками, высокомерная позиция чехов в отношении словаков породили среди последних сепаратистские устремления. «Независимое» словацкое государство состоялось в союзе с гитлеровской Германией. Словацкое национальное восстание в августе 1944 г. могло положить начало новому, более симметричному правовому устройству, но эта политическая проблема была решена лишь отчасти.

Восстановление Чехословацкого государства в 1945 г. хотя и произошло на прежних принципах, но все же потребовало изменения акцентов в процессе нацистроительства (проблема судетских немцев была решена путем их принудительного выселения в Германию). Постепенно идея чехословакизма была оставлена и посредством новых конституционных законов (в период 1948–1968 гг.) стали утверждаться положения о равноправном сосуществовании этнических групп в полиэтничном государстве. Конституция 1948 г. провозгласила равноправие чешского и словацкого народов и их языков и отменила языковой закон 1920 г. Но наиболее очевидно стремление к равноправию чехов и словаков обозначила лишь Конституция 1968 г., которая провозгласила образование Чехословацкой Федерации.

Тем не менее федерация была во многом формальной, и ее создание не привело к подлинному равноправному союзу двух частей государства, что дало повод националистам спровоцировать его «демонтаж». После «бархатной революции» 1989 г. начался поиск новой модели сосуществования двух частей государства, но ни чешская, ни словацкая элита не смогли прийти к согласию о модели государственного устройства и идеологии нацистроительства. Поэтому наилучшим вариантом был признан распад государства, который ни до, ни после выхода Словакии из состава федерации (1992) не воспринимался большинством населения обеих республик как правильное решение.

Опыт формирования и распада Югославии и Чехословакии показывает, что прямолинейный и этнически акцентированный интеграционизм, равно как и этнический федерализм, не способствует упрочению государственных устоев, создает угрозы национальному единству.

Попытки использовать в качестве политического ресурса этническую солидарность (например, идею славянства) приводят

к мобилизации групп, чья культурная принадлежность отличается от сообществ, которые объявляются основой нации, а это усиливает конфронтацию между носителями разных культурных традиций. Стремление доминирующих групп обеспечить себе безусловное политическое лидерство в процессе нацистроительства, как правило, усиливает попытки этнических элит недоминантных групп использовать этнокультурные (религиозные) и этноязыковые аргументы для защиты своих интересов и способствует росту этнического сепаратизма. Иллюзии политиков по поводу того, что использование этничности и этнического национализма/этнической солидарности в процессе нацистроительства есть закономерный и естественный путь формирования гражданских наций, опровергаются самой политической практикой и опытом истории. Более того, с вовлечением этничности в политику гражданские устои нации начинают размываться, как это происходило в период между двумя мировыми войнами в Чехословакии, которую считали образцом демократии в Восточной Европе. Опыт Франции показывает, что последовательный гражданский национализм более эффективен, нежели этническая солидарность.

Пример эффективного использования гражданского национализма в современных условиях дает миру Индия, которой неоднократно предрекали распад, но власти которой смогли выработать модели этнополитики и гражданского национализма, которые успешно нивелируют культурные различия и противоречия внутри сложного по составу индийского общества.

Югославия, Чехословакия, СССР — это наиболее яркие и зримые примеры этнического национализма, но отнюдь не единственные. В последней трети XX в. этнический национализм франкоканадцев едва не привел к разделу канадских провинций на отдельные государства, драматично развиваются отношения фламандцев и валлонов в Бельгии. Борьба этнополитических сил завершилась созданием таких государств, как Бангладеш, Эритрея, которые возникли в результате отделения религиозных и этнических анклавов от Пакистана и Эфиопии.

Не менее показательны и современные примеры политической мобилизации этничности. Первый пример связан с гражданской войной в Судане, где конфликт имеет расово-культурную природу. Арабы, составляющие меньшинство на-

селения страны и контролирующая политическую власть, ведут войну против негритянских групп населения. Если раньше наблюдалось очевидное противостояние между исламским Севером и христианским Югом, то в последние годы наибольшую остроту этот конфликт приобрел в северо-западной провинции Дарфуре, откуда с 2003 г. бежало два миллиона человек, и в ходе военных действий 400 тысяч человек было убито. Исламистское правительство в Хартуме не доверяет армейским подразделениям и не использует их для наведения порядка в стране, поскольку в армии имеется значительное представительство негритянских групп населения страны. Правительство поддерживает, действующие в Дарфуре арабские боевые отряды «джанджавидов». Арабские племена багара (они составляют от четверти до трети населения провинции), у которых много общего с негритянским населением провинции (те и другие — мусульмане-сунниты), в силу ложной арабской солидарности поддерживают акты насилия и откровенного геноцида в отношении негритянских этнических групп.

Расколов страну по расово-этническому признаку, исламисты успешно удерживают власть и намереваются получать доходы от нефти, залежи которой находятся на юге страны. Организация Объединенных Наций и Африканский Союз разместили свою миссию в Судане и 7,5 тысяч «голубых касок». Но им удалось только помогать беженцам и охранять их лагеря. Более того, нефтяные интересы приводят к тому, что Франция, США и Китай ведут здесь свою политическую игру, поддерживая разные силы и усугубляя этнический конфликт.

Другой показательный пример политической мобилизации этничности связан с событиями в Боливии. После прихода к власти в этой южноамериканской стране президента Эво Моралеса, который придерживался левых взглядов, здесь начались серьезные изменения. Но наиболее значимое событие произошло в начале 2009 г., когда состоялся всенародный референдум и была принята «индейская» конституция. Новая конституция предусматривает не только активное государственное регулирование экономики и усиление контроля правительства за ресурсами страны, но и обязательное изучение индейских языков. По словам президента Моралеса, индейца по происхождению, принятая конституция заложит фундамент нового общества и не

только поможет осуществить «демократическую и культурную революцию», но и не позволит «белым олигархам» вернуться к власти. Именно в руках этих олигархов находилось основное богатство страны — природный газ. При этом газодобывающие провинции, где доля индейского населения минимальна, получают наибольшие доходы от эксплуатации природных богатств страны.

Мобилизация голосов индейского электората, несмотря на сильное противодействие, позволила принять конституцию, которая превращает Боливию в унитарное государство и расширяет права индейского населения. Индейцы смогут создавать собственные организации самоуправления. Конституция предоставляет властям право выделять землю общинам индейцев, а также устанавливает этнические квоты при найме сотрудников госучреждений и при избрании членов Конгресса. Традиционная система правосудия, которой пользуются индейцы, получает тот же статус, что и официальное право. Боливия отказывается от католицизма как государственной религии, что имеет большое значение для индейцев, многие из которых продолжают следовать культам предков. Борьба за принятие новой конституции вызвала противостояние между индейским западом страны и востоком, где индейское население невелико. Конфликт сопровождался массовыми беспорядками, но и после принятия основного закона страны противостояние внутри боливийского общества не ослабло.

Этнический национализм существует во многих странах и заставляет их правительства принимать специальные законы, учреждать особые органы политического представительства для этнических меньшинств, создавать самоуправляемые этнические территории, переходить от унитаризма к федерализму. Все это — проявления этнической политики. И здесь важно заметить, что этническая политика отнюдь необязательно обусловлена этническим национализмом, а является естественной составляющей внутренней политики государства.

Политизация этничности

Проявления этнического национализма свидетельствуют о том, что этничность, безусловно, является политическим ре-

сурсом. Но, помимо этнического национализма, существуют другие формы политизации этничности, которые заключаются в создании и деятельности этнополитических объединений и движений, в манипуляции этническими чувствами с целью привлечения симпатий избирателей к тому или иному претенденту на выборный пост или к политическим партиям, в формировании этнических институтов политического представительства, в создании автономных самоуправляемых этнических анклавов и т.д. В общем виде процесс политизации этничности описал еще Дж. Родшильд в книге «Этнополитика». В его понимании суть этого процесса состоит в превращении этничности из психологического, культурного или социального фактора «в собственно **политическую силу** с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп»¹. При этом **следует различать политическую мобилизацию этничности и огосударствление этничности**, хотя политическая сущность обоих процессов очевидна.

Напомним: *важнейшая роль в политизации этничности принадлежит концепции нации-этнуса*, а эксплуатация этой концепции политиками превращает ее в общенациональный политический ресурс. Однако в полиэтничных государствах этничность чаще выступает в качестве локального политического ресурса, ибо общенациональная политическая консолидация возможна только на основе общегражданских идей и символов. В российских республиках именно апеллирование к этничности позволило оформиться националистическим движениям, которые в ряде случаев превратились в активных политических акторов, но до формирования региональных этнических партий дело не дошло.

Этничность выступает и в форме частного, индивидуально-политического ресурса, когда существенную роль начинают играть не личностные деловые качества политика, а его этническая принадлежность. Так, к примеру, италоамериканский конгрессмен Вито Маркантонио (1902–1954) апеллировал к поддержке мигрантов из Италии, что и позволило ему в 1934–1940 гг. заседать в конгрессе США. В свою очередь как конгресс-

¹ Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N. Y., 1981. P. 2.

мен он инициировал разработку различных программ поддержки этнических общин.

Этническая мобилизация позволяет, используя этническую солидарность, отстаивать экономические права. Так, группы мексиканцев в США, занятые на сельскохозяйственных работах, долгое время подвергались дискриминации. Используя их этническое происхождение и противопоставляя их как этническую группу нанимателям, которые имели другое этническое происхождение, Цезарю Чавесу удалось сплотить так называемых чиканос и поднять их на борьбу за свои экономические права.

Успешная апелляция к этническим чувствам электората одной этнической общины и блокирование политической консолидации других этнических общин населения того или иного региона позволяют обеспечивать политическое доминирование одной группы над другими, даже если она не имеет численного превосходства. Так, в органах представительной власти и на административных постах в Татарстане, Башкортостане, Якутии доминируют представители титульных национальностей, хотя в Татарстане татары составляют половину населения республики, в Якутии якуты составляют около 40%, в Башкортостане башкиры — 25% населения.

Особенно успешно политизация этничности осуществлялась в 1990-х гг., когда общегражданские идеалы и интересы в России были существенно размыты. Так, во время первых выборов главы Республики Коми в 1994 г., когда на политической арене противостояли, по сути, представители двух крупнейших этнических общин республики (русский и коми), электорат раскололся четко по этническому признаку: русские в основном поддерживали русского кандидата, коми намеревались отдать голоса представителю коми. Но и тогда, когда значение этнического фактора несколько снизилось, он продолжал оставаться важным политическим ресурсом. Опрос населения Республики Коми в рамках исследования «Коми парламент: каким я его хочу видеть» (2002) показал, что для 40% коми и 25% русских этническая принадлежность депутата парламента остается весьма значимым фактором.

Политизация этничности, в сущности, и заключается в том, что этничность используется как инструмент достижения опре-

деленных политических целей. В западной литературе используется понятие «политическая этничность», под которым имеется в виду определенная стратегия совместного действия. По мнению А. Коэна, этничность очень инструментальна и может использоваться в качестве средства достижения политических целей. Обращение к этничности и ее актуализация обусловлены причинами не психологического, а политического характера. Для обозначения таких действий он применял термин «ретрайбализация». Ретрайбализация, по А. Коэну, — это процесс, при котором этническая группа, вовлеченная в борьбу за власть и привилегии с членами другой группы, имеющей иную этническую идентичность, манипулирует обычаями, мифами, символами и образами и в рамках формальной политической системы и с их помощью создает политическую организацию, которую использует в качестве оружия в этой борьбе. Ключевую роль здесь играют этнические элиты, которые чаще всего ведут борьбу не за интересы группы, а за оттеснение с политического поля этнически чуждых конкурентов.

Огосударствление этничности есть, по сути, придание этническим институтам и этническим требованиям статуса государственных институтов и государственных программ.

В чем разница между обычной политической деятельностью и этнополитической мобилизацией? Политики обычно осуществляют свою деятельность путем апеллирования к определенным социальным группам и стратам. Задача политика и его политической организации — привлечь симпатии представителей социальных групп, убедив их в том, что именно он и его организация в настоящий момент способны как никто другой удовлетворить их интересы. Этнополитическая мобилизация имеет иной характер, ибо она осуществляется «поверх» социальных границ, и здесь акцент делается не на конкретных интересах группы, а на неких абстрактных общих интересах культурного сообщества. Поэтому для этнических антрепренеров важны не идеи рационального выбора, а культурная/этническая лояльность. Они стремятся актуализировать этническую лояльность и преобразовать ее в политическую солидарность.

Профессор Ч. Фун выделил четыре основных вида лояльности, которые обычно демонстрируют этнические сообщества в

многонациональных государствах. Они могут быть лояльны по отношению к:

- а) той стране, гражданами которой являются, — так называемое «внутреннее притяжение государства» (internal national pull);
- б) своей этнической группе, проживающей в данной стране, — «внутриэтническое притяжение» (internal ethnic pull);
- в) той стране, откуда приехали сами или происходят их предки, — «притяжение государства извне» (external national pull);
- г) своей этнической группе, проживающей в той стране, откуда эмигрировали они сами или их предки, — «внешнее этническое притяжение» (external ethnic pull)¹.

Таким образом, политизированная этническая лояльность может противопоставляться как общегражданским интересам, так и государственным интересам, и потому для политических элит важно добиваться того, чтобы государственные, гражданские и этнические интересы не противопоставлялись друг другу. В противном случае ослабляется внутренняя стабильность государства, кроме того, у него могут возникнуть и внешние проблемы. Политизированная этническая лояльность наиболее ярко проявилась в постсоветской России.

Вопрос, однако, состоит в том, является ли огосударствление этничности неизбежным следствием государственной политики в отношении составляющих население государства этнических групп. И в чем должна состоять суть этнополитики? Этнополитика, на наш взгляд, может быть ориентирована не столько на этнотерриториальные сообщества, сколько на удовлетворение интересов отдельных членов этих сообществ. Этнополитика — это, по сути, определение баланса интересов между доминантными этническими группами и национальными меньшинствами, проживающими в данном государстве. Иными словами, **этнополитика — это последовательное государственное регулирование отношений между этническими сообществами на общенациональном и региональном уровнях, институционализация этого регулирования через принятие**

¹ Foon Ch. The Status of Ethnicity and the Ethnicity of Status // International Journal of Comparative Sociology. 1996. N 3. P. 242.

соответствующих законодательных актов и создание государственных органов, ответственных за этническую составляющую внутренней политики государства. Но *генеральной линией этнополитики должно быть укрепление внутреннего единства государства за счет постепенного усиления общегражданских интересов и гражданского единства и «перенесения» этнических/культурных интересов из сферы политической в сферу индивидуального культурного выбора.*

Этнополитика как концепция и как юридически оформленные действия государства или международных политических институтов стала фактом политической жизни относительно недавно. Первым шагом в этом направлении явился крах прежних династических империй после Первой мировой войны и появление на мировой арене «этнических федераций» — СССР, Югославии, Чехословакии, хотя две последние превратились в таковые де-юре лишь в эпоху «социалистического строительства». Именно после Первой мировой войны началось формирование системы международно-правовой защиты отдельных групп населения и меньшинств, стали складываться нормы политико-правового регулирования международных проблем, в том числе имеющих этническое содержание. Институтом международно-правового регулирования стала Лига Наций.

Весьма примечательно, что одним из первых конфликтов, в разрешении которых Лига принимала участие, стал острый этнополитический конфликт между Швецией и Финляндией из-за Аландских островов (1920). Швеция под предлогом защиты шведского населения этих островов, которое и ныне доминирует на архипелаге, требовала передачи Аландов под ее юрисдикцию. Но было решено, что острова останутся в составе Финляндии и их население получит широкую автономию.

Годом ранее страны-победительницы в Первой мировой войне заключили с польским правительством Договор о меньшинствах в Польше, предусматривавший создание необходимого количества школ, благотворительных и религиозных обществ для меньшинств. Данный договор стал одним из серии подобных соглашений. Договоры о меньшинствах, которые по идее должны были регулировать отношения между доминантными группами и меньшинствами, на деле не смогли ре-

шить проблемы миноритарных сообществ. Кроме того, они, по сути, создали политическую иерархию этнических сообществ, ибо одни группы объявлялись «государственными народами», другие позиционировались как их равные партнеры, а третьи получали статус меньшинств. При этом система защиты меньшинств распространялась на страны, проигравшие в войне, или на вновь возникшие государства и, таким образом, носила форму некоего «предписания» со стороны «клуба попечителей» для не вполне благонадежных правительств.

В Статуте Лиги Наций права меньшинств и система их защиты были обозначены крайне неопределенно. И неслучайно права меньшинства в восточноевропейских государствах систематически нарушались. Особенно показательной в этом отношении была этнонациональная политика, проводимая властями Польши. До Второй мировой войны власти страны последовательно проводили линию на полонизацию меньшинств, навязывание им культурных стандартов доминантной этнической группы. Самым масштабным свидетельством этого процесса стала операция, проводившаяся в 1938 г. силами Войска польского, в ходе которой были уничтожены треть православных храмов страны.

По существу лишь после Второй мировой войны политическое оформление прав этнических сообществ (языковых, расовых, религиозных) приобрело законченный вид и получило всеобщее признание.

Официальное признание этнополитики

В 1948 г. была принята Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, в которой упоминаются **«национальная, этническая, расовая и религиозная группа»**. В Пакте о гражданских и политических правах 1966 г. говорилось об *«этнических, религиозных и языковых меньшинствах»*, в Декларации ООН от 1992 г. — о правах лиц, принадлежащих к **«национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам»**.

Для контроля за соблюдением прав меньшинств в 1947 г. Комиссией ООН по правам человека была создана Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Права меньшинств неоднократно становились предметом вни-

мания ООН, и итогом этих усилий стало включение в Международный пакт гражданских и политических прав, принятый в 1966 г., специальной статьи о правах меньшинств.

В 1992 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. В следующем году рабочая группа по коренному населению Подкомиссии по предупреждению дискриминации разработала проект Декларации по правам коренных народов. В проекте, в частности, отмечалось, что «коренные народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие». Этот проект суммировал ряд предыдущих документов, призванных подчеркнуть особое положение группы народов, определяемых как «коренные» или «индигенные», и особую ответственность за политику по отношению к ним. Важное значение среди этих документов имела Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятая в 1989 г.

Международно-правовое признание прав этнических меньшинств и коренных народов способствовало усилению их политической активности, ибо они получили реальные механизмы воздействия на региональные и федеральные власти государств, с которыми были связаны их исторические судьбы. Вместе с тем, международные нормы служили лишь политическим стимулом к тому, чтобы национальные правительства осуществляли политику по отношению к этническим меньшинствам в соответствии с общепринятыми стандартами. Для того чтобы эти стандарты использовались в политике, необходимо их признание в национальных законодательных актах.

Национальные законодательства касающиеся этнических меньшинств и регулирования межэтнических отношений, безусловно, имеют свою специфику. Эта специфика связана прежде всего с трактовкой понятий «национальное меньшинство», «коренной народ» и т.д.

Дело в том, что основополагающие международные правовые акты не могут содержать универсальные определения, при-

емлемые для каждой конкретной ситуации. Поэтому подобные документы либо сразу делегируют определение понятий национальным законодательствам, либо ограничиваются только рабочими определениями. К примеру, разработанная в рамках Совета Европы Рамочная конвенция (европейская) о защите национальных меньшинств, которую 1 февраля 1995 г. подписало 21 государство Европы, гласит, что принадлежность к меньшинствам «составляет неотъемлемую часть международной защиты прав человека и поэтому находится в сфере международного сотрудничества». Но конвенция определяет только принципы подхода к проблеме меньшинств, подразумевая, что определение понятия «меньшинство» находится в компетенции каждого государства.

Документы ООН, гарантирующие права «коренного населения», исходят лишь из его рабочего определения, которое не отличается четкостью формулировки. Согласно данному определению, под «коренным населением» понимаются прежде всего народы, подвергавшиеся внешней колонизации, иностранным завоеваниям и в силу специфики своей исторической эволюции еще находящиеся на более низком уровне развития, чем доминирующее население, и подвергающиеся дискриминации и даже геноциду.

Российский закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» использует иные критерии определения коренных народов. Согласно этому закону, к коренным относятся народы, чья численность не превышает 50 тысяч человек и которые занимаются главным образом промысловым хозяйством (оленоводство, охота, рыболовство).

Национальные законодательства чаще всего направлены на определение экономических и культурных прав миноритарных сообществ. Однако в последней четверти XX в. и в этой сфере произошли серьезные изменения. Практика политической жизни современных демократий показала, что обычные демократические процедуры не могут обеспечить выражение мнения и интересы меньшинств не только на национальном, но нередко и на локальном уровне, т.е. в регионах их проживания. Неслучайно, к примеру, на местных выборах в Иерусалиме, принимает участие только еврейское население, а арабы и другое нееврейское население эти выборы игнорируют.

Такая ситуация привела к поиску альтернативных форм политического участия для национальных меньшинств. Форм участия меньшинств в политической жизни оказалось не так уж мало, и они находятся в тесной связи с конкретной культурной и политической ситуацией. Заметим, что именно в локальных сообществах, на уровне этнических меньшинств этничность как политический ресурс может быть задействована более полно, нежели это возможно и приемлемо на общенациональном уровне. Именно здесь чаще всего проявляют себя так называемые этнические предприниматели или политические антрепренеры, вокруг которых, как заметил Фредерик Барт, «возникает корпоративная группа» и которые относятся к политике как к своеобразному бизнесу. Деятельность этих антрепренеров может быть весьма успешной и вести к серьезным социальным изменениям, что можно проиллюстрировано на примере успешного лоббирования российских этнических активистов от имени самых малочисленных групп по включению их в официальный список малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Некоторые народы, попавшие по решению Правительства Российской Федерации в списки, не обнаружила даже Всероссийская перепись населения, за исключением членов группы этнических лоббистов (например, по переписи 2002 г., 12 человек алыторцев, 11 человек сету).

Собственные политические партии этнических меньшинств существуют, но они редко добиваются заметного успеха на общенациональных выборах. Поэтому для них предусматриваются некоторые послабления. Так, в Польше на «этнические партии» не распространяется норма, требующая для парламентского представительства преодоления 7%-го барьера. Однако в некоторых многоэтнических государствах предусматривается частичное представительство меньшинств с помощью системы квот. Например, в парламенте Дании два места зарезервировано для двух депутатов, избранных Гренландией, и два — для депутатов от Фарерских островов, в Народной палате Индии за зарегистрированными, или списочными, племенами и кастами резервируется соответственно 38 и 37 мест, в Республике Хорватия лица, принадлежащие к этническим меньшинствам более 8% населения республики, имеют право быть представленными пропорционально своей численности в Собрании и правительстве.

Идея квотирования мест в региональных (республиканских) парламентах высказывалась и лидерами национальных движений финно-угорских народов России. В частности, в одном из вариантов реформирования законодательной власти за представителями «коренных» этносов предлагалось резервировать в республиканских парламентах не менее 50% мест вне зависимости от их доли в населении республики или автономного округа. Другая идея, которая вошла в итоговые резолюции Первого Всероссийского съезда финно-угорских народов (Ижевск, 1992 г.), состояла в том, что местные парламента становятся двухпалатными, при этом одна из двух палат полностью формируется из представителей титульных этносов и наделяется правом вето. Но наиболее продуктивной оказалась все же идея квотирования мест, которая нашла выражение в практике нескольких российских автономных образований.

Так, в Думе Ханты-Мансийского автономного округа за представителями коренных малочисленных народов этого субъекта закреплена квота в 5 депутатских мест (всего в Думе 25 депутатов). Законом округа о выборах депутатов местного органа законодательной власти и Уставом, принятым в 1995 г., предусмотрено, что из числа депутатов от коренных малочисленных народов формируется Ассамблея коренных малочисленных народов Севера. Председатель ассамблеи, согласно Уставу округа, является заместителем председателя Думы Ханты-Мансийского автономного округа. Выборы депутатов ассамблеи проводятся по многомандатному избирательному округу, который включает всю территорию данного региона.

Аналогичная система квотирования мест в местном законодательном органе учреждена и в Ямало-Ненецком округе, где в 2001 г. в Ненецком округе принят закон «О дополнительных гарантиях избирательных прав ненецкого народа быть избранным в законодательный (представительный) орган государственной власти Ненецкого автономного округа», который закрепляет за депутатами от ненецкого населения НАО квоту в два депутатских места (из пятнадцати). Однако идея квотирования не является гарантией того, что политическое участие этнических меньшинств в деятельности органов законодательной и исполнительной власти решит все проблемы этих сообществ, и тем более не гарантирует формирование развитого поли-

тического сознания меньшинств. Такое сознание рождается в процессе непосредственного участия в деятельности этнополитических объединений, по мере постижения своих политических интересов, которое возможно лишь при четком социальном структурировании этнических сообществ. Кроме того, в каждом конкретном случае необходимо учитывать, сможет ли система квотирования обеспечить ясное выражение политических интересов миноритарных сообществ или потребны иные механизмы политического участия. Так, вызывает сомнение то, что система квотирования может быть одинаково эффективна в Ханты-Мансийском и Ненецком округах. В первом доля титульного населения лишь 1,9%, а во втором ненцы ныне составляют около 19% населения округа, а вместе со старожильческим коми населением — почти треть.

В этом плане представляет интерес опыт саамского движения в странах Скандинавии. Это движение, к примеру, в Швеции зародилось в начале XX в., но довольно долгое время правительства Скандинавских стран не придавали должного внимания саамской проблеме. Лишь после Второй мировой войны, когда появились полноценные национальные организации саамов, ситуация стала меняться. Особую роль в признании прав саамов сыграл созданный в 1956 г. Совет северных саамов (с 1992 г. — Совет саамов), задачами которого стало развитие сотрудничества между саамами Скандинавских стран и совместная выработка взглядов на решение социальных проблем разных локальных групп этого народа.

В 1971 г. северными саамами была принята программа политических действий, ставшая частью программ национальных саамских организаций Финляндии, Швеции и Норвегии. Осознание саамами своих политических и экономических интересов привело к тому, что между саамскими национальными меньшинствами и государством наметилась конфронтация, которая отчетливо проявилась в Норвегии. С целью налаживания политического диалога и поиска взаимоприемлемых политических решений обеими сторонами была одобрена своеобразная форма участия саамов в политической жизни Скандинавских стран — «саамские парламента». Изначально было очевидно, что в рамках существующих политических институтов саамы не смогут отстаивать свои интересы. К примеру, в Финляндии

доля саамов (по языку) в 2003 г. составляла в населении страны всего 0,02%. В таких условиях возможность быть избранным в национальные парламенты для представителей саамов была минимальной. Поэтому пошли по пути создания саамских ассамблей — органов этнического представительства, которые и были названы «саамскими парламентами». Первая саамская ассамблея была учреждена в Финляндии в 1973 г. указом кабинета министров, подписанном президентом страны. Буквально она называлась Делегация саамов. В 1987 г. саметинг (саамская ассамблея) был учрежден норвежским Стортингом. Швеция учредила саамскую ассамблею последней из трех скандинавских стран — в 1992 г. Полномочия саамских ассамблей, призванные выражать коллективное мнение саамов по проблемам, непосредственно затрагивающим их интересы, во всех странах Скандинавии примерно одинаковы. Сходны и принципы формирования этих этнополитических органов.

Так, в норвежском законе о саамах указывается, что предметом интереса саамской ассамблеи может стать любая проблема, влияющая на жизнь саамского народа, что ассамблея может назначать или выдвигать кандидатуры представителей саамов в ряд государственных и местных органов. Выборы в ассамблею проводятся одновременно с выборами в стортинг и по тем же самым избирательным округам, но по специальным спискам саами. Согласно закону, в саамский список избирателей надлежит включать всех, кто подал декларацию о признании себя саамами и у кого саамский язык либо является языком домашнего общения, либо языком, на котором говорили дома родители или дедушки и бабушки. Саамская ассамблея готовит и подает раз в год королю Норвегии доклад о положении саамов в стране.

Одной из эффективных и признанных форм регулирования положения этнических меньшинств является их автономия в рамках того или иного государства. Автономия может быть **территориальной** и **корпоративной**. Территориальная автономия была классическим способом подхода к национальным проблемам в бывшем СССР, где существовало несколько ее форм — от союзных республик до округов и национальных районов. Эта система частично сохранилась в современной России, хотя в последние годы численность автономных округов была уменьшена. Территориальные автономии существуют и в

ряде других стран Европы. Особое место в соответствии с Конституцией 1978 г. занимает территориальные автономии Испании. Территориальные автономии здесь наделены широкими полномочиями. В статусе Каталонии, Страны Басков и Галисии отдельно оговаривается этнический характер этих территорий. Этот же подход определил особое положение Сардинии, Сицилии и трех пограничных областей Италии, населенных южными славянами.

Великобритания по форме государственного устройства является или долгое время являлась унитарным государством. Но она исторически сложилась из территорий, где компактно проживают представители различных этнических общностей — валлийцы, ирландцы, шотландцы. В последние годы права этих территорий были существенно расширены. Они приобрели статус автономных территорий со своим самоуправлением (парламентами), с ориентацией на сохранение своего этнического своеобразия. Северная Ирландия (Ольстер) даже имеет право на эмиссию собственного фунта стерлингов, который имеет хождение только на территории Ольстера.

Автономию некоторым своим территориям предоставила и Дания. Ею обладают Фарерские острова и Гренландия. Причем гренландская автономия считается образцом решения этнополитических проблем малых народов.

Гренландия, население которой составляет 56 тысяч человек, получила статус автономии в 1979 г. в результате введения в действие так называемого гомруля («Домашний закон» — Greenland Home Rule). В течение десяти лет после принятия закона о самоуправлении большинство институтов, занимавшихся внутренними вопросами (такими, как система образования, экономика, в том числе торговля и рыболовство, внутренние политические вопросы, церковь, инфраструктура и т.д.), перешли в ведение гренландских властей. Гренландия стала полностью самоуправляемым регионом, который, однако, получает 50% средств на покрытие своих расходов от датского правительства. В отличие от Дании, Гренландия не входит в Европейский союз, но имеет ряд других особенностей, которые делают ее своеобразным мини-государством.

Своеобразная форма автономии меньшинств применена в канадской федерации. Политически решающим в деле уре-

гулирования отношений федерального правительства и коренного населения — инуитов — стало образование неправительственной Инуитской циркумполярной конференции (Inuit Circumpolar Conference (ICC)), которая начала свою деятельность в 1977 г. и в 1983 г. получила признание ООН в качестве неправительственной организации, выступающей за интересы коренных народов всего Севера.

Официальное признание статуса организации привело к тому, что в 1984 г. около 2,5 тысячи инуитов Западной Арктики получили право на 35 тысяч квадратных миль земли, а в 1990 г. последовало такое же соглашение между 7 тысячами индейцев Юкона и правительством. Эти соглашения стали правовой основой Нунавутского соглашения, заключенного между инуитскими лидерами и канадским правительством в 1991 г. и принятого на референдуме большинством голосов. По данному соглашению примерно 17 тысяч инуитов получили право заниматься охотой, звероловством и рыболовством в Нунавуте, на территории в 772 тысячи кв. миль, или на одной пятой территории всей Канады. Нунавутское соглашение сделало инуитов крупнейшим корпоративным землевладельцем во всей Северной Америке. Вместе с тем по итогам переговоров с правительством инуиты отказались от своих первоначальных претензий на значительные районы с газовыми и нефтяными месторождениями. Соглашение предусматривало имущественные права двух уровней. Во-первых, права на ведение охоты, рыболовства и звероловства на подведомственных территориях. Во-вторых, права полной собственности, т.е. пользования землей и право продажи по усмотрению коллектива. Кроме того, в районах, которые перешли под юрисдикцию правительства, инуитские общины получили гарантии некоторых прав управления внутри этих общин.

Соглашение потребовало демократической организации инуитских общин с целью обеспечить управление Нунавутом. Были созданы специальные органы управления Территорией Нунавут, как административные, так и политические. Нунавут имеет выборный руководящий совет, именуемый Тенгавикской федерацией, который создан на основе местных советов старейшин и в котором большинство составляют инуиты. Что касает-

ся местных административных органов, то в них весьма ощутим дефицит кадров, особенно из числа инуитов.

По типу Нунавутского соглашения построено самоуправление на Юконе, много общего с ним и в организации самоуправления коренных жителей Аляски. При этом ряд специалистов отмечает, что самоуправляемые территории сталкиваются с многочисленными и пока сложно говорить о том, насколько успешна такая организация самоуправления. Однако очевидно, что в современных условиях территориальная автономия для этнических меньшинств не может считаться универсальным политическим средством для удовлетворения их политических и культурных интересов. Неслучайно некоторые страны, например Болгария, законодательно запрещают создание территориальных автономий внутри государства.

Да и сама возможность создания таких автономий чаще всего весьма ограничена, ибо многие народы живут чересполосно, значительные группы представителей национальных меньшинств проживают вне пределов территории компактного исторического расселения и т.д. Особенно сложно выделять территориальные автономии в странах Юго-Восточной Азии, население которых представляет собой конгломерат расовых и этнических групп, представителей разных религий, общностей автохтонного и переселенческого происхождения. Даже в странах, которые, подобно Бирманскому Союзу, изначально создавались как сообщество, где была учтена возможность существования внутренних автономий, следовать принципу территориальной автономии в государственном строительстве оказалось очень сложно.

В Европе из 21 миллиона человек, которые относятся к национальным меньшинствам и имеют свою автономию, только 10 миллионов проживает в пределах этих автономий. В России титульная этническая группа (или группы) составляет большинство только в десяти из 21 республики. К тому же большинство российских татар или мордвы живет за пределами своих республик.

Во многих случаях учесть интересы этнических меньшинств полнее, чем территориальная, способна автономия экстерриториальная. Одна из разновидностей экстерриториальной автономии — корпоративная автономия. Ее суть состоит в том, что

все представители юридически признанной этнической группы получают право на образование органов, представляющих их интересы на общегосударственном уровне. В Финляндии к таковым органам относится Шведская народная ассамблея, в Австрии — Советы национальных меньшинств.

Еще одной формой автономии является **персональная** или **культурная автономия**. Ее объект — этническая группа, рассматриваемая как ассоциация лиц, заявляющих об общих интересах в той или иной сфере. Персональная автономия наиболее приемлема тогда, когда этническое меньшинство дисперсно расселено по территории страны и не имеет территориальных анклавов. Концепция персональной автономии означает, что за этнической группой закрепляется право пользоваться достоянием своей культуры, исповедовать свою религию, использовать родной язык в частной и публичной жизни, создавать собственные ассоциации, поддерживать культурные связи с диаспорами, иметь возможность изучать язык, историю, традиции и культурное наследие своего народа. Практически все полиэтнические страны мира используют данный институт как основной или дополняющий систему федеративного государственного устройства. Вместе с тем в конкретной политической практике государств понятие «культурная автономия» трактуется иногда слишком узко и не позволяет в полной мере реализовать культурные права представителей этнических меньшинств. Наиболее ярким примером такой политической практики в современной Европе является Латвийская Республика. Причем вполне понятно, что узкая трактовка понятия «культурная автономия» исходит из политических соображений, среди которых превалирует опасение, что культурно прогрессирующее меньшинство может в результате развития собственных культурных и общественных институтов получить чрезмерное политическое влияние в государстве в ущерб этническому большинству. Данный тип этнополитики можно назвать агрессивно-оборонительным.

В этой связи следует заметить, что исследователи выделяют два подхода к решению проблем этнических меньшинств: **культурный** и **политический**. Реальной гарантией прав этнических меньшинств являются лишь гарантии политические при

том, что значительная часть особых интересов меньшинств сосредоточена в сфере культуры, воспитания, образования, традиций.

Правовое регулирование культурных потребностей и интересов осуществляется в форме гарантий равенства культур, защиты культур этнических меньшинств и поддержки создания всевозможных обществ и учреждений, ориентированных на этнические культуры. Эти гарантии, как правило, оговариваются специальными законодательными актами. Особое внимание уделяется языку, ибо часто именно языковые проблемы являются определяющими в положении этнических меньшинств. В большинстве стран с полиэтничным составом населения законодательно определяется статус языков национальных меньшинств. Юридические нормы регулируют вопросы, связанные с использованием языков меньшинств в официальных отношениях, в средствах массовой информации, в образовании.

Существуют разные пути решения языковой проблемы. В ряде стран, как, например, во Франции, исходят из принципа доминирования одного государственного языка. В конституциях Испании и Италии содержатся статьи, гарантирующие охрану и государственную поддержку развития языков регионально-языковых сообществ (каталонского, баскского, галисийского, наваррского). В Финляндии язык шведского меньшинства, которое составляет ныне менее 6% населения страны, наряду с финским объявлен государственным. Правда, такое положение языка меньшинств является исключительным, и финский пример объясняется историческими причинами (шведский язык долгое время был в Финляндии языком культуры и образования).

В целом же центральные правительства неохотно идут на предоставление языкам меньшинств официального статуса и, как правило, сопровождают такой статус рядом оговорок. К примеру, в Словакии статус официального языка может получить язык только тех меньшинств, чья доля в населении региона превышает 20%. Что касается прав на обучение на родном языке, то подавляющее большинство стран предоставляет их законодательно, хотя условия для их реализации могут существенно различаться.

Существуют различные формы и методы политического регулирования этнических проблем для достижения внутренней

политической стабильности государства и для демократического разрешения проблем социального развития территориальных сообществ. Однако принципиально важно решить два вопроса, касающиеся этнополитики. Первый: где **предел политизации этничности**, до какой степени политические требования меньшинств могут приниматься властями государств или регионов как руководство к действию и по каким основаниям такие требования могут или должны быть отвергнуты? Второй: **до какой степени возможно огосударствление этничности?**

Очевидно, что ограничения должны быть и в первом и во втором случае. Чем они должны определяться? Прежде всего, критерием приемлемости для территориальных сообществ требований меньшинств служит то, насколько они реализуемы. При этом понятно, что уровень социально-экономического развития страны является естественным ограничителем для реализации тех или иных социальных программ и социальной политики в целом. Второй принципиальный момент касается того, насколько реализация требований меньшинств ущемляет права остального населения государства или региона. Если реализация требований меньшинств ущемляет права остального населения, значит, требования неприемлемы. В этом отношении весьма показательны политические требования, содержащиеся в программных документах национальных движений финно-угорских народов России, в частности требование о признании права на этническое самоопределение, т.е. прав отдельной составляющей территориального сообщества самоопределяться независимо от сообщества в целом, и требование о реформировании парламентского устройства и об учреждении национальных палат. Утвердившийся в международной практике принцип самоопределения, который в большей мере касался, правда, колониальных стран, признает право на самоопределение, но населения территории в целом, а не отдельных его составляющих, в том числе и этнических меньшинств. При этом международное сообщество признает, что право на самоопределение не должно противоречить принципу целостности государств. К примеру, по поводу признания независимости бывших югославских республик до сих пор у международных экспертов остаются сомнения.

Идея двухпалатного парламента с особой этнической палаты, состав которой будет формироваться по принципу крови, подрывает принципы демократии и современного парламентаризма. В этом случае меньшинство будет избирать депутатов в общереспубликанскую и в свою этническую палату. В результате каждый представитель этнического меньшинства получает как бы два голоса. Подобная система помимо ее антидемократичности может привести к сверхпредставительству меньшинств и к превращению большинства населения в политическое меньшинство. Нечто подобное имело место в ЮАР на закате системы апартеида.

Таким образом, **политический ресурс этничности несомненен, а формы политизации этничности различны и включают законодательное признание прав и интересов локальных этнических общностей, создание институтов реализации прав национальных меньшинств, политическую автономию меньшинств и т.д.**

Конструирование этничности

Политическая мобилизация этничности может иметь место и в форме конструирования этнических сообществ, которое чаще всего осуществляется на основе некоторого «исторического фундамента», используемого для создания своеобразного этнического кода, служащего символическим маркером воображаемого сообщества. Как правило, конструирование этничности преследует определенные политические цели и бывает вызвано прежде всего конкуренцией за доступ к власти и ресурсам.

Конструирование этничности может осуществляться как «сверху» — государством, так и «снизу» — этническими антрепренерами. Цели конструирования могут быть разными, но чаще всего они связаны с текущими политическими интересами и идеологией. В Советском Союзе идеология этнического национализма, которая поощрялась властями в первые годы существования режима, стала основой для административного деления страны и построения этнической федерации. При этом власти сами решали, какие этнические сообщества следует интегрировать в более крупные «народы», а какие разделить на отдельные составляющие.

Молдавская, азербайджанская, узбекская, казахская идентичности создавались, по существу, «сверху» — с помощью государства. Государство создавало для творимых им же этнических общностей административные границы, политический статус, культурные институты и даже сами этнонимы, т.е. названия этнических сообществ. Так, из более чем десятка этнических групп была сформирована никогда прежде не существовавшая этническая общность «алтайцы», тем же путем были созданы «хакасы», название которых было заимствовано историками и лингвистами из китайских и монгольских хроник. Закавказские татары или тюрки стали азербайджанцами, киргизы — казахами, а каракиргизы — киргизами. Каракалпаки сложились на основе отдельно созданной автономии. Туркмены сложились в рамках республики из многих племенных групп. Этот перечень можно было бы продолжать довольно долго. Но достаточно упомянуть о переименовании великороссов в русских, которыми до советского времени считались не только великороссы, малороссы и белорусы, но все, кто принял православие или, по словам П. Струве, «участвовал в культуре». Таким образом, когда, начиная с переписи 1926 г. русскими стали называть только великороссов, категория «русские» обрела узкоэтнический смысл.

Интегрирование групп (это называлось «национальной консолидацией» или «формированием наций») в ряде случаев сопровождалось разделением этноязыковых ареалов между несколькими республиканскими образованиями. Так, этническая территория адыгов была разделена на три республики: Адыгею, Карачаево-Черкессию и Кабардино-Балкарию, хотя у кабардинцев, черкесов и адыгейцев имеется общее самоназвание — «адыги» и они близки по языку и культуре. Близкородственными народами являются проживающие в горах балкарцы и карачаевцы. Коми и коми-пермяки, также имевшие единый этноним — «коми» и говорящие, собственно, на одном языке (на разных его наречиях), были разделены административной границей на два анклава (Коми АССР и Коми-Пермяцкий национальный округ), в результате чего оформились две самостоятельные этнические группы.

В современных условиях роль государства в конструировании этничности сохраняется, ибо именно к государству апеллируют

этнонациональные движения и этнические антрепренеры, призывая придать тот или иной статус этнической группе, признать ее в качестве субъекта права. Все большее значение приобретает деятельность отдельных этнических антрепренеров и этнополитических организаций, которые в политической конкуренции с другими этническими группами и внутри одной группы используют конструирование этничности как политический инструмент. Примерами такого рода конструирования являются идеологические построения радикального крыла мордовского национального движения и позиция лидеров национально-культурной автономии поморов г. Архангельска.

Мордовское движение фактически раскололось на два крыла в середине 1990-х гг. Раскол произошел по субэтническому признаку, т.е. две части мордовского этноса, эрзя и мокша, представляли разные общественные организации, которые к тому же придерживались разных идейных позиций. Более того, после раскола представители эрзянского крыла движения стали настаивать на том, что мордва — это миф, что единого мордовского народа не существует и никогда не существовало, хотя специалисты обоснованно доказывают, что мордовская этническая общность начала формироваться еще в середине I тысячелетия новой эры. Требования эрзянских радикалов касаются также изменений в государственном устройстве Республики Мордовия. Они настаивают на необходимости ее переименования в Эрзянско-Мокшанскую Республику и создании на ее территории двух национальных округов — Эрзянского и Мокшанского. В нынешнем виде, по их мнению, республика существовать не может, поскольку необходимо обеспечить политическое представительство и политические интересы обоих народов, а сегодня все основные посты в Мордовии заняты мокшанами. Часть этнической элиты эрзи, чьи политические интересы оказались ущемленными, создает идеологические конструкции, доказывающие, что субэтноса «эрзя» нет, а есть самостоятельный эрзянский этнос и что общемордовская идентичность придумана русскими и соглашателями из числа самой мордвы с тем, чтобы ускорить ассимиляцию этноса.

Еще более очевидна политическая подоплека в деятельности национально-культурной автономии поморов г. Архан-

гельска, которая претендует на получение статуса федеральной национально-культурной автономии (сегодня в России 18 таких автономий). Характерно, что на рубеже 1980–1990-х гг., когда в России в массовом порядке создавались национальные организации и объединения, в том числе активно заявляло о себе казачество, о специфических этнографических группах северорусского населения никто не вспоминал. Поморы заявили о себе только в ходе переписи населения 2002 г., которая зафиксировала 6,5 тысячи «поморов». В 2003 г. была зарегистрирована национально-культурная автономия поморов г. Архангельска, которая объединила в своих рядах узкую группу активистов.

Надо иметь в виду, что формирование поморов как субэтнической группы русского этноса началось в XII в. и закончилось лишь к XVIII столетию, но уже в конце XIX в. этноним «поморы» стал неактуальным, а в XX столетии вовсе вышел из употребления, поскольку группа фактически растворилась в русском этносе.

Сегодня ее пытаются возродить вновь. При этом идеологи поморского движения заявляют, что поморы — не этнографическая группа и не субэтнос, а самостоятельный этнос, но не славянский, а финно-угорский.

Зачем и кому понадобились поморы как самостоятельный этнос, да еще и финно-угорский (ни на одном из финно-угорских языков поморы никогда не говорили)? В период суверенизации начала 1990-х гг. не только политические элиты российских регионов обрели значительную независимость и резко усилили свое политическое влияние, но и некоторые провинциальные интеллектуальные элиты несколько изменили свой статус. Тогда и архангельские интеллектуалы попытались превратить Архангельск в своеобразный культурный центр Европейского Севера России. Местный пединститут был превращен в Поморский университет им. М.В. Ломоносова, представители науки и культуры резко расширили свои связи со странами Северной Европы и т.д. Повышению деловой активности в регионе способствовало не только выгодное географическое положение региона, но и открытие месторождений алмазов, крупных нефтегазовых месторождений на шельфе северных морей, к которым проявили интерес отечественные и зарубежные компании. Большой бизнес стал все активнее внедряться в регион, и роль

Архангельска как центра деловой активности значительно выросла. Неслучайно вновь заговорили о Поморье, на архангельском телевидении информационные программы стали выходить под названием «Вести Поморья», а интеллектуальная элита предложила идею создания Поморско-Ненецкой Республики, которая должна объединить Мурманскую, Архангельскую области и Ненецкий автономный округ. Для этой республики нужна была этническая составляющая, поэтому и появились поморы. При этом Архангельская область ориентирована на расширение сотрудничества в регионе Северной Европы, особенно в рамках Баренц-Евро-Арктического региона. Интересы регионального сотрудничества подтолкнули идеологов поморов заявить о себе как о финно-угорском этносе, поскольку в населении стран и регионов БЕАР финно-угорская составляющая представлена повсеместно. Кроме того, о поморах заговорили как о коренном малочисленном народе Севера и даже зарегистрировали поморскую общину Архангельска как общину коренного малочисленного народа. И это тоже неслучайно. Нефть с севера России предполагается поставлять на европейский и североамериканский рынки во все более значительных масштабах. Потребители нефти требуют от поставщиков, чтобы у них были урегулированы все вопросы и конфликты с землепользователями, которыми на севере являются, как правило, общины коренных малочисленных народов. Урегулирование отношений означает в том числе и выплату существенных денежных компенсаций общинам коренных народов за изымаемые из оборота земли, на которых эти общины ведут или вели свое хозяйство. Община поморов уже предъявляет претензии и требует свою долю от прибыли нефтяных компаний

Весьма острые дискуссии по поводу определения субэтнических групп татарского народа идут с начала 1990-х гг., и особенно они обострились в преддверии переписи населения 2002 г. Некоторые татарские идеологи и ученые вообще отрицали существование сибирских татар, кряшен, астраханских татар и заявляли, что существует только единый татарский этнос. Другие предлагали не менее странные решения сугубо административного характера: «Те этнические сообщества, которые претендуют на самостоятельность, должны заранее оповестить феде-

ральные власти, что они — все равно внутри единой нации»¹. В попытках обосновать особый статус Татарстана и особую роль казанских татар в деле формирования татарской нации некоторые идеологи местного национализма предлагали считать частью татарского этнического сообщества башкир.

В этих идеологических поисках происходит сознательная подмена понятий, ибо вероятный (или желаемый) итог процесса нациестроительства пытаются выдать за сегодняшние реалии. Да, многие идеологи татарского движения, политики, часть интеллектуальной элиты Татарстана ставят перед собой цель — формирование современной татарской нации, обращенной к традиционным ценностям и вместе с тем развивающейся в русле модернизма, но выдавать свои политические цели за данность и на этом основании обвинять оппонентов и государство в насильственном навязывании некой этнической модели, по меньшей мере, некорректно. Более того, очевидная неспособность реализовать эту цель показывает, во-первых, слабую совместимость нации и этнического сообщества, во-вторых, сложность вычленения новых наций из уже сформировавшейся (или формирующейся) нации-полиса.

Не менее показателен и пример с попытками сконструировать некую новую румынскую идентичность, а точнее — включить в состав румынского этноса молдавский этнический компонент. В понимании идеологов румынизации, молдаван как таковых не существует, и они составляют с румынами единый народ. Такой подход логически предполагает, что две части некогда разделенного единого народа должны воссоединиться. У этой идеи и в Молдавии и в Румынии довольно много влиятельных сторонников в правящих кругах и среди интеллектуальной элиты. Кроме того, идея имеет некоторое историческое и культурное обоснование. Молдова — одно из двух (второе — Валахия или Цара Ромыняскэ) княжеств, находившихся с XVI в. в зависимости от Османской империи и объединившихся в 1859 г. в единое румынское государство, ставшее в 1878 г. (после Русско-турецкой войны) полностью независимым. Исторический центр Молдовы город Яссы находится на территории вос-

¹ Абдрахманов Р. АН Татарстана — за сохранение единого татарского этноса // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2002. № 43. С. 62.

точной Румынии. Жители Молдовы, называемые молдаванами, считали себя принадлежащими к одной из субэтнических общностей румын. Но в пределах Румынии оказалась лишь небольшая часть территории исторической Молдовы. Северная Буковина в 1775 г. оказалась под властью Австрийской империи, а территория между Днестром и Прутом, названная Бессарабией, по Бухарестскому миру, заключенному между Россией и Турцией в 1812 г., отошла к России.

Румынское государство с первых лет независимости предпринимало усилия для конструирования нации и формирования ее культурной самобытности. С этой целью во второй половине XIX в. оно отказывается от кириллицы и переводит алфавит на латинскую графику, из румынского языка последовательно изгоняются многочисленные славянизмы, а культурные контакты с Россией ограничиваются.

В свою очередь Россия, опасаясь возникновения в Бессарабии румынского ирредентизма, стремилась ограничить связи бессарабских молдаван с румынами. Румынский язык был постепенно изгнан из публичной сферы. С 1867 г. было запрещено обучение на румынском языке, молдавская элита интегрировалась в российскую, а становление местной буржуазии и интеллигенции шло медленно. Тем не менее национальное самосознание не исчезло и в переломную эпоху актуализировалось, что позволило в феврале 1918 г. провозгласить Молдавскую Демократическую Республику, а в марте объявить о ее вхождении в состав Румынии. Начинается «румынизация» Бессарабии, которая была, однако, неполной и неглубокой. В 1940 г. Бессарабия была включена в состав СССР и вместе с территориями по Левобережью Днестра (которые никогда не входили в состав исторической Молдовы) образует Молдавскую ССР (с 1924 г. в Приднестровье уже существовала Молдавская АССР). С конца 1920-х гг. в СССР официально признавалось, что молдаване не румыны, а отдельный народ. В самой Молдавии эта форма идентичности была неоспоримо доминирующей.

Но реальная близость румынского и молдавского языков и культурная близость румын и молдаван стали идеологической основой для создания молдавского национального движения, которое организационно оформилось в 1987 г. При этом процесс «национального пробуждения» в Молдавии приобрел

специфический характер. «Естественный процесс освоения новой интеллигенцией культурного наследия прошлого по мере эрозии в СССР официальной коммунистической идеологии стал приобретать специфическую “антисоветскую” (а в нерусских республиках — и “антирусскую”) националистическую идеологическую окраску. Этот процесс шел во всех советских республиках. Но если обращение к своему прошлому русских, украинцев или армян усиливало их национальные чувства, то у молдаван, наоборот, оно ослабляло прививаемое советской властью молдавское самосознание и порождало румынское самосознание»¹.

Народный фронт Молдавии, который в годы горбачевской перестройки стал главной политической силой Молдавии, откровенно взял курс на объединение с Румынией. С целью конструирования «нового румынского этноса» под давлением НФМ осуществлялся целый ряд мер административного, культурного и политического плана, призванных создать фундамент для подтверждения идеологического конструкта. Был введен безвизовый режим на румынско-молдавской границе, молдавский алфавит переведен с кириллицы на латиницу, был отвергнут лингвоним «молдавский язык», в молдавских школах ввели преподавание истории румын, милицию переименовали в полицию, началось активное вытеснение русских с руководящих постов. В свою очередь румынские политики предприняли меры по ослаблению влияния действующей в Яссах молдавской партии.

Но молдавская идентичность оказалась отнюдь не мифом, и попытка отказа от нее привела к серьезным политическим и экономическим последствиям. Во-первых, в Молдавии, которая в советские годы приобрела статус союзной республики и заметно изменилась территориально, сформировался новый состав населения, который качественно отличался в этническом и социальном отношении от населения исторической Молдовы. Во-вторых, население республики стало представлять собой, пусть и непрочную, социально-территориальную целостность,

¹ Фурман Дм. Молдавские молдаване и молдавские румыны (влияние особенностей национального самосознания молдаван на политическое развитие Республики Молдова) // Научные тетради Института Восточной Европы. Вып. II. Молдавия. М., 2008. С. 41.

которая не могла безболезненно принять идеи румынизации и которую для внедрения в жизнь нового этнического конструкта необходимо было разрушить. В-третьих, культурная близость молдаван и румын оказалась не настолько существенной, чтобы сформировалось единое этническое самосознание (а тем более национальное).

Иноэтничное население Молдавии, а особенно население Приднестровья и Гагаузии, приняло румынизацию в штыки, и дело фактически дошло до гражданской войны и раскола страны. Молдавское население тоже оказалось не готово принять идею единого румынского народа, что привело к расколу уже внутри титульного населения и его элиты. Подавляющая часть простых молдаван продолжают считать себя молдаванами, и молдавская идентичность прочно укоренилась в их сознании. Элита раскола примерно пополам. Одна ее часть утверждает, что есть лишь румыны, а молдаван нет, вторая, апеллируя к многовековой истории Молдавского княжества и его нередко непростым отношениям с Валахией, указывает на глубокие исторические корни молдовенизма. Василе Стати в своей напущенной «Истории Молдовы» по этому поводу пишет: «...Этническое сознание молдаван, их молдовенизм сохранялись много веков подряд до наших дней. Определенное сходство с другими восточнороманцами: с влахами (в Болгарии), валахами (мунтянами, сегодня румынами) — не помешало им (молдаванам между Прутом и Карпатами) веками называть себя молдаванами, а не румынами»¹.

Все постсоветское политическое развитие Молдавии прошло под знаком борьбы унионистов и молдовенистов, а приход в 2001 г. к власти компартии (что явилось уникальным для постсоветского пространства случаем) означал поражение унионизма.

Конструирование новой этничности привело в итоге к тому, что Молдавия и молдаване до сих пор четко не определили ни свое культурное, ни свое политическое положение в Европе и вновь вынуждены культурно и политически позиционировать себя, чтобы преодолеть внутренний раскол в обществе. Хотя, конечно, его глубину переоценивать не следует: согласно переписи 2004 г., только 3,5% населения Молдовы назвали себя румы-

¹ Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 415.

нами, а 58% — молдаванами (при этом уже в 2006 г. более 10% молдаван имели двойное молдавско-румынское гражданство). Однако для конструирования молдавской нации необходима не только и не столько общеэтническая консолидация, сколько общегражданская интеграция.

В чем-то схожая с молдавской ситуация имела место и в Азербайджане. Приход к власти в 1992 г. Народного фронта Азербайджана означал не только смену политических сил, которые руководили страной, но и принципиальное изменение этнонациональной политики. Курс на скорейшее сближение с Турцией, пантюркистские лозунги и ориентиры («другом тюрка может быть только тюрк») стали основой новой концепции этнополитики Азербайджана, хотя она и не получила законченного выражения. Ориентируясь на идеологические основы этой этнополитики, в декабре 1992 г. миллимеджлис (парламент) Азербайджана принял Закон о языке, согласно которому азербайджанский язык был переименован в «тюркский». Азербайджанцы соответственно стали именоваться «турками». Формально лидеры Народного фронта были правы, поскольку до 1936 г. язык и народ именно так и назывались. Но за годы советской власти выросло несколько поколений, которые считали себя именно азербайджанцами. Кроме того, ни в Законе о языке, ни в этнонациональной политике в целом не была четко сформулирована позиция относительно понимания природы азербайджанской идентичности. Прежде немалая часть мусульманских народов республики (таты, талыши, курды, лезгины), проживая в азербайджанском окружении, признавали себя азербайджанцами.

Перевод алфавита на латиницу (как в Турции), очевидный этноцентризм в политике привели к тому, что между титульным этническим сообществом и другими этническими группами населения стали возникать новые социальные барьеры. Эта политика оттолкнула и многих русскоязычных азербайджанцев, часть которых перебралась в Россию. Более того, подобная политика спровоцировала не только рост межэтнической напряженности, но и рост этносепаратизма, наивысшим выражением которого стало создание в 1993 г. Талышско-Муганской автономной республики в составе Азербайджана. Такая политика

в немалой степени способствовала политическому поражению НФА. С приходом к власти в 1993 г. Гейдара Алиева идеологические ориентиры в этнополитике сменились. Закон о языке был отменен, а титульный народ и его язык вновь стали именоваться азербайджанскими. Были запрещены талышская и лезгинская этнические партии, но одновременно приняты меры по стабилизации ситуации в сфере межэтнических отношений: в школах стали изучаться языки меньшинств, издаваться книги и журналы на их языках, открылись религиозные учреждения всех конфессий.

По-иному, но тоже непросто происходило становление австрийской идентичности. Здесь также были попытки использовать культурную близость и общенемецкие корни для отрицания возможности существования самостоятельной австрийской нации. Но те же исторические основания (длительное существование Австро-Венгерской империи) и сложный характер взаимоотношений с Германией стали стимулом для укоренения в общественном сознании граждан Австрии своей австрийской идентичности.

Американская нация долгое время строилась исходя из англосаксонской составляющей, и типичным американцем мог считаться тот, кто соответствовал «стандарту» WASP (белый человек англосаксонского происхождения, исповедующий протестантизм) или стремящийся соответствовать данному стандарту культурно. Такой стандарт не только подавлял и вытеснял другую этничность, но и вызывал чувство протеста, приводил к появлению альтернативных идей и трактовок американской нации (в частности идеи о том, что внутри американской нации есть еще и черная американская нация или что в Америке есть две нации, одна из которых — белые американцы, а вторая — афроамериканцы), раскалывал ее по этническим, расовым, религиозным признакам. Его эксплуатация привела к рождению во второй половине 1960-х гг. масштабного движения протеста афроамериканцев, которое можно даже рассматривать как еще одну гражданскую войну в США. В итоге от такой трактовки нации отказались в пользу мультикультурных концепций.

Советская политика нациестроительства изначально не отрицала полиэтничности, но за основу социалистической нации

принимался русский народ, который был объявлен «старшим братом» всех других народов страны. Этническая принадлежность фиксировалась принудительно в паспортах и жестко привязывалась не к самоощущению людей, а к национальности родителей, что заставляло граждан вести себя «этнически». Разные этнические группы населения постоянно подлежали политической оценке, которая могла колебаться от особого уважения (к русским и грузинам) до жестких преследований (массовые депортации немцев, чеченцев, ингушей, кабардинцев, балкарцев и других народов). Поэтому многие вытесняли свою собственную этничность, ибо значительно предпочтительнее было причислять себя к «советскому народу» или к «русским», что ни к чему не обязывало, но обеспечивало лояльность со стороны государственных институтов. Таким образом, «советские люди» или многие русские становились неким социальным конструктом, который утрачивал этническое содержание. При этом стоит заметить, что в принципиальном плане *позднесоветская модель этнополитики была близка к американской и во многом верна, ибо она исходила из того, что гражданские идеалы и ценности в едином государстве должны доминировать над этничностью.*

Именно гражданская солидарность и гражданское единство формируют нацию. Движение за самоопределение может быть сильным и успешным, его итогом может стать создание самостоятельного государства, но если в этом государстве будет ощущаться дефицит гражданского национализма, если гражданские интересы будут замещаться этническими и клановыми, то страна будет находиться под угрозой раскола.

Классическим примером подобной ситуации можно считать события в Восточном Тиморе. Сначала здесь зародилось движение за самоопределение и началась борьба против португальского колониального господства. В результате этой борьбы португальцы в 1975 г. вынуждены были уйти из Тимора, предоставив ему независимость. Тимор тут же оккупировала индонезийская армия, он получил статус 27-й провинции Индонезии, но население провинции не желало быть индонезийцами, и начался очередной этап борьбы за независимость, которую возглавил фронт ФРЕТИЛИН («Революционный фронт освобождения Восточного Тимора»). Под давлением ООН в 1999 г.

был проведен референдум о будущем Восточного Тимора, и 78% населения высказались за независимость. В 2002 г. в г. Дили (столице) прошла церемония провозглашения независимости государства Тимор-Лоросаэ (Тимор восходящего солнца). А в мае 2006 г. в столице вспыхнул мятеж, а затем началась война всех против всех. Страна практически перестала существовать. Причиной краха стала концентрация власти и ресурсов в руках немногих и очевидная этнизация власти.

В стране, где проживают представители 33 народов, где помимо католиков, составляющих подавляющее большинство населения, проживают приверженцы других конфессий (мусульмане, буддисты, протестанты), вся реальная власть оказалась в руках только численно доминирующего народа тетум. Мятеж начался с того, что солдаты, недовольные жесткими армейскими порядками, взбунтовались против офицеров. Офицерами были представители тетум, а солдаты принадлежали к другим этническим группам. Недовольных уволили из армии, но они не смирились с этим и подняли мятеж, который перерос в гражданскую войну. Вмешательство международного воинского контингента смогло ослабить противостояние, но не умиротворить страну. Теперь ее ждут долгий период нестабильности и поиски гражданского согласия.

Гражданская идентификация в случае успешного нациестроительства полностью замещает этническую или в любом случае предшествует ей, приобретая большее социальное и политическое значение для сообщества в целом и каждого отдельного гражданина в частности. Так, большинство граждан США считают сегодня себя прежде всего американцами, хотя и помнят о своих этнических или расовых корнях. Сын великого русского мыслителя (одного из отцов-основателей американской социологии) Питирима Сорокина, приезжая на родину отца в Коми, говорит, что он американец. Сын бывшего советского лидера Никиты Хрущева Сергей тоже теперь называет себя американцем, равно как и бывший генерал КГБ Калугин, хотя очевидно, что для них «американскость» есть лишь некий социальный ориентир, но вряд ли за короткий срок жизни в США эти бывшие советские граждане полностью натурализировались. Впрочем, важно именно самоощущение личности.

Процессы нациестроительства неизбежно нивелируют этнические различия и ослабляют этническую идентификацию. Характерно, что в распавшейся Югославии довольно много людей в годы правления Тито стали называть себя югославами, а дети тех югославских эмигрантов, что в свое время выехали на заработки в Германию или другие страны Европы, вообще ничего не знали о своей этнической принадлежности, и для них она была неактуальной. До начала кровавой войны в Боснии подавляющая часть боснийцев представляла собой некую целостность и не придавала особого значения своему этническому происхождению или вероисповеданию. Известный немецкий социальный антрополог Гюнтер Шлее по этому поводу пишет: «Между тем сегодня очевидно, что все дети из бывшей Югославии, независимо от того, проживают они в Германии или где-нибудь еще, знают о своей этнической принадлежности. По крайней мере, в таких случаях становится ясным, что этничность является здесь результатом новой конъюнктуры, а не первопричиной этнических конфликтов»¹. Развивая мысль о характере процессов идентификации, он отмечает, что они имеют свою логику прагматической оценки приобретений и потерь, которые приносят причисление индивида к той или иной общности.

Далеко не всегда человек стремится или испытывают необходимость причислять себя к какой-либо этнической общности, а некоторые намеренно отрицают значимость этнической идентификации. Так, в ходе переписи населения 2002 г. в России было зафиксировано, что часть людей вместо своей этнической принадлежности требовали от переписчиков указать в графе «национальность» «россиянин». При этом 1,5 миллиона человек в ходе данной переписи не указали свою национальную принадлежность вообще. Очевидно, что успехи в демократизации страны, рост ее благосостояния и политического веса, взвешенная национальная политика могут привести к усилению процессов вытеснения этнической идентификации идентификацией гражданской. И если сценарий развития страны в ближайшее десятилетие будет именно таков, то следующая перепись населения должна зафиксировать эти процессы. В свою очередь рост числа «россиян» в этнонациональной структуре

¹ Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика. М., 2004. С. 12.

населения страны явится индикатором ее успешного развития и свидетельством общегражданской интеграции. Таким образом, мобилизация и конструирование этничности чаще всего призваны решать политические задачи, в числе которых перераспределение власти в регионе или в стране в целом.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите примеры, когда этничность используется как политический ресурс.
2. В чем состоит суть этнического национализма?
3. Что такое этнополитика?
4. Как происходило становление и развитие международной системы защиты прав меньшинств?
5. Каковы формы участия меньшинств в политической жизни?
6. Назовите формы автономии этнических сообществ и меньшинств?
7. В чем состоит проблема сохранения культурных особенностей меньшинств и каковы пути ее решения?
8. До какой степени можно считать приемлемой политизацию этничности и каковы формы ее огосударствления?
9. Каков политический смысл конструирования этничности?

Литература

1. Багдасаров А.Р. К проблеме этноязыковой конфликтологии в СФРЮ (социолингвистический аспект хорватско-сербских отношений) // Глобализация — этнизация. Этнокультурные и этноязыковые проблемы. Кн. II. М., 2006.
2. Балзер М. Межэтнические отношения и федерализм на Севере // Толерантность и согласие: Мат-лы Междунар. конф. «Толерантность, взаимопонимание и согласие». Якутск, июнь 1995 г. М., 1997.
3. Берштам Т.А. Народная культура Поморья. М., 2009.
4. Бобраков-Тимошкин А. Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008.
5. Боришполец К.П. Этничность и политика (некоторые тенденции и результаты развития современных прикладных исследований) // Вестн. Моск. унта. Сер. 18. Социология и политология. 1999. № 4.
6. Величко О.И. Австрийская нация — идея и реальность // Форум 2004. Нация и мир. М., 2004.
7. Вессендорф К. Участие коренных малочисленных народов в государственной политике: предисловие к анализу ситуаций в различных странах // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2003.
8. Воронков В., Освальд И. Введение. Постсоветские идентичности // Конструирование этничности. СПб., 1998.
9. Вуяичич В., Заславский В. СССР и Югославия: причины распада // Этнографическое обозрение. 1993. № 1.

10. Губогло М.Н. Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение. 1995. № 5.
11. Даль И. Гренландский вариант самоуправления // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2003.
12. Джуретич В. Развал Югославии. М., 2003.
13. Зорин В.Ю. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М., 2002.
14. Конституции государств Европейского союза. М., 1998.
15. Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.
16. Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.
17. Лопуленко Н.А. Опыт автономии в Канадской Арктике — Нунавут: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 170. М., 2004.
18. Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998.
19. Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007.
20. Национальная политика в Российской Федерации / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1993.
21. Национальный вопрос и национальные меньшинства в Восточной Европе. 1944–1948 годы: Материалы круглого стола // Славяноведение. 2001. № 5.
22. Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии / Под ред. Н.И. Новиковой и В.А. Тишкова. М., 2002.
23. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
24. Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М., 2003.
25. Силлантая Л. Возрождение саамского народа: реакция правительства на самоопределение саамов // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002.
26. Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2004.
27. Статус малочисленных народов России: Правовые акты и документы / Сост. В.А. Кряжков. М., 1994.
28. Филиппова Е.И. Найти себя. Конструирование идентичностей в постсоветской России // Этнопанорама. 2004. № 3–4.
29. Флере С. Причины распада бывшей Югославии: взгляд социолога // Социологические исследования. 2003. № 5.
30. Шабает Ю.П. Идеология национальных движений финно-угорских народов России и ее отражение в общественном мнении // Этнографическое обозрение. 1998. № 3.
31. Шабает Ю.П. «Новые идентичности» у финно-угров как политические инструменты // Этнографическое обозрение. 2006. № 1.
32. Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998.
33. Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974.
34. Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994.
35. Юнусов А.С. Этническая ситуация в постсоветском Азербайджане // Этнопанорама. 2005. № 3–4.
36. Cohen A. Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Town. L., 1969.

37. Constructions of Race, Place and Nation / Ed. by P. Jackson and J. Penrose. Minneapolis, 1994.
38. Frederik B. Introduction // The Role of the Entrepreneur in Social Change in Northern Norway / Ed. by F. Barth. Bergen; Oslo, 1963.
39. Glenney M. The Fall of Yugoslavia: The Third Balcan War. N. Y., 1992.
40. Magas B. The Destruction of Yugoslavia. L., 1993.
41. Ramet S. Thinking about Yugoslavia: Scholarly Debates about the Yugoslav Breakup and the Wars in Bosnia and Kosovo. Cambridge, 2006.
42. Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N. Y., 1981.

Глава 6

Этничность и государство

Соотношение этнических сообществ и государства, этничности и государственности есть принципиальный вопрос, ответ на который позволяет определить, что собственно является сферой приоритетных политических интересов институтов государства в их отношениях с этническими сообществами, исторически сформировавшимися на его территории, и более поздними иммигрантскими группами. Для самих же этнических общностей ответ на этот вопрос означает понимание того, что они могут получить от государства. Оценивая роль этничности в государственном строительстве, Патрик Мойнихам заметил, что сегодня на планете существует только восемь государств, которые существовали в 1914 г. и с тех пор не пережили насильственного изменения формы правления. В процессе формирования других почти двух сотен государств важную роль сыграли этнические конфликты.

Содержание понятия «национальное государство»

Для рассмотрения указанного вопроса следует, видимо, исходить из того, что государство как политический институт призвано поддерживать внутреннюю и внешнюю стабильность общества, на базе которого оно возникло и развивалось. В этой связи важно уточнить понятие национального государства, поскольку разные толкования этого понятия могут определить и разную направленность государственной этнополитики.

В учебнике «Этнология», автором которого является Г.Т. Тавадов, дается довольно распространенное, хотя и глубоко ошибочное определение национального государства: «Национальное государство — это государство, образованное этносом (нацией) на базе этнической территории и воплощающее политическую независимость и самостоятельность народа»¹. В данном случае автор, по существу, ставит знак равенства между «этносом» (эт-

ническим сообществом) и нацией, и потому получается, что есть «национальные» государства и есть такие, которые считать национальными нельзя. Между тем все современные государства являются национальными, ибо построены на основе суверенного права нации на самоопределение, а таковым правом обладают именно гражданские, а не этнические сообщества. **И национальное государство есть территориальное сообщество, все члены которого независимо от их этнической принадлежности признают свою общность, солидарны с ней и подчиняются институционализированным нормам этого сообщества.**

Помимо постулата о том, что есть национальное государство, для целей этнополитологического анализа необходимо определиться и с другим важным положением: какова этническая составляющая в государственном строительстве, т.е. что есть моноэтническое государство и что есть полиэтническое государство.

В мировой практике моноэтническим принято считать государство, в котором 95% населения и более составляют представители одной этнической традиции. Но таких государств в мире очень немного (Исландия, Норвегия, Португалия, Албания, Армения, Мальта, Ямайка, Йемен, Венгрия), в подавляющем большинстве стран в составе населения присутствует несколько или даже множество этнических групп. Неоднородность этнического состава населения в сочетании с религиозными и расовыми различиями ставит перед государственными институтами задачу интеграции полиэтнического общества, выработки общегосударственной идеологии и ценностей, цементирующих государственные устои.

Каждое государство решают эту задачу по-своему. В Соединенных Штатах Америки долгое время господствовала идея «плавильного котла». Таким котлом исследователям и политикам представлялось американское общество, в котором различные этнические и расовые компоненты образовывали сплав именуемый американской нацией.

По большому счету сходная идея была и у советских идеологов, по мнению которых в СССР из многочисленных социалистических наций через «расцвет и сближение» сложилась «новая историческая общность людей», называемая «советский

¹ Тавадов Г.Т. Этнология. М., 2002. С. 275.

народ». Этот народ был объявлен типологически новой общностью по той причине, что был свойственен интернационализм и все это называлось «многонациональностью». В мировой науке, праве и политике известны «многонациональные (или транснациональные) корпорации, известны «многонациональные вооруженные силы» и «многонациональность» (multinational) всегда означала трансгосударственные образования или связи. На самом деле в переводе на общеупотребительный язык речь шла о многоэтничности. Неслучайно в советские и в постсоветские времена понятия «национальный» и «многонациональный» переводились с русского как «этнический» или «многоэтнический». Тем самым понятию «национальный» придавалось исключительно этническое содержание. Цитата из учебника Тавадова яркое тому подтверждение. На самом же деле советский народ был не новой, а старой исторической общностью, известной со времен М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина и А.С. Пушкине как «народ российский» или «россияне». В XVIII в. даже русский язык назывался российским языком¹.

В противовес американской и советской моделям, определяющим сложную цельность населения по государству (американская нация и советский многонациональный народ), существуют модели национального государства, в которых главная роль в формировании нации придается этнической группе. Так, в современной Латвии помощник премьера по национальной безопасности официально заявляет, что «русская община не вписывается в концепцию национального латвийского государства». Попытка доминирующей этнической группы заявить о себе как о государственной нации и закрепить этот тезис в идеологии и в своем юридическом статусе приводит к формированию так называемого **этнократического государства**. Этнократическая идеология характерна для государств Африки, причем особенно широко она используется в период становления государств.

Под этнократическим государством следует понимать такое государство, в котором этническая группа, преобладающая численно или доминирующая политически, пользуется властью и привилегиями по отношению к другим,

она отождествляет с государством исключительно себя, отказывая меньшинствам в праве на членство в нации или на самостоятельное «нациестроительство». В данном случае доминирующая этническая группа позиционирует себя с помощью государственной идеологии и государственных институтов (прямо или косвенно) как единственную «истинную», «реальную», «настоящую» нацию и требует, чтобы представители остальных этнических групп в культурном отношении равнялись на нее. Такая государственная модель называется иногда **конституционным национализмом**. Она имеет целью цементировать этническое большинство и отторгать или изолировать нежелательные этнические или расовые меньшинства (яркие тому примеры — режим апартеида в ЮАР, а также конституционные основы постсоветского государства).

Режим конституционного национализма может быть относительно мягким и крайне жестким. В последнем случае он полностью отказывает в правах отдельным группам населения. Так, в центральноафриканском государстве Бурунди занимающая много столетий доминирующие позиции этническая группа тутси, которую сделали своим привилегированным союзником еще немецкие колонисты до Первой мировой войны (тутси были надсмотрщиками на банановых и чайных плантациях), а затем их использовали в тех же целях бельгийцы, начала в 1972 г. репрессивные действия против хуту с целью сокращения численности последних, а по возможности и полного их физического уничтожения. В результате были убиты сотни тысяч человек. Причем условия для конфликта стали созреть задолго до его начала, ибо практика разделения общин началась со школы: детей хуту и тутси разделяли: одни сидели в одном углу класса, другие — в другом. До начала активного противостояния браки между хуту и тутси не были редким явлением. Первую резню в результате протестов мировой общественности удалось остановить, но этнократическая идея оказалась сильнее голоса мировой общественности, и в 1988 г. столкновения между хуту и тутси возобновились.

Но самая масштабная этническая гражданская война конца XX столетия, связанный с противостоянием хуту и тутси, имела место в соседней Руанде в 1994 г. Тогда погибло около одного миллиона человек. Это противостояние служит ярким приме-

¹ См.: Тишков В.А. Российский народ: Книга для учителя. М., 2010.

ром африканского политического трайбализма. К тому моменту, когда власти Руанды спровоцировали резню тутси, позиции последних уже были существенно ослаблены.

В конце 1950-х гг. в ходе процесса деколонизации хуту стали активно требовать передачи власти большинству (хуту составляли 85% населения страны). В 1959 г. произошли первые столкновения между общинами. В 1962 г. впервые были проведены выборы президента Руанды, в результате которых хуту заняли ведущие политические позиции в стране. Начались масштабные притеснения тутси, что спровоцировало их на борьбу за возвращение себе утраченных позиций. Эта борьба вылилась в череду нападений на правительственные учреждения и следующие за ними массовые убийства тутси. На территории Уганды беженцами из Руанды был сформирован Руандийский патриотический фронт, который вел борьбу за реформирование государственного управления в Руанде и раздел политической власти между основными этническими общинами. В 1990 г. РПФ начал крупное наступление и приблизился к столице страны Кигали. В свою очередь центральное правительство объявило всех тутси, проживающих в Руанде, пособниками РПФ, а хуту, которые сочувствовали борьбе за права тутси, — предателями. Наступление на столицу с помощью Франции было отбито, но в стране развернулась масштабная партизанская война. Летом 1993 г. представители противоборствующих сторон в Танзании достигли договоренности о прекращении огня и о начале процесса демократических перемен в Руанде. Однако президент страны Хабьяримана не торопился претворять в жизнь договоренности и приступил к формированию в стране отрядов народной милиции, численность которых достигла 30 тысяч человек. Вооружены они были в основном мачете, которые затем и использовали для уничтожения тутси.

Миротворческие силы ООН, размещенные в стране, информировали руководство организации о готовящейся этнической чистке, но канадскому генералу Ромео Даллеру было приказано не вмешиваться в ситуацию. 6 апреля 1994 г. самолет, на котором находились президент Бурунди и Руанды, был сбит ракетой (по одной из версий, она была запущена радикально настроенными хуту). Гибель президента Хабьяримана стала сигналом к началу истребления тутси. При этом первыми были убиты все

политики и журналисты хуту, которые призывали к диалогу. Вооруженные формирования хуту вместе с армией планомерно истребляли тутси всюду, где их заставляли. В первые две недели было убито 250 тысяч человек. Радиостанции страны играли роль координаторов этнической чистки, призывая к погромам и указывая информацию о местах расположения тутси. В эфире сообщалось, что земли тутси будут отданы тем хуту, которые их уничтожат.

Миротворцы ООН в течение всего периода погромов не вмешивались в происходящее, и значительная их часть по указанию своих правительств покинула страну. С уходом бельгийских миротворцев связан один из наиболее драматических эпизодов этого конфликта. В одной из школ Кигали, которую они охраняли, пряталось две тысячи тутси, спасшихся во время погромов. После того как бельгийцы получили приказ оставить здание школы, брошенные на произвол судьбы люди были убиты руандийскими военными. В глубинке людей убивали даже в зданиях церквей, куда они приходили в поисках убежища. Названные события стали фоном, на котором разворачиваются события романа Жюль Куртманша «Воскресный день у бассейна в Кигали» и его экранной версии. Затем противостояние между хуту и тутси перекинулось уже на территорию Конго, куда переместилось огромное количество беженцев, представляющих обе этнические группы.

Пример «перевернутой этнократии» представляет собой Шри-Ланка. Исторически ее заселяли сингалы, исповедующие буддизм. С приходом англичан и созданием обширных чайных плантаций на остров стали переселяться с полуострова Индостан значительные группы тамил-индуистов, которые оседали главным образом на севере острова и работали на плантациях чая. Несмотря на то что сингалы численно преобладали, англичане оказывали предпочтение тамилам, которые поэтому занимали наиболее престижные места в колониальной администрации и бюрократическом аппарате. После обретения независимости в 1947 г. тамилы постепенно были вытеснены с ключевых позиций в государственном аппарате сингалами. Затем сингалы стали расселяться на территориях, которые прежде воспринимались исключительно как тамильские, были предприняты другие меры для укрепления позиций сингалов

и наконец сингальский язык был объявлен единственным государственным языком страны, а буддизм — конституционной религией. Тамилы почувствовали себя ущемленными, и среди них усилилось движение протеста, которое переросло в 1980-х гг. в партизанскую войну под лозунгом создания независимого государства тамиллов на севере Шри-Ланки. В результате огромных усилий основные очаги сопротивления тамиллов удалось сломить правительственным войскам, но конфликт полностью не преодолен до сих пор. Тамилы жалуются на погромы и ущемления своих прав, сингалы видят в тамильском движении протеста открытый сепаратизм и только.

В последние годы концепция национального государства подвергается двойному давлению: с одной стороны, оно ослабевает под напором транснациональных институтов, системы международного права и процессов глобализации; с другой — государство как форма социальной организации общества испытывает пресс этнополитических движений и вынуждено противостоять вызовам политизированной этничности. Причем эти вызовы возникают там, где процессы внутригосударственной интеграции, развитие демократических институтов и гражданского общества, казалось бы, зашли настолько далеко, что исключают возможность возникновения этнополитических движений и актуализации идей этнического национализма.

Однако в современной Европе, где предпринимались усилия для развития национальных меньшинств и где принципы нерушимости государственных границ после Второй мировой войны неоднократно подтверждались лидерами государств и межгосударственными соглашениями, на исходе XX столетия поднялась третья за истекший век волна национализма. Ее нередко связывают с третьим геополитическим переделом мира, который явился следствием окончания «холодной войны», вызванной противостоянием двух общественных систем. В какой-то степени это так и есть, но этнополитические движения в Европе актуализировались до распада и ликвидации социалистического Восточного блока. К примеру, Ольстер «взорвался» в 1969 г., когда никто в мире не мог и предположить, что Советский Союз распадется. Октябрьский кризис 1970 г. в Квебеке, где квебекскими сепаратистами были убиты видные политики, потряс Канаду. В континентальной Европе наиболее про-

блемный характер к 1960-м гг. приобрели этнополитические проблемы Бельгии. Более столетия эта страна развивалась при полном доминировании в политической и культурной жизни одной этнической группы — валлонов. Французский язык был единственным государственным языком страны. Франкоговорящие провинции были наиболее развиты в экономическом отношении, и основу финансовой буржуазии и брюссельской бюрократии составляли франкофоны. Неслучайно фламандцы во время Первой мировой войны поддержали Германию, надеясь на помощь последней в создании самостоятельного государства.

После Второй мировой войны положение двух основных этнических общин стало меняться. Бурный промышленный рост во Фландрии превратил ее в наиболее процветающий регион страны, а уровень жизни фламандцев стал заметно выше, чем у валлонов. Более того, Валлония постепенно превратилась в экономически отсталую часть страны с высоким уровнем безработицы, которая стала зависеть от финансовых дотаций Брюсселя. В таких условиях фламандская буржуазия и политическая элита потребовали перераспределения власти и ресурсов. Противоречия между франкофонами и валлонами достигли крайнего накала. Распад страны, однако, не состоялся, поскольку в 1970 г. была проведена конституционная реформа, признавшая официальное двуязычие, а также культурную автономию немецкой общины. Государство было разделено на три области: франкоговорящую Валлонию, голландскоговорящую Фландрию и Брюссель, где уравнивались в правах голландский, французский и немецкий языки. Но и эта реформа не смогла полностью преодолеть конфликт между общинами, а потому в 1988 г. в конституцию были внесены изменения, которые существенно расширили автономию областей. Наконец в 1993 г. Бельгия была провозглашена федерацией, хотя и после этого межобщинные противоречия не были полностью преодолены. Тем не менее, партия «Фламандский интерес» продолжает выдвигать лозунги национал-радикального характера, и неслучайно бельгийцы с тревогой следят за деятельностью этнических радикалов.

«Розыгрыш» телезрителей, организованный государственным франкоязычным каналом Бельгии в декабре 2006 г., кото-

рый сообщил, что Фландрия объявила о выходе из состава Бельгийского королевства, огромным количеством граждан страны был воспринят всерьез, что свидетельствует о хрупкости отношений между общинами.

В числе кризисных регионов Европы во второй половине XX столетия оказались не только Ольстер и Бельгия, но и Страна Басков и Каталония в Испании, Валь д'Аоста и Южный Тироль, Ломбардия в Италии, Корсика и Бретань — во Франции. Сегодня на грани распада оказалась даже не Бельгия, а Великобритания, ибо шотландский национализм усиливается и сторонники независимой Шотландии близки к тому, чтобы стать политически доминирующей силой в шотландском парламенте, а сам референдум о независимости может состояться в ближайшие годы. Во многих странах Европы ныне популярны сепаратистские движения. Все они имеют «этническое» обоснование, их вдохновители исходят из противопоставления своих этнических групп остальному населению. В силу своей природы этничность концентрируется в основном в сфере культуры и не предполагает наличия политической программы или концепции. Но при определенных условиях она может выполнять политическую функцию.

Роль этнической стратификации в политических процессах

В последние годы ослабление роли национальных государств сопровождалось ростом значения регионов, что способствовало самоорганизации на региональном уровне и актуализации этнического самосознания. Следствием этого стало распространение концепции «мононационального государства». Свою роль в политизации этничности сыграл и утвердившийся подход к рассмотрению этнических общностей в качестве субъектов правовых, политических и государственных отношений. В соответствии с этим подходом население государств рассматривается не как гражданская целостность, а разделяется на «титულную» этническую общность и остальных. В условиях актуализации этничности народы, у которых прежде не было своих государственных образований, а также этнические сообщества, оказав-

шиеся отделенными от основного места проживания соплеменников, стали заявлять о своем стремлении создать независимое государство или воссоединиться с государством-прародиной (этот феномен называется *ирредентизмом*).

Такая ситуация породила новые политические и правовые проблемы, многие полиэтнические государства и международное сообщество оказались перед необходимостью делать сложного политического выбора. Особенно ярко это продемонстрировала ситуация в Чечне и вокруг нее. Здесь предпринимались различные попытки нормализации ситуации, вплоть до фактического предоставления независимости чеченскому этническому анклаву (Хасавюртовские соглашения 1996 г.), но ни силовые, ни переговорные методы решения проблемы не привели к улучшению обстановки в этой республике и еще больше дестабилизировали ситуацию на Северном Кавказе.

Многие ученые не сомневаются в том, что мир стоит на пороге кардинальных изменений политического устройства. Так, в начале 1990-х гг. американский географ С. Коэн сделал прогноз, согласно которому через 30 лет число государств в мире удвоится, а число независимых стран возрастет до 300. Председатель комиссии по политической карте мира в Международном союзе географов американец Джулиан Минджи предрек раздел Австралии на 4 государства, распад России, появление нескольких новых стран в Европе, исчезновение Канады как единого государства, изменение границ США. Прогнозы такого характера делались и прежде, и некоторые из них, например, о распаде Югославии, сбылись. Оказались пророческими и утверждения американского ученого Ричарда Пайпса (1976), что СССР распадется именно из-за этнического фактора. В 1979 г. вышла в свет книга французской исследовательницы Элен Каррер Д'Анкокс «Раскальывающаяся империя», где, по существу, был повторен прогноз Пайпса. А вот выводы многих специалистов в том, что Индия как целостное государство не сможет существовать, оказались ошибочными. Однако их по-прежнему тревожат споры в индийском обществе по поводу того, что крупные этнические общности должны иметь политическую автономию. Вызывает беспокойство специалистов и национализм доминирующего хиндиязычного населения.

Очевидно, что все 5 тысяч этнических групп, существующих на планете, никогда не смогут иметь собственные государства. Однако этнические и государственные границы за последние два десятилетия все чаще стали совпадать. В 1990 г. только 6 стран Европы не имело автохтонных меньшинств (мигрантские общины здесь не идут в счет), а сегодня таких стран уже 15. Вместе с тем, появление новых государств, новая политическая география Европы привели к возникновению новых меньшинств, в числе которых оказались и русские. Общее число этнических меньшинств в Европе ныне почти в полтора раза больше, чем их насчитывалось в 1910 г. (150 против 107). Политические процессы последних лет еще раз показали, что этнические группы могут менять свой статус в соответствии с политическими изменениями, а понятие меньшинства не столько количественное, сколько политическое. И это подтверждается тем, что новые меньшинства также стремятся к политическому позиционированию, политической самоорганизации и к определению своего политического статуса. Свидетельством тому стало, в частности, очевидное стремление к созданию «русской партии» в Европейском союзе. Контуры этой партии уже просматриваются, хотя до ее признания еще далеко.

Политическая активность меньшинств, в том числе и русских (или русскоязычных) общин во многих странах, может рассматриваться некоторыми политиками как потенциальная угроза, ибо распад СССР многие аналитики объясняют тем, что национальные меньшинства в бывшем Советском Союзе со временем все более осознавали свои политические интересы и их элиты не были удовлетворены той ролью, которая им отводилась руководством страны. Само Советское государство своей системой администрирования (паспортная система, привилегии для представителей национальных меньшинств при поступлении в вузы и при занятии должностей, негласные ограничения для евреев и «русскоязычных» в национальных республиках и т.д.) способствовало появлению или ужесточению барьеров между разными этническими группами. Государство «навязывало» этничность и строго следило за ее фиксацией.

Американский политолог из Калифорнийского университета в Беркли Э. Уолкер видит причину распада СССР в советской модели этнофедерализма. На его взгляд 15 республик, объеди-

ненных в советскую Федерацию, в реальности представляли собой конфедерацию. В построенной по этно-территориальному принципу Федерации была легитимизирована опасная для государственной целостности система иерархии этнических общностей. Вершину в этой управленческой пирамиде составляли союзные республики и их титульные нации. Союзные республики номинально имели все атрибуты независимых стран, но полномасштабный государственный суверенитет был скован жестким контролем КПСС. Как только этот контроль ослабел, вполне закономерно союзные республики стали претендовать на тот политический статус, который за ними был декларативно закреплен, т.е. на статус независимого государства.

В свою очередь профессор Висконсинского университета Марк Бейсинджер отмечает роль мобилизованной этничности в процессе распада СССР и указывает на несколько циклов этой мобилизации. Норвежский исследователь Пал Колсто из Университета Осло отмечает, что большевики сделали акцент в понимании нации как этнической общности и намертво привязали эту общность к конкретной территории. Никто не заботился о защите языка и культуры украинцев, живущих за пределами Украины, татар, уехавших из Татарии. В этом он видит проявление коллективистского мышления, в соответствии с которым права есть только у группы, а не у личности. По его мнению, элиты извлекли из такого понимания этнонациональной политики важный урок: защита прав меньшинств связана с территориальным устройством. Поэтому элиты стали закреплять позиции титульных наций на отведенных им территориях, разламывая единое правовое и политическое пространство страны.

Как отмечают другие исследователи, главной особенностью этнической стратификации в СССР было политическое разделение труда. Русские (и близкие к ним этнические группы) преобладали в партийных и государственных учреждениях на общесоюзном уровне, причем процент русских в этих учреждениях увеличивался, а доля русского населения страны сокращалась. В противовес этому в партийных и государственных учреждениях союзных республик в эпоху «коренизации аппарата» и в более поздние эпохи «продвижения национальных кадров» доля русских неуклонно сокращалась, а в брежневские времена уже полностью доминировали представители титульных на-

циональностей. Республиканские элиты стали самодостаточны политически и довольно однородными в этническом отношении. Отсутствие же в составе политической, интеллектуальной, культурной элиты страны значительного слоя выдвинутых из республик усиливало подспудное противостояние центра и этнической периферии. В условиях ослабления тоталитарного режима и попыток его демократизации при М.С. Горбачеве это противостояние стало уже открытым. Попытка Кремля назначить в Казахстане первым секретарем республиканской компартии русского по национальности Колбина закончилась бунтом казахских националистов.

Распад СССР более напоминал мятеж провинций против центральной власти, нежели политически и юридически корректную процедуру оформления их государственной независимости. Но политическая легитимность этому процессу придавалась деятельностью «народных» (точнее, этнонационалистических) движений, в частности народных фронтов в Прибалтийских республиках. Именно они сформулировали «идеологию распада», элементы которой затем были подхвачены националистическими движениями в союзных республиках и ряде автономий внутри России.

Важную роль в процессе идеологического обоснования предстоящего распада сыграла подмена понятия «нация» понятием «этнос». Причем для того, чтобы сепаратизм, основанный на этничности, казался демократически окрашенным и представал в форме движения за самоопределение, территориальное сообщество было поделено идеологами националистического движения на «граждан» и «неграждан». Граждане были объявлены правопреемниками прежних Латвийской и Эстонской республик, которые прекратили свое существование в 1940 г. В массовое сознание внедрялась идея, что восстанавливается прежняя государственность, и потому только потомки прежних жителей этих республик могут быть полноправными гражданами не нового, а восстановленного государственного образования. Это был большой идеологический миф, ибо совершенно очевидно, что происходило строительство новых государств, у которых с первыми республиками была только 20-летняя общая история. На основании этого идеологического мифа и связанных с ним политических конструкций огромная часть населения Латвии

и Эстонии была поражена в правах. Даже вступление Латвии и Эстонии в Евросоюз мало изменило ситуацию, поскольку евробюрократы, равно как в свое время и советские бюрократы, слабо разбираются в ситуации на периферии союза и больше одержимы стремлением ослабить влияние и связи России с новыми государствами, в том числе и через уменьшение в них русского этнодемографического и культурного компонента.

В начале 2005 г. Балтийский институт социальных наук провел исследование «Этнополитическая напряженность в Латвии. Поиски путей разрешения конфликта». По его результатам латвийские аналитики сделали вывод, что политики играют важную роль в манифестации и мобилизации этничности в современной Латвии: «Анализ общественной активности в области этнической политики в Латвии показывает, что на протяжении последних лет политические партии не способствовали общественной интеграции. Напротив, они продолжают участвовать в конфронтации по вопросам этнической политики. Представители политической элиты, препятствуя общественной интеграции, усиливают напряженность в обществе. Они по-прежнему используют этничность для того, чтобы привлечь сторонников на выборах. Таким образом, именно политики становятся основным катализатором усиления этнической напряженности»¹.

Политические партии в Латвии разделены по этническому признаку, а избиратели в своих электоральных предпочтениях сильно зависят от этнической принадлежности политических лидеров, за которых они голосуют. Такая ситуация только препятствует гражданской консолидации общества, хотя в 2001 г. была принята государственная программа «Интеграция общества в Латвии» и в том же году был создан Фонд интеграции.

Роль категории «гражданство» в этнополитике

Практика стран Балтии показывает, что в этнополитике существенную роль играют не только собственно этнические категории, но и **гражданство, которое представляет собой политический институт, выражающий систему отношений**

¹ Зена Б., Сутуле И. Латвийская субмарина // Эксперт Северо-Запад. 2005. 12–18 сент. № 34 (239). С. 9.

государства и индивидов. Институт гражданства служит во многих странах не только способом реализации идеи политической гегемонии этнического большинства, но и своеобразным «этническим сепаратором» в миграционной политике, соответствующим образом фильтруя потоки мигрантов. В изданной в 1995 г. в Оксфорде монографии «Мультикультурное гражданство. Либеральные теории прав меньшинства» ее автор Вилл Кымлика пишет: «Большинство либеральных теорий признает, что гражданство — это не только легальный статус, определяющий предоставление прав и обязанностей, но также идентичность, выражение некоего членства в политическом сообществе»¹.

Гражданский статус стал принципом организации политических единиц, начиная с греческого полиса, но только со становлением национальных государств этот принцип приобрел важное значение для внутренней политики государства. До конца XIX в. через институт гражданства выделялись категории политически значимых, привилегированных индивидов, которые имели право участвовать в политике. С развитием индустриализации и распространением демократических идей после Французской революции гражданство перестало определять только привилегированные социальные группы. Гражданский статус получили широкие слои населения, которые освобождались от лояльности сословию, капиталу и общине. В гражданском статусе закреплялись принадлежность не только к политическому, но и национально-государственному сообществу. «Национализация» идеи гражданства включила в гражданский статус идею о «культурном» индивиде с родным языком и историческими корнями. Затем в понятие «гражданство» включается демократический принцип организации политики, специальные социальные права, обеспечивающие институциональную поддержку публичного равенства. Таким образом, в современных национальных государствах через институт гражданства закрепляются как основные индивидуальные и политические права, так и принадлежность к национальному сообществу, институционализируется социальное равенство.

¹ Kymlicka W. Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford, 1995. P. 192.

Один из исследователей института гражданства в современных государствах, Р. Брубейкер, считает, что гражданство: 1) основано на принципе равенства граждан и чаще всего обеспечивает демократическую организацию публичного мнения; 2) его эксклюзивный характер обусловлен и поддерживается сакральностью национальной принадлежности; 3) оно имеет социальные последствия, иначе превратилось бы в формальный договор и потеряло бы свою почти магическую силу.

Гражданство чаще всего понимается, *во-первых*, как принадлежность человека к нации в качестве гражданина, наделяющая его правами и обязанностями гражданина; *во-вторых*, как принадлежность к той или иной культуре, фиксируемая через категорию «национальность». *Второе понимание* гражданства нередко трактуется как нечто природное, естественное, и здесь, очевидно, происходит столкновение республиканских принципов равенства и свободы и скрытого примордиализма, пытающегося представить названную категорию врожденной культурной характеристикой.

Понимание категории «гражданство» у сторонников гражданского и этнического национализма разное. Это отчетливо просматривается в идейных позициях многих этнонациональных организаций, заявляющих о стремлении отстаивать интересы тех или иных народов РФ.

Учитывая значимость института гражданства в процессе нациестроительства и в политическом статуировании членов территориального сообщества, в начале 1990-х гг. в программных документах ряда этнонациональных организаций и движений в России появилось требование к властям союзных республик ввести институт республиканского гражданства, и первыми об этом заявили народные фронты Прибалтийских республик. По мысли идеологов этнополитических движений, этот институт обеспечивал бы политические преимущества постоянным жителям (гражданам) республик и через ценз оседлости отсекал от участия в политической жизни значительную часть нетитульного населения. Реально же институт гражданства означал бы проведение внутренних границ в государстве и формирование новых групп политических меньшинств.

Но гражданство предполагает наличие у человека культурной солидарности с другими гражданами страны и общих с

ними культурных ценностей. Неслучайно миграционная политика многих современных государств строится таким образом, чтобы побудить вновь прибывающих в страну переселенцев осваивать культурные нормы принимающего сообщества и на их основе воспитывать в мигрантах гражданскую идентичность. Так, § 43 немецкого Закона о пребывании (Aufenthaltsgesetz) в качестве основной цели интеграционного курса, который необходимо освоить мигрантам, определяет передачу информации о правопорядке, языке, культуре и истории Германии. В § 44 названного Закона определен круг лиц, которые должны посещать интеграционный курс. Таковыми являются иностранцы, которые впервые обращаются в Ведомство по делам иностранцев о выдаче вида на жительство. Необоснованный отказ посещать курсы или провал на заключительном экзамене может повлечь за собой санкции со стороны Ведомства по делам иностранцев. В исключительных случаях возможно лишение вида на жительство в ФРГ и отказ в натурализации в качестве гражданина Германии.

Недавно в Германии принято решение, что граждане других стран, решившие приехать жить и работать в Германию, будут обязаны подписывать «контракты об интеграции», регламентирующие требования к иммигрантам. Согласно контрактам, иммигранты должны знать немецкий язык, а также понимать и уважать ценности принимающей страны. В частности, иммигранты должны уважать свободу слова и равные права мужчин и женщин.

Министерство иммиграции, интеграции и национальной идентичности Франции вообще приняло решение, что все, кто хочет воссоединиться с семьей и въехать во Францию, должны учить французский язык в своей стране. Процедуры натурализации есть во многих других странах мира. В России эта система еще только выстраивается.

Гражданство нередко связывается с этнической принадлежностью. Многие национальные государства, в которых доминирует одна этническая группа населения, считают ее представителей, проживающих за пределами государства, своими потенциальными гражданами данной страны и потому принимают специальные (облегченные) правила получения гражданства для тех из них, кто желает вернуться на «историческую»

родину и стать ее гражданами. Некоторые страны идут дальше и предоставляют права двойного гражданства этнически родственному населению других стран. К примеру, Румыния предоставляет румынское гражданство молдаванам, исходя из того принципа, что молдаване не являются самостоятельным народом, а составляют органическую часть румын как этнического сообщества. После того как Румыния стала членом ЕС, довольно много молдаван воспользовались предоставленными им возможностями получить румынское гражданство, с тем чтобы иметь доступ к европейскому рынку труда и не иметь проблем с визами. Объявило о введении упрощенного порядка получения российского гражданства для соотечественников и Российское государство, хотя в данном случае подразумевается не только этническая принадлежность, но и общее историческое прошлое. Поэтому довольно много жителей стран СНГ (граждан бывшего СССР) обрели российское гражданство, несмотря на чрезмерную сложность данной бюрократической процедуры, определенной российским Законом о гражданстве 2002 г.

В свою очередь те страны, которые видят для себя угрозу этнического сепаратизма, часто болезненно относятся к практике двойного гражданства и предоставления второго гражданства представителям определенных этнических групп. В частности, власти на Украине возражают против предоставления российского гражданства проживающим здесь русским. Грузия была резко против выдачи российских паспортов жителям Абхазии и Южной Осетии.

Но есть и другие формы поддержки этнически родственного населения за пределами национальных границ. В частности, в Госдуме РФ рассматривался вариант замены российских паспортов русских, проживающих на Украине, «картой русского». Россия в этом отношении не одинока, ибо Польша уже ввела «карту поляка» для граждан Украины польского происхождения. В настоящее время этот вопрос обсуждается в рамках предложенных поправок к Закону о соотечественниках Российской Федерации.

Политическая роль этнических меньшинств

Опыт многочисленных этнических конфликтов последних десятилетий показывает, что любые попытки культурно и по-

литически изолировать меньшинства, любое поражение этнических групп в правах рано или поздно приводят к росту напряженности, к внутренней нестабильности и подрывают основы данной государственности. Но при этом неоправданны расхождения и опасения, что меньшинства объективно являются источником сепаратистских настроений.

Наличие этнических меньшинств в составе населения страны, напротив, может способствовать укреплению устоев государства при условии, что его внутренняя политика не базируется на этнократических принципах. Меньшинства, особенно те, что не имеют каких-либо форм политической автономии, нуждаются в защите своих интересов со стороны государственных институтов, ищут в государстве посредника в регулировании их отношений с доминантным большинством населения, и потому их этнические элиты, их лидеры заинтересованы в сильном государстве, в укреплении государственных устоев, ибо только влиятельные и эффективные государственные институты способны поддержать меньшинства, оградить от возможных покушений на их экономические интересы, создать механизмы, позволяющие меньшинствам выстоять в конкуренции языков и культур, создать условия для их полноценного участия в политической жизни государства. Таким образом, **наличие меньшинств укрепляет вертикальные связи внутри страны, между территориальными сообществами и верховной властью. Но меньшинства способны укреплять и горизонтальные политические связи внутри страны, особенно в том случае, если на ее территории проживают родственные или близкие по культуре и хозяйственному типу народы.**

Россия в этом отношении обладает уникальным «этническим потенциалом». Здесь проживают народы, относящиеся к родственным языковым группам, к одному хозяйственно-культурному типу, исповедующие одни и те же религии. Эти культурные особенности являются естественной основой, которая способствует развитию широких интеграционных связей между группами народов и оформлению элементов «группового диалога» между ними и государством. К таким народам относятся финно-угорские народы, национальные движения которых объединились в этнополитическую организацию; ко-

ренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, чьи интересы выражает созданная в 1990 г. общероссийская ассоциация РАЙПОН; и народы Северного Кавказа, объединившиеся сначала в Конфедерацию горских народов, а затем в Конфедерацию народов Кавказа.

Не только Россия, но и, например, Индия также имеет в составе своего населения «корпоративные национальные меньшинства», патронат над которыми играет определенную роль в укреплении общеиндийского единства. Как пишет по этому поводу индийский журналист Клеа Чакраверти, «в отличие от других стран, в Индии самые обездоленные голосуют массово, а меньшинства организуются, ощущая свою принадлежность общеиндийскому дому. Как сказал президент компании Infosys Нарьян Мурти, в конечном счете “мы все — меньшинства”».

Правда, дискурс меньшинств может оказаться на руку противникам единой Индии. «“Нельзя не замечать проявления движений, пропагандирующих местечковость, что может вылиться в субнационализм”, — обеспокоен писатель Сунил Хиллани. Но в целом для индийской нации регионализм остается пока “интеграционным процессом”. Поощряя и защищая многообразие идентичностей, Индия пытается предложить миру модель универсализма и индивидуальных свобод, спланированную население и дающую ощущение общности судеб»¹.

В небольших и относительно однородных в культурном смысле государствах этнические меньшинства могут являться фактором риска и проблемой, в крупных, культурно неоднородных странах со сложной структурой местных сообществ этнические меньшинства — фактор государственной интеграции. Очевидно, что только в рамках единого государства этнические меньшинства могут наиболее успешно развивать связи между собой, обретая тем самым некое новое культурное и политическое качество и укрепляя не только собственную конкурентоспособность, но и государственные устои. Но далеко не всегда и не все государства стремятся признавать права меньшинств. К примеру, многие африканские государства считают проблему меньшинств сугубо европейской проблемой. Такой подход обусловлен главным образом национализмом меньшинств, на-

¹ Чакраверти К. Индия XXI века в поисках идентичности // Новая газета. 2007. 28 янв. № 05 (1225).

ционализмом, который, как отмечает американский ученый А.М. Хазанов, покоится на трех основаниях.

Во-первых, он имеет этнический характер, т.е. нация идеологами меньшинств идентифицируется не с гражданством, а с этничностью или этносом. Отсюда вытекают и требования, которые присутствуют, например, в идеологии национальных движений России, — об «этническом самоопределении», о «коллективной включенности народа в политический процесс».

Во-вторых, национализм этнических меньшинств есть «национализм опоздавших или национализм неудачников... национализм тех, кто не успел или не смог создать свою государственность».

В-третьих, это национализм, который имеет четкие конкретные цели, связанные прежде всего с повышением этнического положения и статуса. В этом состоит его принципиальное отличие от национализма доминирующего народа, который нередко не имеет этнического содержания, а служит своего рода государственной доктриной или идеологией. **Национализм меньшинств — это в конечном итоге национализм автономистов, который имеет различные проявления: культурные, экономические, политические проявления.**

В государствах, где есть серьезные внутренние проблемы, которые еще не удалось разрешить, движение навстречу требованиям меньшинств может рассматриваться как слабость государственных институтов, как отступление от идеи нациестроительства и поэтому справедливые требования меньшинств могут игнорироваться. Серьезной политической проблемой является и проблема определения меньшинств, ибо единого подхода к решению этого вопроса достичь вряд ли возможно. Российский этнолог С.В. Соколовский предлагает для определения понятия «меньшинство» использовать синтез нескольких подходов, которые исповедуют сегодня специалисты в этой государственно-правовой области.

Во-первых, использовать такую процедуру, как составление узаконенных списков меньшинств, которым следует придать международный статус. В этом случае отпадает необходимость выработки универсального определения, что требует обобщения и анализа огромного разнообразия ситуаций и отличительных особенностей.

Во-вторых, с тем чтобы добиться смягчения позиции ряда стран, не желающих признавать меньшинствами те или иные группы, следует идти по пути создания региональных кадастров, т.е. специальных списков меньшинств, например, в регионах Азии, Африки, Латинской Америки. Прямые международно-правовые решения, касающиеся меньшинств, в этом случае будут адаптированы к условиям конкретной группы стран, и их исполнение станет возможным через региональные и внутригосударственные регулирующие документы.

В-третьих, уместной представляется разработка специальных законодательных норм для разных типов меньшинств — языковых, этнических, религиозных.

Кроме того, важно иметь в виду, что ни в одном демократическом государстве национальные меньшинства не обладают полным лингвистическим и культурным равенством с доминантным большинством и это практически невозможно, поскольку меньшинства по самой своей природе, как правило, будут проигрывать большинству. Поэтому не имеют смысла требования достичь равенства среди неравных, а следует стремиться к выстраиванию такой этнополитики, которая исходила бы из принципа достижения оптимального баланса интересов большинства и меньшинства. При этом заслуживающей внимания представляется точка зрения, допускающая в целях не просто компенсации меньшинствам их неравного положения «некоторый отход от принципа универсального равенства всех граждан данного государства на всей его территории».

Но директор Лаборатории исторической демографии Высшей школы социальных исследований в Париже Эрве Ле Брас вообще полагает, что идея меньшинств не должна противопоставляться более значимой категории — категории гражданства. Он подчеркивает: «В Италии если в какой-нибудь школе большинство родителей учащихся одного из классов требуют, чтобы преподавание велось не на итальянском языке, а, например, на словенском, для их детей открывают специальный класс. Таким образом, обеспечение права меньшинства становится возможным благодаря тому, что на местном уровне, пусть даже на уровне квартала, оно составляет большинство. Во Франции такое невозможно, все преподавание ведется на француз-

ском. На мой взгляд, говорить о «правах меньшинств» в общем плане не имеет смысла, нужно каждый раз уточнять, о каком меньшинстве идет речь, как определить его численность, какие права предоставить... Можно сказать, что «affirmative action» представляет собой одну из форм защиты прав меньшинств, но европейские институты предписывают гораздо более частные меры, нежели этот общий принцип»¹.

Таким образом, современная государственная стратегия в сфере этнополитики должна строиться на неких принципах, среди которых можно выделить ряд наиболее значимых.

Первая задача государства в отношении его этнических составляющих — это интеграция этнических групп в единое гражданское сообщество, формирование общегражданских ценностей и идеалов. Стратегии формирования такого сообщества могут быть различными, но в последнее время среди обществоведов утвердилась точка зрения, что оптимальной является стратегия мультикультурализма, т.е. интеграция локальных сообществ в единое целое при одновременном сохранении культурного плюрализма внутри данного социального организма.

Вторая задача государственных институтов и государственной национальной политики состоит в поддержании баланса интересов между доминантным большинством и этническими меньшинствами, исключение через специальные институты и политические процедуры этнократических тенденций в политике большинства и чрезмерной политизации этничности меньшинств.

Третья задача, которая, скорее, является инструментом решения двух, — это формирование полиэтничных и интегрированных элит: политических, культурных, экономических, причем элит как общенациональных, так и региональных.

Успешное решение трех вышеназванных задач будет означать, что наряду с политической демократией политическая культура государства ориентирована и на этническую демократию, т.е. на полноценное представительство меньшинств во всех основных сферах жизни государства.

¹ Цит. по: *Филитова Е.И.* Кровь или почва? (что такое французская нация сегодня): Интервью с Эрве Ле Брасом // *Этнографическое обозрение.* 2006. № 6. С. 106.

Контрольные вопросы и задания

1. Каково содержание понятия «национальное государство»?
2. Какое государство считается моноэтническим?
3. Пути интеграции мультикультурного государственного сообщества.
4. Что такое этнократическое государство и конституционный национализм?
5. В чем состоят причины распада СССР?
6. Что означает категория «гражданство»?
7. Являются ли этнические меньшинства в составе населения государства потенциальной угрозой его целостности? Обоснуйте свою позицию.
8. В чем состоит национализм меньшинств?
9. Возможно ли полное равенство этнических сообществ и групп в полиэтничном государстве?

Литература

1. *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.
2. *Амелин В.В.* Этническое многообразие и власть в российском регионе. М., 2004.
3. *Бузаев В.В., Никифоров И.В.* Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М., 2009.
4. *Горовиц Д.* Демократия в разделенных обществах // *Расы и народы.* Вып. 24. М., 1997.
5. *Дробужева Л.М.* Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики // *Россия: трансформирующееся общество.* М., 2001.
6. *Зена Б., Сутуле И.* Латвийская субмарина // «Эксперт Северо-Запад» 12–18 сентября 2005. № 34 (239).
7. *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.
8. *Невё К.* Гражданство: непростой объект исследования для антропологов // *Социальная антропология во Франции.* М., 2009.
9. *Панарин Э.Д., Мухаметшина Н.С.* Национальные проблемы на постсоветской территории: Уч. пособие. СПб., 2001.
10. *Саватеев А.Д.* Этнос и государство (на примере Гвинеи) // *Этнографическое обозрение.* 1994. № 4.
12. *Соколовский С.В.* Самоопределение и проблема меньшинств: международно-правовые аспекты // *Расы и народы.* Вып. 24. М., 1997.
13. *Тишков В.А.* Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2008 г. Оренбург, 2008.
14. *Тишков В.А.* Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М., 2008.
15. *Федерализм и этническое разнообразие в России: Сб. статей / Под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюдера.* М., 2010.
16. *Хазанов А.М.* Национальное меньшинство, модернизация и гражданское общество // *Расы и народы.* Вып. 24. М., 1997.

17. Ханнум Х. Пределы государственного суверенитета и мажоритарного правления: меньшинства, коренные народы и их право на самоопределение // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
18. Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996.
19. Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998.
20. Этничность и власть в полиэтнических государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1994.
21. Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge University Press, 2002.
22. Ethnicity and Group Rights / Ed. I. Shapiro and W. Kymlicka. N. Y.; L., 1997.
23. Grünfeld F. and Huijboom A. The Failure to Prevent Genocide in Rwanda: The Role of Bystanders. Leiden; Boston, 2007.
24. Immigration and the Politics of Citizenship in Europe and North America / Ed. by W.R. Brubaker. L., 1989.
25. Kolsto P. Political Construction Sites: Nation-building in Russia and the Post-Soviet States / Transl. from Norwegian. Boulder, Colorado; Oxford, 2000.
26. Krosiak D. The Role of France in Rwanda Genocide. L., 2007.
27. Kymlicka W. Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford, 1995.
28. Moynihan D.P. Pandaemonium: Ethnicity in International Politics. Oxford, 1993.
29. Walker E.W. Dissolution: Sovereignty and the Break-up of the Soviet Union. Lanham; Boulder; N. Y.; Oxford, 2003.

Глава 7

Этничность и демократия

В современном праве доминирует представление о том, что индивидуальные права личности должны иметь приоритет по отношению к любым другим правам. Но что касается прав этнических общностей, то политиками и многими юристами они трактуются как коллективные права. Поэтому, когда дискутируется проблема этнических прав, нередко приходится делать выбор между правами личности и так называемыми коллективными правами. Концепт коллективных прав довольно спорен, но в идее коллективного культурного интереса этнических сообществ кроется принципиальный вопрос этнополитики: как совместить индивидуальные права личности и коллективные интересы этнических общностей с принципами демократии?

Классическая демократия — это власть большинства. Граждане путем свободного волеизъявления делегируют властные полномочия своим политическим представителям, которые, получив поддержку большинства, от его имени осуществляют руководство страной или регионом. Делегирование полномочий осуществляется в процессе выборов, во время которых действует принцип «один человек — один голос».

Конечно, само определение сущности демократии для современной политологии является довольно сложной задачей, ибо здесь не существует единого взгляда. Некоторые исследователи, как, например, американский ученый Мартин Липсет, заявляют, что демократической можно считать политическую систему, которая предоставляет регулярные конституционные возможности для смены управляющих должностных лиц и имеет четкий социальный механизм, позволяющий большей части населения влиять на важнейшие решения посредством выбора между претендентами на политические должности. Однако, сосредоточивая внимание на политической соревновательности, регулярности и эффективности функционирования политических институтов, исследователи оценивают лишь процедурную сторону демократических политических систем.

Но формы демократических режимов разнообразны, и не все они могут считаться подлинными или зрелыми демократиями. Для понимания того, насколько данная политическая система преуспела в формировании демократических порядков, необходимо оценивать наличие не только формальных атрибутов демократического режима, но и форм и традиций гражданского контроля над деятельностью власти. Наличие последних как раз и есть свидетельство зрелой демократии, свидетельство демократической консолидации общества. Для консолидированной демократии важное значение имеет проблема политической интеграции этнических общин и меньшинств в общегосударственные институты, признание ими общенациональных политических институтов как легитимных и определяющих.

Лия Гринфильд отмечает, что демократия родилась из чувства национальности (причастности к нации) и национализм был формой, в которой демократия распространилась по миру. Но, по ее мнению, с развитием национализма вширь в идее нации произошла смена акцентов и приверженцы идеи стали делать упор не на суверенности национального сообщества, а на его уникальности¹.

Действительно, акцентируя внимание на уникальности и специфичности сообщества, можно сделать общество лишь более закрытым, а не более демократичным. А внутри полиэтничного сообщества такой акцент вообще отрицает общегражданскую солидарность и возможность формирования эффективной демократической системы, хотя здесь есть целый ряд других сопутствующих становлению демократии проблем.

Модели демократии

В полиэтничных странах, где в составе населения имеются разные этнические общности и группы, численность которых невелика или уступает доминантному большинству, модель классической демократии, как правило, обеспечивает прочное политическое доминирование численно преобладающим этническим группам. В этом случае интересы меньшинств могут не учитываться или учитываться не в полной мере. Поэтому классическая демократия вступает в противоречие с полиэтни-

ческим составом населения, равно как классическое понимание нации означает ее противопоставление этнически неоднородному сообществу.

В зависимости от того, каким образом решается названное противоречие, можно классифицировать современные политические режимы в разных странах.

Моноэтнический состав населения или слабо выраженная этническая мозаичность, как правило, создают более благоприятные условия для демократического транзита, чем этническая неоднородность. Дональд Горовиц отмечает, что «демократия имела наибольший успех в тех странах Восточной Европы, где этнические разногласия были наименьшими (Венгрия, Чешская Республика, Польша), и продвигалась медленно (либо продвижения не было вовсе) в тех странах, которые были глубоко разделенными (Словакия, Болгария, Румыния и, конечно, бывшая Югославия)»¹. Более того, этническая вражда, которая использовалась как инструмент в политической борьбе бывшими коммунистическими лидерами, не только не способствовала переходу к демократии, но и, напротив, осложняла процесс демократизации и делала его непоследовательным.

Этничность создает преграды на начальных этапах демократизации, но она же способна осложнить функционирование уже сложившихся демократических институтов, поскольку этнический конфликт может привести к установлению в стране авторитарного режима или одной из двух форм «усеченной демократии» — правлению большинства с отстранением от рычагов политического влияния меньшинства или правлению меньшинства с политической дискриминацией большинства.

Этнично разделенные общества могут быть относительно демократичны, но в таких обществах всегда возникают проблемы системного характера, которые осложняют переход к так называемой **полиэтнической демократии**.

Одним из главных препятствий на пути к полноценной демократии является наличие уже сформировавшегося этнического политического режима. Этнократический режим сопротивляется переменам потому, что демократические преобразования могут привести к власти его этнических оппонентов. Это в свою

¹ Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge; L., 1993. P. 10.

¹ Горовиц Д. Демократия в разделенных обществах // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997. С. 219.

очередь способно вызвать этническое противоборство, которое «похоронит» нарождающуюся демократию. Для сохранения доминирующего положения своей группы этнократическим режимам приходится идти на уступки, что позволяет им сохранять относительную стабильность. Примером такого рода относительно стабильных этнократических режимов можно считать Малайзию, Таиланд, Бирму, Филиппины.

Дональд Горовиц, анализируя политическую ситуацию в этнически неоднородных странах, приходит к выводу, что существует два типа таких стран — страны с разделенным государственным устройством, когда почти половина или большая часть (этническое большинство) управляет другой частью (этническим меньшинством), и страны с доминирующим меньшинством, где одна или две небольшие группы управляют большинством. В последних политическая опора режима может сужаться и власть особенно опасается политического реванша этнического большинства.

В странах с разделенным или раздвоенным устройством этнические оппоненты могут победить на выборах, и тогда проигравшая группа (или группы) чувствует себя ущемленной, особенно если победившая сторона действует только в интересах своей группы. В таких государствах нередко проигравшая группа стремится вернуть себе прежние доминирующие позиции уже не легитимным путем, а путем свержения режима оппонентов через его дискредитацию, переворот или политический заговор. Такие примеры имели место в Того и в Народной Республике Конго, где политически противостоят друг другу северяне (кабре и мшоби) и южане (эве или лари). События в Киргизии по свержению президента Бакиева также имели подоплеку внутрикиргизских кланово-региональных противостояний: сначала южане свергли президента Акаева, затем северяне взяли реванш. Этот конфликт только внешне кажется внутрикиргизским (если не считать последующее киргизско-узбекское побоище в Ошской области). На самом деле период советского «национального строительства» оказался недостаточным для преодоления прежних историко-культурных и регионально-клановых различий среди тех, кого позднее стали называть киргизами.

Демократические процедуры оставляют возможности для манипуляций итогами выборов и узурпации власти даже режимами, имеющими узкую этническую базу. Например, в Кении, где долгое время политически доминировал народ календжи, под международным нажимом все же были проведены многопартийные выборы. Но, опираясь на поддержку календжи, используя межэтнические разногласия, запугивание и насилие, вступая в коалицию с небольшими этническими группами, президент Даниэль арап Мои смог обеспечить себе победу на выборах, и в результате два крупнейших народа страны (кикуйо и луо) вновь оказались отстраненными от политической власти. Впоследствии в процессе укрепления демократических институтов и демократических норм политической жизни позиции численно доминирующих этнических групп усилились, что привело к власти президента Мваи Кобаки (представителя народа кикуйо). Но во время очередных выборов президента в декабре 2007 г. столкнулись уже интересы двух основных этнических групп. Мваи Кобаки объявил себя победителем выборов, его основной соперник лидер оппозиции Раила Одингга (представитель народа луо), сделал то же самое. В результате по всей стране, а особенно в столице, начались столкновения между кикуйо и луо, в которых тысячи человек были убиты и многие тысячи стали беженцами. Потребовались большие усилия, чтобы предотвратить начало войны на этнической почве. Такие примеры в странах Африки, где трайбализм далеко не уступил своих позиций общегражданским коалициям, не единичны.

Часто против режимов, основанных на этническом господстве, ведется активная борьба, которая приобретает форму вооруженных выступлений. Такие этнические войны были характерны для Шри-Ланки, Судана, Бирмы, Сомали, Либерии. После ухода советских войск из Афганистана там началась гражданская война, которая фактически велась между численно и политически доминировавшими пуштунами, с одной стороны, и узбеками и таджиками — с другой.

Победа в этнических войнах и поражение авторитарных и этнократических режимов, однако, не означают, что победившая сторона начнет демократические преобразования в разделенном обществе. Отсутствие демократических преобразований и прочных гарантий для проигравших этнических групп

означает, что этническое противостояние будет продолжаться и этническое насилие в любой момент может разрушить внутреннюю стабильность государства.

Однако крайние формы политического противостояния этнических групп больше характерны для государств с неразвитой политической культурой. Те государства, которые претендуют называться демократическими, избирают другие формы распределения политической власти между этническими группами. В числе таких форм израильский ученый Сэм Смуха выделяет, к примеру, этническую демократию, демократию согласия, либеральную демократию и разделение.

Этническая демократия представляет собой тип государства, где наблюдается сочетание общедемократических норм с институционализированным этническим преобладанием. В демократическом обществе недоминантные группы имеют гражданские права (право на личную безопасность, работу, охрану здоровья и др.), гражданские свободы (равенство перед законом, свобода ассоциаций, слова, передвижения), политические права (голосовать и быть избранным). Вместе с тем политически доминирующая группа обеспечивает своей этнической культуре приоритетное положение, ограничивает недоминантной группе доступ к власти и ресурсам. Государство становится достоянием преимущественно доминантной группы, а не всех его жителей и налогоплательщиков. Гражданство не совпадает полностью с этнической принадлежностью (хотя может быть жестко увязано с ней), но национализм носит этнический, а не территориальный характер. Группы-аутсайдеры дискриминируются институционально, и их лояльность данному государству не гарантирована. Доминантная группа и группы-аутсайдеры испытывают недоверие друг к другу.

Этническую демократию нельзя рассматривать как полноценную демократию, поскольку в ее основе лежит структурное противоречие и политически поощряемый конфликт между демократией (равенство этнических групп) и господством (межгрупповое неравенство). Такие страны, как Израиль, Северная Ирландия, Польша, Эстония, С. Смуха называет типичными примерами этнической демократии, ибо быть арабом в Израиле, католиком в Северной Ирландии, немцем в Польше, русским в Эстонии — значит восприниматься доминантным

большинством чужаком, представителем сообщества, которое нельзя идентифицировать как полноценных граждан данного государства, и потому они могут пользоваться ограниченной автономией, а их национализм должен всеми силами ограничиваться.

Демократия согласия характеризуется тем, что она основана на консенсусе и распределении власти и ограничивает влияние большинства. Эта политическая система исходит из базового принципа, признающего межгрупповые различия и разногласия естественным социальным явлением. Этнические группы в рамках данной системы рассматриваются как конституирующие общество группы, их интересы и культурные ценности признаются и учитываются в общем балансе интересов, власть между группами распределяется пропорционально их месту в обществе, и сообщество осуществляет руководство всеми группами на основе согласия и компромисса.

Демократия согласия строится на следующих основных принципах:

- 1) сохранения этнических общностей и групп и исключения сознательной политики ассимиляции меньшинств;
- 2) равного правового и гражданского статуса для представителей всех этнических общностей и групп;
- 3) распределения власти между всеми этническими группами, которые принимают участие в формировании коалиционного правительства на основе соглашения элит;
- 4) пропорционального распределения ресурсов (рабочих мест, доступа в различные сферы, бюджетных ассигнований);
- 5) признания и соблюдения культурных прав этнических сообществ и групп (пользование родным языком, возможность обучения в национальных школах, развитие профессиональной художественной культуры и т.д.);
- 6) обеспечения территориальной или институциональной автономии этнических сообществ;
- 7) устойчивой системы консультаций и переговоров между этническими элитами, направленной на выработку компромиссов и соглашений, на принятие взаимоприемлемых решений;
- 8) закрепления за этническими общностями права вето при принятии решений, которые затрагивают их жизненно важные интересы.

Попытка использовать подобную модель была предпринята в Дагестане. Конституция республики, принятая в 1994 г., закрепляла гарантии этнического представительства в высших органах государственной власти для основных этнических групп населения РД. От каждой этнической группы в Государственный совет, состоящий из 14 депутатов, могло войти только один представитель. Избирательный закон, действовавший до 2003 г., позволял создавать национальные округа, в которых могли выдвигаться представители только одной этнической группы, определявшейся решением избиркома. В результате ни одна из этнических групп не получала преимуществ, что в условиях Кавказа было принципиально важно. Унификация избирательного законодательства и отмена выборов высшего должностного лица республики серьезно нарушили сложившийся этнический баланс и могут в перспективе спровоцировать обострение межэтнических отношений. Однако при определенных усилиях по утверждению общедагестанской и российской идентичности и по снижению значимости этногрупповых границ (как это было в Дагестане исторически, включая советский период) в этом уникальном по своему этноязыковому разнообразию регионе России отказ от этнического квотирования вполне возможен.

К числу стран, где система демократии согласия успешно работает, обычно относят Швейцарию, Бельгию и Канаду, хотя опыт двух последних стран далеко не всегда свидетельствовал о том, что система действует безупречно. Одна из слабых сторон данной системы заключается в том, что она не поощряет конкуренцию между представителями общин и может тормозить прогресс всего территориального сообщества в целом. Система к тому же политически негибкая, поскольку общины склонны абсолютизировать сложившееся статус-кво. Конфликт в Ливане, где кватная система оказалась не в состоянии измениться и адаптироваться к новым реалиям, доказывает это. Когда соотношение мусульманской и христианской общин в Ливане серьезно изменилось, система не только перестала работать, но и привела к глубокому внутривнутриполитическому кризису. Тот же пример Ливана показывает, что демократия согласия не выдерживает внешних интервенций и давления (палестинцев, Сирии, Израиля). Неслучайно Швейцария долго отказывалась стать

членом ООН, а ныне всеми силами сопротивляется интеграции в ЕС.

Либеральная демократия — это наиболее распространенная политическая система, классическими примерами которой в западном мире являются Великобритания, Франция, Швеция, Соединенные Штаты. В основу этой демократической системы положен принцип правления большинства и безусловного обеспечения индивидуальных прав. Система основывается на предположении, что разногласиями и спорами, в том числе и между этническими группами, можно управлять. Первостепенное значение при этой системе играет идея общих ценностей общества, которые разделяются всеми его членами, независимо от принадлежности к той или иной этнической группе. Либеральная демократия основана на модели доминантных групп, но предполагает, что возможности для карьерного роста и воздействия на политику есть как у отдельных индивидов, так и у меньшинств.

В условиях либеральной демократии:

- 1) этническое происхождение есть личное дело и личный выбор гражданина и официально никак не учитывается. Этничность отделена от государства точно так же, как и религия. Государство не вмешивается в этнические дела;
- 2) средства (ресурсы) распределяются в зависимости от индивидуального вклада каждого, а не в зависимости от групповой принадлежности. Недоминантные группы имеют возможность для социальной и политической мобильности и используют ее, хотя и не все в равной мере. Нарушает этот принцип лишь политика «позитивного действия» (предпочтение представителям чернокожего и испаноязычного населения США и аналогичные меры в ряде других стран), которая практикуется как временная мера с целью сгладить имевшие место в прошлом несправедливости и создать равные условия для состязательности;
- 3) отдельные граждане и меньшинства имеют свободу выбора — интегрироваться в доминантное большинство и ассимилироваться или оставаться вне доминантного сообщества.

К демократическим способам **разделения власти** С. Смуха относит и разделение территории между конфликтующими группами. К числу успешных примеров такого рода относится разделение колониальной Индии на исламский Пакистан и

неисламскую Индию, отделение Сингапура от Малайзии, разделение Чехословакии. Неудачный опыт — это раздел Ирландии в 1921 г., Палестины в 1947-м и фактический раздел Кипра в 1974 г. В этом ряду и распад Советского Союза, который сыграл огромную роль в деле осознания современных этнополитических проблем.

С точки зрения критического осмысления опыта раздела политических полномочий между этническими общинами особенно показателен опыт Кипра, где соседствуют турецкая и греческая общины. Кипрская государственность была заложена в 1959 г., когда в Цюрихе и Лондоне между Великобританией (которая владела островом), Грецией и Турцией были подписаны соглашения, закреплявшие внешние гарантии независимости страны и заложившие конституционные основы государственности. Греки и турки на острове жили рядом, хотя греческое большинство существенно преобладало над турецким меньшинством (77 против 18%). Цюрихские соглашения разделили граждан на две общины: греков и турок, представители всех остальных групп должны были примкнуть к одной из них. Принадлежность лица к «общине» официально фиксировалась и становилась частью личного статуса, не подлежащего изменению. Члены общин, достигшие 21 года, образовывали отдельный избирательный список. «Общины» голосовали отдельно, т.е. каждая голосовала за «своих» кандидатов на выборные должности, а депутаты греки и турки получали мандаты только от «своих» общин. Высшим законодательным органом страны являлась Палата представителей, состоявшая из 50 депутатских мест. Эти места между греками и турками распределялись в пропорции 7 : 3 (35 и 15 мест). Председателем палаты обязательно назначался грек, а его заместителем — турок. Депутаты работали как совместно, так и отдельно, по этническим фракциям. При этом при создании любого комитета требовалось соблюдение вышеназванной «этнической пропорции» — 7 : 3. А принцип руководства комитетами дублировал принцип руководства парламентом. Для изменения любых законов требовалось простое большинство от каждой этнической фракции.

Исполнительную власть возглавляли президент (грек) и вице-президент (турок), избравшиеся каждый «своей» общиной. Президент и вице-президент могли налагать вето на принимае-

мые Палатой представителей законы. Совет министров состоял из 10 членов, семь из которых являлись греками, а трое — турками. Члены правительства назначались совместно президентом и вице-президентом. Во всех органах государственной власти строго выдерживались этнические пропорции по схеме 7 : 3. Принцип пропорционального представительства был предусмотрен и для большинства муниципалитетов страны, хотя во многих из них это было сопряжено с серьезными трудностями. На основе прямых выборов создавались общинные палаты, которые обладали законодательной и исполнительной властью на местном уровне.

Но кипрская политическая система оказалась неработоспособной и с большим трудом просуществовала до 1963 г. Еще до обретения независимости кипрское общество сформировалось как разделенное, а новая политическая система только усилила это разделение. Отдельные системы образования служили для идеологической обработки учащихся в националистическом духе. Двухобщинная политическая система довела социальную сегрегацию до логического завершения: общинные палаты запретили смешанные браки. Любые социальные проблемы рассматривались только через призму межобщинного соперничества. А внешние гаранты государственности в реальности подогревали сепаратистские настроения. Источником постоянных трений стала налоговая система. Конфликты возникали там, где Конституция и законодательные акты допускали различные толкования. Возникли серьезные проблемы в управлении городским хозяйством многих городов, в комплектовании вооруженных сил.

Кипрская государственность была устроена таким образом, что общинные палаты и их исполнительные органы были самодостаточными и могли играть роль центров силы независимо от парламента и правительства республики. Вместе с тем Конституция и договоры о статусе острова не предусматривали возможности изменения политической системы. Это в конечном итоге парализовало власть в стране и привело к нарастающему межобщинным противоречиям, которые в 1963 г. вылились в прямые столкновения. В 1964 г. лидеры турецкой общины приступили к созданию турецких территориальных анклавов. Начались двусторонние этнические чистки и формирование эт-

тически однородных поселений и территорий. В 1967 г. после очередных межобщинных столкновений были сформированы Временная администрация Республики Кипр и отдельные органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Такое положение сохранялось до 1974 г., когда произошел мятеж сторонников присоединения острова к Греции. Турция ввела свои войска на остров, оккупировав часть его территории, на которой и была создана Турецкая Республика Северного Кипра, которую признала только страна, оккупировавшая эту территорию. Остров фактически распался на две независимые части, хотя формальные институты общего государства продолжают оставаться в силе. Но даже вступление греческой части острова в состав Европейского союза не изменило ситуацию на острове, а лишь сдвинуло процесс урегулирования конфликта с мертвой точки.

Кстати, находящиеся на разделительной линии миротворческие войска ООН за почти 40 лет своего пребывания на острове выполняли сугубо разделительную функцию и ничем не способствовали урегулированию самого конфликта. Тем не менее никакой особой критики в их адрес со стороны конфликтующих сторон и международного сообщества не было. Мы делаем эту оговорку потому, что успешно выполнявшие в течение 16 лет миротворческую (разделительную) функцию трехсторонние силы с участием российских военнослужащих в Южной Осетии и в Абхазии были подвергнуты несправедливой травле со стороны Грузии и некоторых международных акторов. Это пренебрежение в отношении трудной миссии силового миротворчества обернулось еще большими конфликтами и потерями в 2008 г.

Критика моделей демократии

Опыт функционирования этнической демократии еще недостаточно хорошо изучен, хотя можно говорить о потенциальных опасностях такой формы демократического устройства общества. Что касается демократии согласия, то у этой модели немало сторонников, наиболее яро за нее ратует Аренд Лейпхарт, который разработал ее обоснование и полагает, что либеральная демократия не подходит для этнически разделенных

обществ. Однако по мнению ряда исследователей, либеральная демократия является не лучшей общественной моделью, которая обеспечивает сдерживание этнических противоречий и конфликтов. Они критикуют демократию согласия за ее нестабильный, несправедливый и усиливающий имеющиеся этнические противоречия характер. Следует признать, что демократия согласия действительно имеет ограниченные возможности для «тиражирования», ибо ее успех наиболее вероятен там, где вынуждены договариваться о сосуществовании две или несколько крупных этнических общин, обладающих сопоставимым экономическим весом, сходным уровнем развития, значительным культурным потенциалом. Там, где сосуществуют этнические общины или группы, которые резко разнятся по указанным параметрам, демократия согласия вряд ли будет эффективна, ибо подлинного равенства между этническими общинами достигнуть не удастся никогда. Строго говоря, **никакие социально-политические механизмы не обеспечат малой этнической группе того же культурного потенциала, который естественным образом сформировался в процессе длительного исторического развития у крупной этнической общности. Поэтому крупная общность всегда будет находиться в более выгодном положении, чем меньшинства.** Эта проверенная жизнью аксиома трудно усваивается представителями доминирующей этничности или, как любят называть себя этнонационалисты, — «государствообразующего народа». Однако другого варианта «по жизни», а не в воспаленной политической риторике не существует.

Скорее всего, необходим отход от принципа универсального равенства, что, собственно, и предлагает демократия согласия. Но наиболее конструктивный путь решения проблем этнически разделенных обществ — это соединение идей, заложенных в демократии согласия и в либеральной демократии. Что касается этнической демократии, то она неизбежно будет эволюционировать в сторону двух вышеназванных.

Фактически либеральная демократия в последние годы развивалась именно по линии адаптации элементов демократии согласия к собственным принципам, а точнее, по линии заимствования отдельных элементов демократии согласия. Либеральная демократия не является универсальной и во всех слу-

чаях эффективной моделью управления обществом. Поэтому поиск альтернатив привел к пониманию необходимости сочетания различных стилей там, где исторически сформировались сообщества, традиции общественной жизни которых отличаются от западной системы демократии. В первую очередь речь идет об общинах коренных народов, проживающих на северных территориях США, Канады, Скандинавии, России.

Демократия и проблемы меньшинств

Ученые, изучающие особенности культурной эволюции коренных народов Севера, подчеркивают, что их участие в выборах и партийной политике часто не могло остановить процесс политической маргинализации этих народов и утрату ими своих прав. Кроме того, высказываются опасения, что участие представителей этих народов в общенациональных политических партиях может привести к индивидуализму и растворению их в системе, и в результате коренные народы окажутся на периферии политической жизни. Собственные же политические партии этих народов фактически не способны достичь успеха на выборах из-за малочисленности, отсутствия политического опыта и по целому ряду других причин. Координатор Циркумпольных программ Международной рабочей группы по делам коренных народов (IWGIA) Кэтрин Вессендорф подчеркивает, что разница между традиционными системами управления и западной моделью существенна, но поскольку западная система стала реальностью во всем мире, постольку коренные народы «не могут оставаться изолированными от нее и вынуждены участвовать в ней тем или иным способом». Вместе с тем они могут оспорить эту систему и избрать более жизнестойкую, на ее взгляд, «консенсусальную схему принятия решений и самоуправления»¹.

По сути, именно такой выбор и делают многие этнические общины, поскольку «во всех формах традиционного управления важно то, что они проистекают из конкретных условий кон-

¹ Вессендорф К. Участие коренных народов в государственной политике: предисловие к анализу ситуаций в разных странах // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумпольного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2003. С. 22.

кретного поселка или этнической группы, — подчеркивает Вессендорф, — и, следовательно, имеют сугубо местное значение и весьма специфичны». Как мы можем видеть в случае с Территорией Юкон, «первые нации» (как называют себя в Канаде индейцы и эскимосы) Юкона включили в свое самоуправление такую юридическую норму, которая позволяет отдельным коренным народам и общинам самим выбирать форму выдвижения своих представителей и лидеров. В результате такого местного выбора в разных общинах мы наблюдаем огромное разнообразие политических систем, разработанных для непосредственного и полноценного вовлечения жителей в управление и обслуживание их нужд.

Однако использование альтернативных моделей управления может успешно сочетаться и с моделью либеральной демократии, но лишь там, где коренные народы составляют большинство жителей на данной территории и где образованы территориальные автономии. К таковым территориям относится выделившаяся из провинции Северо-Западные Территории административная территория Нунавут в Канаде и Гренландия, где созданы свои региональные правительства и где каждый может голосовать независимо от своей этнической принадлежности.

В Скандинавских странах созданы институты управления, которые гарантируют коренным народам некую форму участия в государственной политике, но при этом они независимы от государственных политических институтов. Такой формой стали уже упоминавшиеся саамские парламенты. В чем-то сходной формой политического участия является Ассамблея коренных малочисленных народов Севера, созданная в Ханты-Мансийском округе РФ. Правда, она непосредственно интегрирована в политический институт местной законодательной власти, но опыт ее функционирования оказался не менее эффективен, чем опыт саамских парламентов.

Очевидно, что для тех этнических общностей, которые не желают быть поглощенными политической культурой большинства, необходимо искать некие новые формы их вовлечения в политику и общие институциональные установления. Но следует, видимо, избегать и абсолютизации этнической специфичности. Это может стать основанием для создания таких

политических схем, которые не только не демократичны, но и противоречат фундаментальным интересам самих этнических общностей.

Вообще, опасения относительно того, что повсюду в мире в политических практиках возрождается трайбализм, уже высказываются многими учеными. Но особенно с большой тревогой исследователи анализируют ситуацию в странах, которые пытаются покончить с тоталитарным прошлым и вступают на путь демократизации. В государствах, в которых не сформировалась устойчивая культура толерантности населения, весьма актуальна проблема согласования принципов «власти большинства» и «прав меньшинств». В таких государствах сохраняется опасность воссоздания форм гегемонистского контроля в рамках общих государственных институтов или на уровне локальных сообществ. Эта опасность существует в отношении как доминантных групп, так и меньшинств.

К примеру, государство заинтересовано в самоорганизации этнических общностей, в формировании у них институтов самоуправления и общественных движений, которые делают поведение этих групп предсказуемым и управляемым и которые могут выступать в качестве партнеров в диалоге между государством и этническими общностями и в диалоге этнических общностей друг с другом. Вместе с тем государство должно «отсекать» от диалога и изолировать радикальные движения и способствовать тому, чтобы демократические нормы становились общим принципом деятельности самих этнонациональных организаций и их взаимодействия с государством и обществом. Как отмечает американский политолог Роберт Патнэм в известном труде о природе демократии, «гражданские ассоциации способствуют эффективности и стабильности демократической власти в двух смыслах: “внутренне”, воздействуя на отдельных людей, и “внешне”, влияя на политику государства»¹. Но важно, чтобы ассоциации (организации, движения) этнополитического характера в своей деятельности руководствовались именно гражданским смыслом, гражданской ответственностью и гражданскими традициями, а не превращались в тоталитарные сек-

¹ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. С. 114.

ты или этническое лобби, чуждые интересам этнического сообщества.

Сегодня многие этнонациональные движения и организации выступают от имени своих этнических общностей и заявляют, что представляют их интересы. При этом они сами себя провозглашают в качестве легитимного и высшего органа политического представительства этнического сообщества. Так, Второй чрезвычайный съезд коми народа, состоявшийся в конце 1991 г. в избрании делегатов которого широкие слои коми населения не принимали участия, в соответствующей резолюции объявил себя высшим представительным собранием коми. Съезд народа мари в 1992 г. объявил себя «высшим представительным собранием народа мари». В 1999 г. III съезд мордовского народа также принял декларацию о статусе съезда, в которой объявил себя высшим представительным собранием «граждан мордовской национальности». При этом в Республике Коми еще в 1992 г. Верховный Совет республики принял закон «О статусе съезда коми народа», где подтверждалось, что съезд есть высшее представительное собрание коми этноса, и оговаривалось, что выборы на съезд должны быть демократическими. Но сам закон имел форму политической декларации не определяя характера взаимодействия государственных институтов с данным общественным органом и процедуру выборов делегатов съезда, что принципиальным образом отличало его, к примеру, от законодательных актов, регламентирующих деятельность саамских парламентов и избрания их делегатов. В результате ни на один из восьми состоявшихся съездов коми народа делегаты демократическим путем не избирались. То же самое можно сказать о съездах мордовского и марийского народов, о других этнических съездах. Неслучайно среди населения возникает недоверие к такого рода организациям и неприятие их решений в среде тех, кого они призваны представлять.

Культивирование формальной демократии в отношениях между этническими сообществами и государством позволяет контролировать национальные движения тем лидерам, которые нередко удобны для власти, но не пользуются доверием представителей собственного народа. Такая ситуация часто способствует усилению роли и влияния наиболее радикальных организаций, не контролируемых местными политическими

элитами. Кроме того, отсутствие демократического контроля внутри организаций и реальной политической конкуренции способствует формированию в них идеологических установок, которые недемократичны по своей сути, а нередко прямо противопоставляют этничность гражданским и демократическим идеалам.

Вообще же попытки политизировать этничность с помощью созданных этнических («национальных») палат в парламентах, придавать решениям этнических съездов характер директивных документов, которыми должны руководствоваться местные власти, осуществлять отбор кадров в органы законодательной и исполнительной власти и т.д. обусловлены стремлением придать этничности универсальный характер. Однако, по мнению российского этнолога С.В. Чешко, социальный инстинкт коллективности в форме национальной идеи «является барьером, преградившим путь в политику и массовое сознание действительно демократического подхода к решению этнополитических проблем. Он должен состоять в замене этнического универсализма “универсализмом” гражданским, в отделении этничности от политических и экономических прав человека, “разгосударствлении” этничности, освобождении человека от императива этнической лояльности. Только так можно освободить и сами народы, их этнокультурное развитие, от внешнего насилия со стороны государства (ассимиляция, патернализм и т.д.) и от насилия внутреннего (со стороны этнических элит, навязывающих своим народам собственные ценности, нормы поведения, модели развития)»¹. Позиция российского исследователя во многом схожа со взглядами западных ученых относительно политической роли и значения регионализма в современных условиях. Толкотт Парсонс рассматривал регионализм как проявление укоренившегося в обществе консерватизма, препятствующего цивилизационным изменениям и утверждению культурного универсализма. Майкл Китинг назвал регионализм «похмельем от прошлого»². Хотя, конечно, регионализм многогранен и не

¹ Чешко С.В. Конституционная реформа и национальные проблемы в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 30.

² Keating M. State and Regional Nationalism: Territorial Politics and the European State. L., 1988. P. 22.

может оцениваться однозначно, тем более что существуют объективные тенденции усиления процессов регионализации, которые являются оборотной стороной процессов глобализации.

Широкое проникновение демократических идеалов в идеологию и политическую практику этнонациональных движений, разграничение гражданских и этнических целей этих движений могут ускорить процессы демократического транзита в России, а консервация нынешней ситуации чревата превращением этих организаций в источник напряженности, в препятствие на пути Российской Федерации к демократии.

Политически некорректными и научно необоснованными являются попытки связывать приверженность демократии или авторитаризму с этнической принадлежностью, что порой допускают в своих объяснительных моделях политологи, когда оценивают последствия этнополитических конфликтов и их природу. Так, причины более успешного демократического транзита одних государств Восточной Европы и менее успешного других некоторые исследователи видят в культурной предрасположенности этнических сообществ к демократии, которая различна у разных народов. И причины распада Югославии порой объясняли, исходя из этнической интерпретации этого явления, хотя причина югославской трагедии далеко не в укорененной межэтнической вражде и менее всего в великосербском шовинизме. Да и распад СССР при более внимательном анализе выявляет решающую роль не столько этнического фактора, сколько факторов раскола элит, их борьбы за власть и, наконец, внешних воздействий.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем состоит главное противоречие между классической демократией и полиэтничным составом населения государства?
2. Могут ли демократические процедуры устранить возможности появления этнократических режимов?
3. Дайте характеристику этнической демократии?
4. На каких основаниях строится демократия согласия?
5. Дайте характеристику либеральной демократии.
6. Как эволюционирует либеральная демократия под воздействием этнополитических проблем?
7. Почему государство заинтересовано в самоорганизации этнических общин?

Литература

1. Вессендорф К. Участие коренных народов в государственной политике: предисловие к анализу ситуаций в разных странах // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2003.
2. Горюхиц Д. Демократия в разделенных обществах // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
3. Даль Р. Демократия и ее критики. М., 2003.
4. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образцы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
5. Ковалев В.А., Шабает Ю.П. Национальные движения финно-угорских народов России: конец идеологии? // Философская и правовая мысль. Вып. 4. Саратов; СПб., 2002.
6. Культура мира и демократии. М., 1997.
7. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997.
8. Майберн-Льюис Д. Демократия, тоталитаризм и этнический плюрализм // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
9. Национальные меньшинства. Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в субъектах Юга Российской Федерации / Под ред. В. Мукомеля. М., 2003
10. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
11. Райан С. Структурные факторы, препятствующие развитию стабильных и демократических полиэтнических государств // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
12. Смуха С. Стратегии управления конфликтом и возможность их использования в Содружестве Независимых Государств // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
13. Социальные трансформации в Европе XX века. М., 1998.
14. Тили Ч. Демократия. М., 2007.
15. Тишков В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза / Под ред. Г.Н. Севастьянова. М., 2005.
16. Чешко С.В. Конституционная реформа и национальные проблемы в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6.
17. Шабает Ю.П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М., 1998.
18. Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998.
19. Ethnicity and Group Rights // Ed. I. Shapiro and W. Kymlicka. N. Y.; L., 1997.
20. Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge; L., 1993.
21. Keating M. State and Regional Nationalism: Territorial Politics and the European State. L., 1988. P. 22.
22. Lipset S. Political Man: the Social Bases of Politics. Baltimore, 1981.

Глава 8

Этнополитические конфликты

Конфликт как социальный феномен — неизбежное явление в динамично развивающихся социальных системах. Конфликт имеет место там, где сталкиваются интересы различных социальных сил. Он может иметь открытую форму или латентную и присутствует не только там, где позиции сторон конфликта диаметрально противоположны, но иногда, там, где есть согласие и сотрудничество.

Становление конфликтологии как науки связывают с именем немецкого социолога Георга Зиммеля, который и ввел в научный оборот понятие «социология конфликта». Зиммель выделяет *взаимодействие* как основной предмет социологического и социопсихологического анализа, как основу для понимания природы конфликта. Конфликтология является комплексной научной дисциплиной и изучает природу, сущность, причины возникновения конфликтов, формы их проявления и пути предотвращения и разрешения. Безусловно, центральное место в исследованиях конфликтологов занимает социальный конфликт.

В последние годы изучением конфликтов занимаются весьма активно ученые многих стран. Исследователи стремятся разработать общую теорию конфликта, а особенно технологии их предотвращения и разрешения. На Западе существует обширная литература, посвященная анализу конкретных конфликтных ситуаций и технике урегулирования конфликтов. В последние десятилетия возникло много научных центров, специализирующихся на проблеме конфликта. Сегодня их более 300, и среди них можно упомянуть Международный институт исследований мира в Осло, Стокгольмский институт исследований мира, Международный институт мира в Вене, Гессенский фонд исследования проблем мира и конфликтов, Группу по урегулированию конфликтов при Гарвардской школе права и многие другие. Различные технологии разрешения и урегулирования конфликтов, методы анализа конфликтных ситуаций

предложены в трудах Д. Горовица и С. Бордмана, Ч. Освуда, Д. Скотта, И.Г. Боуэра, Г. Келмана, Дж. Ротшильда, Т. Гурра, В. Фишера и У. Юри, Г. Шлее, С. Вуд и ряда других исследователей. В последние десять лет и российские исследователи интенсивно накапливают опыт анализа и урегулирования конфликтов, и в первую очередь конфликтов этнополитических, что диктуется реалиями постсоветской России.

Что касается этнических и этнополитических конфликтов, то в ходе инициированного Исследовательским институтом социального развития ООН (UNRISP) исследования в 1990-е гг. в мире было выявлено 223 этнополитических конфликта, одни из них были этнонационалистическими или сепаратистскими, другие ведутся из-за статуса той или иной этнической группы, третьи являлись следствием борьбы за групповую автономию, а четвертые были инициированы радикальными религиозными движениями или представляли собой межобщинную борьбу¹. Большинство этих конфликтов не разрешено и до сих пор.

Сущность этнополитического конфликта

Хотя этнические и этнополитические конфликты имеют давнюю историю, к их изучению исследователи обратились сравнительно недавно. Этнический конфликт привлек внимание ученых после того, как были проанализированы классовые, трудовые и межгосударственные конфликты. Натан Глезер и Даниэл Мойнихен вообще заявили, что этничность является «более фундаментальным источником стратификации», нежели классовая природа общества, и потому этничность и этнический конфликт сегодня и в будущем не утратят своей актуальности.

Сравнительное изучение этнических конфликтов показывает, что в их эскалации имеются повторяющиеся черты и этапы, которые позволяют определить закономерности в протекании сходных типов конфликтов.

В объяснительных моделях возникновения и эскалации этнических конфликтов отчетливо прослеживается влияние основных теорий этничности — примордиализма, инструментализма и конструктивизма.

В рамках примордиалистского подхода этнический конфликт обычно рассматривается как проявление «древней вражды» — исконных межгрупповых противоречий, которые могут подавляться силой авторитарных режимов. Как только режимы ослабевают, древняя вражда дает о себе знать с новой силой. Согласно данной логике, конфликт между сербами и хорватами объясняется ненавистью их представителей друг к другу, а карабахский конфликт — ненавистью друг к другу армян и азербайджанцев. По мнению сторонников такого подхода, названные конфликты были просто неизбежны. Режим Тито в Югославии и советский режим в СССР на какое-то время могли подавить вражду между названными народами, но не могли искоренить ее глубинные основы.

Сторонники инструменталистского подхода понимают этничность не как исконную (природную) сущность, а как инструмент и ресурс, который используется в процессе конкуренции между группами. Сама же этничность не является, по их мнению, причиной конфликтов. Этнический конфликт рассматривается не как результат несовместимости групповых идентичностей, а как следствие межгруппового соперничества за обладание экономическими или природными ресурсами, особенно в ситуациях, когда группы имеют неравный доступ к власти, богатству и социальному статусу. С этой точки зрения конфликт между сербами и хорватами объясняется не как проявление древней вражды, а как столкновение двух социальных групп, чья этничность, т.е. принадлежность к сербской и хорватской этническим общностям, была использована политическими лидерами в качестве инструмента политической мобилизации.

Конструктивистское понимание этнического конфликта сходно с инструменталистским и основывается на том, что сама по себе этничность не порождает конфликта. Возникновение и эскалация конфликтов решающим образом обусловлены действиями элит, которые мобилизуют этничность и используют ее для реализации собственных целей.

Среди наиболее известных теорий этнических конфликтов комплексного характера следует выделить теории Джозефа Ротшильда, Дональда Горовица, Теда Гурра, Гюнтера Шлее.

В теории этнической стратификации Джозеф Ротшильд впервые предложил рассматривать этнические группы и го-

¹ *Stavenshagen R. Ethnic Conflict and the Nation State. Basingstoke, 1996. P. 11.*

сударство как субъекты этнополитического конфликта, уделяя при этом серьезное внимание анализу как ресурсного потенциала сторон, так и возможностей политической мобилизации группы. По мнению ученого, успехи и активность этнополитических движений зависят от экономических, политических и идеологических ресурсов, которыми может оперировать группа. Кроме того, необходимо учитывать состав группы, ее социальные и культурные характеристики.

В социально-психологической теории этнического конфликта Дональда Горовица основное внимание уделено социально-психологической динамике. В понимании Горовица, этничность обладает особой, уникальной динамикой в силу того, что она сопряжена с коллективными эмоциями. Данное обстоятельство приводит к тому, что рациональные политические и экономические интересы группы могут отступать на задний план и решающую роль в провоцировании и эскалации конфликта начинают играть эмоциональные факторы. В динамике этнического конфликта отчетливо прослеживается действие двух механизмов поведения: социально-психологического и институционального. Этнический конфликт возникает за счет групповой эмоциональной реакции, опирающейся на групповую солидарность, когда члены группы пытаются защитить некие общие ценности, порой имеющие символический характер. Затем эмоциональная реакция и групповая солидарность трансформируются в публичную деятельность, в четко оформленные позиции и притязания, для реализации которых создаются соответствующие структуры.

Наиболее масштабной является попытка анализа этнического конфликта, предпринятая Тедом Гурром в труде «Меньшинства как группа риска». Эта работа построена на основе изучения политического поведения 233 этнических групп за период с 1945 по 1989 г. Согласно ключевому положению концепции Гурра этнополитическое действие мотивировано глубоко укоренившимся недовольством людей своим коллективным статусом, которое акцентируется и стимулируется групповыми лидерами и этническими антрепренерами.

Этнические конфликты — это особая форма социальных конфликтов. Этнические конфликты обладают способностью

вовлекать в свою орбиту предметные области и объекты других типов конфликтов и в чистом виде встречаются нечасто. Между тем опыт всемирной истории показывает, что эти конфликты могут приобретать значительные масштабы и что любой этнический конфликт одновременно является этнополитическим. В этой связи вполне справедливо звучит вопрос о том, что же есть собственно этническое в этнических (этнополитических) конфликтах, который поставил немецкий социальный антрополог Гюнтер Шлее. По его мнению, всю совокупность взглядов и позиций, связанных с определением этничности как причины «расколов и дезинтеграции», можно свести к шести основным положениям:

- 1) этнические различия являются первопричиной этнических конфликтов;
- 2) противоречия между обычаями различных народов отражают древние, наследуемые и глубоко укоренившиеся антагонизмы;
- 3) этничность является универсальной, т.е. любой человек принадлежит к какому-либо народу;
- 4) этничность аскриптивна, т.е., как правило, человек не может изменить свою этническую принадлежность;
- 5) народ представляет собой общность по происхождению;
- 6) этносы территориальны, они связаны с определенной территорией и стремятся к национальному суверенитету.

Однако практически любое из приведенных положений можно оспорить. Полемизируя с утверждениями относительно значения этнических различий в возникновении и эскалации этнополитических конфликтов, с попытками объяснить их возникновение глубокой исторической обусловленностью, Шлее ссылается на пример Югославии. Считается, что югославский кризис — пример классического этнополитического конфликта современности. В этой связи наиболее показательна ситуация в Боснии, которую Гюнтер Шлее называет «Югославией в миниатюре». Исследования предвоенного времени показывали, что происходило постепенное исчезновение югославянских этничностей и шел процесс формирования единого югославского народа. В различных частях страны этот процесс протекал с разной интенсивностью, но он был очевиден. В Боснии подавляющая часть населения вплоть до 1990-х гг. не придавала суще-

ственного значения этническому фактору. По существу, этничность была навязана местным сербам, хорватам и мусульманам усилиями политиков, и мнимые культурные различия стали реальным основанием не только для разделения общин, но и для их жестокого противостояния в ходе гражданской войны.

Основополагающими причинами современных этнополитических конфликтов являются различия в понимании природы современных наций. Концепция нации-этноса послужила основой идеи Eretz Israel и концепта Великой Сербии, этнического национализма бумипутра (сынов Земли) в Малайзии, амхара в Эфиопии, что породило серьезные противоречия и конфликты.

Более частыми причинами этнополитических конфликтов являются этнический сепаратизм, борьба за легальный статус группы, стремление к обретению групповой автономии, борьба за общинные интересы или сектантские религиозные движения (как правило, мусульманские).

Впрочем, помимо современных манипуляций с культурными различиями и политической мобилизации этничности, нельзя упускать из виду и реальные этнические противостояния, которые могут иметь многовековую историю, но память о которых была намеренно актуализирована в предельно драматической форме, чтобы возбудить ненависть и готовность участвовать в конфликте.

Многочисленные этнополитические конфликты современной эпохи подрывают стабильность как экономически слабых стран, так и стран с развитой экономикой и высоким уровнем жизни, как авторитарных и неразвитых демократических государств, так и классических демократий.

Исторические корни некоторых из современных конфликтов и этнополитических движений кроются в противоречии между этническими и политическими принципами социального структурирования, которое, по существу, является противоречием между этносом или этнической группой и формирующейся нацией европейского типа. Неслучайно этнический национализм как основополагающий идеологический принцип ставит знак равенства между понятиями «этнос» и «нация». Названное противоречие имеет место во многих странах независимо от уровня их экономического и политического развития. Особенно острое оно в странах, где сложный этнический состав

населения, а процессы нациестроительства не завершены, т.е. у жителей страны отсутствует должная степень национальной (в смысле государственной) идентичности. В странах, где имеются крупные этнические анклавы с высоким уровнем развития и неудовлетворенными политическими притязаниями, существует не только потенциальная угроза этнополитического конфликта, но и угроза самой целостности государства.

К примеру, в 1995 г. на грани распада оказалась такая, казалось бы, благополучная страна, как Канада. По требованию квебекских франкофонов в этой провинции состоялся референдум по поводу ее государственной независимости. Сторонники независимости оказались в меньшинстве, но защитники целостности государства набрали на референдуме 30 октября 1995 г. только на один процент больше голосов, нежели противники.

Этнический конфликт — это форма гражданского противостояния на внутрисоциальном или трансгосударственном уровне, при которой хотя бы одна из сторон организуется и действует по этническому признаку или от имени этнической общности. Этнополитический конфликт — борьба различных социальных групп, которые организуются по этническому принципу, и этот принцип становится основанием их идеологического и политического противостояния.

Типы этнополитических конфликтов

Каждый конфликт имеет свои особенности, но существуют основания, которые позволяют делать обобщения и типологизировать имеющиеся разновидности.

Исследователи этнических конфликтов выделяют три типа их классификации.

1. Классификация по сферам общественной жизни. Согласно данному способу классификации, выделяются политические, этнические, экономические, культурные и др. конфликты. Но многие конфликты нельзя однозначно отнести к той или иной сфере общественного бытия, ибо они касаются и экономики, и политики, и сферы культуры.

2. Классификация по предметам или объектам. Она может использоваться и как дополнение к классификации по «сфе-

рам», и как самостоятельный способ классификации, особенно в случаях, когда конфликты имеют четко выраженный «межсферный» характер.

3. Классификация по субъектам-носителям. При этом типе классификации выделяют конфликт между однопорядковыми и разнопорядковыми субъектами. К первым относятся, к примеру, осетино-ингушский конфликт на Северном Кавказе, конфликт между пророссийски и проукраински настроенными гражданами Крыма, ряд международных конфликтов. Это обычно конфликт «группа против группы» (group versus group). Ко вторым относят конфликты, где действуют разнопорядковые субъекты, к которым, например, относятся этническое меньшинство или нетитульный этнос и в качестве оппонента — титульный народ или его государственные институты. Этот тип можно обозначить как «группа против государства» (group versus state). Типичным примером такого конфликта можно назвать чеченский и грузино-абхазский конфликты, конфликт между сингалами и тамилами в Шри-Ланке.

Кроме того, этнические конфликты можно типологизировать по таким основаниям, как особенности динамики, степень локализации и т.п.

Общим местом в рассуждениях этнополитологов стала констатация того факта, что в середине 1980-х гг. произошел «взрыв» этничности. Этот взрыв явился ответом этнических групп на их неравный доступ к социальным благам и власти. Особенно масштабно этнополитические проблемы проявились в бывшем СССР, хотя они обострились во многих других странах. Опыт СССР и России показал, что в переломные, кризисные эпохи прежняя этническая иерархия рушится, а ослабление позиций доминантных групп позволяет миноритарным сообществам, прежде всего этническим, добиваться изменения своего статуса, получать различные преференции в сфере культуры, доступа к ресурсам и власти. Понимая, что фактор времени играет решающую роль, этнические элиты зачастую стремятся форсировать эти процессы под лозунгом «восстановления справедливости». Все это ведет к политизации этничности, к росту политического этнонационализма и усилению конфликтности в сфере межэтнических отношений.

Актуализация этничности в последний период советской истории и в первые годы новой российской государственности выразилась не только в существенно возросшем интересе к родному языку, этнической культуре, истории, но главным образом в требованиях создать государственные гарантии для сохранения и развития культурной специфики этнических групп. Выразителем этих требований стала национальная гуманитарная интеллигенция. Она не только аргументировала этнические притязания и оформляла их в виде программ, деклараций, воззваний и т.д., но и была главным организатором этнополитических движений, которые добивались претворения выдвигаемых программ в жизнь. Важно отметить, что, за редким исключением, национальные движения и организации в бывшем СССР и России возникли в период 1988–1991 гг., т.е. в период наиболее глубокого политического и социально-экономического кризиса прежней общественной системы. Связь между общественным развитием и актуализацией этничности, на наш взгляд, весьма точно охарактеризовала российская исследовательница З. Сикевич: «Конфликтогенность и интегрированность являются равнодействующими переменными соотношения этнического и политического пространств, а степень выраженности одной из них напрямую обусловлена степенью устойчивости данной системы»¹.

Этнополитическая мобилизация на территории бывшего СССР охватила обширные регионы и в той или иной мере затронула все этнические группы. Политизация этничности, сопровождавшаяся повышением уровня политической организации этнических сообществ и способствовавшая осознанию ими своих политических, экономических и культурных интересов, привела к многочисленным столкновениям интересов различных этнических групп, к нарастанию этнополитической конфликтности. Столкновение интересов во многом было предопределено предшествующей этнонациональной политикой Советского государства.

Кроме того, этнотерриториальный принцип решения проблем развития этнических сообществ не только способствовал

¹ Сикевич З.В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 2. С. 43.

модернизации и сохранению культуры отдельных народов, но и создавал условия для будущих конфликтов, противопоставляя одни народы другим, препятствуя общегражданской интеграции населения, поощряя этноцентризм и политические амбиции этнических элит. Этническая иерархия и растущие противоречия с центральной властью породили этнический национализм и сепаратистские устремления.

Как только тоталитарный контроль над общественной жизнью ослабел, а репрессивный аппарат перестал подавлять проявления инакомыслия, включая национализм, в стране сразу же стали возникать очаги межэтнической напряженности. В 1986 г. антирусские выступления произошли в столице Казахстана Алма-Ате. За этим последовали армянские погромы в Сумгаите и столкновения армян и азербайджанцев в Нагорном Карабахе, убийства турок-месхетинцев в Ферганской долине Узбекистана, волнения в Якутске и Туве, в Уральске и Набережных Челнах. Анализу этих событий посвящена обширная литература, но наиболее полно эти и другие свидетельства мобилизованной этничности освещены в томах серии «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», изданной Институтом этнологии и антропологии РАН.

Урегулирование этнополитических конфликтов является важнейшей политической проблемой. Нет необходимости доказывать, что последствия этих конфликтов оказывают крайне негативное влияние не только на развитие, но и на имидж государств, неспособных их предотвратить. Но самое тяжелое последствие обострения конфликтов — это огромные человеческие жертвы. Только в последние десятилетия в турецком Курдистане в результате столкновений курдов с турецкими правительственными войсками погибло 26 тысяч человек, в Шри-Ланке — более 35 тысяч, в Сьерра-Леоне в этническом конфликте погибло около 100 тысяч, на Филиппинах (о. Минданао) — свыше 120 тысяч, в Либерии — более 150 тысяч, в Боснии и Герцеговине — около 200 тысяч, в Судане и Афганистане — более чем по одному миллиону, в Сомали — более 350 тысяч, в Анголе — свыше 500 тысяч, в Руанде только за три месяца 1994 г. погибло более одного миллиона человек. Многие из этих этнополитических конфликтов не урегулированы до сих пор. По су-

ществу то же самое можно сказать и о ряде этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, ибо очаги напряженности сохраняются в Закавказье, Чечне, Приднестровье, в Крыму, в Средней Азии. Два раунда вооруженных действий в Чечне в 1994–1996 и 1999–2001 гг. унесли жизни более чем 40 тысяч жизней российских граждан, включая военнослужащих, мирных жителей и чеченских боевиков.

Проблемы управления конфликтом

Некоторые ученые предлагают говорить не об урегулировании конфликтов, а об «управлении» этнополитическим конфликтом. Суть этой концепции состоит в том, что управление конфликтом нацелено не на его разовое силовое подавление, а на его «контроль», трансформацию в невооруженную форму и последующее разрешение. Процесс управления начинается с анализа этнополитического конфликта, который должен дать адекватное представление об истории и причинах возникновения как конфликтной ситуации, так и самого конфликта. Исследователи выделяют «рациональный» и «деструктивный» конфликты. Стороны «рационального» конфликта готовы признать справедливость и обоснованность требований конфликтующих субъектов и стремятся к урегулированию взаимных претензий. Однако «рациональные» конфликты составляют меньшую часть этнополитических столкновений и примером их успешного разрешения можно назвать мирный выход Норвегии из состава Шведского королевства в 1905 г. или раздел Чехословакии на Чешское и Словацкое государства в 1993 г.

Большинство этнополитических конфликтов современности относится к деструктивным. В этом случае конфликтующие стороны преднамеренно или непреднамеренно игнорируют объективные факты и рациональное содержание претензий противостоящей стороны, а само противостояние постепенно усиливается и обостряется, вовлекая в орбиту конфликта новых участников и провоцируя применение насилия.

Стратегия управления конфликтом исходит из необходимости эффективного влияния на конфликт с целью корректировки его развития в нужном направлении. В процессе управления конфликтом в зависимости от ситуации используются

нормативный, принудительно-переговорный, эмоционально-психологический, силовой и интегративный подходы.

Нормативный подход предполагает разрешение конфликтов с помощью определенного набора правовых или моральных норм. В данном случае важно наличие согласия между сторонами конфликта относительно приемлемости этих норм. Если согласие отсутствует, то возникает необходимость его навязывания. Здесь решающее значение может иметь авторитет государства и все его политические и экономические ресурсы воздействия на конфликтующие субъекты.

Принципиальным моментом при использовании принудительно-переговорного подхода к разрешению этнополитических конфликтов служит понимание конфликта как проявление врожденного (или приобретенного в обществе) стремления человека или группы к доминированию. Поскольку доминирующие позиции может занимать только одна сторона, постольку господствующая группа навязывает свои «правила игры» тем, над кем она осуществляет господство. Данный подход не позволяет обеспечить стабильность внутри общественной системы, и даже его сторонники считают, что мира между конфликтующими сторонами недостижим, а возможно лишь временное урегулирование проблем.

Эмоционально-психологический (или идеалистический) подход применим тогда, когда все заинтересованные стороны независимо от их статусных характеристик, ресурсов и политических стратегий устанавливают взаимоотношения, устраивающие всех участников конфликта. В качестве исходной позиции урегулирования стороны принимают как аксиому положение о том, что конфликт однозначно невыгоден всем сторонам и все стороны несут те или иные потери в результате его эскалации. Согласование интересов происходит без явного или скрытого принуждения, что обеспечивает прочность урегулирования и успешный поиск эффективных путей разрешения конфликтных ситуаций.

Существуют и другие подходы, среди которых наиболее распространены индифферентный и силовой. Индифферентный подход типичен для авторитарных режимов, которые, как правило, игнорируют конфликты и равнодушны к требованиям групп, вовлеченных в конфликт. Этот подход может на время

отложить решение конфликтных ситуаций, но «отложенный конфликт» неизбежно проявит себя при изменении политической ситуации, накопленный потенциал конфликтности лишь осложнит его разрешение.

Другой способ воздействия на конфликт силовой. Он применим тогда, когда более сильная сторона навязывает слабой стороне свои условия разрешения противоречий, которые, по сути, не разрешают конфликтной ситуации, а лишь заставляют слабую сторону снять свои претензии к сильной стороне. Однако большинство специалистов-конфликтологов согласны с тем, что наилучшим способом разрешения конфликтов является компромисс. Но при этом практика доказывает, что успешное урегулирование конфликтов (независимо от избранной стратегии) возможно лишь в рамках определенных процедур. Первая из них — институционализация конфликта, т.е. установление четких правил урегулирования отношений сторон, их взаимодействия. В этом случае конфликт становится прогнозируемым и управляемым, претензии сторон даже в случае их нарастания будут укладываться во вполне предсказуемые нормы поведения.

Неинституционализированный конфликт неуправляем, а потому опасен. В этом случае недовольство сторон может выливаться в деструктивные формы взаимодействия. Под институционализированным механизмом понимается не только установление строгих юридических актов или регламентов, но и весь спектр возможных регулирующих норм — законодательные акты, протоколы, меморандумы, устные договоренности. Важна не форма, а наличие добровольного согласия строить отношения и вести переговоры в рамках определенных правил.

Другая важная задача, которую необходимо решить при урегулировании конфликтов, состоит в выделении структурированных конфликтующих групп. Враждующие стороны должны определить, кто правомочен представлять их интересы и осуществлять диалог с противостоящим участником конфликта и посредниками. В этой связи органы государственной власти должны быть объективно заинтересованы в том, чтобы этнические общности и группы формировали свои партии, движения, организации, которые могли бы представлять их интересы и выполняли консолидирующую роль. Неорганизованные сообщества более опасны и непредсказуемы, чем организованные.

Организации играют роль социального регулятора и могут быть эффективно использованы в разрешении конфликтов как выразители коллективных требований и претензий и как участники переговорных процессов и выработки процедур урегулирования. Таким образом, можно заключить, что **управление конфликтом и его урегулирование должны включать идентификацию, институционализацию конфликта, определение или выделение его субъектов и выработку стратегии и технологии его урегулирования.**

Рассматривая технологические проблемы урегулирования этнополитических конфликтов, директор проекта по системам переговоров при Школе права Гарвардского университета Уильям Юри пришел к выводу, что «увеличение числа этнических конфликтов стало результатом широкого позитивного явления — передачи властных полномочий на более низкий политический уровень»¹. Он отмечает, что все этнические группы в мире в своем развитии проходят три этапа: 1) этап зависимости и дискриминации, 2) этап независимости и 3) этап взаимозависимости или взаимовыгодного сосуществования с другими группами. Вместе с тем Юри отмечает, что большинство людей живет ныне в поликультурных сообществах, и поэтому важно найти способы, как «свести наши различия к позитивному, а не отрицательному балансу».

В его понимании для решения вышеназванной задачи необходима политическая система, которая бы состояла из трех компонентов. Первый из них относится к *власти* и предполагает создание демократических институтов, в которых были бы представлены все этнические группы населения страны и которые имели бы механизмы сдержек и противовесов, исключающие злоупотребления властью. Второй компонент системы касается прав. Суть его в том, чтобы разработать кодекс *прав* как для индивидов, так и для групп и создать независимую систему судопроизводства, которая обеспечивала бы соблюдение этих прав. Третьей частью системы должны стать **интересы**. В данном случае подразумевается переговорный процесс, в ходе которого представители этнических групп вместе должны выработать решения, удовлетворяющие принципиальные интересы

¹ Юри У. Этнические конфликты: что можно сделать? // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 77.

всех вовлеченных в переговорный процесс сторон. Причем, как подчеркивает У. Юри, именно разрешение разногласий в ходе переговоров является важнейшим завоеванием демократии, а не выборы или возможность обратиться в судебные органы.

Обобщая опыт урегулирования этнических конфликтов, исследователь предложил свою технологию возможных действий, состоящую из десяти различных вариантов.

Ученый сравнил этнический конфликт с пожаром и поэтому назвал в качестве первой задачи **предотвращение конфликта**. Пока есть возможности не допустить столкновений на этнической почве, следует их использовать в полной мере.

Вторым необходимым действием заинтересованных в разрешении конфликтов сторон он назвал **организацию дискуссий**. Сама возможность конструктивного обсуждения проблем уже способствует снижению напряженности. Но для полноценной дискуссии необходимо, чтобы были представлены все имеющиеся точки зрения, включая самые радикальные, и чтобы обсуждение велось в рамках определенных правил, принятых сторонами. Важнейшими из них служат требования не обвинять оппонентов и избегать личных нападок.

Третий способ действий состоит в том, чтобы **способствовать высказыванию обид в контролируемой обстановке**, что предполагает при обсуждении конструктивных планов на будущее анализировать и прошлые обиды. Следующим необходимым шагом названо **содействие процессу совместного решения проблем**. Оно предусматривает согласование интересов, выход за рамки жестких позиций и обращение к мотивировкам, лежащим в основе позиций сторон. Затем важным действием является **определение общей цели**; чтобы процесс переговоров был продуктивным, общая цель не должна замыкаться только на проблемах самого конфликта. Далее существенное значение имеет **содействие взаимному проявлению доброй воли**.

Необходимой в процессе переговоров и совместного разрешения конфликта является выработка проектов взаимных соглашений. Важное прикладное значение имеет институционализация процесса решения проблем и переговоров. Она имеет особое значение в связи с тем, что решить сразу все конфликты невозможно, они будут возникать вновь и вновь. Поэтому не-

обходимо создать институты, которые содействуют поиску решений и процессу переговоров. Существенную помощь в урегулировании конфликтов может оказать привлечение внешних ресурсов для формирования стимулов к сотрудничеству. Под внешними средствами понимаются не только финансовые ресурсы, но неправительственные организации, университеты и фонды, у которых накоплен опыт урегулирования этнических конфликтов.

Наконец, У. Юри призывает: «**Учите других тому, что узнали сами**». Решение конфликтных ситуаций требует широкого сотрудничества и использования всего арсенала имеющихся средств, позитивного опыта, накопленного различными специалистами и странами. Такой опыт имеется, и его надо использовать и совершенствовать в соответствии с требованиями времени. Однако не менее важен и негативный опыт решения конфликтов, особенно когда в межэтнический или этнополитический конфликт вмешивается третья сила.

Весьма показателен в этом плане опыт вмешательства США в сомалийский конфликт. После первой войны в заливе, окончания «холодной войны» и краха СССР казалось, что Запад и, прежде всего, Соединенные Штаты Америки имеют эффективные способы воздействия на любые события в любом районе земного шара. Эта иллюзия стала рассеиваться в 1993 г., когда потерпела провал американская гуманитарная операция в Сомали. Точнее, гуманитарная операция прошла успешно, но, когда американцы попытались устранить причину гуманитарной катастрофы в этой стране и вмешаться в гражданскую войну, которая имела характер противостояния разных этноконфессиональных сообществ, произошел «могадишский инцидент», начались нападения на американских военных. На глазах у всего мира обезображенные трупы американских солдат повстанцы таскали по улицам Могадишо. Этот инцидент стал предупреждением, что внешнее грубое и непрофессиональное вмешательство в этнические конфликты крайне опасно и способно усугубить их.

Роль государства в решении этнических и этнополитических проблем, в том числе в разрешении конфликтов, весьма значительна, несмотря порою на непоследовательный и противоречивый характер государственного вмешательства, как это

имело место, например, в России по отношению к ситуации в Чечне. Понятно, что государство заинтересовано во внутренней стабильности и ориентирует свои институты на решение этой задачи, однако оно само нередко выступает одной из сторон в этнополитических конфликтах и поэтому не может быть объективным арбитром в разрешении споров между этнической общностью и государством. У государства всегда больше средств для давления на противоположную сторону конфликта и всегда есть искушение выступить не в качестве равноправного партнера на переговорах по его разрешению, а навязывать свои условия конфликтующей стороне. Именно поэтому многие конфликты, развивающиеся по линии **этническая общность — государство**, длятся годами и десятилетиями и приемлемой формулы урегулирования найти пока не удается. Это можно сказать об этноконфессиональном конфликте в Северной Ирландии, корсиканском национализме во Франции, тамильском сепаратизме в Шри-Ланке, движении басков в Испании, турецком Курдистане и о многих других локальных этнополитических конфликтах.

Видимо, главная функция государства в подобных случаях должна состоять не в том, чтобы самому пытаться решить любой этнополитический конфликт, а в том, чтобы способствовать поиску решения конфликтов, в том числе предлагая и развивая институт независимых посредников и специальных кризисных менеджеров. Но есть так называемые глубокие или тяжелые вооруженные конфликты, в которых имеют место крупные потери людских жизней, страдания гражданского населения, огромные разрушения и в которые вовлечены самые разные внешние силы, включая наемников, идейно-религиозных фанатиков и международных террористов. Разрешение таких конфликтов требует прямого и чаще всего силового вмешательства государства с целью покончить с насилием и восстановить власть в зоне конфликта. Вот к какому выводу на этот счет пришел британский ученый и журналист Майкл Игнатъевф (ныне известный политический деятель в Канаде), исследовавший феномен современных «этнических войн» главным образом на материале бывшей Югославии: «Как бы это ни звучало парадоксально, полиция и армия национального государства остаются единственными доступными институтами, которые когда-либо были

созданы, чтобы контролировать крупномасштабное насилие и противостоять ему»¹.

Поиск приемлемой технологии управления и урегулирования этнических конфликтов отечественным ученым удалось достичь определенных успехов, которые стали следствием обобщения и анализа обширного эмпирического материала и конструирования на его основе конкретных моделей урегулирования. Особенно интересен опыт, накопленный в результате многолетней деятельности сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, а также учеными Южного научного центра РАН. Издан ряд теоретико-прикладных разработок, включая Атлас геополитических рисков на Юге России.

Российские исследователи Л. Хоперская и В. Харченко сосредоточили внимание на методах урегулирования локальных межэтнических конфликтов, которые наиболее распространены на юге России и которые могут иметь политические последствия. Они исходили из того, что при сложном и меняющемся этническом составе населения, при пересекающихся экономических интересах разных культурных групп реальна не только угроза конфликтов, но и определенная фоновая напряженность в регионе, которая является своего рода постоянным фактором. Любой конфликт, прежде чем обрести открытую форму, проходит ряд латентных стадий развития, и задача исследователей состоит в том, чтобы, во-первых, создать систему мониторинга за состоянием общественных настроений в регионе, во-вторых, определить пороговые значения роста напряженности и, в-третьих, выработать систему мер, которые начинают реализовываться местными властями тогда, когда конфликтные настроения достигают пороговых пределов. Именно тогда необходимо эффективное вмешательство в ситуацию государственных служб, экспертов и независимых посредников с целью понизить уровень конфликтных настроений до безопасных значений.

Как известно, спровоцировать конфликт может любой инцидент, но предсказать инцидент никому не дано, потому предотвратить его невозможно. Вот почему для предотвращения конфликта необходимо понижать уровень конфликтных на-

¹ Ignatieff M. The Warrior's Honor. Ethnic War and Modern Conscience. L., 1999. P. 125.

строений в регионе, и делать это следует оперативно, мобилизуя все имеющиеся ресурсы. Ученые осуществили не только комплексный анализ динамики этнических конфликтов и предложили использовать индикаторы, позволяющие определять уровень конфликтных настроений, но и разработали систему предупреждения локальных межэтнических конфликтов, которая включает широкий перечень мероприятий и которую можно применять не только на юге России.

Более общие подходы к стратегии урегулирования конфликтов предложены российским конфликтологом Е.И. Степановым. Он отмечает, что необходимо активизировать разработку региональной конфликтологии и приступить к моделированию региональных конфликтов. При этом, подчеркивает он, «наряду с решением проблемы моделирования самих региональных конфликтов, все более обостряется и становится настоятельно необходимым решение проблемы моделирования соответствующей политики адекватного воздействия на них». В разработке моделей политики по профилактике, деэскалации и урегулированию социальных конфликтов должны быть учтены многие факторы: общий конфликтный фон в регионе, определяющий «конфликтную готовность населения»; предыстория конфликтов, особенно это касается этнических конфликтов, имеющих длительную историю чередования открытых и латентных фаз; соотношение эндогенных и экзогенных факторов региональной конфликтности, наличие реальных механизмов воздействия на экзогенные факторы; политические, экономические, культурные предпочтения субъектов политического процесса, вовлеченных в конфликт или призванных его урегулировать, заинтересованность конфликтующих сторон в урегулировании, а не продолжении конфликта.

Очевидно, что современный опыт разрешения этнополитических конфликтов недостаточен, а рациональные политические механизмы урегулирования нередко оказываются неэффективными потому, что в основе конфликта лежит некое иррациональное начало, кроющееся в культурных стереотипах, неудовлетворенных исторических обидах, мифологизированных представлениях и т.п. К такому типу конфликтов можно отнести крупнейший этнополитический конфликт современ-

ности — арабо-израильский конфликт. Уже полстолетия стороны этого конфликта ищут пути выхода из него. Причем международное давление на конфликтующие стороны с требованием добиться согласия постоянно усиливается. Однако все попытки урегулировать конфликт мирным путем проваливаются. Непродуктивным оказался и силовой метод решения конфликта.

Несколько лет назад вышла книга двух французских интеллектуалов, Хамида Баррады и Ги Сибтона, «Араб и еврей. Военный диалог». Первый из авторов является арабом и выходцем из Марокко, а второй — евреем и уроженцем Туниса. Книга, построенная в форме диалога двух бывших приятелей (они прервали отношения после начала второй интифады в 2001 г.), многое объясняет в глубинных корнях ближневосточного конфликта. Ги Сибтон в интервью журналисту российской газеты «Иностранец», опираясь на знание арабского мира и арабской улицы, пытается дать объяснение тому, почему арабам и евреям не удается прийти к согласию. Причем он показывает, что речь идет не о палестинцах и Израиле, а именно о конфликте между евреями и арабами, ибо из всех арабских стран (даже из таких либеральных, как Марокко и Тунис) еврейское население, которое было глубоко интегрировано в местные сообщества, полностью вытеснено. Антиеврейские настроения сильны во всем арабском мире, и доминирующей идеей стала идея отказа Израилю в праве на существование. Прежде эту идею поддерживали официально многие арабские страны и их правительства, а сегодня она присутствует латентно в общественно-политических настроениях, доминирующих в арабском мире. Неслучайно, когда Израиль и Палестина казалось бы пришли к взаимному согласию по всем вопросам, началась вторая интифада, опрокинувшая надежды на урегулирование конфликта. Позиция же мирового сообщества в отношении ближневосточного конфликта не всегда продуктивна и не способна поставить воспрепятствовать эскалации палестинского терроризма. Однако, самым бесспорным свидетельством того, что корни конфликта иррациональны, является прежде всего то, что два космополитичных французских интеллектуала, выступающие адвокатами обеих сторон конфликта, не могут найти общий язык и прийти к согласию.

Относительно адекватности реагирования на арабо-израильский конфликт международных политических институтов есть серьезные сомнения. Очевидно, что многие государства при голосовании по данному вопросу в ООН или в других международных инстанциях исходят из собственных политических соображений и внутривосточных общественных настроений. Видимо, в решении таких сложных этнополитических конфликтов пора отказаться от попыток решить вопрос голосованием, а следует принимать постановления, которые готовили бы группы независимых экспертов, а их реализацию ставить под контроль этих же экспертов.

Вообще любое решение, касающееся урегулирования этнополитических конфликтов, должно, видимо, сначала созреть у экспертов, а потом рассматриваться политиками. Пример Югославии и Косово показал, что под лозунгом справедливости политики совершают ошибки и даже преступления (бомбардировка посольств, поездов с мирными жителями, заводов и т.д.), но не несут ответственности за них. Сама же этнополитическая проблема не решается, а то и усугубляется.

Не менее показателен и чеченский конфликт, международное внимание к которому велико и корни которого надо искать не в сорокалетней Кавказской войне, которую вела Российская империя в XIX в., и не в сталинской депортации чеченцев. Корни конфликта заложены в иррациональных действиях российского руководства и в не менее иррациональной позиции действующих чеченских лидеров.

Как крайнюю форму этнополитического конфликта можно рассматривать этнический и религиозный терроризм. Терроризм тоже иррационален и покоится не на каких-то реальных основаниях, а на мифотворчестве. Авторы солидного труда о природе терроризма Ангуло А.И. Ландабасо и А.М. Коновалов пишут по этому поводу следующее: «Философия терроризма как продукт экстремистского сознания неизбежно несет на себе печать мифотворчества. В результате социальная реальность приобретает искаженные, фантастические очертания. Фанатизм мифической “единственной истины” неудержимо ведет к мифологизации действительности... Экстремистская мифология не вполне беспочвенна, она имеет определенные объек-

тивные основания, но последние приобретают несоразмерные, гротескные, гипертрофированные масштабы». Идеальный абсолютизм экстремистской социальной философии, неприятие всякого инакомыслия обуславливает дуалистический взгляд на мир, который оказывается бинарным, разделенным на абсолютное благо и абсолютное зло, представляет жесткое противостояние носителей «высшей правды и тех, кто препятствует ее осуществлению...»¹.

Но и противники экстремизма, особенно религиозного экстремизма, порой как бы навязывают обществу мифологизированные рецепты борьбы с террористической угрозой. Иногда возлагается вина за исламский терроризм на образованных мусульманских богословов — улемов, чьи трактовки Корана и служат идеологическим обоснованием для исламского терроризма. Но ислам не имеет жестких религиозных канонов, равно как не имеет единого духовного лидера. Довольно распространенные попытки объяснить рост исламского терроризма усиливающимся имущественным расслоением в России и за ее пределами не убеждают, ибо прямой связи между терроризмом и экономическим благополучием нет. Это доказывает анализ, к примеру, деятельности баскских экстремистов в Испании или ситуация в Северной Ирландии (обе названные провинции являются наиболее развитыми в экономическом отношении в своих странах).

Что может способствовать понижению этнополитической напряженности? Майкл Хечтер в своем исследовании «Содержание национализма» так отвечает на данный вопрос: «Националистический конфликт будет ослабевать только под воздействием трех типов условий: тогда, когда повышается цена коллективной акции в целом; тогда, когда снижается значение национальной идентичности; тогда, когда уменьшается потребность в национальном суверенитете»².

Как решать этнополитические конфликты? Пока успешного опыта их решения нет (или он очень незначителен), но очевидно, что и в этом случае надо искать пути решения, используя все имеющиеся возможности.

¹ Ландабасо Ангуло А., Коновалов А. Терроризм и этнополитические конфликты. Кн. 1. Из истории басков. М., 2004. С. 15.

² Hechter M. Containing Nationalism. Oxford, 2000. P. 134.

Контрольные вопросы и задания

1. Что следует понимать под социальным конфликтом?
2. В чем суть этнических и этнополитических конфликтов? Назовите исторические примеры этнополитических конфликтов.
3. Типы классификации этнических (этнополитических) конфликтов.
4. Пути противодействия этнорадикализму.
5. В чем состоит суть идеи «управления этническим конфликтом»?
6. Политическая система урегулирования конфликтов Уильяма Юри.
7. В чем состоит роль государства в урегулировании этнополитических конфликтов?
8. Каковы должны быть подходы международного сообщества при попытке воздействия на урегулирование этнополитического конфликта?

Литература

1. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология. Концепты и российская практика. М., 2008.
2. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Уч. пособие. М., 2005.
3. Аллин Б. Учебные программы по урегулированию этнических конфликтов в бывшем Советском Союзе // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993.
4. Амелин В.В. Вызовы мобилизационной этничности: Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997.
5. Арсеньев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12.
6. Ариба О.И. Современные концепции «управления» этнополитическим конфликтом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2000. № 1.
7. Бедин В.И., Генова Н.М., Перепелкин Л.С., Соколовский С.В. Этническая конфликтология: Уч. пособие. М., 1995.
8. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.
9. Дмитриев А.В. Социальный конфликт. Общее и особенное. М., 2002.
10. Дробужева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
11. Дробужева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
12. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1996.
13. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкот, А.В. Малашенко, В.А. Тишкова. М., 1997.
14. Коузер Л. Основы конфликтологии. СПб., 1999.
15. Ландабасо Ангуло А., Коновалов А. Терроризм и этнополитические конфликты. Кн. 1. Из истории басков. М., 2004.

16. *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М., 1997.
17. *Маркедонов С.* Турбулентная Евразия: Межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. М., 2010.
18. *Нарочницкая Е.А.* Этнонациональные конфликты и их разрешение: (Политические теории и опыт Запада). М., 2000.
19. *Паин Э.А., Попов А.А.* Межнациональные конфликты в СССР (некоторые подходы к изучению и практическому решению) // Советская этнография. 1990. № 1.
20. *Перепелкин Л.С.* Чеченская Республика: современная социально-политическая ситуация // Этнографическое обозрение. 1994. № 1.
21. *Полицук В.В.* Латентный этнический конфликт в Эстонии (на примере ситуации в Таллине) // Этнопанорама. 2005. № 3–4.
22. *Понарин Э.Д., Мухаметшина Н.С.* Национальные проблемы на постсоветской территории: Уч. пособие. СПб., 2001.
23. Разрешение конфликтов: Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. М., 1997.
24. *Решетников М.М.* Психология и психопатология терроризма. СПб., 2004.
25. *Смуха С.* Стратегии управления конфликтом и возможность их использования в Содружестве Независимых Государств // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
26. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л.М. Дробижевой. М., 2002.
27. *Тишков В.А.* Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 2. Ч. 1. Общие проблемы. М., 1992.
28. *Тишков В.А.* О природе этнического конфликта // Свободная мысль. 1993. № 4.
29. *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.
30. *Фрейдзон В.И.* Сербь и хорваты (исторические корни конфликта) // Этнографическое обозрение. 1993. № 1.
31. *Хоперская Л.Л., Харченко В.А.* Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 гг. Ростов н/Д, 2005.
32. *Шлее Г.* Управление конфликтами: теория и практика. М., 2004.
33. Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998.
34. Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007.
35. *Юри У.* Этнические конфликты: что можно сделать? // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993.
36. *Якобсон А.Я.* Этнические интересы и проблемы национально-территориальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 1.
37. *Ямсков А.Н.* Территориальные этнические конфликты. Программа курса // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006.
38. *Esman M.* An Introduction to Ethnic Conflict. Cambridge, 2005.
39. Ethnic Conflict in International Relations / Eds. A.S. Suhrke and L.G. Noble. N. Y., 1977.
40. *Hechter M.* Containing Nationalism. Oxford, 2000.

41. *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkley; Los Angeles, L., 1985.
42. *Horowitz D.* The Deadly Ethnic Riot. Berkerly, 2002.
43. *Olzak S.* The Dynamic of Ethnic Competition and Conflict. Stanford, 1992.
44. *Petersen R.* Understanding Ethnic Violence. Cambridge, 2002.
45. *Shoup B.* Conflict and Cooperation in Multi-Ethnic States: Institutional Incentives, Myths and Counterbalancing. L.; N. Y., 2008.
46. *Stavenhagen R.* Ethnic Conflict and the Nation State. Basingstoke, 1996.
47. *Stephen R.* Ethnic Conflict and International Relations. Burlington, 2000.
48. The Politics of Ethnic Conflict Regulation / Eds. J. McGarry and B. L. O'Leary, 1993.
49. The Territorial Management of Ethnic Conflict / Ed. by J. Coakley. 2nd ed. L., 2003.
50. *Wimmer A.* Nationalist Exclusion and Ethnic Conflict. Cambridge, 2002.

Глава 9

Этничность и власть

Власть является центральной категорией в современной политической науке. Феномен политической власти исследован достаточно основательно, чего не скажешь о его связи с этничностью. Между тем, очевидно, что групповая дифференциация и конкуренция за обладание властью в определенных условиях ведут к политизации этничности, ее огосударствлению и использованию в качестве инструмента политической борьбы.

Этничность как легитиматор власти

Этничность является мощным политическим ресурсом, ибо она используется для завоевания власти и для ее удержания. Но одновременно **она выполняет функцию легитиматора власти и во многих случаях используется для легитимации самого государства** («Украина есть государство, потому что есть украинцы как народ», «Латвия называется так, потому что есть создатели этого государства латыши как этнос» и т.п. Эта функция очевидна там, где этничность положена в основу государственного устройства или где она освящает политическое доминирование одной этнической общности над другими. Этничность и мифы (в том числе политические мифы) нередко прямо противостоят праву, когда необходимо обеспечить политическое доминирование одной этнической группы над другими или обеспечить политические притязания этнических элит. По мнению ряда исследователей, «этнополитическую легитимность можно рассматривать как коллективно разделяемые членами этнических групп убеждения в том, что существующие структуры политической системы и института власти достойны поддержки со стороны их этнической группы. Стратегические решения, принимаемые этнической группой и проявления этнического конфликта, по большей части, являются ответом (реакцией) группы

на способность государства, режима и правительства сохранять легитимность»¹.

В бывшем Советском Союзе этничность выступала в качестве политического маркера, но она рассматривалась и как ресурс власти, и как аргумент в пользу политического доминирования этнической группы. Принятая большевиками на вооружение доктрина этнического национализма, которую они стали реализовывать сразу после завоевания власти в России, исходила из двух положений. Во-первых, каждая этническая община должна иметь собственное национально-государственное образование, статус которого определяется численностью общности и некоторыми другими параметрами. Во-вторых, на территории национально-государственного образования этническая общность объявляется коренной, а все остальное население некоренным. Представители «коренной нации» имеют особые культурные и политические права, точнее, они имеют право на политическое доминирование, которое, как правило, выражается в их непропорциональном политическом представительстве в органах власти данного национально-государственного образования. Эта практика чаще всего не закреплялась в законодательных нормах, но последовательно претворялась в жизнь местными элитами и федеральным центром. Так, руководствуясь названной доктриной, в 1920-х — начале 1930-х гг. советское руководство в национальных регионах проводило так называемую политику «коренизации аппарата». Эта политика была призвана резко увеличить долю «национальных кадров» в органах власти регионов, где проживали преимущественно нерусские народы. «Коренизация» проводилась грубо сверху, но она способствовала формированию в сознании местных элит твердого убеждения, что рычаги власти в «национальных регионах» должны быть в руках представителей «коренных наций», независимо от их доли в составе населения «национально-государственного» образования. Этот принцип считался наиболее важным в «ленинской национальной политики». Политическое руководство СССР, следуя указанному принципу политических элит в национальных республиках и

¹ Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образцы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 106.

автономиях, при необходимости искусственно поддерживало этнический баланс, нарушаемый ходом этнодемографических процессов на той или иной территории. Так, в Республике Коми с начала 1930-х гг. до конца 1950-х произошло кардинальное изменение баланса этнических групп: доля титульного населения республики уменьшилась с 90% до менее трети в общем составе населения республики. Между тем доля коми депутатов в составе Верховного Совета продолжала сохраняться на уровне не менее 50% от их численного состава (ныне имеет место обратная ситуация: доля коми депутатов составляет 13% в составе Государственного совета, а доля коми в населении республики — 25%). То же самое имело место и в других республиках.

Особенно строго принцип этнизации политической элиты соблюдался в союзных республиках. В результате здесь сформировались этнополитические кланы, которые лишь условно подчинялись союзному руководству, соблюдая формальные признаки лояльности. Вертикальная политическая мобильность для членов этих кланов не стала массовой, что приводило к замыканию связей внутри республиканских политических элит. Став самодостаточными политическими формированиями, республиканские элиты могли сохранять лояльность центру до тех пор, пока сохранялась тоталитарная система правления и имелась реальная экономическая выгода в связях с центральной властью. Как только тоталитарный контроль ослаб, а экономический кризис сделал иллюзорной массивную финансовую помощь центра, этнизированные элиты под националистическими лозунгами опрокинули власть союзного центра. Сходные явления можно было наблюдать в Югославии и Чехословакии, где элиты республик, став самодостаточными, уже не хотели делиться властью с федеральным центром и начали борьбу с ним, взяв на вооружение доктрину этнического национализма.

Этнократизация власти в стране на основании особых политических прав титульного или автохтонного этноса (коренного народа в российской интерпретации) в наиболее яркой форме имела место в Шри-Ланке, где сингалы объявили себя «политически правоверной» этнической общностью, а свой язык — единственным государственным языком. На основании особых прав они захватили все рычаги политической власти в стране и ограничили возможности для участия в политической жизни

тамилов, ссылаясь на их якобы иммигрантское происхождение. Это привело к гражданской войне, которую часто называют этнополитическим конфликтом.

Не менее показательны процессы нацистроительства, которые имели место в государствах, возникших на постсоветском пространстве. Новые независимые государства приняли свои конституции, которые имели формально-демократический характер и декларировали равенство прав и свобод своим гражданам. Но фактически в одних странах установился режим этнической демократии, а в большинстве — различные версии авторитарных режимов. Идеологической базой этих государств, обоснованием установившегося режима власти стала политизированная этничность. Так, в постсоветских странах Среднеазиатского региона менее русифицированные слои титульной интеллигенции, получившие статус хранителей национальных культур, активно обосновывали необходимость приоритетов для титульных этносов в политической и культурной сферах. Неслучайно даже там, где русские составляли значительную часть населения и имели прочные позиции в социальной иерархии, русский язык не получил статуса государственного, а сами русские, близкие к ним этнические группы и русифицированная часть местной интеллигенции стали вытесняться с прежних позиций. К примеру, на севере Казахстана, где неказахское население численно доминировало, местные администрации были сформированы преимущественно из казахов, а в составе высшего руководства страны все ключевые должности были отданы представителям титульного этноса.

Дискриминация нетитульного населения в странах Средней Азии имеет многочисленные формы. Ответом на попытки установить политическую гегемонию титульного населения стала волна миграции из этих стран в Россию и в некоторые другие страны (немцы выезжали в массовом порядке в Германию).

В этнизированных государствах, в каковые превратили среднеазиатские страны их власти и национально ориентированная интеллигенция, **этничность является дополнительным или даже основным ресурсом власти, опорой и способом удержания властных полномочий.** Этничность является также инструментом политической и культурной конкуренции, ибо для занятия постов в местных и центральных органах власти

важны не только и не столько деловые качества, сколько этническая принадлежность, личная преданность руководителям, родственные связи с ними.

Издержки этнизации власти

Метаморфозы этнизации власти на постсоветском пространстве особенно показательны на Украине, которая, казалось бы, связана с Россией многочисленными и прочными узами. Амбиции политического руководства бывшей союзной республики не только привели к нелегитимному демонтажу СССР, но и способствовали культивированию среди политической элиты и в массовом сознании особой украинской идентичности, которая понималась как единственная база нациестроительства. Украинцы, говорящие на украинском языке, национальная интеллигенция и многие представители политической элиты после обретения государственной независимости включились в дискуссию об «украинскости». Этноориентированная часть населения, прежде всего на западе страны, стала подчеркивать особые права титульного населения, идеологи «украинскости» назвали русских колонизаторами, что напоминало заявления эстонских и латышских политиков. Творцы новой украинской идентичности объявили украинцев восточным бастионом европейской культуры, а Россию — страной, находящейся за ее (европейской культуры) пределами (прежде такая позиция высказывалась немецкими идеологами в отношении поляков, а польскими идеологами — в отношении украинцев).

Казалось бы, весомая доля русских на Украине и большая украинская диаспора в России, значительное число русскоговорящих украинцев и широкие родственные связи между жителями Украины и России должны естественным образом подталкивать власти к сбалансированной этнокультурной политике, но реальность оказалась иной. Логика нациестроительства заставила власти реализовывать иной сценарий этнополитики. Паритетный русско-украинский национализм практически не менял бы ситуацию, сложившуюся еще в советские годы, и не позволяли бы сделать «украинскость» реальной идеологией и реальной перспективой нациестроительства, ибо русский язык и русская культура имели преимущества (до сих пор печатные

СМИ, которые являются коммерчески успешными и имеют самые крупные тиражи на Украине, издаются на русском языке) и конкурировать с ними на равных украинскому языку и культуре было сложно.

Поэтому русский так и не получил статуса государственного языка, число русских школ стало резко сокращаться, все официальные печатные издания и телеканалы перешли на украинский язык, начался «пересмотр» истории, древнерусские князья Рюриковичи и летописец Нестор были названы украинцами, а украинский писатель Гоголь (писавший на русском) был исключен из числа украинских литературных классиков. Хотя сторонники украинской ориентации получали свои политические дивиденды, влияние русской общины и русскоязычных украинцев на власть оставалось существенным. Явная проукраинская ориентация первого президента независимой Украины Л.М. Кравчука привела его к поражению на очередных президентских выборах, поскольку доля русских и русскоговорящих украинцев в совокупности пока еще доминировала над остальным населением, а отказ от прочных связей с Россией воспринимался значительной частью населения Украины болезненно и без энтузиазма. Победил на этих выборах Л.Д. Кучма, и главным образом потому, что его считали настроенным пророссийски.

Его поддержала коалиция русских и русскоговорящих украинцев. Л.Д. Кучма не только собирался укреплять и развивать связи с Россией, но и обещал предоставить государственный статус русскому языку на Украине. Однако избранный как русскоязычный кандидат, Л.Д. Кучма также по ряду причин ориентировался на формирование «украинскости» и сам говорил исключительно на украинском языке, не решившись принять на вооружение концепт двуединой и двуязычной нации. Отчасти это произошло из-за опасений потерять голоса радикальных националистов, оплотом которых являются западные области Украины. Иными словами, завоевав политический ресурс русских и русскоговорящих, Кучма постарался привлечь на свою сторону и политический ресурс националистически настроенной части украинцев. В какой-то мере это ему удалось, и потому Л.Д. Кучма был переизбран на второй срок, но завоевать прочные политические позиции он не смог, ибо этническая опора его власти была расплывчатой и неоднозначной.

В результате, попытки украинских властей и националистически настроенной элиты сформировать и узаконить понятную и пользующуюся поддержкой большинства населения стратегию нациестроительства, внедрить в сознание идею гражданской нации успехом не увенчались. Отчасти это произошло потому, что изначально слишком весомая роль отводилась собственно этнической составляющей в формировании украинской нации. Именно этноцентристский уклон расколол Украину на противостоящие политические лагеря в ходе президентских выборов 2004 г. Президент Ющенко рядом своих решений не только не способствовал национальной консолидации, но еще более усугубил раскол внутри украинского общества.

Эстонские и латышские политики, взяв в годы перестройки курс на восстановление независимости своих стран, могли добиться этой цели, только отобилизовав титульное население на поддержку этнонациональных идей и обеспечив политическую лояльность русскоязычных общин, доля которых в Эстонии составляла более 30% населения, а в Латвии — около 40%. Поэтому на начальных этапах борьбы за государственную независимость эстонские и латышские политики, за исключением крайних радикалов, откровенно заигрывали с неэстонским и нелатышским населением, обещая им права гражданства и равный статус с эстонцами и латышами после восстановления независимости. В составе народных фронтов, сформированных в этих республиках, были созданы «русские» секции и отделения, которые стали мощными союзниками в борьбе за демократизацию и независимость. Интердвижения, которые, напротив, выступали за сохранение Латвии и Эстонии в составе СССР и опирались главным образом на нетитульное население, оказались политически слабыми и недостаточно организованными. Большинство русских в Латвии и Эстонии ощущали себя частью местных сообществ и по ментальности отличались от русских из российской глубинки. Поэтому на референдумах о национальной независимости большинство русского населения Эстонии и Латвии поддержало идею создания самостоятельных государств.

После того как Эстония и Латвия обрели государственную независимость и получили международное признание, русскоязычное население Латвии и Эстонии было лишено граждан-

ских прав и объявлено негражданами, что означало их полное исключение из политической жизни этих стран и ограничение многих других его прав. Такие действия властей объяснялись слабой интегрированностью русскоязычного населения в местный социум, незнанием латышского и эстонского языков, местной истории и сильными «промосковскими симпатиями». Для быстрого и эффективного проведения денационализации в экономике, становления рыночных механизмов и успешной интеграции в сообщество западных стран эстонские и латышские политики сочли необходимым шагом исключение русскоязычных общин из политической жизни и создание мощных защитных барьеров между титульным населением и остальной частью жителей новых государств. Эти барьеры были политическими, законодательными и культурными. Реализацию в жизнь идеи этнически разделенного общества обеспечивали полная политическая гегемония эстонцев в Эстонии и латышей в Латвии, законодательное закрепление статуса неграждан, идеологическое конструирование культурных барьеров, причем нередко с помощью мифотворчества.

Так, еще в годы горбачевской перестройки в Эстонии возникли мифы о языках, один из которых обосновывал нежелание эстонцев изучать русский язык, а второй демонстрировал языковой нигилизм русских. Согласно первому, который пытались обосновать некоторые психологи, обучение ребенка в раннем возрасте второму языку пагубно отражается на его интеллектуальном развитии. Абсурдность этого мифа доказали сами эстонцы, в массовом порядке начавшие обучать своих детей английскому языку после обретения независимости.

Второй миф гласил, что русские не стремятся к интеграции в эстонское общество и их познания в эстонском языке очень слабы, что эстонцы гораздо лучше знают русский язык, чем русские в Эстонии эстонский. Действительно, на северо-востоке Эстонии в некоторых городах доля эстонцев была мизерной, и там практически невозможно было услышать эстонскую речь. В Нарве эстонцы составляли всего 5% населения города (что неслучайно, ибо город довольно долго был подчинен Санкт-Петербургской губернии), в Силлампяэ эта доля была еще ниже, в Кохтла-Ярве также полностью доминировало русское население. В этих городах мэры в советскую эпоху всегда были

русскими. Но эстонский язык и история края преподавались во всех русских школах, и в целом знание эстонского языка среди русского населения было не менее глубоким, чем знание эстонцами русского. Эстонский не знали совсем или знали плохо только поздние мигранты в Эстонию из внутренних областей РСФСР, Украины и других республик, которые были в явном меньшинстве.

Эстонские радикалы активно культивировали политический миф, будто русские — имперский народ, который генетически не приспособлен к демократии. И с этим были связаны заявления о моральной ответственности русских за злоупотребления советского режима, в том числе и массовые депортации. Новейшая история Эстонии также мифологизировалась и пересматривалась. Бойцов эстонского легиона СС, воевавших на стороне Германии, представляли борцами за свободу Эстонии, на которых не лежит ответственность за военные преступления. Участие эстонцев в войне на стороне Германии рассматривалось в героико-патриотическом духе. При этом ни один политик или историк не вспоминал о том, что на территории Ленинградской, Псковской и Новгородской областей именно эстонская военная полиция участвовала в карательных операциях против партизан, занималась расстрелами, организовывала репрессии против мирного населения, что полицейские грабили местное население, а их родственники приезжали из Эстонии, чтобы увозить награбленное добро.

Идеология разделенного общества на долгие годы предопределила этнонационалистическую направленность политических процессов в Эстонии и Латвии. Неслучайно, сами творцы этой идеологии и те, кто осуществлял ее практическую реализацию, несмотря на международное давление, до сих пор противятся смене правил политической игры. Очевидно, что натурализация русскоязычного населения Эстонии и Латвии, которая фактически уже произошла, и предоставление гражданских прав русскоязычному населению не приведут к окончательной гражданской консолидации в странах Балтии, но могут кардинально изменить политический ландшафт, к чему многие политики не готовы. Коллективная травма унижения группового достоинства, которую нанесли значительной части населения своих стран эстонские и латышские националисты,

будет давать о себе знать многие десятилетия, и политическая конкуренция, и исход борьбы различных политических сил за власть в этих странах будут сильно зависеть от симпатий и антипатий этнических общин, от их поддержки различных политических сил. Политики, сделавшие себе карьеру на том, что были «профессиональными» эстонцами или латышскими, скорее всего, покинут политическую арену, но этнизация политических процессов сохранится.

Этнический фактор в политической жизни российских регионов

В постсоветской России, как и во многих других постсоветских странах, этничность играла весьма важную роль в политике, и прежде всего в политических процессах на региональном уровне. Распад СССР и ослабление федеральной власти в России усилили значение и политическое влияние региональных элит, а политическое реформирование внесло серьезные коррективы в процесс их становления.

Первоначально этничность служила идеологическим обоснованием для политического дистанцирования от федерального центра и для оправдания лозунгов суверенизации. «Парад суверенитетов» 1990–1991 гг. был первым решительным наступлением региональных элит под флагом этничности на полномочия центра. Следующим шагом стало правовое закрепление отвоеванных полномочий, которое осуществлялось через принятие конституций и других законодательных актов. В этих документах юридическая логика нередко подменялась логикой политической, а точнее, этнонационалистической, превращая законодательные акты в политические декларации. И наконец, третьим шагом региональных элит стало перераспределение политической власти в регионах в пользу «государствообразующих этносов», т.е. этнократизация власти. Так, в Государственном совете Татарстана в 1990-е гг. 75% депутатов составляли татары, в то время как их доля в населении республики составляет половину; в ил-тумене (парламенте) Республики Саха (Якутия) доля якутов достигала 73%, хотя их удельный вес в населении республики был 37%; в хурале Тувы тувинцев было свыше 80%, а в составе населения республики — 64%; в Башкортостане среди

депутатов доля башкир в Законодательной палате республики (нижняя палата) была 57%, тогда как в общем составе населения она составляла 22%. Среди глав местных администраций и министров республиканских правительств в названных республиках полностью доминировали представители титульных этносов.

Перераспределение властного ресурса в пользу титульных групп трудно осуществить, опираясь только на волеизъявление граждан. Один из крупных западных специалистов в области этнополитики, Дж. Родшилд, отмечал, что правлению этнических чужаков в переломных и проблемных ситуациях представители данного народа всегда предпочтут правление этнических соплеменников, но это предпочтение еще нужно реализовать на практике. В российских республиках, которые практически все полиэтничны, принцип «голосуй за своих» не работает автоматически. Здесь поддержка представителей титульной этнической общности нередко навязывается с помощью различных механизмов политического манипулирования голосами избирателей, их мнением и т.д. Для обеспечения этнической солидарности используется также механизм запугивания, конструирования гипотетических угроз, которые якобы нависли над «нашей нацией» или «нашим суверенитетом» («центр собирается расколоть татарскую нацию», «нас собираются лишить своей государственности» и т.п.).

Если в Татарстане большинство населения стабильно голосовало за президента М.Ш. Шаймиева, то это был выбор не по этническому признаку, а скорее, выбор харизматического политического лидера, который, по мнению избирателей, лучше других способен решить проблемы республики и при этом не допустить чрезмерной политизации этничности, остановить национал-радикалов. Между тем, М.Ш. Шаймиев был всегда умеренным сторонником татарского национализма, и потому опору своей власти видел прежде всего в татарском электорате, хотя как политик прагматического толка декларировал стремление к достижению баланса этнических интересов в республике.

Создание условий для политической гегемонии одной этнической общности над остальными в рамках данного национально-государственного образования осуществляется путем избира-

тельной кадровой политики этнических лидеров, посредством различных форм оттеснения одних кандидатов и создания искусственных преимуществ для других в конкуренции за выборные должности, через деформацию выборных процедур и т.д. Нередко избирательные округа «нарезаются» таким образом, чтобы обеспечить преимущества кандидатам титульной национальности и ограничить возможности избрания кандидатов, представляющих другие этнические общности.

К примеру, в Республике Коми долгое время существовала система, при которой депутаты Госсовета избирались по двум типам округов — территориальным и административно-территориальным. Первые имели примерно равную численность избирателей и не нарушали федерального законодательства и демократического принципа выборности. Вторые округа имели границы, совпадающие с административным делением республики (подобная система использовалась и в Татарстане). Таким образом, получалось, что 200 тысяч жителей Воркуты приравнивались, к примеру, по правам к 17 тысячам жителей сельского Сысольского района. Учитывая, что в Сысольском районе в населении преобладали коми, получалось, что голоса представителей титульной группы были более весомы, чем голоса остального населения республики. Эта практика была противозаконной, ибо по федеральному законодательству численность избирателей в округах не может различаться более чем на 10%. Подобная нарезка округов гарантированно обеспечивала коми солидное представительство в республиканском парламенте. Как только система округов была сформирована в соответствии с требованиями законодательства, так сразу доля коми депутатов в Госсовете республики уменьшилась втрое. При этом надо признать, что, хотя связь между этническим составом населения избирательных округов и выбором избирателей оказывается очевидной, нередко округа с одним этническим составом населения выбирают депутатов другой этнической принадлежности. Поэтому искусственные преимущества для одной из этнических общин только искажают картину реальных политических предпочтений и ограничивают возможности для политической состоятельности, а значит, и для демократического выбора.

Данное заключение можно проиллюстрировать и на примере Дагестана, где этническая мозаичность населения очень высока, а политический выбор затрудняется не только сложным этническим составом, но и земляческими связями, клановыми интересами и другими факторами. На первых выборах в Госдуму РФ в декабре 1993 г. по Буйнакскому избирательному округу, который охватывает весь исторический горный Дагестан, на финишную прямую вышли по одному представителю от аварцев, кумыков, лезгин и лакцев, что, казалось бы, свидетельствовало в пользу обычного представления о предвыборной стратегии, ориентирующейся на национальность. Однако самый сильный из претендентов на депутатское место, даргинец Гамид Гамидов, помимо названных конкурентов, представлявших основные дагестанские этнические сообщества, имел своими соперниками еще двух даргинцев, отказавшихся снять свои кандидатуры и тем самым облегчить ему путь к победе. Даргинские конкуренты Гамидова оттянули на себя не менее четверти голосов даргинских избирателей. Тем не менее Гамидов получил 45,3% голосов в округе, где доля даргинцев составляет всего 21% населения. На выборах в Государственную Думу РФ в 1996 г. по Махачкалинскому избирательному округу сложилась другая не менее примечательная ситуация. Здесь четыре авторитетных аварских лидера помешали друг другу победить на выборах, и депутатом с 27% голосов стал представитель малочисленного лакского народа Надир Хачилаев.

Не менее показательные примеры есть и в других российских республиках. Так, первым Президентом Марий Эл на волне суверенизации был избран мариец В. Зотин. Но к концу первого президентского срока (1996 г.) он полностью утратил свой политический авторитет и пытался использовать в борьбе за президентское кресло этнические аргументы как главный инструмент предвыборной борьбы (в частности знание претендентами государственных языков республики). Но это не помогло. Марийское и русское население республики дружно проголосовало против В. Зотина (он получил лишь 10% голосов), а за его основного соперника, русского В. Кислицина, была отдана почти половина всех голосов (47%). На последующих выборах марийские кандидаты уже не пользовались заметной поддержкой населения.

Обратная ситуация сложилась в Республике Коми, где доля титульного населения почти в два раза ниже, чем в Марий Эл. В 2001 г. русского Ю. Спиридонова, который руководил республикой 13 лет, сменил коми В. Торлопов. Спиридонов проиграл и в сельских коми районах, и в городах, где полностью доминирует русское население. Территориальное сообщество в целом уже не доверяло прежнему лидеру и желало перемен, а наиболее сильным соперником был спикер Коми парламента В. Торлопов, за которого и проголосовали избиратели. Стоит заметить, что Торлопов дважды избирался в состав Госсовета республики в столице Коми городе Сыктывкаре, а не в сельских коми районах, как некоторые другие этноцентричные политики.

Этничность, конечно, является важным политическим ресурсом. Ее активно эксплуатируют политики для завоевания и удержания власти. Но в полиэтничных странах и регионах политические ресурсы этничности не безграничны. Эти ресурсы могут возрастать в кризисные и переходные эпохи, когда группа ищет политическую опору в культурно близкой среде и в лидерах, с которыми солидарны не только в политическом плане, но и в этнокультурном. В демократически устроенном сообществе и в толерантной среде разыгрывание этнической карты может, наоборот, нанести непоправимый ущерб политику или общественному лидеру.

Этничность становится востребованной политиками на начальных этапах государственного строительства или после восстановления государственной независимости, когда идет активный поиск государственной идеологии и государственных символов. В иное время значение этничности может ослабевать, но всегда существуют возможности ее актуализации как реакция местных сообществ на ущемление их интересов или как форма социального протеста. Другими словами, **этничность не является постоянной величиной в арсенале властных элит.**

Культура и политика насилия

Власть и насилие нередко рассматриваются как взаимосвязанные явления. Одной из прерогатив власти является обладание монополией на легитимное насилие. Но феномен насилия

не связан только с властью, он имеет глубокие исторические корни и свое культурное измерение. Неслучайно в этологии (науке о социально-биологических корнях и формах человеческого поведения) агрессии и насилия являются ключевыми¹.

Для нашей дисциплины значение имеет анализ вооруженного насилия в его организованной и групповой форме. Именно этот вид насилия больше всего беспокоит современный мир и умы специалистов. Одна из причин кроется в том, что ушедший XX в. стал веком, в котором, как никогда в предыдущие столетия, люди убивали себе подобных по причине расовых, классовых, этнических и религиозных различий. Пожалуй, никогда ранее в истории даже самые позитивные по своим целям социально-политические движения, особенно за «самоопределение» разного толка, не придерживались так рьяно и последовательно принципа насильственной борьбы и не оправдывали насилие столь изошренно. «В поиске морального оправдания в жерлах стреляющих пушек насилие придает смерти характер ритуальной жертвы, превращает мучения в доказательство. Когда смерть становится мерилom преданности благородному делу, даже жертвы становятся соучастниками насилия, если они принимают это как некую историческую необходимость. Это один из путей обрести политическому насилию свою легитимность»², — пишет Д. Эптер во введении к коллективному труду, посвященному проблеме современного политического насилия.

Мы хотим обратить внимание именно на возможности социально-культурной антропологии в объяснении насилия и в определении легитимности этого феномена как феномена человеческой культуры. Традиционно антропологи подходили к изучению проблемы насилия как к одной из характеристик «примитивных» или нецивилизованных обществ, либо форм девиантного, асоциального человеческого поведения. Ученые стремились определить своего рода правила или законы существования и проявления насилия как части культуры. В классической антропологии оно трактуется зачастую как определенная социальная функция. Именно *функционалистский подход*

¹ Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека / Под ред. М.Л. Бутовской. М., 2006.

² The Legitimization of Violence / Ed. D.E. Apter. L., 1997. P. 1–2.

рассматривает такие социальные институты, как набеги и межплеменные войны, в качестве связующей функции, которая проявляется в общих нормах и ожиданиях, даже если внешне они носят разделяющий характер. Насилие часто интерпретируется как своего рода объективная данность социального существования человека, которую общество должно уметь контролировать и подавлять. Этот подход лежит в основе психоанализа Зигмунда Фрейда, социологии Эмиля Дюркгейма, антропологии Марселя Мосса (дар как средство избежать войны). Социальная данность насилия составляет одну из основ концепции государства как монополиста на отправление легитимного насилия.

С точки зрения социобиологов, насилие напрямую связано с генетической природой человека. Например, на основе этологических подходов к изучению агрессии в животном мире некоторые исследователи пришли к выводу, что агрессия — это состояние человека, свойственное ему постоянно. Именно с этой чертой человека связано развитие оружия и организация войн, хотя человеку несвойственна (в отличие от других живых существ) биологически неконтролируемая агрессия. Этот подход почти безоговорочно отвергнут современной наукой.

Другим влиятельным подходом в антропологической интерпретации насилия был экологический, который связывает состояние человеческих коллективов с природными ресурсами и их доступностью. Так, например, известный американский антрополог Рой Раппапорт, ссылаясь на материалы изучения Новой Гвинеи утверждал, что демографическое давление приводит к конфликтам, смысл которых — в перераспределении населения на доступной земле. Позднее работы Раппапорта и Вайды были положены в основу анализа карабахского конфликта российским ученым А.Н. Ямсковым. Однако только соперничеством за ресурсы или другими «природными» факторами этот крайне идеологизированный и манипулируемый конфликт, а тем более демонстрируемую в нем жестокость рядовых насильников и изошренность действий представителей элиты, объяснить невозможно.

Между сторонниками социобиологических и этологических подходов шла длительная дискуссия о причинах войн среди амазонских племен, которая так и не привела к какому-либо

консенсусу¹. Коллективное насилие, и прежде всего набеги и войны, активно изучалось в контексте становления ранних форм государственности и централизованных политических систем в целом. Здесь большой вклад внесли отечественные ученые, и следует признать как общий вывод то, что насилие было своего рода «повивальной бабкой» ранних государств и даже недавних исторических эпох. Труднее согласиться с позицией, согласно которой насилие обеспечивает стабильность государств в современном мире, на что справедливо обращают внимание многие авторы. К общим выводам можно отнести следующие положения: **характер насилия по своей первичной природе скорее коллективистский, а не личностный; насилие социально, а не асоциально или антисоциально; оно культурно конструируется и всегда культурно интерпретируется.** Эти положения были подтверждены авторами, полевыми исследованиями среди североирландских экстремистов, жертв межрелигиозных столкновений в Индии, пострадавших от войны в Шри-Ланке, жертв войны в бывшей Югославии и др.

Новейшие подходы позволили разделить всеохватывающий феномен насилия по нескольким параметрам. Во-первых, это культурная обусловленность самих норм и понятия, что есть насилие. Ибо разные общества и традиции, а также разные ситуации делают границы насилия размытыми: то, что в одной культуре есть безусловное насилие, в другой — вполне терпимая и даже приветствуемая норма. Во-вторых, насилие имеет как бы две сферы: одна связана с телом и причинением физической боли или смерти, другая — с так называемым символическим насилием.

В социальных науках часто смешиваются понятия «насилия» и «агрессии». Последнее — это преимущественно сфера изучения этнологов и психологов, для которых насильственное поведение есть проявление и доказательство существования особого внутреннего состояния, называемого агрессией. В частности, военные действия часто трактуются как демонстрация агрессивных проявлений со стороны человека. Однако едва ли возмож-

¹ В зарубежной науке была острая и длительная дискуссия вокруг книг и фильмов антрополога Наполеона Шагнона о латиноамериканском племени яномамо, которым он приписал природную жестокость, наиболее ярко выраженную в феномене «охоты за черепами».

но установить наличие агрессивных чувств у пилота, который сбрасывает бомбы с большой высоты, выполняя боевое задание. Здесь имеет место насилие, но не обязательно как проявление агрессивности. Скорее, агрессия как чувство и как поведенческий мотив больше проявляется со стороны объектов насилия в отношении попавших в плен летчиков, которых, например, чеченские комбатанты почти всегда физически уничтожали как наиболее ненавистных противников. Во многом сходное отношение было и к американским летчикам, сбитым над Северным Вьетнамом во время вьетнамской войны, и неслучайно насилие по отношению к ним стало сюжетом многих американских фильмов.

Война — это прежде всего социальное, а не психологическое явление. Агрессия — это, скорее, нанесение физического и любого другого страдания с целью подчинения или доминирования над противником. Проявление насилия — это результат тех ценностей и смыслов, которые существуют в данном конкретном обществе. Чтобы понять и объяснить насилие, необходима не столько цельная теория, сколько анализ сходных или различных культурных (социальных) условий, которые порождают то, что в данном обществе и в данный момент считается насильственным поведением. Только в таком контексте можно ответить на вопрос: почему в одних регионах бывшего СССР или в российских этнотерриториальных автономиях (республиках) произошли насильственные конфликты вплоть до масштабных войн, как в Карабахе и в Чечне, а в других (тоже анклав, тоже депортированные, тоже в состоянии кризиса, тоже многоэтничные и т.п.) сохраняется мир и межэтническое согласие?

Решающим моментом в объяснении насилия и конфликта является само понятие *контекста* как методологического условия, которое в свою очередь вытекает из признания первичности конкретной социальной ситуации в интерпретации человеческих институтов и поведения. Главное — это изучение в различных социальных средах человеческих реакций и действий в ответ на общие проблемы. Иными словами, необходим анализ того, как появляется и проявляется каждая конкретная ситуация насилия в том или ином обществе.

Насилие рано или поздно заканчивается. Этим насилие радикально отличается от состояния мира, которое в силу своей

функциональной естественности длится долго, а иногда — очень долго: некоторые общества и общины не знают насилия и войны с момента их оформления как социальных коалиций.

Почему насилие, которое может длиться долго, носить циклический и обоюдный характер, все же сходит на нет или целиком замещается позитивной кооперацией бывших врагов? Что делает насилие длительным и сохраняет возможность его возобновления или повторения (циклы насилия)?

Насилие может быть подавлено или остановлено, но не устранено как часть дискурсивной практики, а значит, и всегда потенциально готовой деятельности. По наблюдениям одного из авторов учебника, в ноябре 1998 г. ненависть хорватов к сербам переключалась с поля боя на уровень вербального и графического насилия. Хорватские ученые-антропологи называли сербов не иначе как «современные фашисты», «варвары», «тупые шовинисты и империалисты». Улицы хорватских городов были исписаны профашистскими (ушастскими) и ультранационалистическими лозунгами явно антисербской направленности. Тем самым некогда внутриобщинное (внутригражданское) насилие между хорватами и сербами в Югославии обрело дополнительную форму межгосударственного противостояния. Интенсивность (точнее, накал или потенциал) насилия не стала меньше по сравнению со временем, когда оно имело открытую форму вооруженной борьбы.

Без говорения о конфликте и без его объяснения, а также без первичного насилия как акта речи сам конфликт и физическое насилие невозможны, хотя спорадическое насилие или его единственный акт вполне возможны.

Акт речи, или слово, — крайне важный элемент насилия. Словесная подготовка вооруженного сопротивления в Чечне началась с его вербальной легитимации, когда был взят на вооружение лозунг «национальной революции» или «национального самоопределения» и целый набор идеологических постулатов о «геноциде», «народоубийстве» и «имперском господстве России». Шагом к насилию были некоторые литературные произведения чеченских авторов, многочисленные публикации местных и московских историков и других обществоведов, переводные сочинения, националистическая литература из других регионов СССР, которые пестовали трагико-драматический

или героический облик чеченской истории и зывали к «восстановлению исторической справедливости», к реваншу. Тиражом 10 тысяч (!) экземпляров вышли в Грозном брошюры о русском в чеченском плену, о горском оружии в Кавказской войне и др. На научных конференциях, посвященных разным деятелям «национально-освободительного движения», звучала не только мифологическая апологетика прошлого (пришедшая на смену советской цензурной версии), но и откровенные призывы продолжить начатое в прошлые века дело освобождения. Причем наиболее откровенно формулировку такого призыва посмели взять на себя зарубежные эксперты — давние борцы с коммунизмом и «русским империализмом».

Связь между вербальным и прямым насилием носит причудливый характер. Тот, кто производит субъективные предписания к насилию или создает морально-доктринальную аргументацию, сам, как правило, не воюет. Рекрутирование исполнителей насилия происходит из другой среды, а иногда даже из членов другой группы или профессионалов бизнеса насилия (неслучайно возник и термин «рынок насилия»). Этой средой чаще всего являются сельские молодые мужчины или городские маргиналы. Именно так обстояло дело в Шри-Ланке, Ольстере, среди латиноамериканских **геррильяс** и других рядовых участников «движений», «революций» и прочих коллективных насильственных действий.

Для эскалации насилия важно сконструировать образ врага. Применительно к чеченской ситуации полезно сослаться на ряд высказываний самих участников конфликта, которые были зафиксированы одним из авторов учебника в ходе исследования. На вопрос, обращенный к информанту Саиду: «Кто были враги?» — тот дал следующий ответ, описывая ситуацию до ввода российских войск в декабре 1994 г.:

«А кто их разберет. Поначалу это были оппозиционеры. Враги Джохара, а значит, и мои враги. Потом мы с Лабазановым долги вышибали. Те тоже были враги Джохара. Были фраера: им дадут нефть на продажу, а они шатают деньги и — на дно. А то и возражать пробовали. Но мы их доставали. Даю тебе слово, мы бы и Мамадаева с Мараевым доставали. Но президент не дал команды. Это были враги — рискованные ребята. При деньгах, спортсмены, некоторые даже чемпионы. Однако

же жадные. Одно слово — фраера. Потрясли мы их. Мне даже кровную месть объявили, и не одну. Поэтому мне без оружия никуда. Потом оппозиционеры пошли. Это народ жидкий. Все больше начальники, преподаватели-интеллигенты — артисты, одним словом. Они на митингах выпендривались, изображали из себя. А мы их на кассету засняли и потихоньку выдергивали из домов. Бывало, тряхнешь его, а его кондрашка колотит. Потом пошли притеречные чеченцы. Эти тоже оппозиционеры. И хоть тогда Джохар не послал меня с отрядом, я сам пошел. Мы были при нескольких орудиях. Поставили мы их на хребте. Тут один завопил, что не желает стрелять по чеченцам, что за это нас проклянут. Но мы его урезонили. Правда, большого дела не получилось. Попалили мы из пушек, пару постов сняли. Ну, они и разбежались. Потом они (в ноябре было дело) поперли на танках в город. Мы заранее знали их маршрут, и мы сидели в засаде, аж в самой станице Петропавловской. Но это так, для форсу. Мы с самого начала знали, что это концерт».

Из массы свидетельств, в том числе последовательных дудаевцев, только немногие содержали однозначную апологетику случившегося. Правда, в этом случае апологетика войны была упрощенной, без ссылок на доминирующие лозунги «справедливой войны за независимость» или «национальной революции». Речь шла главным образом о газавате (священной войне) на том ее этапе, когда чеченцам пришлось защищать себя, свои семьи, свои жилища.

Среди чеченцев распространена версия войны как мистического заговора корыстных людей, прежде всего лидеров, с целью обмануть народ разными лозунгами и обещаниями, «разозлить чеченцев». Как сказал один из информантов, «это была самая грязная, самая преступная и отвратительная из всех войн, о которых мне доводилось читать. И в других войнах верхушка нередко продавала свой народ и наживала баснословные прибыли на народной крови. Здесь же человек чужой народу и по происхождению, и по вере, и по воспитанию, и по образу жизни, и по языку сумел, подобно сирене, увлечь, оглушить, обольстить и обмануть большую часть народа. Он увлекал его за собой, подобно крысолову из сказки, и топил его в собственной крови. Он закапывал его под обломками собственных жилищ. И при этом в каких анналах истории можно найти такой народ,

который вели на убой и который при этом рукоплескал своему идолу, слагал о нем вирши, вознося его выше пророков? Какой сюрреалист мог придумать такое?»

Другой свидетель событий сказал следующее:

«Я все бьюсь над одним вопросом: а стоило ли ради того, чтобы привести во власть всяких ничтожеств, проходимцев, стоило ли разрушать республику, убить тысячи людей? Что это за суверенитет и национальная свобода, если за них надо платить такой дорогой ценой? Да я даю вам голову на отсечение, я даже опрос проводил: 99% населения не знает, что такое суверенитет и никогда не считало СССР империей. А уж чеченцы разъезжали по шабашкам по всей стране. На своем опыте знаю, что простому народу всех наций не нужны суверенитеты, пока не довели дело до войны. Вот ведь парадокс для историка. Народ не хотел, не собирался, а политики заставили людей убивать друг друга. Да, видимо, правду говорят, что история ничему не учит».

Чеченское общество сделалось (вернее, позволило себя сделать) заложником малой части протагонистов насильственного сценария и довольно мощной когорты участников новых геополитических соперничеств, осуществляющих глобальную «декоммунизацию» и «деколониацию», а также «деисламизацию». Даже окончание первого раунда войны в 1996 г. не позволило освободить чеченское общество от избранного не им самим бремени передового отряда борцов против «последней империи». События в Чечне после 1999 г. подтвердили, что возможно не только тотальное циклическое насилие (т.е. как историческое продолжение предыдущего), но и утрата способности общества оказывать влияние на этот процесс. Более того, мы имеем основания говорить, что расхожие метафоры «народ всегда прав» и «простые люди всегда против войны и насилия» должны подвергнуться некоторой корректировке. Возможны ситуации, когда насилие навязано большинству населения вооруженным меньшинством и воинствующими политиками, но при этом широкие круги населения соучаствуют и извлекают определенную выгоду из практики насилия. Трудно поверить, что масштабная практика захвата и использования заложников и пленников-рабов в современной Чечне происходила без участия не только некоторых высших чеченских лидеров, но и

многих рядовых граждан. Другими словами, на примере Чечни мы имеем ситуацию, когда значительная часть общества, пребывающего в состоянии конфликта и социально-политического кризиса, оказалась не жертвой, а участником и исполнителем насилия.

Какие в подобных случаях возможны воздействия и противодействия укоренившейся и почти ставшей легитимной для местного сообщества практике насилия? Одним из наиболее вероятных вариантов — внешнее вмешательство миронавязывания со стороны государства. Это наиболее распространенный и наиболее легитимный вариант, который в последние десятилетия применялся почти повсеместно в мире и с разной долей успеха.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое этнополитическая легитимность?
2. Какова роль этничности в современных государствах?
3. Охарактеризуйте роль этничности в постсоветских странах.
4. Политизированная этничность в российских республиках.
5. Назовите способы политической манипуляции этничностью.
6. Каковы подходы к объяснению природы насилия?

Литература

1. Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006; Т. 2. Политическая культура и политические процессы. СПб., 2007.
2. Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. М., 1992.
3. Бурдье П. Социология политики. М., 1993.
4. Губогло М.Н. Развивающийся электорат России: Этнополитический курс. Т. 1. М., 1996.
5. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1997.
6. Даидамиров А. Национальная идея и этничность. М., 1996.
7. Дробижеева Л.М. Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики // Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.
8. Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образцы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
9. Евзеров Р.Я. Нация и национальная идея // Форум 2004. Нация и мир. М., 2004.
10. Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. Власть // Политические исследования. 1997. № 3.
11. Луман Н. Власть. М., 2001.

12. Понарин Э.Д., Мухаметшина Н.С. Национальные проблемы на постсоветской территории: Уч. пособие. СПб., 2001.
13. Савоскул С. Этнополитические ориентации и гражданская идентичность населения Украины // Вестник Евразии. 2002. № 2 (17).
14. Теплов Э.П. Политическая власть. СПб., 1993.
15. Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1989–2004. 2-е изд. М., 2005.
16. Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М., 2003.
17. Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. М., 2003.
18. Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология: Уч. пособие. М., 2002.
19. Чиркин В.Е. Публичная власть. М., 2005.
20. Этнические аспекты власти. СПб., 1995.
21. Этничность и власть в полиэтничных государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1994.
22. Rotshild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N. Y., 1981.

Глава 10

Ассимиляция, мультикультурализм и экстремизм в этнополитике

Ассимиляторская модель этнополитики

Ассимиляторская модель этнополитики предполагает культурную гомогенизацию общества, формирующегося из разнородных в этническом, расовом, религиозном отношении групп населения, превращение его в некую целостность, основанием которой становятся общие гражданские идеалы и общие культурные стандарты. Этническая идентичность в результате такой политики замещается гражданской идентичностью, и последняя становится важнейшим социальным маркером при культурном и политическом позиционировании личности. Наиболее ярким примером ассимиляторской модели этнополитики является модель, долгие годы господствовавшая во внутренней политике Соединенных Штатов Америки. В свое время президент Джон Кеннеди назвал американский народ «нацией иммигрантов», и именно это определение показывает суть тех задач, которые стояли и стоят перед политическим руководством этой страны.

Очевидно, что огромный поток иммигрантов, за счет которого многие десятилетия и даже столетия формировалось население США, создавал угрозу того, что государство превратится в некое механическое объединение иммигрантских общин, каждая из которых будет жить по своим внутренним законам, исповедовать свои идеалы, ориентироваться на свои культурные нормы, проявляя лишь внешнюю лояльность общегосударственным институтам.

Для формирования целостного государственно-политического сообщества помимо общих политических институтов необходимы были общие идеалы, ценности, культурные стандарты и, главное, социальный механизм, при помощи которого эти ценности, идеалы и стандарты превращались бы в личностные социальные ориентации большинства населения и прибывающих в страну иммигрантов.

На начальном этапе ценности и идеалы Америки сводились к простой «этнокультурной формуле»: белый американец англосаксонского происхождения, исповедующий протестантизм (white anglo-saxon protestant). На этот идеал (WASP) и должны были ориентироваться многочисленные иммигранты, прибывающие в страну. Иммигрантам следовало освобождаться от своей собственной этнической культуры и стараться приблизиться к указанному культурному идеалу. Данная теория уподобления англосаксам (anglo-conformity) была не единственной, и даже нельзя сказать, что она абсолютно доминировала. Наряду с ней возникла теория «плавильного котла», которая была более прогрессивной, поскольку не предполагала превосходства одной этнической группы над другими. Теория «плавильного котла» провозглашала консолидационный процесс основным направлением развития американской нации и отрицала сегрегацию этнических или конфессиональных меньшинств. Лозунг «Америка — плавильный котел» позволял выступать против одного из основных пороков американского общества — расовой дискриминации. Но теория «плавильного котла» была сформулирована в общей форме, что не исключало существования в ее рамках альтернативного варианта интеграции — ассимиляции иноэтничных мигрантов англосаксами.

Теория «плавильного котла» неслучайно была рождена американской общественной мыслью. Она явилась своеобразной реакцией на особенности массовой иммиграции в Америку во второй половине XIX в. На протяжении трех десятилетий (1861–1890) среди иммигрантов из материковой Европы наибольший процент составляли выходцы из Германии. В то время как переселенцы из других стран расселялись дисперсно и довольно быстро ассимилировались на новой родине, немцы смогли сформировать довольно сплоченные общины с лютеранскими приходами. Католики немецкого происхождения из США также обратились к римской курии с просьбой организовать деятельность католической церкви по национальным приходам. Их движение получило название «кахенслизм». Рост влияния немецкой общины встревожил американские власти, и они стали поощрять идею «плавильного котла».

На рубеже XIX–XX вв. стало очевидно, что ассимиляционные процессы среди немцев-иммигрантов набирают силу, а новая

волна иммигрантов из стран Южной и Восточной Европы изменила ситуацию в пользу «старых мигрантов», которые смогли занять в американском обществе более прочные социальные позиции. Деятельность многих немецко-католических обществ стала угасать, а немецкие общины — все очевиднее размываться. Такая ситуация укрепила идеологов американизации и сторонников теории «плавильного котла» в верности данной модели этнополитики. И хотя затем анализ ситуации, имевшей место в старых и новых иммигрантских группах, показал, что интеграционные процессы сложны и неоднозначны, от самой идеи «плавильного котла» не отказывались, а предлагали лишь несколько иные трактовки ее содержания.

Пересмотр концепции начался в 1960–1970-е гг., после того, как страну потрясли негритянские волнения, когда стало очевидно, что во многих иммигрантских группах происходит этническое возрождение, углубляются межэтнические границы и процесс культурной интеграции далеко не очевиден. В 1964 г. был принят «Акт о гражданских правах», а в 1965 г. «Иммиграционный акт», которые не только препятствовали дискриминации по расовому признаку и дискриминации иммигрантов, но и способствовали ослаблению влияния англосаксов в Америке, привели к усилению восприятия афроамериканцев как особой этнорасовой группы со своим особым статусом. Усилению мультикультурных тенденций в американской этнополитике способствовало принятие под воздействием требований испаноязычных американцев в 1968 г. «Акта о двуязычном образовании». Этот акт несколько раз пересматривался в сторону расширения прав билингвов. В средних учебных заведениях США были введены двуязычные образовательные программы, по которым ныне обучается значительная часть иммигрантов. Стали усиливаться поиски новой модели интеграции, и все большую популярность завоевывали концепции культурного плюрализма. Сам процесс американизации стал образно подаваться американскому общественному мнению не как «плавильный котел», а как «салат» или «винегрет». Огромную роль в новом восприятии американского общества и процесса американизации сыграли изменения в этническом составе населения США, и прежде всего южных штатов, где испаноязычные

жители образовали крупнейшую этническую общину. Идеологи американизма теперь заявляют, что интеграция нации не требует полной ассимиляции этнических общин, и они могут сохранять свои культурные особенности, если разделяют основные ценности американского общества.

Новый взгляд на структуру американского социума выразился в том, что в ходе переписи населения 2000 г. в программу переписи была внесена новая этническая категория испаноамериканцев или “Hispanic”. Вместе с тем базовые идеи теории «плавильного котла» отнюдь не ушли в прошлое, и в конкретной политической практике именно они определяют характер взаимодействия власти и этнических общин. Так, к примеру, в некоторых южных штатах, прежде всего в Калифорнии, где испаноамериканская этническая группа стала крупнейшей, появились требования сделать испанский язык официальным языком штата, но эти требования были отвергнуты англоязычным большинством на референдуме, и доминирование английского языка во всех общественных сферах сохраняется. Более того, влиятельная часть либеральных интеллектуалов настаивает на том, что культурное разнообразие — это «не судьба Америки» и его надо преодолеть. Особенно усилились такие настроения после 11 сентября 2001 г., и ныне они доминируют в общественных настроениях американцев, включая значительную часть политической элиты.

Любопытно сравнить высказывания двух американских президентов. В 1915 г. в своем обращении к новым гражданам профессор права и один из наиболее известных американских президентов, Вудро Вильсон, говорил о том, что настоящим американцем нельзя стать, продолжая себя считать членом той или иной группы, ибо Америка — это не совокупность этнических групп. Американцем может стать лишь тот, кто олицетворяет себя с нацией американцев. В начале XXI в. в своей инаугурационной речи выходец из семьи потомственных политиков Джордж Буш также заявил: «Америку никогда не объединяла кровь, происхождение и почва. Нас связывают идеалы, которые побуждают к великим свершениям, возносят над повседневными заботами, учат, как быть гражданами»¹. И первый чернокожий

¹ Инаугурационная речь Джорджа У. Буша. URL: www.vrade.com.

президент США Барак Обама, вступая на свой пост, тоже традиционно говорил о единстве американцев, о единстве нации.

Американский гражданский национализм, который был положен в основу взятой на вооружение в США модели этнополитики, сыграл огромную позитивную роль в деле формирования американской нации. Очень точно это значение определил британский ученый Анатолий Ливен: «Американский гражданский национализм на протяжении всей истории играл очень позитивную роль. Американские ценности: конституция, приверженность закону, американские институты — все это, безусловно, позволило объединить и удержать нацию. Проповедуемые ценности воспринимались как специфически американские и в конечном счете сформировали до определенной степени религиозное восприятие Америки как “города на холме”, то есть Америки как лучшего государства на земле. Это очень националистическая идея. Америка ощущает себя неким примером для других стран — это лучшая демократия, лучшие общественные институты, лучшие законы в мире. Эта вера сыграла для Америки очень позитивную роль. Она помогла объединить ее различные части, она дала возможность ассимилировать огромные потоки чрезвычайно разных эмигрантов, приехавших туда. Из последних достижений — этот национализм позволил осуществить политическую интеграцию в американское общество чернокожих, латиноамериканцев и азиатских меньшинств. Таким образом Америке удалось пройти путь от демократии для немногих до великой цивилизационной империи, как Рим или Китай. И представление о том, что такое — быть американцем, расширилось. Теперь это любой, кто верит в проповедуемые американские ценности, а для этого совершенно не обязательно быть белым англосаксом и протестантом»¹.

Аналоги американской концепции «плавильного котла» были идеологическим основанием этнополитики во многих латиноамериканских странах. Здесь уровень интегрированности этнических и расовых групп существенно выше, чем в США, и поэтому в массовом сознании укоренилось убеждение о много-

¹ Быков П., Власова О. Хороший плохой национализм // Эксперт. 2005. 16–22 мая. № 18 (465). С. 90. Об американском национализме см.: Lieven A. *America Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism*. N. Y., 2004.

этническом и многорасовом происхождении местных территориальных сообществ, и о естественности такого пути развития. Наибольшей проблемой для местных сообществ являлась интеграция в эти сообщества индейского населения Латинской Америки, которое в культурном плане существенно отличалось от доминантного большинства. Но общей целью являлась полная ассимиляция индейцев. К примеру, в крупнейшей стране субконтинента Бразилии до принятия федеральной Конституции 1988 г. числиться «индейцем» официально означало: занимать переходное, временное состояние. На протяжении всей истории страны, начиная с того момента, когда были официально сформулированы принципы отношений государства и индейских общин (в 1910 г. была создана Национальная служба защиты индейцев, преобразованная ныне в Национальный индейский фонд), политика, направленная на полную интеграцию индейцев в бразильское общество и превращение их в белых, была доминирующей. В последние годы благодаря усилиям этнологов и антропологов все громче раздаются голоса в защиту прав индейцев, о сохранении их культурной самобытности, и в этом направлении предпринимаются специальные правительственные меры.

Другой пример ассимиляторской модели этнополитики показывает Франция. В отличие от США здесь основной состав населения сформировался не из мигрантов, а из тех групп населения, которые исторически проживали на территории страны, хотя в последние десятилетия доля мигрантов в составе жителей страны неуклонно растет. Франция, как и подавляющее большинство других стран, не представляет в этнографическом плане некой целостной культурной области. Отдельные ее провинции и исторические области довольно длительное время развивались самостоятельно, а среди регионов, чье население и поныне в большинстве своем состоит из представителей этнических общностей, отличных от французов, следует назвать Фландрию, Эльзас, Мозель, Корсику, французскую Каталонию, Бретань.

Тем не менее уже более двух столетий идея французской нации строится на том, что во Франции есть только французы, которые говорят лишь на французском языке. «Французский язык

является единственным языком школьного обучения», — было указано в министерском постановлении от 7 июня 1880 г., регламентировавшем модель устройства начальных школ. В последней Конституции, принятой в 1992 г., было однозначно указано: «Языком Республики является французский язык». Не только изучение, но даже пользование региональными языками в школах страны долгое время не только не разрешалось, но и жестко пресекалось. В результате число носителей региональных языков стремительно сокращается. В Бретани, например, в начале XX в. бретонским языком владели 1,2 миллиона человек, а сейчас таковых осталось лишь 250 тысяч.

Франция — жестко централизованная страна, и региональные сообщества не пользуются какой-либо автономией, включая культурную. Более того, местные бюджеты не располагают достаточными средствами для сколь-нибудь серьезной поддержки местных культур. Попытки Эльзаса, Бретани и некоторых других провинций добиться расширения своих полномочий и сохранить культурно-языковую специфику провалились, чему отчасти способствовал тот факт, что местные националисты сотрудничали с немецкими оккупационными властями в годы Второй мировой войны.

Хотя история формирования Французского государства представляется процессом последовательного присоединения различных провинций, а затем и поглощения мощных иммиграционных волн, Франция не воспринимается ни ее населением, ни элитой как многокультурная страна. Политика культурной и политической унификации принесла свои плоды, ибо сегодня Франция является довольно консолидированным сообществом, в котором нет жестких противоречий между этническими и расовыми группами, между центром и регионами. Подавляющее большинство современных жителей Франции называет себя французами, хотя при этом они могут сохранять и этническую идентификацию, т.е. называть себя французом и бретонцем, французом и эльзасцем одновременно, отдавая приоритет гражданской идентификации. Вместе с тем, стремление к сохранению культурного своеобразия этнических анклавов сохраняется и порой приобретает острые формы. Примером тому является корсиканское движение, которое возникло в 1960-е гг. и до сих пор находится в открытой конфронтации с

центральным правительством, хотя и не имеет серьезных политических перспектив.

Беспорядки в иммигрантских кварталах французских городов осенью 2005 г., казалось, поставили под сомнение ту модель этнополитики, которую исповедует Франция уже два столетия. Но, пожалуй, наиболее точно современные проблемы Французской Республики были охарактеризованы российским этнологом Еленой Филипповой: «Проблема не в том, что иммигранты и их дети не чувствуют себя французами, а в том, что общество порой не считает их таковыми. Проблема не в том, что принцип “одна страна — один народ — один язык” плох, а в том, что он не до конца соблюдается. Введение “позитивной дискриминации”, предлагаемое некоторыми, не решит проблему, поскольку сохранит сам принцип неравенства. Достаточно вместо этого непримиримо и последовательно бороться с классической, “негативной” дискриминацией и не уповать на привилегии и льготы, предоставляемые отдельным категориям населения»¹.

И отнюдь не случайно волнения в «цветных» пригородах французских городов приняли столь масштабный характер. К примеру, безработица среди французов иностранного происхождения в два раза выше, чем в среднем во Франции (для французов алжирского происхождения она достигает 35%, для французов португальского происхождения — 12%). Проблема трудоустройства по специальности для выпускников французских вузов алжирского происхождения стоит намного острее, чем для лиц собственно французского происхождения, и подобных примеров немало.

Тем не менее универсалистский характер республиканской программы позволяет каждому, даже тем, кто лишь недавно получил французское гражданство, заявлять и отстаивать свою полную принадлежность к нации. В противоречие с республиканскими принципами вступит тот, кто будет отказываться французу североафриканского либо любого другого происхождения в его «французскости»².

¹ Филиппова Е. Что происходит во Франции // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. Сентябрь — октябрь. № 63. С. 8.

² Дьяконов К.Б. Особенности интеграции этнических и конфессиональных меньшинств во Франции // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 87.

Интеграция «новых» французов во французское общество осуществляется довольно успешно, о чем можно судить по данным социологических исследований. Как правило, дети иммигрантов называют себя в первую очередь французами, а этническое происхождение является лишь дополнительным культурным определителем: «я француз и алжирец», «франко-алжирец»... Тем не менее бунты 2005 г. привели к тому, что во Франции заговорили о «мультикультурализме по-французски» и в правительстве Саркози впервые ряд министерских постов заняли «цветные» французы, а на культурные различия стали обращать больше внимания и общество в целом, и власти.

Жесткая ассимиляторская модель этнополитики практикуется в Турции. Основанная в 1923 г. Турецкая Республика с самого начала придерживалась принципа «одна страна — одна нация», но в качестве основы этой нации рассматривались только турки, а не полиэтничное сообщество в целом. Все притязания нетурецких народов на культурную самобытность жестко пресекались. Так, преподавание истории, языка турецких курдов, которые и ныне составляют около 20% населения страны, было запрещено, а сами курды объявлены «горными турками». Любые попытки отстоять свое культурное своеобразие объявлялись сепаратизмом, языки меньшинств по статусу приравнивались к иностранным, а сами представители меньшинств дискриминировались при получении работы, продвижении по службе и т.д.

Итогом такой политики стали и массовые переселения представителей этнических меньшинств (например, греков), и открытое сопротивление насильственной ассимиляции. В частности, курды еще в 1930-х гг. начали партизанскую войну, которую возглавил шейх Саид. Эта война унесла уже десятки тысяч жизней и не завершилась до сих пор. Рабочая партия Курдистана, которая объявлена террористической организацией, продолжает вооруженную борьбу против центрального правительства и выступает за создание турецко-курдского федеративного государства. Ассимиляторская модель, основанная не на взаимном стремлении этнических сообществ к интеграции и не допускающая культурной автономии меньшинств, ведет не к гражданскому согласию и интеграции, а к усилению сепаратизма, что

со всей очевидностью продемонстрировал характер взаимодействия между турецким государством и курдами. Впрочем, стремление Турции стать полноправным членом Европейского сообщества побуждает правящие круги страны менять акценты и в этнонациональной политике. К примеру, в 2009 г. было объявлено о создании специального курдского телеканала.

Однако при всех издержках ассимиляторская модель имеет свои очевидные позитивные стороны, ибо стратегия на последовательную и глубокую интеграцию иммигрантов, равно как и внутригосударственная консолидация культурно отличных сообществ, являются важной составляющей в процессе формирования стабильных и процветающих государств.

Мультикультурализм

В современном мире одной из моделей этнополитики, которой следуют многие иммигрантские и полиэтнические страны, является мультикультурализм. **Мультикультурализм — это особая форма либеральной идеологии, содержанием которой является интеграция различных этнических и расовых групп в единое сообщество при сохранении и официальной поддержке их культурной самобытности. Иными словами, мультикультурализм есть исповедуемая властями той или иной страны доктрина единства в многообразии, ставящая своей целью гармонизацию взаимодействия между различными этническими и расовыми составляющими государства на основе общих ценностей при сохранении культурной автономии общин.**

Мультикультурализм есть такая форма этнополитики, при которой нетитульному населению нет необходимости идти на вынужденные культурные потери (ассимиляцию) для бесконфликтного сосуществования с доминантным большинством или замыкаться в гетто, чтобы сохранять групповую идентичность и не подвергаться дискриминации. Мультикультурная ориентация закреплена в Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (1995), в Лундских рекомендациях Совета Европы (1999) и других документах. С 1990-х гг. проблемы мультикультурализма стали обсуждаться в России, были предприняты по-

пытки реализации принципов мультикультурализма в практике федеральной и региональной этнополитики.

В государствах, избравших данную модель этнополитики, в школьном образовании и в социальном законодательстве подчеркиваются выгоды плюрализма, а в массовом сознании последовательно формируется представление о чрезмерно дорогой цене, которую вынуждено платить общество в случае распространения в нем этнорасовых предубеждений и дискриминации меньшинств. Культурное разнообразие поддерживается не только посредством пропаганды и школьного воспитания, но и через изменения в социальных институтах (в политической сфере, образовании, здравоохранении и т.д.). Наиболее важен не декларативный принцип мультикультурной политики, а реальная практика его реализации в конкретных условиях той или иной страны. Именно здесь возникают сложности и появляются серьезные опасности для государственной целостности.

В политической практике принципы мультикультурализма раньше других стран стала реализовывать Индия. Уже в 1950 г. она приняла Уонституцию, в которой было закреплено культурное многообразие страны, и при этом ее политическая система строилась на принципах западной демократии. Индийский союз признает языковое многообразие населения: официальными языками федерации являются хинди, английский и еще полтора десятка языков, которые имеют официальный статус в штатах, где эти языки доминируют. В индийских школах обычно преподавание ведется на трех языках: основное обучение ведется на официальном языке штата, и в дополнение к нему изучают английский и хинди. В Индии также признается религиозное многообразие населения: статус нерабочих дней имеют пять индуистских, четыре мусульманских, два христианских, один буддийский, один джайнистский и один сикхский праздник. Государство склонно поддерживать правовой плюрализм, признавая роль и нормы юридических институтов различных общин. Кроме того, в Индии составлен официальный реестр племен и каст, для которых резервируются места в общенациональном парламенте.

Первой страной, которая официально провозгласила мультикультурализм государственной политикой, стала Канада. Это

произошло в 1971 г. Суть канадской модели мультикультурализма состояла в том, чтобы через специальные программы и службы оказывать поддержку этнокультурным ассоциациям и помогать меньшинствам в преодолении препятствий, которые мешают их полноценному участию в жизни канадского общества. В 1982 г. мультикультурализм стал конституционной нормой благодаря принятию «Канадской хартии прав и свобод» и затем целого пакета специальных законов, направленных на поддержание уважения к различным культурам и их полноценное функционирование. В Канаде, в отличие от США, не пропагандировалась идея «плавильного котла» или какая-то другая ассимиляторская модель, понятие нации в политическом лексиконе местных элит не получило широкого распространения, а само канадское общество долгое время формировалось как некое сообщество этнических и лингвистических общин, сохранявших свои культурные особенности.

Канада как малонаселенная страна испытывала постоянную потребность в притоке иммигрантов, причем эта потребность не ослабевает. Ежегодно в страну въезжает на постоянное жительство четверть миллиона человек, 16% современных канадцев родились за пределами страны. В последние два десятилетия половину общего потока иммигрантов составляли выходцы из стран Азии, которые в основном оседали в больших городах. Канадское общество отличается весьма высоким уровнем этнической мозаичности. Примерно пятая часть жителей имеет французскую идентичность и столько же отмечают свое «британское» происхождение, затем следует группа с «европейской» идентичностью (поляки, украинцы, итальянцы, португальцы), представители которой, тем не менее, имеют ясное представление о своих этнических корнях. Довольно значительна группа канадцев, которые указывают на свое азиатское и африканское происхождение, около двух процентов заявляют о себе как о «коренных канадцах». Около одного процента называют себя «чернокожими», есть группы, которые артикулируют свою латиноамериканскую идентичность, а также группы, указывающие на свое родство с населением островов Карибского бассейна. При этом треть населения указывает на то, что обладает смешанной или множественной идентичностью.

Иммиграционное законодательство в стране крайне либерально. Чтобы ходатайствовать о получении гражданства, необходимо прожить на канадской территории три года, не допуская при этом правонарушений, а также устно заявить о лояльности к конституции страны и показать определенное знание истории страны. Владение языком в перечень обязательных условий для получения гражданства не входит, не требуется и отказа от предыдущего гражданства. Правовой статус иммигрантов, не ходатайствующих о получении гражданства, такой же, как и у граждан. Интеграции канадского общества призваны содействовать и сугубо формальные признаки, благодаря которым уроженца страны не отличить от нового ее гражданина: ни паспорт, ни свидетельство о гражданстве, ни другие документы не содержат сведений о происхождении и дате получения гражданства канадца. Это позволяет устранить возможность спекуляций по «национальному» признаку или «цензу оседлости».

Идеология мультикультурализма настолько доминирует в сознании канадских политиков, что даже консерваторы, выступающие за ограничение иммиграции, стараются не акцентировать внимание избирателей на данной проблеме из-за опасений быть обвиненными в расизме. Тем не менее, скрытая ксенофобия, антисемитизм, расизм существует и в канадском обществе. Да, и сама политика мультикультурализма именно в Канаде была поставлена под вопрос. Во франкоязычном Квебеке местные сепаратисты использовали идею культурного плюрализма для внедрения в политическую практику откровенно этноцентристских и ассимиляторских моделей. Права автономии были использованы для того, чтобы установить в провинции полное культурное доминирование франкофонов и объявить войну английскому языку. На французский язык было переведено все делопроизводство, с указателей на улицах, с вывесок магазинов и с товарных ярлыков исчезли английские эквиваленты французских названий, на всех предприятиях, где работают более 50 человек, единственным языком общения был объявлен французский. Ущемлению в правах подверглись не только англоговорящие жители, но и франкофоны, не имеющие теперь права выбирать язык обучения для своих детей, которые обязаны посещать только французские школы. В результате часть англоговорящих была вынуждена покинуть провинцию.

Другая проблема возникла в связи с тем, что мультикультурная политика на практике отступила от либерального принципа предоставления равенства возможностей для граждан страны. Иммигранты, которые должны интегрироваться в канадское общество, делятся на ряд групп, среди которых под особой опекой властей находится «видимое меньшинство». Выходцы из Пакистана, Индии, Китая и других стран, которые его составляют, при трудоустройстве получают лучшие шансы, чем «невидимые» меньшинства, состоящие из малоимущих граждан европейского происхождения. Стремление руководствоваться во внутрисоциальной политике неким желанием восстановить «историческую справедливость» в отношении представителей народов, которые пострадали от колониальных стран, и предоставить им компенсации за притеснения предков на деле оборачивается получением неоправданных привилегий для потомков и скрытой дискриминацией других групп. Отдавая предпочтение групповому принципу реализации прав в ущерб индивидуальным правам, политики игнорируют социальное расслоение внутри меньшинств, которые неоднородны в имущественном, финансовом, образовательном и других отношениях. Социальные лидеры этих групп, имеющие неплохое образование, материально вполне обеспеченные, получают дополнительные конкурентные преимущества на рынке труда и в ряде других общественных сфер, а социальные низы нередко не получают никаких преимуществ. Следствием реализации названного варианта политики мультикультурализма становится не усиление интеграции общества, а его фрагментация на конкурирующие между собой этнические сегменты. При этом не только не происходит сближения между этническими группами, но и усиливается этническое расслоение на индивидуальном уровне, т.е. усложняются условия для межличностных коммуникаций.

Швеция официально приняла мультикультурализм в 1975 г., в основе шведской модели лежат три принципа: одинаковый уровень жизни для групп меньшинств и остального населения страны; свободный выбор между этнической идентичностью и шведской культурной идентичностью; партнерство, подразумевающее обеспечение таких взаимоотношений в профессиональной сфере, которые позволяют каждому пользоваться пре-

имуществами, предоставляемыми совместной работой. Кроме того, в Швеции право на участие в общественной жизни распространяется также на неграждан и существует специальный статус иностранца, имеющего право жить в стране, т.е. узаконенная форма «полунатурализации». Найдено решение, позволяющее предоставить автономию народу саами, территория традиционного обитания которого разделена между Финляндией, Швецией и Норвегией. Для этой цели названными странами совместно был создан Совет по делам саами.

Весьма показательным примером сильных и слабых сторон политики мультикультурализма является австралийская политическая модель, реализуемая в последние десятилетия. До 1970-х гг. в Австралии господствовала, по существу, ассимиляторская модель формирования государственной общности. Формировавшееся за счет мигрантов население страны, несмотря на его этническую пестроту, в основном состояло из переселенцев с Британских островов и из европейских стран. Поэтому до середины XX в. здесь проводилась политика «белой Австралии» и существовали законодательные ограничения для въезда в страну представителей неевропейских народов. Общеавстралийское культурное пространство по образу жизни и доминирующим культурным ценностям представляло собой периферийную модель британской культуры.

Все изменилось после Второй мировой войны, когда растущей австралийской экономике потребовались в большом количестве дешевые рабочие руки. Началась трудовая иммиграция из азиатских стран, о социальных последствиях которой на начальном этапе мало задумывались. К 1960-м гг. иммигрантские сообщества заняли весомое место в этнодемографической структуре населения страны. Однако процесс адаптации и ассимиляции новых меньшинств в общее сообщество оказался не таким успешным, как предполагалось. Наметилась реальная перспектива отторжения культурно-отличительных групп от местного социума, появления внутренних барьеров и других негативных социальных явлений. Тогда начался поиск новой формулы австралийского единства, стали дискутироваться варианты развития, допускавшие отход от доминирующего принципа культурно-языковой однородности австралийского общества. В общих чертах Австралия позаимствовала идею мультикульту-

рализма у Канады в 1973 г., когда лейбористское правительство опубликовало документ, носивший название «Мультикультурное общество — общество для будущего».

Новая концепция уже не акцентировала внимание на культурно-языковой однородности, ибо австралийская нация как целое, в котором не будет постоянных меньшинств, стала представляться как идеал, который может быть достигнут лишь в отдаленной перспективе. В современной же австралийской реальности допускалось сохранение в мигрантских группах своих культурных традиций при частичном принятии ими норм доминантного большинства. Предлагалось заменить прежнюю модель общественного устройства моделью многоукладной организации, основанной на мозаике культур различных народов, которые взаимно обогащают и дополняют друг друга. При этом обе ведущие политические партии Австралии (либералы и лейбористы) в вопросе о необходимости утверждения принципов культурного плюрализма в общественной жизни были едины.

Многочисленные официальные документы и программы, принятые в стране в последней четверти XX в., подтверждали твердые намерения политических институтов Австралии поощрять этнические различия как условие будущего развития австралийского общества. Эти документы и программы были подкреплены рядом организационных решений, которые создавали институциональную структуру мультикультурализма. В стране были созданы Министерство по делам иммиграции, мультикультурализма и коренных жителей; Министерство по вопросам гражданства и мультикультуры; Управление по делам мультикультуры и другие государственные институты, ответственные за реализацию политики мультикультурализма. Помимо них, были сформированы соответствующие публично-правовые учреждения, целью которых было содействие образованию на языках меньшинств, помощь семьям, поддержка СМИ, ориентированных на интересы этнических общин и вещающих на их языках. В число таких служб входят Специальная служба радиовещания, Управление по муниципальному культурному развитию, Мультикультурный фонд 200-летия Австралии. Низовой уровень данной структуры представляют органы муниципального управления, которые осуществляют техническую поддержку культурных инициатив, предоставляют помещения

под школы, культурные центры, осуществляют землеотвод под культовые сооружения и т.д.

В 1994 г. для помощи в реализации государственной политики мультикультурализма был создан Национальный консультативный совет по мультикультурализму (ныне — Совет для мультикультурной Австралии). Получателями государственных средств, направляемых на нужды культурного развития этнических общин, стали добровольные объединения этнических меньшинств (ДООМ), которые входят в Федерацию советов этнических общин. Эти организации являются не просто проводниками государственной политики, но и активными ее субъектами, поскольку именно они разрабатывают и осуществляют конкретные инициативы, направленные на сохранение традиций и культурный прогресс общин, защищают права и распоряжаются финансами, выделяемыми на цели культурного развития.

Этот комплекс мер позволил создать в Австралии благоприятные условия для сохранения этнических меньшинств. К примеру, радиотрансляции в стране осуществляются на 68 языках, а телетрансляции — на 60. На начальных этапах реализации австралийской модели мультикультурной политики ее творцы исходили из понимания этнических общин как неких замкнутых фольклорных сообществ, и, по существу, вместо культурной поддержки индивидов, принадлежащих к меньшинствам, происходило конструирование этнических общин. Представление о том, что этнические группы есть замкнутые и относительно однородные сообщества, что члены группы жестко привязаны к ней, заставляло иммигрантов невольно отождествлять себя с тем или иным этническим меньшинством, приводило к их самоизоляции и создавало опасность этнизации социальных различий и отношений. Понимание того, что власти избрали неверную схему реализации модели мультикультурной этнополитики пришло во второй половине 1980-х гг. Этноцентристская схема была пересмотрена и заменена гражданской, которая не предусматривала специальных привилегий этническим общинам в порядке доступа к общественным благам. Австралийским государственным учреждениям теперь вменялось в обязанность ежегодно отчитываться о «равенстве и равнодоступности» в получении государственной поддержки представителям меньшинств.

Сам же мультикультурализм стал рассматриваться с позиции реального равноправия граждан. Приоритет в поддержке этнических меньшинств был отдан обеспечению конституционных прав и особенно прав на социальные блага.

Опубликованная в 1989 г. Национальная программа для мультикультурной Австралии выделила три направления мультикультурной политики — культурную идентичность, социальную справедливость, экономическую эффективность. Первое было нацелено на закрепление за каждым гражданином права на культурную реализацию (в том числе языковую и религиозную). Особо отмечалось, что право на выбор культурной идентичности имеют все граждане. Этничность не закреплялась за индивидами или группами как их неотъемлемое свойство, а рассматривалась как результат свободного самоопределения каждого отдельного гражданина, как его право выбора. Второе — предусматривало предоставление правовых гарантий равенства возможностей и недопущения дискриминации по признаку принадлежности к расе, полу, конфессии и т.д. Третье — предполагало поощрение талантов граждан независимо от их этнического или расового происхождения.

Но культурный плюрализм породил и стремление к политизации этничности. В 1999 г. Совет для мультикультурной Австралии рекомендовал ввести (по аналогии с некоторыми государственными службами) квотирование мест для представителей этнических меньшинств не только в публичных и общественных структурах, но и в образовательных учреждениях, и даже в частном секторе. Рекомендация была отвергнута, но в интересах меньшинств была развернута Программа партнерства в области продуктивного разнообразия, предусматривавшая ряд поощрительных мер для бизнесменов, резервирующих часть рабочих мест в своих компаниях для представителей этнических меньшинств. Мультикультурная модель резко повысила привлекательность Австралии для мигрантов, особенно из стран Азии, и в результате к началу XXI в. 20% ее населения составляют граждане, имеющие азиатские корни. Представители азиатских народов, в отличие от иных иммигрантских сообществ, селятся, как правило, компактно, что придает кварталам австралийских городов типично азиатский колорит.

Однако либеральная культурная политика и обширные программы поддержки иммигрантских общин спровоцировали рост незаконной иммиграции в Австралию, которая создала много проблем и породила стремление не к усилению интеграции, а к обособлению и сохранению режима преференций для этнических меньшинств. Обширные программы поддержки иммигрантских сообществ позволили их членам не только успешно поддерживать свою культурную самобытность, но и практически отказаться даже от формального принятия норм и культурных стандартов нового окружения. В результате, как заметил исследователь австралийской модели мультикультурализма Н. Скоробогатых, «австралийское общество, согласившись на мультикультурализм как путь достижения гармоничного единения, столкнулось с *“сегрегацией наоборот”* — добровольным обособлением представителей этнических групп, поддержанием ими культурной дистанции, приводящей к замыканию иммигрантов в рамках их сообществ, нацеленности на *“свои”* связи, ориентиры и установки, часто далекие от плюрализма и толерантности»¹. Особое неприятие ценностей австралийского общества отмечено в среде мусульманских общин, сформировавшихся из выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока. Имеют место в среде иммигрантов и другие формы религиозной и культурной нетерпимости. Более того, нередко руководители общин преследуют узкокорыстные интересы, не считаясь с интересами самих общин. Все это создает угрозу появления новых культурных и политических границ внутри современного австралийского общества.

Очевидно, что гуманные устремления на формирование из мозаики этнических общин целостного сообщества, объединенного общими целями и демократическими идеалами, труднодостижимы, ибо в реальной практике борьба за сохранение локальных культурных сообществ оборачивается борьбой за льготы и преференции и консервацией культурной дистанции между этническими группами. Мультикультурализм в том виде, в каком его нередко пытаются реализовать сегодня, подрывает принципы равноправия, открытости, демократиз-

¹ Скоробогатых Н.С. Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества? // *Общественные науки и современность*. 2004. № 1. С. 141.

ма и свободной конкуренции. Поэтому он не только ослабляет потенциал саморазвития тех сообществ, которые избирают подобную политическую модель, но может порождать угрозы будущих конфликтов. В этом отношении самая удачная австралийская модель мультикультурной политики не является исключением. Особенно очевидно это стало после расовых столкновений в Сиднее в декабре 2005 г.

Наиболее показателен опыт политики мультикультурализма не на периферии Британского содружества наций, а в самой Великобритании, которая, будучи в течение нескольких столетий крупнейшей колониальной державой, а затем, став политическим, культурным и экономическим центром для бывших колоний, многие годы аккумулировала на своей территории выходцев из них. В результате этническая мозаика населения страны не только разнообразна, но и динамично меняется. Согласно данным переписи населения 2001 г., доля представителей этнических меньшинств в Великобритании за 10 лет выросла на 53%, и их численность возросла с 3 до 4,6 миллиона человек при незначительном увеличении общей численности населения. При этом основу населения, как и прежде, составляют англичане, шотландцы, валлийцы и ирландцы (92% населения). Довольно велика численность потомков межрасовых браков — 677 тысячи человек, или 1,2% населения страны. Среди иммигрантских общин самая многочисленная — это индийцы, их в стране 1 миллион 53 тысячи человек (1,8% населения). Вторая по численности община, которая насчитывает 747 тысячи — пакистанцы. Бангладешцев 283 тысячи, так называемых других азиатов (непальцев, ланкийцев) 248 тысяч. Выходцы из стран Карибского бассейна, или «черные карибы», составляют 1% населения, а «черные африканцы» или «афробританцы» — 0,8%. Индийцы и пакистанцы являются не только крупнейшими, но и наиболее динамично растущими меньшинствами. В конфессиональном отношении этнические меньшинства неоднородны, но среди них наиболее значительны общины мусульман, буддистов, индуистов, сикхов.

В социальном плане многие меньшинства отличаются от доминантного большинства и нередко занимают менее престижным трудом, имеют меньший душевой доход, хотя картина быстро меняется, и среди выходцев из Южной Азии сегодня

более 300 миллионеров, многие из них заняты в мелком и среднем бизнесе, работают врачами, юристами, клерками. Представлены иммигранты и в политическом классе Соединенного Королевства.

Социальному прогрессу представителей этнических меньшинств в британском обществе способствует то, что в течение десятилетий после Второй мировой войны правозащитные организации и политические партии активно боролись против дискриминации этнических меньшинств и расовых групп. В 1965 г. лейбористское правительство приняло закон, который запретил дискриминацию в общественных местах, а в 1968 г. закон был дополнен нормами, запрещающими дискриминацию по признакам расового или этнического происхождения в области занятости, при найме жилищ, предоставлении услуг, кредита и т.д. Для контроля выполнения закона было создано Управление по вопросам расовых отношений. В 1976 г. был принят новый закон против дискриминации, который существенно расширил содержание понятий, характеризующих данное явление. Законом учреждена Комиссия по расовому равенству при Министерстве внутренних дел, в ведение которой был передан контроль выполнения закона и разработка предложений по оптимизации межрасовых отношений на Британских островах. Таким образом, мультикультурализм или культурный плюрализм стал отличительной чертой социально-политической ситуации в Великобритании в 1960–1990-х гг.

Английские исследователи, определяя характер интеграции меньшинств в британское общество (и прежде всего иммигрантов из Азии, Африки и Карибского бассейна), ввели в научный оборот термин «инкапсуляция», который означает, что иммигранты и их потомки в новых местах проживания сохраняют не только специфические черты культуры и быта, свойственные материнскому этносу, но и групповую солидарность, проявляющуюся в стремлении к компактному расселению и формированию этнических кварталов, в специализации на определенных видах деятельности, т.е. локализации жизнедеятельности в пределах замкнутых расовых и этнических общин. Такая этнополитика не решила всех проблем мигрантов: «Многочисленное новое поколение “цветных” британцев стоит перед проблемами социализации и получения образования, которые, — как

пишет И.Ю. Котин, — невозможно было решить путем лишь предоставления этническим общинам автономии»¹.

Сами районы массовой концентрации иммигрантов стали в Великобритании серьезным социальным раздражителем. Здесь неоднократно вспыхивали расовые беспорядки. Как правило, между цветными британцами и полицией довольно напряженные отношения, а общее социальное неблагополучие городов с высокой долей этнических меньшинств приводит к росту среди основного населения этих городов поддержки крайне правых политических организаций типа Национального фронта. Эти настроения среди белой части населения укрепились в связи с ростом мусульманского экстремизма и нетерпимостью исламских богословов, ведущих проповеди в мечетях на территории Соединенного Королевства, к инакомыслию. Особенно ярко это проявилось в связи с выходом «Сатанинских стихов» Салмана Рушди, когда британские мусульмане потребовали запрета книги и даже принимали решения о ее сожжении. Неменьшую обеспокоенность у британцев вызывают столкновения между мусульманами и индусами, которые время от времени происходят в городах страны. Атака на международный торговый центр в Нью-Йорке, война с афганскими талибами и с Ираком, масштабный террористический акт в лондонском метро только усилили нестабильность в межрасовых отношениях. «Азиатов» стали считать главными подозреваемыми чуть ли не во всех беспорядках, предубеждение к ним вновь стало расти.

Британская пресса, а точнее издания, с солидной репутацией, стала помещать на своих страницах статьи, авторы которых пытались переосмыслить стратегию и перспективы политики мультикультурализма в стране. Фактически же речь шла об отказе от данной модели этнополитики, поскольку в публикациях заявлялось, что руководство страны далее не будет терпеть изолированное существование этнических меньшинств в своих анклавах, что от всех граждан будет требоваться знание английского языка и начал доминирующей культуры. В основу новой модели этнополитики положена идея «британскости» (Britishness), что фактически означает признание неспособности одной из старейших демократий мягко адаптировать этни-

¹ Котин И.Ю. Под знаком Брэдфорда. Конец политики мультикультурализма в Британии? // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 139.

ческие меньшинства в британское общество. Но вместе с тем, это говорит о том, что в одном из старейших национальных государств Европы изменилось само содержание понятия нации и даже ее название: не английская, а британская, хотя приверженцев «английскости» и «шотландскости» не стало меньше.

Ныне мультикультурализм в Британии в глубоком кризисе. После терактов 7 июля 2005 г., совершенных в лондонской подземке и на общественном транспорте, и последующих попыток собственных радикальных исламистов повторить террористические акты начались поджоги мечетей в североанглийских городах (где велика доля мусульманского населения). Мечети, медресе, мусульманские организации и культурные центры получили более сотни тысяч писем и электронных сообщений с обвинениями в организации терактов. В некоторых городах, как сообщала полиция, английские подростки оскорбляли на улицах прохожих-мусульман или даже нападали на них. Глава Мусульманского совета Британии (МСБ) Икбаль Сакрани заявил, что мусульманские лидеры готовы принять меры для содействия улучшению взаимопонимания между общинами в условиях кризиса межконфессиональных отношений. Проблема же заключается в том, что радикализованная молодежь, которая может стать базой для терроризма, не прислушивается к умеренным клерикалам, а потому принимаемые МСБ меры вряд ли смогут разрешить возникший в Великобритании кризис.

Многие представители второго-третьего поколения иммигрантов, родившиеся и выросшие в Европе, но не нашедшие своего места в обществе, пытаются найти себя, обращаясь к идеям таких радикальных мусульманских деятелей, как Усама бен Ладен и его сторонники. При этом речь не идет о руководящей и направляющей роли «Аль-Каиды». Местные радикалы действуют автономно, их оперативным резервом становятся тысячи анонимных сторонников радикального ислама. Причем это понимают и в самом английском обществе, а потому ждать от него повышения доверия к иммигрантским общинам вряд ли придется.

Спустя месяц после первых терактов в Лондоне премьер-министр Тони Блэр, по существу, официально «похоронил» британский мультикультурализм, заявив 5 июля, что правила изменились и в страну более не будут впускать потенциально

опасных элементов, а своих радикалов депортируют. Британский закон о правах человека будет пересмотрен, а новые мигранты должны уважать британские ценности и образ жизни.

Среди отечественных сторонников мультикультурализма распространено убеждение, что «мультикультурная форма существования многонациональных сообществ в нашей стране... является объективной необходимостью в условиях роста потоков иммиграции в Россию». Но при этом нередко упускаются из виду такие важные составляющие мультикультурной модели, как гражданское единство и общие культурные ценности. Более того, в многочисленных региональных концепциях государственной национальной политики идея формирования прочных территориальных сообществ, которые станут основой общероссийской гражданской нации, вообще отсутствует. В таких условиях мультикультурализм будет только разрушать устои государства. Западный опыт мультикультурализма показывает, что эти опасения вполне обоснованны, и неслучайно число критиков мультикультурализма не уменьшается, а их позиции в последнее время только крепнут, поскольку противоречия между общинами, противопоставившими себя друг другу, благодаря культурной автономии в рамках существующего государства не исчезают и выливаются во все новые и новые столкновения.

Немалый опыт мультикультурализма накоплен и в России. Собственно, некую разновидность мультикультурализма исповедовали и в Советском Союзе, где наблюдалось сочетание ассимиляторской политики и некоторых элементов мультикультурализма.

Одним из самых удачных считается опыт Татарстана, где принципы и ценности мультикультурализма реализовывались в региональной этнополитике. Культурный плюрализм здесь приветствовался столь энергично, что граждан, даже вопреки их желанию, «заставляли присвоить себе этническое имя как обязательное или относятся к ним с учетом этого невидимого ярлыка»¹. Очевидно, что подобная практика не вяжется с другой

¹ Низамова Л. Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Материалы конференции. Казань, 2–3 июня 2004 г. М., 2005. С. 79.

фундаментальной идеей — идеей культурной свободы. В Татарстане, как и в странах Европы, взявших на вооружение модель мультикультурализма, наблюдается стремление к отказу от конкурентного варианта многообразия и к формированию параллельно существующих общин. Параллельно существующие общества, которые сложились в европейских странах в результате неэффективной мультикультурной политики, вызывают тревогу, особенно в свете провоцируемых конфликтов между мусульманским миром и Западом. Становится очевидно, что интегративные модели еще не исчерпали своего ресурса и требуют более глубокого осмысления.

В Австралии, Британии и в других странах, взявших в свое время на вооружение мультикультурную модель, удалось поддержать культурное разнообразие, но не удалось достичь гражданского единства общества. В этой связи возникает вопрос: а возможно ли в принципе, сохраняя разнообразие, добиться единства общества? Опыт современности пока не дал ясного ответа на этот вопрос, но кое-какие идеи и наработки имеются.

Расизм и геноцид как крайние формы этнополитики

Анализируя позитивные формы этнополитики, нацеленные на внутреннюю консолидацию граждан государства, важно не упустить из виду и такие формы, которые основаны на принципах исключения из социального, правового и культурного поля государства части его граждан по расовым или этническим признакам. Те или иные формы политики исключения имеют место во многих странах мира, в том числе в ряде стран Азии и Африки, в постсоветских государствах — в Латвии и Эстонии (применительно к характеристике политических режимов последних нередко используют термин «демократия исключения»). Но в первую очередь при анализе политики исключения речь должна идти о расизме, геноциде и их разновидностях. Эти проявления этнополитики были наиболее характерны для прошлых эпох, но, к сожалению, полностью с ними еще не покончено.

Что представляет собой расизм? В классическом понимании это такая совокупность убеждений, идеологий и социальных

действий, которая направлена на дискриминацию других из-за их предполагаемой принадлежности к «расовой» группе. Традиционно под расизмом понимается концепция, которая объясняет все различия между людьми их принадлежностью к расе, а сами расы характеризуются ею физическими признаками: цветом кожи, формой носа, разрезом глаз и т.д. Политика, которая строится на биологической концепции расы, допускающей биологически заданные различия между людьми и их способностями, и основана на дискриминации по данным признакам, называется расистской политикой. Расистские идеи возникли еще в XVI в., но первое наиболее последовательное обоснование расистской теории изложено в работе Жозефа Артюра Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас», изданная в 1853 г. во Франции. В этом труде Гобино на материале истории многих народов пытается доказать, что главной и основной причиной различий в исторических судьбах и уровне развития разных стран являются расовые различия. Человеческие расы, по его мнению, различаются между собой не только внешними данными, но и психологическими характеристиками и способностями к развитию и даже усвоению культуры. Низшей расой Гобино считал черную, несколько более развитой — желтую, а высшей и наиболее способной к прогрессу — белую, в особенности ее элиту — арийскую расу.

У Гобино было немало последователей, которые со ссылкой на расистскую теорию доказывали необходимость и даже прогрессивность колониальной зависимости народов от метрополий. Развернутая концепция «политической антропологии» в данном ключе была разработана немецким антропологом Людвигом Вольтманом. В своем труде, который так и назывался «Политическая антропология», он высказал мысль, что социально-политическое устройство общества и его культура зависят от расового состава данного общества. Человеческая история, по Вольтману, тесно связана с историей развития рас, и развитием общества движет конкуренция, в которой выживает сильнейшая раса. Господствующей, т.е. наиболее конкурентоспособной, он считал европеоидную (кавказскую) расу.

Что касается термина «расизм», то он впервые был зафиксирован во французском словаре Ларусса, изданном в 1932 г., и

трактовался как «система, утверждающая превосходство одной расовой группы над другими».

Критика расизма началась практически одновременно с возникновением самой расовой теории, однако она не потеряла актуальности и по сей день. Такие авторы, как Микаэль Бэнтон («Идея расы», 1977), называли расизм доктриной, которая обосновывает устойчивые биологические различия между группами, находящимися в отношениях превосходства и подчинения. Другие авторы, в числе которых Джон Рекс («Раса и этнос», 1986), Мартин Баркер («Новый расизм», 1981) и Роберт Майлз («Расизм», 1989), по-разному характеризовали сущность расизма, отмечая, однако, что в его основе лежат социально созданные категории и обладание определенными характеристиками, причем эти категории могут быть культурными, религиозными, историческими, а не только биологическими или псевдобиологическими.

К модифицированным формам расистских теорий относятся *теории наследственного интеллекта*, согласно которым коэффициент интеллекта, определяемый посредством тестов типа IQ у белых на 15 единиц выше, чем у черных. Сторонниками этой формы расизма являются американские исследователи А. Дженсен и У. Шокли. В Америке расизм служил обоснованием для оправдания института рабовладения, а позднее для дискриминации афроамериканцев и других расовых и этнических меньшинств в политической, экономической и культурной сферах. В Европе разновидности расистской идеологии применялись для придания «законности» колониальной эксплуатации, агрессии против наций и притеснения различных меньшинств. Каждый из примеров проявления расизма, как отмечает Нейл Смелзер, «является выражением **этноцентризма** со стороны господствующей группы, т.к. угнетатели считали себя выше угнетенной группы в биологическом и культурном отношении»¹.

Согласно Бэнтону, расистские идеологии объединяет то, что различия в поведении и строении индивидуумов следует объяснять ими как выражение врожденных основополагающих биологических типов постоянного вида и как различия в культурах человечества. Таким образом, подчеркивалось превосход-

ство европейцев вообще и арийцев, в частности и подводилась база под оправдание различий в социальном положении индивидуумов, принадлежащих к разным типам.

Расизм сыграл ключевую роль в возникновении и политическом возвышении германского фашизма. Идеология фашизма приписывала немецкой нации как «чистой расе» особые права и предписывала уничтожение евреев как расы, находящейся на более низкой биологической ступени развития. В связи с этим главным принципом, на основе которого строилась социальная и политическая иерархия общества, был принцип принадлежности к арийской расе. Все остальные расы не только располагались в основании социальной пирамиды, но и подлежали уничтожению, что было закреплено в так называемых «нюрнбергских законах». В первую очередь необходимо было уничтожить евреев и цыган, затем зачистить от славян захваченные восточные территории. Реализация этой доктрины на практике привела к физическому уничтожению 6 миллионов евреев, 0,5 миллиона цыган и миллионов представителей других народов.

Майлз подчеркивает, что расизм можно обнаружить в довольно большой группе работ, в которых приписывается особое значение генотипическим (наследственным) и фенотипическим (телесным) характеристикам человека с целью создания дополнительных негативно оцениваемых характеристик людей, относимых к данным группам. Такой подход позволяет выстраивать иерархию групп, обосновывать разную степень доступа данных групп к ресурсам, что, по существу, и есть расизм.

Р. Майлз полагает, что надо различать такие понятия, как «расизм» и «**расиализация**». Последний термин, по его мнению, надо использовать в таких случаях, когда социальные отношения между людьми пытаются описывать и трактовать с помощью акцентирования биологических характеристик, которые служат для конструирования обособленных социальных общностей. Этот термин стали применять многие другие исследователи для определения процессов, сущность которых состоит в наделении определенной группы некими устойчивыми расовыми или культурными качествами, превращающих ее в особую категорию, занимающую свое место в уже сложившейся расово окрашенной социальной структуре данного сообщества.

¹ Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 309.

Ряд исследователей справедливо отмечают, что в основе современного расизма так или иначе лежит конструирование неких социальных структур, основанных на дискриминации. При этом конструкты расовых категорий абсолютизируют расовые и культурные различия между людьми, объявляя их естественными или исконными.

Расизм порой предлагается рассматривать как:

- 1) бытовую поведенческую реакцию в отношении людей, принадлежащих к культурно и расово отличной группе;
- 2) политическую программу;
- 3) правовую норму, одной из разновидностей которой является определение гражданства по крови;
- 4) государственную политику (ярким проявлением которой являлась политика апартеида, долгое время сохранявшаяся в ЮАР).

Другие исследователи определяют расизм прежде всего как идеологию, основанную на биологизации культурных общностей.

Между тем, теоретические воззрения на расизм в последние годы были подвергнуты серьезной ревизии, поскольку генетики вполне аргументированно опровергли биологические основы понятия «раса», указав на общие генетические основания человечества. Поэтому теперь расу нередко определяют в терминах культуры. Другие подходы к анализу расовых явлений основываются на сочетании социальных и культурных аспектов в расовой стратификации.

Рассматривая спектр современных подходов к определению рас и расизма, В.А. Шнирельман отмечает: «Западная концепция расы всегда предполагает отношения господства и подчинения, наличие прямой или косвенной дискриминации. Поэтому, по мнению ряда западных специалистов, расовый опыт кардинально отличается от этнического. В России мы имеем дело с иной ситуацией, где именно этнический фактор был десятилетиями сопряжен с той или иной формой дискриминации, сходной с расовой. Поэтому в нашем регионе имеется гораздо больше оснований для предположения о связи расизма с этничностью»¹. Шнирельман, как и многие другие исследова-

¹ Шнирельман В. Расизм в современной России: теория и практика // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад, 2003. М., 2004. С. 30.

тели, полагает, что расизм сегодня эволюционирует и приспосабливается к новой ситуации, он не изжит ни из политической практики, ни из общественных связей, а потому есть все основания говорить о «новом расизме».

Старый или традиционный расизм (называемый еще «дискриминационный» или «универсальный») базируется на стремлении к сохранению доминирующего положения «высшей» расы или цивилизации. Новый расизм подчеркивает групповую (этническую или этнорасовую) идентичность, абсолютизируя ее значение. Ключевую роль в этом подходе играет акцент не на неравенстве, а на несопоставимости и «нестыковке» различных культур, на неспособности их носителей понять и принять друг друга. Сторонники нового расизма борются за сохранение «чистых культур» и культурной самобытности, выступают против какого-либо воздействия на них извне, при этом нередко апеллируют к религии как к базе для выделения культурных общностей и противопоставления их другим социальным сообществам.

В России многочисленные проявления нового расизма стали, по существу, обыденностью: это осквернение могил на еврейских кладбищах, погромы торговцев на рынках, убийства темнокожих студентов и гастарбайтеров. Причины тому кроются главным образом в нечувствительности современного российского общества к расизму и в отсутствии верно выстроенной региональной этнополитики. Причем, как отмечает В. Шнирельман, эта «расовая близорукость» свойственна и российской интеллектуальной элите, и системе воспитания и образования, прежде всего школьного.

Серьезный анализ содержания школьных учебников показывает, что, пытаясь описать современную культурную мозаику, их авторы не только часто грешат вульгарным биологизаторством, не только представляют различия как некую культурную иерархию, но нередко навязывают учащимся «племенные инстинкты».

Другой недемократической стратегией в этнополитике, а точнее, крайней формой преодоления этнических разногласий является геноцид. **Геноцид — это массовое уничтожение членов какой-либо этнической группы или создание усло-**

вий, активно препятствующих ее самовоспроизводству и нормальному существованию.

Доминирующая группа или доминирующие этнические сообщества берут на вооружение геноцид, когда ощущают угрозу своим интересам со стороны другой группы, которую нередко объявляют отсталой (или конфликтогенной, криминогенной и т.д.), не имеющей экономической и социальной ценности и сосуществование с которой считается неприемлемым. Геноцид позволяет решить проблемы межэтнического взаимодействия путем физического устранения конкурирующей этнической группы или путем подрыва ее демографического, культурного потенциала, в результате чего она перестает восприниматься как угроза интересам доминантного сообщества.

В психологическом плане геноцид есть выражение предельной интолерантности (нетерпимости) к иному образу жизни, к другой системе ценностей и норм, другой «картине мира» (этнической и культурной), проявляющееся в агрессии против «других». Как подчеркивают специалисты в области этнопсихологии, «данная агрессия, благодаря действию психологического механизма каузальной атрибуции (приписывания причин) в сознании ее носителей, объясняется “благородными мотивами” и, таким образом, получает статус легитимности на период ее активного проявления».

Политика геноцида осуществлялась на протяжении многих столетий, но особенно широко стала практиковаться с появлением современных национальных государств. Именно идеология раннего национализма, базировавшаяся на формуле «одна нация, одна культура, один язык», приводила к восприятию неассимилированных групп как враждебных и подлежащих исключению из данного национального сообщества. Практика геноцида была широко распространена в колониальную эпоху. Она служила способом решения конфликтов с народами, населяющими Африку, Америку, Австралию, Новую Зеландию. Кроме того, применяя политику геноцида, колониальные державы «очищали» территории для собственных подданных, для своей экономической и культурной экспансии. Массовое уничтожение туземного населения в колониальных странах осуществлялось как силой оружия, так и путем распространения болезней, масштабных перемещений коренных жителей. Сре-

ди акций геноцида Нового времени хорошо известна массовая резня армянского населения Турции в 1915 г. (по сути, акции геноцида имели место вплоть до 1923 г.), когда было уничтожено 1,5 миллиона армян. Последствия этой акции до сих пор осложняют отношения между Арменией и Турцией, а также Турцией и Европейским сообществом. Примером геноцида недавнего времени является уже упоминавшееся массовое истребление народности хуту в Бурунди.

Термин «геноцид» нередко используется этническими радикалами для обоснования своих претензий к доминантному большинству населения, для обоснования своих идей, которые представляются как некая ответная реакция угнетенных этносов на акты геноцида. Так, радикалы из партии «Доръям Асьнымос» («Защитим себя») в Коми заявляют о многовековом геноциде в отношении коми со стороны Российского государства. Вероятно, поэтому в период между первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. и последней переписью населения СССР 1989 г. численность коми возросла на 224% (таких темпов роста численности не было ни у одного другого финно-угорского народа России). Татарские радикалы в свою очередь требуют извинений за «геноцид татарского народа», который при этом является вторым по численности этносом в России и благополучно развивается.

В бывших союзных республиках, а ныне независимых государствах есть исследователи, которые довольно бесцеремонно оперируют понятием «геноцид» для характеристики советского прошлого, а порой и для оправдания нынешних политических реальностей. Так, на международной конференции в Румынии, посвященной 100-летию факультета географии Университета Ясс (Яссы были столицей княжества Молдова три столетия), один из молдавских докладчиков заявил, что в советские годы Молдавия подверглась геноциду, причем геноцид этот нельзя понимать только в классическом его определении, а нужно говорить еще и о политическом, экономическом, культурном геноциде. В духе той же логики летом 2010 г. президент Республики Молдова издал указ, который провозгласил 28 июня Днем советской оккупации, имея в виду дату ввода войск Красной армии в 1940 г. на территорию Бессарабии, отторгнутую от Рос-

сии в годы Гражданской войны и иностранной интервенции. Заметим, что в таком случае речь должна была бы идти об уничтожении политических институтов в Молдавии, уничтожении ее экономики, культуры, но все было как раз наоборот: после образования Молдавской ССР ее политические институты развивались, экономика была в более приличном состоянии, чем ныне, и с культурой дела обстояли вполне благополучно.

К проявлениям политики геноцида в бывшем СССР некоторые исследователи относят депортации и акции насилия в отношении корейцев, греков, калмыков, чеченцев, ингушей, караевцев, балкарцев, курдов и крымских татар.

Но упомянутые депортации, скорее, проявление другой формы политики этнического исключения — политики перемещения. Известны две формы перемещения — добровольные и вынужденные. Самой жесткой формой вынужденного перемещения является насильственное изгнание представителей той или иной национальности или веры с мест их постоянного проживания. Другое название этого феномена — «этническая чистка». К сожалению, история многих стран и регионов, а не только нашей знает примеры вынужденных миграций и насильственных изгнаний. В 1922 г. из Турции на территорию Греции было переселено более 2 миллионов греков. Но столь массовые переселения чаще всего являются вынужденными. Примерами такого переселения можно назвать депортации в годы Второй мировой войны ряда народов СССР (чеченцев, финнов, карачаевцев и балкарцев, калмыков, крымских татар и др.) более 100 тысяч японцев в США, изгнание индийцев из Уганды, депортацию и поселение в гетто греков и турок во время Гражданской войны на Кипре в 1974 г., этническую чистку боснийцев в Сербии и Хорватии в 1992 г. Самое массовое этническое перемещение население состоялось после окончания Второй мировой войны, когда миллионы немцев были депортированы в Западную Германию из Чехословакии, Польши и бывшей Восточной Пруссии.

Проявления геноцида сегодня все менее вероятны, поскольку Организация Объединенных Наций приняла специальную Конвенцию о предупреждении геноцида, и все страны члены ООН являются ныне ее участниками. Однако различные формы

геноцида еще далеко не изжиты ни из практики межобщинного взаимодействия, ни из политической жизни современных государств. Это заставляет исследователей тщательно отслеживать названное явление. С 1999 г. начал издаваться журнал "Journal of Genocide Research", а ныне формируется Международная академия по предотвращению геноцида (IAPG). Угроза массовых перемещений тем не менее остается реальной, ибо в многочисленных зонах межэтнической напряженности зачастую только исход может обезопасить население от угрозы изгнания, т.е. той или иной формы расизма. Полностью исключить такую политику не может даже международное вмешательство с целью предотвращения конфликта, и примером тому служит Косово, откуда продолжается исход сербского населения и цыган.

Как показывает анализ, во многих странах мира отсутствует четкая и последовательная этническая политика, мало того, и международные нормы на этот счет страдают неопределенностью и непоследовательностью.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите основные модели этнической политики и охарактеризуйте их содержание.
2. В чем сильные и слабые стороны ассимиляторской модели этнополитики?
3. Как происходило становление и развитие политики мультикультурализма в разных странах, каковы изъяны этой политики?
4. Как эволюционировала этнополитика в России на разных исторических этапах развития?
5. Какие идеи заложены в Концепцию государственной национальной политики РФ?
6. Какой должна быть современная этнополитика в полиэтничном государстве?
7. Назовите основные принципы современной этнополитики.
8. В чем состоят принципы и проблемы международных подходов к решению этнополитических проблем?
9. Нормотворчество в этнополитической сфере и политическая конъюнктура: можно ли проследить здесь связь?
10. В чем заключается сущность «классического» и современного расизма?
11. Дайте характеристику геноцида и форм его проявлений.

Литература

1. Белик А.А. Расизм или гуманизм? (Идейная борьба в вопросе понимания сущности человека) // Расы и народы. Вып. 19. М., 1989.
2. Глейзер Н. Мультиэтнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного разнообразия // Этнографическое обозрение. 1998. № 6.
3. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003.
4. Губогло М.Н. Валерий Тишков и судьба доктрины межнациональных отношений в постсоветской России // Вестник российской нации. 2009. № 5.
5. Дараган Н.Я. Американские ученые об этническом развитии своей страны // Этнология в США и Канаде. М., 1989.
6. Диалоги об этничности и мультикультурализме / Под ред. Е. Филипповой и Ронана Ле Коадика. М., 2005.
7. Дробижева Л.М. Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики // Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.
8. Дьяконов К.Б. Особенности интеграции этнических и конфессиональных меньшинств во Францию // Социологические исследования. 2008. № 11.
9. Замогильный С.И., Вирич М.А. Социальные корни фашизма и основы его символических программ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 2.
10. Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы. М., 2003.
11. Илюшенко В. Ксенофобия. Национализм. Фашизм. Лики русского неонацизма. М., 2005.
12. Котин И.Ю. Под знаком Брэдфорда. Конец политики мультикультурализма в Британии? // Этнографическое обозрение. 2005. № 2.
13. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтничных сообществ. СПб., 2000.
14. Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. М., 2004.
15. Малахов В.С. Скромное обаяние расизма. М., 2001.
16. Малахов В.С. Понаехали тут...: Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007.
17. Маркедонов С. Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. М., 2010.
18. Михайлов В., Михайлова Н. К дискуссии о проблеме российской идентичности // Вестник российской нации. 2009. № 5.
19. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002.
20. Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. М., 2003.
21. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М., 1998.
22. Низамова Л. Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Материалы конференции. Казань, 2–3 июня 2004 г. М., 2005.

23. Нитобург Э.Л. Афроамериканцы США. XX век: этноисторический очерк. М., 2009.
24. Паин Э.А. Этнополитический маятник: динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004.
25. Паин Э.А. Между империей и нацией. М., 2004.
26. Покровская Н. Мультикультурализм как путь глобализации // Личность и культура. 2001. № 5/6.
27. Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004.
28. Рамос А.Р. Этнологи и индейцы: бразильский сценарий // Этнографическое обозрение. 2005. № 2.
29. Расизм в языке образования. СПб., 2008.
30. Ратинов А.Р., Ратинова Н.А., Кроз М.В. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовые характеристики. М., 2005.
31. Российская идентичность в Москве и регионах / Под ред. Л.М. Дробижевой. М., 2009.
32. Савинов Л. Этнополитика и нациестроительство в современной России: воззрения и конституционно-правовые аспекты // Вестник российской нации. 2009. № 5.
33. Скоробогатых Н.С. Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества? // Общественные науки и современность. 2004. № 1.
34. Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004.
35. Султыгов А.-Х. К вопросу о формировании российской нации в первой половине XIX века // Вестник российской нации. 2009. № 1 (3).
36. Тагирф П.-А. Цвет и кровь. Французские теории расизма. М., 2009.
37. Тишков В.А. Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993.
38. Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2004.
39. Тишков В.А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Вестник российской нации. 2009. № 5.
40. Фадеичева М. Концептуальные основания политики Российской Федерации в сфере регулирования межэтнических отношений // Вестник российской нации. 2008. № 2.
41. Хазанов А.М. Национальное меньшинство, модернизация и гражданское общество // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
42. Чертина З.С. Плавильный котел? Парадигма этнического развития США. М., 2000.
43. Чешко С.В. Конституционная реформа и национальные проблемы в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6.
44. Чешко С.В. Этнические меньшинства и национальная политика Российской Федерации // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
45. Шнирельман В. Расизм в современной России: теория и практика // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад, 2003. М., 2004.
46. Шнирельман В. Лица ненависти: Антисемиты и расисты на марше. 2-е изд. М., 2010.

47. Genocide Watch / Ed. H. Fein. New Haven, 1992.
48. Goldberg D.T. ed. Multiculturalism: A Critical Reader. Oxford, 1994.
49. Kuper L. Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century. New Haven, 1981.
50. Lipstadt D. Denying the Holocaust. N. Y., 1993.
51. Mallaby S. After Apartheid: The Future of South Africa. N. Y., 1992.
52. Montagu A. Man's Most Dangerous Myth: The Fallacy of Race. N. Y., 1964.
53. Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. N. Y., 2000.
54. The Ethnicity Reader: Nationalism, Multiculturalism and Migration / Eds. J. Rex and M. Guibernau. Cambridge, 1997.

Глава 11

Этничность и право

Основными в правовой системе современных обществ являются права личности. Эти права закреплены соответствующими нормами национальных законодательств, а также международными нормами. Личность обладает **гражданскими** правами¹, т.е. правом на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, правом на национальную и культурную самоидентификации, свободу совести и свободу мысли, свободу выбора национальности и языка общения; равенством перед законом; **политическими** правами, к которым относятся такие права и свободы, как свобода слова, право на информацию, право на объединение (свобода союзов), на равный доступ к государственной службе, право на гражданство, избирательные права (активное и пассивное право: избирать и быть избранным в политический орган на свободных выборах); **социальными, экономическими и культурными** правами, т.е. правами, обеспечивающими свободу предпринимательской и иных форм экономической трудовой деятельности (правом частной собственности и ее наследованием, правом на труд и на вознаграждение за труд и др.); правами и свободами, способствующими духовному развитию граждан (правом на образование, на доступ к культурным ценностям, на участие в культурной жизни, правом на охрану интеллектуальной собственности и др.); правами, гарантирующими человеку достойную жизнь, защиту от негативного воздействия рынка.

Этот круг прав отвечает основным интересам личности, но, мнению многих политиков и экспертов, существуют еще и специфические права — права меньшинств, коренных народов, и которые следует признать групповыми или коллективными, хотя, по сути, речь чаще всего идет о культурных правах личности. Выработка и обеспечение этих прав составляют одну из основ этнополитики.

¹ Часто именуются личными правами. Считаются прирожденными и неотъемлемыми для каждого человека, независимо от его гражданства, пола, возраста, расы, этнической или религиозной принадлежности.

Основные правовые коллизии в этнополитике

Существует как минимум три сложных правовых коллизии в этнополитике. Речь идет, во-первых, о соотношении коллективных и индивидуальных прав или, иначе, о соотношении прав личности и прав этнических и расовых групп, реальности концепта групповых прав. Во-вторых, о проблеме допустимости и сферах применения так называемой позитивной дискриминации (политике аффирмативных акций), т.е. о политике целенаправленной поддержки и преференций для культурно уязвимых или исторически дискриминированных групп за счет ресурсов основного общества. И наконец, о проблеме приемлемости и границах применения норм обычного права и их соотношении с кодифицированными юридическими нормами, т.е. о проблеме правового плюрализма как признанного государством соединения централизованного права и традиционных правовых норм, существующих у ряда этнических, религиозных или региональных групп населения.

Одна из правовых коллизий в этнополитике — неоднозначная трактовка понятия «**коллективные права**» и нерешенность вопроса о соотношении прав личности и групповых прав. Отсутствие среди политологов и правоведов единой точки зрения относительно концепта групповых прав обусловлено различным пониманием природы этнического. Примордиалистское понимание этничности как устойчивой и неизменной социальной реальности, имеющей натуралистическую основу, т.е. базирующейся на «кровной связи» членов таких сообществ, логично приводит к признанию необходимости коллективных прав этносов и этнических групп. Конструктивистские трактовки природы этнического, которые исходят из того, что этносы суть социальные конструкции, границы которых условны и изменчивы, а чувство принадлежности к этническому сообществу может быть неустойчивым и ситуативным (пример тому — многочисленные случаи смены этнического сознания), чаще всего отрицают значимость и эффективность юридического закрепления групповых прав. Более того, конструктивисты доказывают, что идея групповых прав может быть разрушительной и опасной для полиэтничных сообществ.

Большинство националистических движений и этнических активистов в России заявляют об ущемлении в стране «коллективных прав этносов», о несовершенстве российского законодательства в части защиты этих прав, о его несовместимости с международными правовыми нормами и документами, призванными гарантировать эти права. Такой позиции придерживаются не только политически ангажированные деятели, но и некоторые отечественные юристы, как правило, вообще незнакомые с этнологией, этнополитологией и рядом других дисциплин, необходимых для качественного правоведческого анализа интересов и прав лиц, принадлежащих к этническим сообществам. Вот типичное мнение, высказанное по этому поводу правоведами:

«Безусловно, в международном праве проблемы расовой дискриминации, обеспечения индивидуальных прав человека и прав народов не могут рассматриваться без учета положения коренных народов. Данный предмет неразрывно связан также с вопросами обеспечения прав меньшинств, с групповыми правами вообще, самоуправлением, насильственной ассимиляцией, защитой окружающей среды, концепцией устойчивого развития и другими... Только после признания в международном праве института групповых прав и после активного лоббирования интересов коренных народов были приняты шаги в направлении придания проблеме правового звучания»¹.

На самом деле проблеме групповых прав придается не «правовое звучание», а функции политического инструмента. Основанием для превращения ее в такой инструмент как раз и служат международные правовые акты, которые допускают неоднозначные трактовки принципа групповых прав. В реальной жизни групповые права не защищают представителей меньшинств, а узурпируются этническими элитами, и в этом смысле интересы меньшинств оказываются еще менее защищенными, поскольку произвол государства, промышленных компаний, иных политических игроков дополняется произволом собственных лидеров.

Националистически настроенные эксперты и этнические активисты заявляют, что права меньшинств, права этнических

¹ Горбунов С.Н., Миронов В.О., Молчанова Б.А. Права коренных народов на благоприятную окружающую среду. Владимир, 2002. С. 5–6.

групп должны быть первичны по отношению ко всем другим правам. В лучшем случае они говорят о «правильном сочетании» групповых прав и прав личности. Права этнических групп, согласно данной трактовке, могут быть только коллективными правами, ибо культурная самобытность есть коллективное свойство. Сохранение этой самобытности, по их мнению, возможно только через некое «этническое самоопределение». Однако здесь следует согласиться с мнением В.Р. Филиппова, согласно которому «практически все специалисты в области юридической антропологии, признающие приоритет прав личности по отношению к правам каких бы то ни было социальных групп, солидарны во мнении о том, что групповое этническое самоопределение — не более чем ситуативный политический лозунг, не имеющий никакого отношения к праву как таковому»¹.

Действительно, групповые права — это не юридическая норма, а политический миф, ибо нет адекватных механизмов выражения таких прав и все политические и культурные права — это прежде всего права личности. В том случае, когда речь идет о правах меньшинств или этнических сообществ мы не имеем в виду некие абстрактные социальные сообщества или статистические группы, а подразумеваем лиц, принадлежащих к данным меньшинствам и сообществам, и их выраженную индивидуальную **волю** принадлежать к указанным сообществам и **реализовать свои личные культурные или экономические интересы** в рамках данных сообществ.

Более того, конструкция коллективного права такова, что она может быть выражена только в категории общего интереса, который проявляется в результате организованного и идеологически оформленного действия. А значит, это прежде всего политическая конструкция. Права личности в данном случае оказываются вторичными и подчиненными правам некой обезличенной организации, а следовательно, они как бы уничтожаются конструкцией коллективных прав. Эта конструкция открывает широкое поле для политических спекуляций и узурпации выражения интересов меньшинств политическими лидерами, принадлежащими к данному меньшинству или этническому сообществу. Практика этнополитики показывает, что чаще все-

го лидеры выступают от имени этнических сообществ, не получая от отдельных представителей этих сообществ полномочий на то, чтобы представлять их интересы или имея полномочия, которые делегированы весьма условно лишь некоторой частью сообщества.

Распространенная в этнополитическом дискурсе проблема защиты прав национальных (этнических, расовых, религиозных) меньшинств трактуется, к примеру, как проблема защиты неких коллективных образований, чьи интересы выражают отдельные лидеры. При этом упускается из виду принципиальный момент, который касается того, что речь должна идти об интересах *лиц, принадлежащих к меньшинствам*, и только об этих интересах. Весьма показателен в этой связи венгерский закон 1993 г. «О правах национальных и этнических меньшинств», который прямо предполагает защиту только индивидуальных прав лиц, принадлежащих к меньшинствам.

Защита меньшинств и их культурного своеобразия не может восприниматься как создание жестких барьеров между общинами, а потому она вовсе не означает, что государство должно противодействовать добровольной ассимиляции, которая неизбежна в полиэтничных и динамично развивающихся сообществах. Здесь, как правило, достаточно велика доля межэтнических браков и межэтнических контактов на личностном уровне, через которые естественным образом и происходит ассимиляция. Однако, к примеру, в таком фундаментальном документе, как Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, присутствует только осуждение действий, направленных на ассимиляцию меньшинств. Другая сторона данного процесса никак не артикулируется. Таким образом, фактор неравенства и дискриминации, а также групповая принадлежность стали отличительной чертой подхода к проблеме меньшинств. И все же **в сфере правовой протекции проблема меньшинств всегда воспринималась как проблема человека-личности, связанная с принадлежностью к группе, а не как проблема группы как таковой.**

Именно поэтому аналогичная и более ранняя Декларация ООН в своем названии имела формулу «о правах личностей, принадлежащих к языковым, расовым, этническим (национальным), религиозным меньшинствам», а не о правах меньшинств

¹ Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. М., 2003. С. 132.

как таковых. Европейская рамочная конвенция нарушила этот важный принцип и предложила мыслить меньшинства в категории группового права — одного из самых спорных и трудно исполнимых концептов. **Меньшинства — это прежде всего часть общества, находящаяся в принижённом положении части членов общества и проблема меньшинств — проблема не статистическая, а политическая, которая с необходимостью должна решать вопросы доступа к власти и ресурсам.**

В ситуации меньшинства могут оказаться не только численно не доминирующие группы, но и те, которые составляют большинство на данной территории, но политически притесняются. Примером может служить ситуация в Башкортостане, где татары и русские являются большинством, но политическая власть концентрируется в руках башкирской элиты. В Дагестане имеет место весьма любопытная ситуация, которую иногда определяют как «меньшинства без большинства», а сам Дагестан называют «страной меньшинств». Поэтому принципиально важный вопрос, который должны решить политики и специалисты, — «кто является меньшинством в России». Эта проблема имеет принципиальное значение потому, что в ситуации меньшинств сегодня находятся и некоторые титульные или, выражаясь языком национальных лидеров, коренные народы в национальных республиках РФ.

Рассматривая законодательные нормы, которые базируются на идее коллективных прав, мы определенно обнаруживаем в них отсутствие именно коллективного права. Обладание некими политическими, экономическими или культурными правами оказывается возможным лишь в результате личного выбора и частного интереса. К примеру, возможность участвовать в формировании саамских парламентов в странах Скандинавии появляется у граждан этих стран лишь тогда, когда они добровольно и в частном порядке заявят о своей принадлежности к саамским сообществам и проявят стремление к тому, чтобы быть внесенными в списки народа саами, которые одновременно являются и списками избирателей названных парламентских институтов. Получать доход от эксплуатации земель на Аляске коренные аляскинцы могут, лишь став членами ассоциаций коренных аляскинцев, т.е. проявив личное желание считать себя

членом этнических сообществ. Земля сообществ есть общее достояние, но доходы от нее суть индивидуальная рента.

Российский закон о территориях традиционного природопользования коренных народов также предполагает индивидуально подтверждаемое право пользования территориями, которые включены в систему традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Иными словами, любой законодательный акт, основанный на концепте коллективных прав, на деле не может обойти личные права представителей этнического сообщества. Если же в законодательном акте упускается из виду проблема прав личности, то законодательный акт приобретает характер не закона или конвенции, а декларации, т.е. документа, который носит преимущественно политический характер, ибо говорит лишь о *принципах*, а не о *механизмах* реализации прав.

Закон должен строиться на понимании того, что представляет собой субъект права. В случае с этническими (и расовыми) сообществами такого четкого понимания быть не может, ибо границы этнических (расовых) сообществ весьма условны, а многие представители этнических групп в полиэтничных государствах или имеют множественную этническую идентичность, или же вообще не говорят о своей этнической категории, а называют себя американцами, россиянами, бразильцами, т.е. для них существует только гражданская идентичность. При этом вопрос об этнической принадлежности человека в таких странах часто ставит опрашиваемого в тупик, ибо в реальности нередко трудно определить эту принадлежность. Неслучайно во время переписи населения РФ в 2002 г. 1,5 миллиона человек не смогли указать свою этническую принадлежность.

При этом стоит согласиться с еще одним важным принципом, который нельзя упускать из виду, когда дискутируется проблема коллективных прав этнических (или расовых) сообществ, а именно: «Субъект права должен не только иметь способность приобретать и реализовывать права своими действиями, но и исполнять обязанности, а также нести ответственность. Условное или статистическое множество подобными свойствами не обладает, и речь может идти только о фикции»¹.

¹ Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб., 2004. С. 443.

Таким образом, как только упускается личностный аспект защиты интересов и прав, проблема теряет правовое значение и приобретает значение политического инструмента, с помощью которого отстаиваются интересы политических лидеров и элит, отождествляющих себя с данной группой или выступающих от имени группы.

Тем не менее представляется справедливым мнение, что проблема соотношения прав личности и групповых прав на сегодняшний день окончательно не решена: «Альтернатива “групповые права — индивидуальные права” остается серьезным теоретическим вызовом в современной теории международного права, а также в философии права и политики»¹, — так оценивают состояние этой правовой коллизии некоторые ученые.

Другой правовой коллизией является решение вопроса о правовых преференциях в сфере политической, экономической и культурной. С одной стороны, естественно, что общедемократический принцип равенства прав не допускает ущемления прав личности по этническому, расовому или конфессиональному признаку. Но с другой стороны, те расовые, этнические и конфессиональные группы, которые долгое время преследовались или ущемлялись, могут существенно отставать от доминантного большинства в образовательном плане, в сфере доступа к общественному богатству, и это отставание является следствием длительной политики дискриминации. В этих случаях для выравнивания позиций различных этнических, расовых и конфессиональных групп нередко осуществляется политика, которая получила название *affirmative action* или *positive action* — «позитивная дискриминация». Такая политика проводится в США в отношении афроамериканцев, в ЮАР в отношении черного большинства страны, в Малайзии в отношении коренных малайцев.

К примеру, в Малайзии к моменту обретения государственной независимости в 1957 г. малайцы, как и другие группы коренного населения (бумипутера), составляли численное большинство, но экономически серьезно отставали от китайского меньшинства. Малайцам принадлежало лишь 10% предприятий и 1,5% вложенного капитала. Конституция предоставила гражданство проживающим в стране китайцам и индийцам и

¹ Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004. С. 169.

в то же время наделила малайцев особыми правами на владение землей, дало возможность занимать государственные должности, получать образование и заниматься коммерческой деятельностью. После межэтнических столкновений в мае 1969 г. государство начало проводить новую политику искоренения бедности среди всего населения и реструктуризации малазийского общества, с тем чтобы сократить, а в конечном итоге и исключить отождествление этнической принадлежности с экономической деятельностью или географическим размещением групп. Правительство установило для малайцев квоты в сфере коммерческого лицензирования и владения капиталом, а также оказало им специальную помощь в форме кредитов, обучения и предоставления производственных помещений. Оно также обеспечило акциями частных предприятий бумипутера, чтобы их представительство среди акционеров достигло 30%.

После бунтов осени 2005 г. в «арабских» кварталах французских городов власти заговорили о необходимости проводить политику позитивной дискриминации в отношении выходцев из арабских и африканских стран, обосновавшихся во Франции. Предполагается, что иммигрантам и их потомкам будет отдаваться предпочтение при поступлении в высшие учебные заведения и при трудоустройстве. Именно в позитивной дискриминации многие политики и ученые видят эффективный механизм, с помощью которого можно удовлетворить интересы этнических, расовых и религиозных меньшинств, не подвергая серьезной деформации принципы демократии.

Однако позитивная дискриминация возможна лишь как временная мера, и проводить эту политику следует осторожно, ибо сама она способна провоцировать межэтническую напряженность и конфликты. Примеры, когда позитивная дискриминация перерастает в обычную дискриминацию и даже в этнические чистки, доказывают, что простое изменение позиций угнетаемых групп на привилегированные нередко провоцирует рост насилия в отношении прежних элитарных социальных слоев и этнических групп. Так произошло, к примеру, в бывшей Южной Родезии (Зимбабве), где белые фермеры, которые обеспечивали экономическое процветание страны, подверглись массовым гонениям, а их экономическое могущество было сломлено силовыми методами и, более того, черная элита

практически не только выдавила белых из власти, но и заставила их в массовом порядке покидать страну.

Не менее показателен пример ЮАР, где с целью исправления несправедливостей эпохи апартеида правительство Африканского национального конгресса одной из ключевых целей внутренней политики объявило программу трансформации южноафриканского общества, которая должна обеспечить представленность различных групп населения на всех уровнях социальной иерархии. Трансформация должна была ликвидировать последствия многолетнего господства белого населения страны, в результате которого черные владели только 2% акций южноафриканских компаний, а их позиции в бизнесе, управлении и наиболее доходных сферах занятости были слабыми. Ключевыми элементами этой программы стали законы «О равенстве прав при найме» и «О расширении экономических возможностей чернокожих», принятые в 2003 г. Де-юре этими законами должны были пользоваться все категории граждан, но де-факто они оказались адресованными только чернокожему населению. Лишь чернокожие могут быть теперь руководителями компаний, занимать привилегированные посты в государственном аппарате, только им предназначены доходные и престижные рабочие места (например, пилотов в государственных авиакомпаниях). Практика реализации данных законов уже вызвала недовольство среди белого населения и привела к оттоку молодых белых южноафриканцев в Европу и Америку. Это позволяет говорить об «апартеиде наоборот». Так, пытаясь исправить несправедливости прошлого, Южная Африка на деле отклоняется от принципа нерасовости, закрепленного в ее Конституции.

Подобная тактика действий, распространенная во многих странах континента, тормозит динамичное развитие экономики и социальной сферы. Кроме того, она создает основу для будущих проблем и конфликтов. Желательно вообще избегать широкого применения позитивной дискриминации во внутренней политике страны. Пожалуй, самым оправданным доводом в пользу применения таких методов могут быть лишь ссылки на то, что подобная практика используется для целенаправленного формирования климата доверия между этническими общинами, усиления гражданской солидарности.

В этой связи заслуживает внимания «прочтение» значимости льгот при поступлении в столичные вузы для абитуриентов из северокавказских республик журналисткой Миясат Муслямовой: «Сегодня, когда осложнилась этнополитическая ситуация на Северном Кавказе, особо важна помощь Москвы в создании интеллектуальной и духовной элиты региона. Надо сохранить льготные условия приема в вузы столицы для выпускников отдаленных национальных школ. Они владеют русским хуже, чем городские сверстники, и из-за неравных стартовых возможностей проигрывают в конкурентной борьбе. Эту молодежь, способную и желающую учиться дальше, нужно поощрять. На родину возвращаются не просто квалифицированные специалисты, но люди, обладающие опытом интернационализма, терпимости, способные противостоять сепаратистским и радикальным настроениям, привносимым силами, заинтересованными в ослаблении позиций России в регионе»¹.

Многие специалисты говорят о том, что предоставление отдельным категориям населения определенных преимуществ государство допускает потому, что такая мера обходится гораздо дешевле, чем долговременные социальные реформы. Как показывает опыт, позитивная дискриминация не открывает дополнительных возможностей для меньшинств ни в сфере доступа к высшему образованию, ни в сфере трудоустройства. Характерен в этом отношении пример США, где еще в 1964 г. было принято антидискриминационное законодательство, целью которого было снижение безработицы среди чернокожих, поскольку она значительно превышала показатели среди белых. Американские исследователи задались целью — определить, как повлияла позитивная дискриминация, проводившаяся в последние несколько десятилетий, на положение афроамериканцев, которые были главными адресатами специальных мер социальной поддержки. В феврале 2007 г. среди белых официально насчитывалось 4% безработных, среди выходцев из стран Азии — 2,7%, а среди чернокожих — 7,9%! Это означало, что за несколько десятилетий ситуация на рынке труда практически не изменилась, несмотря на то что последняя категория населения имела ряд льгот.

¹ Муслямова М. Устоит ли национальная школа? // Известия. 2006. 18 янв.

Обычное право и порядок урегулирования споров с общинами коренных народов

Другой правовой коллизией, которая связана с этнополитикой, являются допустимость и пределы использования норм обычного права при решении проблем отдельных этнических групп. Что касается допустимости их использования, то политическая практика дала положительный ответ на данный вопрос. Нормы обычного права предлагает «легализовать» Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 169 «О коренных народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах», принятая в 1989 г. Допускают использование норм обычного права и три федеральных закона РФ — «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (1996), «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (1999), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (1999). Логика использования норм обычного права вытекает из того, что, по мнению С. Соколовского, «специфика защиты прав коренных народов заключается в *охране их образа жизни*, укорененного в их мировоззрении и верованиях; все остальные права гарантируются стандартными нормами прав человека и прав меньшинств»¹.

Сегодня нормы обычного права чаще всего принимаются во внимание, когда решаются проблемы природопользования. Однако нередки случаи, когда нормы обычного права сталкиваются с кодифицированными юридическими нормами государства. Кроме того, нерешенным остается вопрос, насколько «юстициабельны» обычаи и традиции этнических общностей, которые представлены в качестве регулирующих норм.

Специалисты полагают, что наиболее перспективными для включения в действующие правовые нормы являются обычаи самоуправления коренных и малочисленных народов. И случайно именно эти обычаи раньше других стали интегрироваться в современные правовые нормы. Так, Уголовный кодекс

¹ Соколовский С.В. Правовой статус и идентичность коренных народов (по материалам Всероссийской переписи населения 2002 года) // Расы и народы. Вып. 33. М., 2007. С. 48.

Гренландии, принятый в 1954 г., опирается на обычное право инуитов (эскимосов). Специалист по обычному праву народов Севера Н.И. Новикова полагает, что «учет обычаев коренных народов в первую очередь именно в суде не только свидетельствует об осознании законодателем важности этого вопроса, но и в наибольшей степени соответствует логике права».

Весьма широко используется обычное право и в юридической практике Австралии, когда возникают проблемы, связанные с урегулированием отношений между аборигенами и горнодобывающими компаниями или другими юридическими лицами. Но обычное право здесь не включено в законодательство, а используется опосредованно.

В 1993 г. на основании предшествующего опыта законотворчества, призванного урегулировать отношения аборигенов с внешним миром, был принят закон «О правах коренного населения» (Native Title Act), где впервые было использовано понятие «обычное право на землю». Закон ввел в юридическую практику понятие статус коренного жителя (Native Title). Именно с помощью этого понятия определяются условия, при которых права аборигенов (так как они определяются их собственными законами) могут признаваться юридически. Нормы обычного права дают основания для юридического признания права на землю. При этом важно не только иметь юридически признанный «статус коренного жителя», но и использовать этот статус как аргумент в юридических спорах на территориях, где он имеет юридическую силу. Эти земли в основном ограничены так называемыми свободными землями королевства, т.е. территориями, представляющими собой часть государственного имущества общего пользования.

Помимо статуса, важное значение имеет сама юридическая процедура, в ходе которой решаются споры, где истцом выступают «коренные жители». Поскольку чаще всего предметом рассмотрения являются земельные споры, остановимся именно на такого рода делах. Австралийская юридическая система основана на принципе прецедентного права. Законодательство, конечно, существует, но законы описывают лишь общие правовые и процессуальные принципы. Ход судебного разбирательства и аргументы сторон каждого процесса становятся примером для следующих, и в каждом новом случае учитываются

ранее принятые решения по сходным разбирательствам, привлекаются заключения экспертов, объясняющие особенности текущего процесса. В случае выдвижения земельных требований со стороны аборигенов главными сторонами конфликта являются государство и «представительные организации», которые выступают от имени «коренных жителей». Через своих адвокатов эти представительные организации привлекают в качестве экспертов исследователей в области социальных наук (главным образом антропологов/этнологов). Ученые участвуют в судебном разбирательстве на двух этапах. Сначала они собирают информацию, которая необходима для ведения переговоров или при вынесении судебного решения о принятии иска и составляют специальный доклад — Доклад об обоснованности иска. В докладе составитель старается показать, что хозяйственная деятельность, которую ведут аборигены на оспариваемой территории, по своему характеру не изменилась с доколониальных времен и что эта деятельность важна для поддержания их культурной специфики. Иски принимаются к рассмотрению в том случае, если эксперту удастся доказать, что современная социальная организация общины аборигенов и их образ жизни (включая специфику хозяйственной деятельности) существенно не отличаются от того, что имело место на данной территории до вхождения ее в состав Британской империи. Доклад должен доказать культурную преемственность групп аборигенов и их связь с конкретной территорией через анализ мифологии, ритуалов, экономической жизни и т.д.

Государство в свою очередь тоже обращается к антропологам/этнологам. Цель экспертов, которых привлекает государство, обратная — доказать, что целостность группы как культурного сообщества нарушена и не прослеживается культурной преемственности в образе жизни современных аборигенов и их предшественников, поскольку хозяйственные и культурные практики существенно изменились.

Если антропологи, представляющие государство, приходят к выводу, что в докладе представительной стороны обоснованность претензий группы аборигенов доказана, и если государство принимает эти претензии, то дело откладывается. До его рассмотрения по существу проводятся переговоры в Государственном суде по правам коренного населения на землю — National Native Title

Tribunal (NNTT). Данная судебная инстанция не выносит никаких решений, ибо она призвана решать споры в досудебном порядке и определять формы удовлетворения требований общин «коренных жителей». Если же антропологи, нанятые государством, отклоняют доводы экспертов, привлеченных представителями аборигенов, тогда дело передается в федеральный суд. Другие заинтересованные стороны, например горнодобывающие компании, также могут привлекать антропологов, чтобы получить необходимую информацию для разрешения судебных споров. Таким образом, **антропологическая/этнологическая экспертиза становится важным инструментом не только правового регулирования, но и этнополитики.**

Необходимость использования этнологической экспертизы давно дискутируется и российскими специалистами, и некоторые формы такой экспертизы уже используются в юридической практике и в региональной этнополитике. Более того, в российское федеральное и региональное законодательство уже вошло такое понятие, как «территории традиционного природопользования», которое связано с защитой родовых (семейных) угодий и сохранением образа жизни и культурной специфики локальных групп. Сегодня ставится вопрос о принятии федерального закона об этнологической экспертизе, который узаконил бы практику этнологических экспертиз и регламентировал ее.

Однако существует ряд сложностей при использовании этнологической (антропологической) экспертизы, которые связаны с разницей в исследовательских подходах, неполнотой или ошибочностью ранее полученных сведений о культурной специфике аборигенных групп и ряда других. Следует также иметь в виду, что обычное право, помимо рациональной основы, покоится еще и на неприемлемой архаике (например, обычае кровной мести) и на мифологизированных представлениях, а потому использование норм обычного права может быть довольно ограниченным. Очевидно, что **применимости норм обычного права для регулирования определенных сфер деятельности, в общем виде должна оговариваться в законах, а в правоприменительной практике их конкретное значение должны определять не только праведы и сами субъекты правового регулирования, но и эксперты из числа этнологов.**

Право наций на самоопределение и правовое поле этнополитики

Относительно выработки ключевых правовых понятий, которые затрагивают интересы этнических, расовых и конфессиональных групп, до сих пор ведутся споры и существует много неопределенностей. Система норм и язык, которым пользуются эксперты, требуют уточнения и унификации, ибо пока они допускают много разночтений и в большей мере являются не юридическим языком и правовыми нормами, а политическими инструментами. Это, в частности, касается такого ключевого в международном праве положения, как право наций на самоопределение. Кто, когда и в каких ситуациях может и должен обладать этим правом и что есть самоопределение по своей сути? Международные эксперты не способны дать однозначный ответ на этот вопрос, ибо право на самоопределение, по существу, вступает в противоречие с другим основополагающим принципом международного права — принципом нерушимости границ и государственной целостности.

Поэтому важнейший вопрос, который связан с проблемой самоопределения, есть вопрос о границах самоопределения. По этому поводу венгерский академик Петер Кенде высказал следующую мысль: «Является ли право на самоопределение абсолютным или же оно имеет свои ограничения? Ответ на первый из этих вопросов должен быть отрицательным, что становится ясно после анализа самих ограничений. Следует различать ограничения двух видов: первое связано с этносом, обладающим самоопределением, второе — с народом, проживающим рядом или вокруг него». Иными словами, самоопределение, как правило, затрагивает интересы других сообществ, без учета мнения которых оно не может состояться или не может быть признано легитимным.

Кроме того, надо иметь в виду, что принцип территориальной целостности вошел в международную политику практически одновременно с появлением идеи самоопределения народов и утвердился отнюдь не случайно. Одним из положений Вестфальского договора 1648 г., существенно изменившего государственные границы в Европе, является территориальной целостности, ставший затем общепринятым. Но тот же Вестфаль-

ский мир фактически утвердил и принцип самоопределения народов. До восстания голландцев против испанской короны право монархов вершить судьбы своих подданных не подвергалось сомнению. Но в данном конкретном случае монарх утратил это право. При подписании Вестфальского мира европейские державы констатировали, что подданные имеют право на самовыражение, а потому согласились признать независимость Нидерландов. По сути, названное решение привело в итоге к свержению ряда европейских монархий и появлению новых независимых государств.

Американский историк Дэвид Эрмитадж в своем труде «Декларация независимости: глобальная история» утверждает, что следующим документом международного значения, который подтвердил право наций на самоопределение, стала Декларация независимости США 1776 г. По его мнению, именно этот документ кардинально изменил мир, превратив его из «мира империй» в «мир суверенных государств». По образу и подобию американской были созданы декларации независимости более ста стран.

В 1945 г. была принята Хартия ООН, в основу которой были положены принцип территориальной целостности государств — членов этой организации и запрещение использовать силу при разрешении международных конфликтов. Но в 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, в первом пункте которой говорилось, что «подчинение народов иностранному игу и господству» является отрицанием основных прав человека и противоречит уставу ООН. Здесь же заявлялось, что всякая попытка, «направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами устава организации». Иными словами, принцип самоопределения был утвержден в качестве нормы международного права, но сопровождается оговорками, которые ставят его под сомнение. То же самое противоречие содержится и в тексте Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.

Некоторые специалисты в области права называют это противоречие «ловушкой самоопределения». Каре Паркер, автор

книги «Случай самоопределения», справедливо замечает, что современное международное право не может однозначно ответить на вопрос: что необходимо сделать, чтобы создать новое государство? В XX в. в результате развала колониальных империй появился способ, который называют «декларативным». Суть его состоит в том, что некая территория просто сообщает о том, что она является независимым государством. Второй способ — конституционный — более сложен, ибо требует международного признания новообразованного государства. Но при конституционном способе требуется, чтобы какая-то страна пожертвовала своим суверенитетом. Категория суверенитета тесно связана с идеей территориальной целостности государств. Она была сформулирована в XVI–XVII вв. английским философом Томасом Гоббсом и голландским юристом Гуто Гроцием. Затем принцип суверенитета стал универсальным принципом политической организации в истории человечества. Суть его состоит в том, что территория планеты поделена между государствами, внутри которых вся полнота власти исходит из одного источника — конституции, монархической традиции, теократии и т.д.

Но и этот принцип не оказался незыблемым. Его верховенство впервые было поставлено под сомнение после окончания Первой мировой войны, но подверглось решительной ревизии в 1940–1960-е гг., когда распались колониальные империи и на карте планеты появились десятки новых государств. После окончания «холодной войны» идея суверенитета еще раз была поставлена под сомнение, поскольку ООН разрешила проведение гуманитарных интервенций против государств, где совершаются преступления против своих собственных граждан. Признание независимости Косово, Абхазии и Южной Осетии стало продолжением этого процесса.

Институт государственного суверенитета постепенно подвергается эрозии еще и потому, что решение глобальных вопросов перекладывается на различные международные организации — ООН, ЕС, «восьмерку» («двадцатку») и т.д. Это ведет к тому, что на карте мира сначала перестанут появляться новые государства, а затем может начаться исчезновение существующих. Неслучайно автор книги «Народы без государств» Монсерат Губерно полагает, что в условиях современной цивилизации

многие народы отказываются от борьбы за создание собственного национального государства. Она считает, что главной причиной этого стали демократические изменения, которые имели место в последние десятилетия. Если государство, частью которого они являются, предоставляет им возможность сохранять свою культурную самобытность, то борьба за национальное самоопределение теряет смысл. Тем не менее Губерно и другие исследователи полагают, что сепаратистские настроения в странах Европы, Америки будут существовать еще долгое время, но у них мало шансов превратиться в мощные национально-освободительные движения.

В книге «Народ против государства» ее автор, Гидон Готтлиб, в частности, замечает, что в XX в. великие державы выделяли территории и позволяли создавать новые государства, основываясь на принципе права на самоопределение. Столь радикальные решения имели место и после глобальных потрясений — двух мировых войн и холодной войны. Что же касается современных реалий, то, по мнению этого автора, большинство имеющихся этнических конфликтов не могут быть разрешены путем перекройки государственных границ и выделения каждому народу своего государства. В современных условиях гораздо большее значение приобретает международная стабильность, нежели абстрактные идеи суверенизации. В этой связи право на самоопределение в большей мере надо рассматривать как моральный принцип, но не как жесткую правовую норму.

Наконец, если брать доктринальную сторону процесса самоопределения, то наиболее строгий язык — это, конечно, язык международного правоповедения, политологии, в какой-то мере даже социологии. С этой точки зрения, такого выражения, как «право наций на самоопределение», не существует, потому что нация есть состоявшаяся политическая коалиция — государство и потому уже самоопределившаяся общность. Впрочем, у нас иногда переводят, идя на осознанную или неосознанную фальсификацию либо просто по инерции, английское слово *nation* как *народ* или наоборот «people» как «нация». Хотя в международном правовом языке оба слова означают территориальные сообщества, только нация — это сообщество, оформленное государством, а народ — может быть и без суверенного

государства, как, например, каталонцы, под которыми имеется в виду региональное сообщество, т.е. все жители испанской провинции Каталония. Поэтому в русских текстах чаще всего присутствует искаженный смысл понятия «право наций на самоопределение», и оно радикально отличается от того смысла, который является общепризнанным.

Многие специалисты подчеркивают также, что следование идее абстрактной справедливости делает международное право весьма двусмысленным и часто заставляет разработчиков правовых норм по защите меньшинств отступать от идеи равенства прав всех субъектов. Так, Декларация прав коренных народов, которая разработана относительно недавно, отступает от принципа равных прав и возможностей всех граждан в пользу отдельных этнических общностей, но при этом вопрос, кого считать коренным народом, остался в Декларации открытым. Этнические общности и группы слишком разнятся по численности, социальной структуре, занимаемой территории (или отсутствию таковой), уровню экономического и культурного развития, чтобы можно было применять единые критерии при определении их правового статуса.

Следует признать, что до сих пор международные правовые акты этнополитического содержания страдают недосказанностью, неопределенностью некоторых положений, расплывчатостью исходных понятий. Российские законодательные акты также имеют аналогичные недостатки, которые усугубляются неустоявшейся правовой ситуацией в стране. Нередко нормотворчество и сама этнонациональная политика в центре и на местах носит весьма конъюнктурный характер, связанный с текущим политическим моментом и воздействием на нее тех или иных политических лидеров и этнических активистов. В этом случае нередко вместо реальной этнонациональной политики начинает выстраиваться «декоративная политика», целью которой является лишь демонстрация внимания власти к проблемам этнических сообществ и групп.

Болезнь «декоративной» этнополитики характерна для регионов, и особенно ей способствовало появление специальных бюрократических ведомств, которым необходимо было продемонстрировать свою эффективность, но не обошла она стороной и

федеральный центр. Скажем, иначе как чисто декоративный орган нельзя расценить учрежденную указом Президента Ассамблею народов России. Она создавалась как консультативный орган и как своеобразный эквивалент Совета Национальностей, который существовал в Верховном Совете СССР, но в реальности таковой не стала, а превратилась в форму политической саморекламы отдельных политиков.

Идея этнического представительства на федеральном уровне довольно популярна у идеологов этнонациональных движений. Дальше других в продвижении этой идеи пошли лидеры Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые предложили создать парламент коренных малочисленных народов и направили соответствующие предложения в Государственную Думу. Эта идея не встретила одобрения, и теперь она трансформировалась в предложение создать при Государственной Думе Общественную палату по делам коренных малочисленных народов Российской Федерации. Однако совершенно нелепо, как эта палата может представлять интересы народов и как разработать легитимную процедуру делегирования полномочий от народов их представителям.

Культурные права

Большинство акторов этнополитики, заявляя о своих политических целях и идеях, неизменно подчеркивают стремление содействовать сохранению культурной самобытности группы, интересы которой(ых) они формально представляют. Без апелляции к культуре этнополитика существовать не может. В этой связи очевидно, что сущностью этнополитики должна быть защита культурных прав личности. Выше уже говорилось, что, к примеру, защита прав коренных народов есть по своему основному содержанию защита их образа жизни. А защита образа жизни в более общем плане есть защита права на отличие.

В этнополитике принципиально важно не просто защищать культурные права личности, а соблюдать баланс между двумя основополагающими культурными нормами.

Первая правовая норма — **право на отличие**. Это право предполагает, что каждый человек может относить себя к той культурной группе, с которой он себя в данный момент ото-

ждествляет (свободный выбор этнической принадлежности); каждый человек вправе говорить на том языке, который считает родным (свободный выбор языка); вправе обучаться на этом языке, вправе следовать тем культурным традициям, которые он признает (свободный выбор образа жизни).

Другое дело, что, признавая право на отличие, государство не всегда берет на себя обязательства обеспечить его полную реализацию, ибо, к примеру, организовать обучение на корейском языке в Архангельске чисто технически и финансово затруднительно. В этом случае реализация права ложится на плечи самих граждан, и государство может лишь оказывать содействие этому и не должно мешать. Более того, государство призвано продекларировать права и подтвердить приверженность им, но что касается выбора культурных предпочтений, то здесь государству желательно придерживаться нейтралитета, в противном случае идея свободы выбора культурных ценностей будет подвергаться сомнению (касается ли это свободы вероисповедания, или языка общения).

Вторая правовая норма — это **право на культурную свободу**. Идея культурной свободы означает, что каждый человек сам выбирает себе культурные ценности, включая язык. Это право предполагает, что свободный выбор культурных ценностей допускает возможность смены культурной идентичности (в том числе и этнической принадлежности), что никто не вправе ни навязывать человеку ценности, ни препятствовать ему в смене своих культурных ориентаций. Это, в частности, означает, что попытки насильственно заставить людей изучать язык народа на том основании, что люди заявляют о своей принадлежности к данному народу (проявляют с ним культурную солидарность), есть прямое покушение на культурную свободу личности.

В докладе ООН о человеческом развитии за 2004 г., где идея культурной свободы была обоснована и подтверждена как одно из основополагающих прав личности, отмечается, что государство, поддерживая культурную свободу, заинтересовано в культурном единстве своих граждан и именно на это направлены его основные усилия: «...Если в этнических и религиозных вопросах для государства возможно и даже желательно оставаться “нейтральным”, подобная позиция в отношении языка является непрактичной. Понятие гражданства требует общего языка

для укрепления взаимопонимания и эффективной коммуникации. Ни одно государство не может позволить себе обеспечивать услуги и выпускать официальные документы на каждом из языков, используемых на его территории»¹.

Язык правовых документов и правоприменительная практика

Несмотря на то, что в области правового регулирования отношений государства и этнических сообществ, межэтнического взаимодействия за последние годы в России сделано много, нельзя утверждать, что нормотворчество осуществляется исходя из практических потребностей, из необходимости предоставить политикам эффективный инструмент воздействия на общественно-политическую практику. Об этом, в частности, свидетельствует отсутствие в языке законодательных актов четких и однозначных категорий, наполненных этнополитической спецификой. С.В. Соколовский, осуществивший анализ терминологического инструментария этнонациональной политики РФ, только в Конституции выявил семь базовых терминов и терминосочетаний: народ (население), народ (этническая общность), многонациональный народ, коренной малочисленный народ, национальное меньшинство, малочисленная этническая общность и национальность. Он и другие исследователи полагают, что необходимо упорядочить терминологию юридических актов, в которых речь идет об этнополитике. Это важно не только с точки зрения юридической, но и диктуется необходимостью исключения из политической практики лексики этнонационализма, которая не только широко распространена, но нередко сознательно используется политиками для мобилизации этнических групп.

Упорядочение терминологии предполагает не только унификацию терминов, используемых в национальных законодательных актах, но ее корреляцию с юридическим языком, который используется в международных правовых актах. Международные эксперты отмечают, что «при сравнении с международным опытом обращает на себя внимание использование само-

¹ Доклад о человеческом развитии 2004. Культурная свобода в современном мире. М., 2004. С. 71.

стоятельной и, зачастую, весьма своеобразной терминологии». В частности, ими отмечается, что в российском законодательстве нередко используется термин «национальный» в значении нерусский и понятие «национальная политика», обозначающая политику в отношении нерусского населения, что в российском законодательстве нет четкого определения понятия «этническое меньшинство» и есть ряд других неопределенностей.

Но, пожалуй, самым опасным является стремление расширить содержание понятия «этничность» и приписать многим общественным явлениям и социальным отношениям этнический смысл. В докладе, составленном по итогам реализации проекта ТАСИС «Улучшение межэтнических отношений в России и развитие толерантности в России», по этому поводу сказано следующее: «Характерной чертой политического дискурса внутри страны является этнизация на всех уровнях. Общественное восприятие все больше определяется этническими соображениями. Все получает определение в этнических терминах не только среди населения страны, но и среди правительственных структур всех уровней... Такое развитие ситуации таит в себе потенциальную опасность, так как в этом контексте люди рассматриваются не как равные между собой человеческие существа, а как отличные друг от друга существа этнические. Это приводит к ложной интерпретации социальных противоречий и конфликтов вообще...»¹.

Иными словами, необходимо не только сделать язык законодательных актов, касающихся реализации этнополитики, более строгим, но важно не допускать расширительного использования терминов этнополитики в правовых документах и политических декларациях. **Многозначность и многочисленность этнически маркированных терминов, используемых в юридической и политической практике в современной России, есть следствие чрезмерной политизации этничности и проявление стремления к политической манипуляции этничностью, использованию ее в корыстных интересах элит.** Важно подчеркнуть, что граждане одного государства не

¹ Галдия М., Вирда Д. Правовые аспекты межэтнических отношений в Российской Федерации // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004. С. 329.

могут делиться на «коренных» и «некоренных» жителей, а тем более — одни быть отнесены к категории «государственнообразующих», а другие — нет, одни быть «основным населением» а другие — диаспорой.

Контрольные вопросы и задания

1. Каково соотношение прав личности и коллективных прав?
2. В чем состоит правовое и политическое содержание проблемы права наций на самоопределение?
3. В чем заключается смысл «позитивной дискриминации»?
4. Проблема совершенствования языка правовых документов в сфере межэтнических отношений.

Литература

1. Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. М., 1997.
2. Беляев С.А. Международно-правовой принцип запрета дискриминации: процедуры и механизмы международных организаций. М., 2005.
3. Государство, право и межнациональные отношения в странах западной демократии. М., 1993.
4. Дусэ Л., Гласкин К. Незавидное место ученого. Антропология, прецедентное право и австралийские «общества» // Социальная антропология во Франции. XXI век / Под ред. Е. Филипповой и Б. Петриса. М., 2009.
5. Казанник А.И. Правовые проблемы развития межнациональных отношений в России // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993.
6. Кенде П. Самоопределение в Восточной Европе: вчера и сегодня // Центрально-Европейский ежегодник. 2003. Вып. 1. Международные отношения и безопасность. М., 2003.
7. Коренное население. Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., 1990.
8. Лорд Актон. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. М., 2002.
9. Максимов А.А. Права коренных народов севера на землю и природные ресурсы: эффективное использование и совместное управление // Библиотека коренных народов Севера. Вып. 3. М., 2005.
10. Национальные меньшинства. Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в субъектах Юга Российской Федерации / Под ред. В. Мукомеля. М., 2003.
11. Национальные отношения: Отечественные и международные правовые документы. М., 1998.
12. Новикова Н.И. Обычное право народов Севера: возможности и ограничения государственной правовой системы // Этнографическое обозрение. 2005. № 5.

13. Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2002.
14. Обычное право и правовой плюрализм: (Мат-лы XI Междунар. конгресса по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997 г., Москва). М., 1999.
15. *Осипов А.Г.* Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб., 2004.
16. *Осипов А., Сапожников Р.* Законодательство РФ, имеющее отношение к этничности. Концептуальные основы, содержание, проблемы реализации (справочный материал) // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004.
17. *Павлов П.* Международное право и реформирование законодательства Российской Федерации о коренных народах // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2003.
18. Права человека и межнациональные отношения. М., 1994.
19. Правовые культуры: история, эволюция, тенденции развития. М., 2003.
20. Право народов на самоопределение: идея и воплощение: Мат-лы научно-просветительского семинара. Москва, 22–23 марта 1997 года. М., 1997.
21. Право и этничность в субъектах Российской Федерации. М., 2004.
22. Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004.
23. *Рулан Н.* Юридическая антропология: Учебник. М., 1999.
24. *Соколовский С.* Терминология и концептуализация этнонациональной политики в конституционном праве РФ // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004.
25. Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. М., 1994.
26. *Степанов В.В.* Принципы, объекты и терминология этнологической экспертизы // Расы и народы. Вып. 34. М., 2009.
27. Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Под ред. Ю.И. Семенова. М., 2000.
28. *Тишков В.А.* Меньшинства: меняющийся мир и рамки конвенции // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад EAWARN, 2002. М., 2003.
29. *Тишков В.А.* Этничность и право в современной России // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004.
30. *Тишков В.А.* Понимание и управление культурным многообразием в России // Повестка дня для России: Аналитические материалы Фонда «Единство во имя России» за 2007–2008 годы / Под ред. В. Никонова. М., 2009.
31. *Филиппов В.Р., Филиппова Е.И.* Закон и этничность. М., 1998.
32. Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000.
33. *Barbieri W.A.Jr.* Citizenship: Immigration and Group Rights in Germany. Durham, 1998.
34. Ethnicity and Group Rights / Ed. by Ian Shapiro and W. Kymlicka. N. Y.; L., 1997.

Этнополитические мифы

Важную роль в этнополитических процессах играют не только идеология и общественное воздействие тех или иных политических сил, программы и лозунги этнокультурных и националистических организаций и движений, но и ориентация на те или иные этнополитические мифы, которые могут быть основаниями принципиальных идеологических конструктов и рычагом групповой мобилизации.

Сущность этнополитических мифов

Как известно, миф в классическом понимании — это своеобразная форма кодировки в устной традиции главных ценностей традиционного общества. В словаре Тони Лоусона и Джоан Гэррод «Социология» по поводу мифа сказано следующее: «Миф — священное, почитаемое сказание, обычно связанное с имеющими большое значение для конкретного общества событиями, например с происхождением народа, с повествованием о его богах или героях прошлого»¹. Таково антропологическое определение мифов, изучению которых посвятили свои исследования знаменитый британский антрополог Бронислав Малиновский, пытавшийся с их помощью выявить базовые ценности различных обществ, а также не менее знаменитый французский антрополог Клод Леви-Строс, утверждавший, что все мифы выражают представления о таких фундаментальных «бинарных противоположностях», как мужчина и женщина, друг и враг, природа и общество. В недавнем прошлом мифы были подвержены анализу как система символов, посредством которых выражается культура общества. Мифы могут быть обнаружены не только в устных и письменных дискурсах, но и во всех формах популярной культуры, например в спорте, кино, моде, рекламе и т.д.

¹ Лоусон Т., Гэррод Дж. Социология. А–Я: Словарь-справочник. М., 2000. С. 227.

Любой народ имел свою систему мифов, посредством которых объяснял существующий миропорядок и место человека в нем, а также место конкретного этнического сообщества в картине мира. Мифы являются одним из исторически апробированных способов утверждения общественных норм в качестве не нуждающихся в доказательствах фактах природы или истории и своеобразной формой самопознания и самоидентификации. Отсюда очевидно, что миф в общественном и индивидуальном сознании является не только логичной, но и неизбежной составляющей. Понятие политического мифа было сформулировано сто лет назад Ж. Сорелем, который видел его предназначение в отображении «инстинктов», «ожиданий» и «страхов» национального движения или политической партии, в придании их идеологии завершенности.

В последние годы историческое мифотворчество особенно расцвело, ибо спрос на этнополитические мифы резко возрос. Это не является случайностью и связано с тем взрывом этничности, о котором уже упоминалось. Новые мифы и идеология выстраиваются под влиянием современных социальных реалий и одновременно помогают их строить и укоренять. При этом этнополитические мифы могут иметь характер как локальных идеологических установок и стереотипов, так и региональных, общенациональных и даже цивилизационных. К примеру, на Западе весьма распространен миф о нарастающей исламской угрозе, а в исламских странах велико опасение, что Запад стремится к христианизации мусульманского мира и навязыванию ему своих норм жизни.

Рождение новых государств, активизация националистических движений привели к поиску обоснования их пространственных и культурных границ, не наблюдавшихся прежде социальных оппозиций, потребовали ответа на вопрос «кто мы?» и «откуда мы?», подтолкнули к созданию актуальных национальных символов и к новому «прочтению» собственной истории. Конечно, эти потребности отчасти удовлетворялись растущим объемом исследований и публикаций, которые рассматривали различные аспекты истории народов, их культурного развития, их этнического бытия, но строго академические издания или аналитические публикации в прессе не могли

выполнить ту роль, которую с успехом решали мифы. **Миф освещал произошедшие или желаемые перемены и превращал их в некий священный моральный принцип**, оттесняя на задний план прагматические интересы реальных социальных сил. **Миф становился доказательством прямого действия, заменяя собой сложную систему аргументации при выдвижении требований политической автономии, территориальных претензий, политических и культурных приоритетов для этнической общности или группы.** Как отмечает один из исследователей природы политического мифа, миф есть «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах». При этом мифотворчество есть совершенно нормальный способ сделать политические (этнополитические) события и явления понятными и приемлемыми для идеологического восприятия. Мифы есть способ поддержания исповедуемых ценностей и форма их эффективной трансляции. К. Флад в этой связи подчеркивает: «Мифотворчество — это постоянная практика, которая пронизывает деятельность политических комментаторов... В идеологической сфере теоретическая аргументация имеет особый престиж, поскольку она является рефлексией разума, и в ней концентрируется содержание мыслительной деятельности. Но мифотворчество идет рука об руку с теорией. Только историческая интерпретация событий и прогнозы на будущее способны продемонстрировать то, что наши ценности, убеждения, цели имеют некоторое значение в общественной жизни»¹.

Миф не признает различий, сознательно упрощает действительность и предлагает (в форме некоего культурного кода) простое и однозначное решение. Мобилизующее влияние мифа, особенно героического, обращенного к «золотому веку» народа, когда он имел собственную государственность, политическое величие, показала на примере армян С.В. Лурье в работе «Историческая этнология». Но армянский пример отнюдь

¹ Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2004. С. 241.

не единственный. В.А. Шнирельман пишет по этому поводу: «Этногенетический миф, имеющий важную компенсаторную функцию, нужен людям в критические моменты их истории: когда этнической группе грозит утрата культуры и языка, когда этнические меньшинства борются против дискриминации и ее последствий, когда народ ведет борьбу за политическую самостоятельность, когда на развалинах империи возникают новые государства, когда имперский в прошлом народ испытывает дискомфорт, теряя прежний статус, когда два соседних народа предъявляют права на одну и ту же территорию, которую оба они издавна занимали, когда пришельцы разного этнического происхождения сплываются в новую этническую группу, наконец, когда единый в прошлом народ оказывается разорванным на части и образует новую диаспору»¹. Шнирельман обращает внимание на содержание этнополитических мифов современности и показывает, из чего складывается этнический образ прошлого и за что ведется борьба. Ключевыми сюжетами, вокруг которых рождаются новые этнополитические мифы, являются события, связанные с обретением родины, формированием собственной государственности или ее предтечи, великими завоеваниями и великими героями, страшными катастрофами, прервавшими восхождение народа к вершинам могущества и расцвета.

Идеологические функции и функции этнополитической мобилизации, которыми обладают политические мифы, неразрывно связаны с правовой функцией. Миф есть своеобразная правовая основа, на которой базируются идеологические построения и этнополитическая мобилизация. Правовая функция мифа была характерна для традиционных обществ, в которых не существовало писаного права, но она наследовалась более развитыми сообществами. Как пишет основатель Французской ассоциации юридической антропологии Норбер Рулан, «законодательная власть мифа объясняет тот факт, что во многих обществах за человеком не признается такая же власть. У евреев законом является Тора — договор о союзе с Яхве, поэ-

¹ Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М., 2000. С. 16.

тому правитель не имеет законодательной власти. В традиционном мусульманском праве источником права является Коран, и правитель также не имеет законодательного права: он является исполнителем, но не законодателем. Во многих африканских обществах человек может лишь прибегать к праву, поскольку только мифы могут творить право»¹.

Связь между правом и мифотворчеством имеет место и в современном законодательстве, начиная от доктрин государственного национализма до защиты интересов меньшинств этнических сообществ и особенно «коренных народов». С.В. Соколовский замечает по этому поводу: «В отличие от выверенной рациональности юридических норм международного права в сфере защиты прав меньшинств нормы, регулирующие права так называемых “коренных народов” пронизаны иррациональными посылами и романтической мифологией». В Конвенции МОТ № 169, к примеру, говорится о некоей мифической «связи» коренных народов с землей и территорией. В самой же политической практике коренное население трактуется как особая целостность, которая именно в таком качестве и должна являться объектом этнонациональной политики. Территории, заселенные «коренными народами», трактуются как некие «священные анклавы», вторжение на которые представителей других этнических общностей нежелательно. Политизация и мифологизация представлений о «коренных народах» выгодна этническим элитам, которые ведут борьбу за участие в прибылях, получаемых от эксплуатации ресурсов тех территорий, где расселены данные народы.

Характерно, что, преследуя цель этнополитической мобилизации и сплочения группы, а также обосновывая право на территорию, националистические идеологи и мифотворцы порой не скрывают, что посредством исторического мифа пытаются решать практические цели национализма. Так, Северная Осетия занимает особое положение на Северном Кавказе, поскольку осетины как этническая группа разделены государственной границей, конфессиональной принадлежностью (часть из них христиане, а часть — мусульмане) и име-

¹ Рулан Н. Юридическая антропология: Учебник для вузов. М., 1999. С. 57.

ют внутригрупповые различия (дигорцы, иронцы, кударцы). Часть населения республики составляют русские, а часть — ингушское меньшинство, проживающее в спорном Пригородном районе. В этой республике особая потребность в консолидирующих идеях и в исторической обоснованности прав осетин на территории современного проживания. Эта потребность еще более актуализировалась после открытого осетино-ингушского конфликта (1992) и фактического изгнания ингушей с территории Северной Осетии. Осетины, которые исторически были ориентированы на интеграцию с Россией и чья элита не культивировала идею государственной нации, как, например, у татар или тувинцев, акцентировали в национальной идеологии не статусные идеи, а консолидирующие, и именно в таком ключе национальные идеологи строили и транслировали миф о прошлом народа. Поэтому они сознательно использовали историческую память о великих кочевниках-аланах, об аланском царстве для утверждения прямой генетической связи осетин с аланами и современной Осетии с аланским царством. При этом сами местные исследователи считали, что неважно, насколько реально осетины являются единственными потомками алан и какова степень их языкового и антропологического соответствия древнему «северо-кавказскому субстрату». Важно было то, что аланская версия происхождения осетин говорила об их арийском происхождении, что как бы незримо связывало мусульман и христиан глубокими историческими узами, которые были древнее самих христианства и ислама. Кроме того, такие генетические корни задавали определенный вектор в геополитических ориентациях осетин и способствовали интеграции разных этнографических групп в сообщество, спаянное исторической памятью и общей идеей. Аланская идея была закреплена не просто в школьных учебниках и официальной пропаганде, она приобрела значение этнополитического маркера, ибо с 1994 г. Республика Северная Осетия стала называться Северная Осетия–Алания, а футбольный клуб и команда — просто «Аланией».

Но миф может быть как интеграционным, так и дезинтеграционным. В этом случае его используют как идеологическую основу для исключения той или иной этнической группы из по-

литического пространства страны. Нет нужды говорить о широко известном мифе о «заговоре сионских мудрецов» и прочих антисемитских мифологемах. Эти мифы уже принесли свои «плоды» в виде Холокоста и продолжают оказывать влияние на современных политиков в разных странах мира.

Данный пример не является единственным. Уже упомянутые события 1993–1994 гг. в Руанде тоже имели идеологическую основу в виде мифа. Социальным и культурным антропологам хорошо известно, что народы тутси и хуту относятся к бантуязычным народам Африки, общая численность которых превышает 40 миллионов человек (крупнейшими из них являются руанда, макуа, конго, шона, малави, зулу, кикуйю). Но для обоснования политической гегемонии тутси в Руанде выдвинули гипотезу об их хамитском происхождении, о том, что их язык сходен с афро-азиатскими языками. Директор немецкого Института социальной антропологии имени Макса Планка в Галле Гюнтер Шлее по этому поводу заметил: «Собственные мифологические представления о миграции с севера наложились здесь на раннеколониальные спекуляции, что тутси, как правящий народ, должны были прийти с севера (оттуда обычно якобы и приходили правители), что и превратилось в итоге в хамитский миф. Хуту усмотрели в нем не только притязания тутси на доминирование, с которым нужно было бороться, но и то, что они являются пришельцами, а вовсе не африканцами. Геноцидные следствия, которые имело это представление, здесь можно не комментировать...»¹.

Не менее важную дезинтеграционную роль играл и миф о «Великой Оромии» как определенной политической или территориальной общности, который способствовал отделению Эритереи от Эфиопии. На самом деле Оромия никогда не существовала, и в основе эритрейского сепаратизма лежали противоречия между доминирующими в стране христианами-амхара, мусульманскими народами и племенами Эритреи (политические движения которых поддерживались арабскими странами), в том числе и оромо, которые пришли на данную территорию в XVI столетии.

¹ Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика. М., 2004. С. 50.

Практика этнополитического мифотворчества

Само этнополитическое мифотворчество зависит от политических пристрастий и ориентиров лидеров. Так, татарская общественно-политическая мысль к началу 1990-х гг. разделилась на «татаристов» и «булгаристов». Первые придают основное значение в этногенезе татар золотоордынскому периоду их истории, и их цель состоит в культурной и языковой консолидации всех татар России под единым идеологическим знаменем. Кроме того, связь современных татар с кочевыми империями, которые долгое время доминировали на просторах Евразии и являются более древними, чем Киевская или Московская Русь, позволяет сторонникам этой теории доказывать превосходство тюрков над русскими и славянами вообще. Эта теория как бы ориентирует своих приверженцев на тюркский и исламский мир, формирует символическую культурную границу между татарами и русскими. Вторые считают, что предков татар надо искать исключительно в Волжской Булгарии — государстве, сформировавшемся в IX–X вв. в Среднем Поволжье и разгромленном монголами в XIII в. Ориентация на Волжскую Булгарию в значительной мере основывается на стремлении исторически обосновать претензии на суверенитет современного Татарстана, отстоять его территориальную целостность и особый государственный статус и даже обосновать право на создание Идель-Уральской Республики, объединяющей территории казанских татар, башкир, чувашей, марийцев и мордвы в рамках одной государственной единицы.

Особо рафинированные формы мифотворчества характерны для части идеологов финно-угорских народов России. Здесь заслуживают внимания две мифологические конструкции. Одна — это превращение в факт истории сказания о Биармии, а вторая — это попытка представить ширящиеся культурные контакты между регионами проживания финно-угорских народов как процесс «воссоздания» некоего «финно-угорского мира».

В некоторых средневековых скандинавских сагах повествуется об обширной стране Биармия или Бьярмаланд, которая лежит к востоку от самой северной скандинавской провинции Финмарк. Сведения об этой стране скудные и, как правило, описы-

вают северный морской путь норвежцев и их битвы с бьярмами. В Биармии в горах никогда не тают снега, но страна эта богата: в ней есть храмы, полные сокровищ, и города. На основании этих саг уже более ста лет делаются попытки представить Биармию как первое государственное образование финно-угров. Причем его считают прародиной всех финно-угорских народов. Сторонники идеи Биармии заявляют, что это государство существовало уже в первые века нашей эры и биармийцы якобы «держали в своих руках торговлю между Востоком, Западом и Югом». Биармия сформировалась как государство задолго до Киевской Руси. Поэтому культурные традиции финно-угров и их «философия» более «чистые и древние».

Эта идея необходима для подтверждения прав финно-угорских народов на государственность и на приоритетные права в рамках собственных этнотерриториальных образований. Одновременно она призвана цементировать концепцию финно-угорской общности и дать историческое обоснование идее строительства «финно-угорского мира». Мифы о былом едином финно-угорском государственном образовании или о превратившемся в реальность «финно-угорском мире» имеют в своей основе стремление к укреплению группы солидарности и к усилению политического ресурса этнонациональных движений финно-угорских народов. Это же мифотворчество предоставляет дополнительный ресурс региональным политическим элитам, которые могут использовать его как канал развития межрегиональных и международных связей, как своеобразную форму воздействия на федеральный центр и как средство политической рекламы. А «мнение финно-угорского мира» становится мифологизированным аргументом политического лоббирования интересов регионов или их элит, а по большому счету — давления на Россию по части соблюдения прав меньшинств и ограничения ее действий по защите русскоязычного населения в Эстонии. Неслучайно именно эстонцы оказались одними из главных конструкторов мифа о финно-угорском мире¹.

¹ См.: Тишков В.А., Шабает Ю.П. Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 196. Институт этнологии и антропологии РАН. М., 2007. Шабает Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России. СПб., 2010.

Вообще попытки мифологизации отношений между федеральным центром и этнотерриториальными автономиями России могут выливаться как в сутобо прагматические действия, так и в символические акции. Одной из таких акций стала попытка хантыйского поэта и оленевода Юрия Айваседа (Вэлла) обратить внимание на положение малых народов Севера и на необходимость их государственной поддержки через символические действия, характерные для традиционной культуры хантов и их жизненной «философии». Для этого в 1996 г. на священном месте Нумпо он провел жертвоприношение и посвятил только что купленного оленя Президенту России. Олень стал частью его стада. Когда Президент болел, он сделал жертвоприношение и посвятил богам первого олененка от президентской оленихи. Затем он напомнил о президентском олене и избранному на этот пост В.В. Путину. Этот же олень был неким аргументом и в его спорах по поводу угодий с нефтяниками.

В.А. Шнирельман отмечает, что «этничность служит в наше время важным ресурсом в борьбе за социальные и политические права или за доступ к каким-либо особым привилегиям (особенно в условиях аффирмативной политики). Но чтобы чувствовать себя вправе вести такую борьбу, этническая группа должна доказать свою аутентичность, т.е. продемонстрировать свои реальные особенности — культурные и языковые»¹. Помимо языка и культуры, свою роль играют и этнополитические мифы, которые призваны подчеркнуть обоснованность притязаний этнической группы и ее специфичность, доказать ее укорененность на данной территории и связь с предками (реальными или мнимыми). Мифы придают завершенность национальной идеологии, ибо она творит, по мнению Б. Андерсона, воображаемые, т.е. мифологизированные, сообщества. Однако опасность этнополитических мифов состоит в том, что они несут угрозу раскола полиэтнических сообществ, если эти сообщества не выработали какого-то объединительного мифа. Более того, отсутствие объединительного мифа, который примирял бы разные культурные сообщества и цементировал государственные устои, приводит к тому, что каждое сообщество на-

¹ Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии современной России // Этнографическое обозрение. 2003. № 4.

чинает творить свои мифы и ориентироваться на них, при этом мифы разных этнических сообществ могут вступать в жесткую конкуренцию друг с другом.

Ярким примером такой конкуренции являются исторические мифы о прошлом Косово, которые исповедуются сербами и косовскими албанцами (косоварами). Для сербов Косово — это территория, которую с XII в. контролировала княжеская династия Неманьичей. Младший сын основателя династии, принявший монашество на горе Афон под именем Саввы, основал сербскую автокефальную церковь, признанную в 1219 г. Косово был центром империи царя Душана, созданной в 1346 г. Многие крупнейшие сербские православные монастыри находятся в Косово, а в городе Печ расположен центр сербской церкви. Печская патриархия символизирует автокефалию сербского православия. Патриарх, резиденция которого давно перенесена в Белград, продолжает носить титул Печского патриарха. Именно в Косово он символически принимает сан.

Особую роль в мифотворчестве играет память об исторических событиях, ибо здесь, в Косово, в 1389 г. произошло сражение, которое, как полагают историки, открыло путь к завоеванию Балкан Оттоманской империей. Сербская историография рисует это сражение как важную веху национальной истории сербов, а в сербской фольклорной традиции песни и сказания о битве на Косовом поле занимают важное место и сыграли свою роль в том, что идеологи сербского национализма рассматривают Косово как исключительно сербскую территорию. Между тем здесь на протяжении столетий проживали (и довольно мирно) как сербские, так и албанские крестьяне, и именно здесь, в Косово, во второй половине XIX в. стало зарождаться албанское национальное движение.

Идеологи албанского радикального национализма выдвигают свою версию истории края. Поскольку топонимика Косово в основном славянская и даже современные «албанские» названия местностей (которые активно внедряют националисты) часто являются лишь албанизированными формами славянских названий, ее наличие объясняется насильственной славянской колонизацией, начавшейся еще во времена Средневековья. Заявляется, что сербы пришли в регион позднее албанцев, и при

этом идеологи албанского национализма указывают на целенаправленную политику переселения в край сербов, которая осуществлялась в 1930-е и в 1990-е гг. Но эти волны переселенцев не были многочисленными, и именно поздние переселенцы в первую очередь покинули Косово во время эскалации этнополитического конфликта.

Албанцы утверждают, что они являются «коренным народом», ибо якобы происходят от иллирийцев, населявших эти места в эпоху Античности. Эту связь пытаются обосновать албанские историки с целью показать «автохтонность» албанского населения. Поскольку славяне появились на Балканах в VI–VII вв., постольку из «иллирийского происхождения» албанцев делается вывод, что сербы не имеют никаких прав на Косово.

Обе стороны пытаются оспорить и ослабить наиболее сильные позиции и аргументы сторон в споре за приоритет над территорией и за политическое доминирование в крае. Сербы, к примеру, подчеркивают, что демографическое доминирование албанцев возникло только в XX столетии и стало следствием не естественных процессов, а лишь массовой иммиграции с гор Северной Албании. Многие сербские националисты обвиняли маршала Тито в том, что он способствовал этому переселению после 1945 г. с целью ослабить Сербию и сербский народ. Албанцы в свою очередь пытались поставить под сомнение, что православные сербские монастыри в Косово издревле служили цитаделями православия в этих местах. По мнению албанских историков, эти монастыри построены на руинах древних католических церквей и монастырей, которые якобы были албанскими. Албанцы были обращены в ислам в XVI–XVIII вв., а до этого были католиками.

Каждая из сторон отстаивает свои исключительные права на Косово и ее историю, хотя эта земля есть общее достояние двух народов. Но эта идея не стала фактом массового сознания, не поддерживалась сербской и албанской элитами и не нашла выражения в общих мифах и символах. Именно данное обстоятельство и позволило албанскому этносепаратистскому движению достичь успеха и фактически добиться независимости Косово и ее признания большим количеством государств.

Важно иметь в виду, что объединительные мифы должны быть восприняты массовым сознанием и поняты им, ибо в про-

тивном случае они начинают отторгаться и подвергаться сомнениям. Так, политический миф Европейского союза «Европа — наш общий дом» при решении важнейших вопросов будущего Евросоюза, в частности принятия европейской Конституции, оказался неспособным конкурировать с другим этнополитическим мифом — мифом о «польском водопроводчике», который вытеснит на рынке труда французов и других «старых европейцев», который живет за счет граждан стран «старой Европы». Этот миф постоянно эволюционирует, и в кризисный период он трансформировался в образ «нахлебника грека», противостоящего трудолюбивым бюргерам. Если первый из названных мифов воспринимался как абстрактный идеал, не связанный с повседневной жизнью европейцев, то вторые оцениваются как реальная угроза жизненным планам, благополучию и привычному образу жизни. Поэтому второй миф стал более актуален. Актуальность этнополитического мифа и определяет его действенность.

Политическая теория рационального выбора, которая занимает видное место в современной политологии, способствовала усиленному вниманию исследователей к анализу роли символов и мифов в политических процессах. Наиболее рационально подошел к этому вопросу американский политолог Мэррей Эдельман, который рассматривает мифы и символы как часть «политического перформанса», суть которого состоит в удовлетворении потребностей людей получать политические указатели, помогающие им облегчить тревоги и сформулировать символы веры. Мифы также помогают правительствам оправдывать свои решения и манипулировать общественным сознанием. Важно отметить, что, несмотря на различия в методологии и выводах, все политологи, изучающие перемены в обществе с точки зрения культуры, считают символы и мифы главными в этом процессе.

Контрольные вопросы и задания

1. Каково социальное значение мифа?
2. Этнополитический миф и его роль в политике.
3. Назовите примеры современных этнополитических мифов и этнополитического мифотворчества.
4. Роль мифа в национальной идеологии.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
2. *Арсентьев Н.М., Доленко Д.В., Юрченков В.А.* Центр и периферия: история России или множества Россией? // Финно-угорский мир: история и современность: Мат-лы II Всеросс. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000.
3. *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002.
4. *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
5. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестн. Моск. унта. Сер. 7. Философия. 1990. № 2.
6. *Кириллова Н.Б.* Медиакультура, миф и политика // Философские науки. 2006. № 5.
7. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
8. *Лоусон Т., Гэррод Дж.* Социология. А–Я: Словарь-справочник. М., 2000.
9. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 1998.
10. Мифы и мифология в современной России. М., 2000.
11. *Мухаметшина Н.С.* Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. Самара, 2003.
12. *Нечаев В.Д.* Региональный миф в политической культуре современной России. М., 1999.
13. *Новикова Н.И.* Как живет оленю президента России // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002.
14. *Рулан Н.* Юридическая антропология: Учебник для вузов. М., 1999.
15. *Скальник П.* Советская «теория» этноса и ее южноафриканская параллель // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.
16. *Соколовский С.В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004.
17. *Тишков В.А., Шабает Ю.П.* Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 196 / ИЭА РАН. М., 2007.
18. *Тоценко Ж.Т.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). М., 2003.
19. *Цуладзе А.* Политическая мифология. М., 2003.
20. *Шабает Ю.П.* Гендер как элемент конструирования этнической идеологии // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Ноябрь–декабрь. № 70, 2006.
21. *Шабает Ю.П., Чарина А.М.* Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России. СПб., 2010.
22. *Шлее Г.* Управление конфликтами: теория и практика. М., 2004.
23. *Шницерльман В.А.* Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М., 2000.
24. *Шницерльман В.А.* Этногенез и идентичность: националистические мифологии современной России // Этнографическое обозрение. 2003. № 4.
25. *Уяма Т.* От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая вол-

- на в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: Сб. статей / Под ред. К. Мацузато. Саппоро, 2002.
26. *Филитов В.Р.* Грезы о «Большой Чувашии» // Этнографическое обозрение. 1995. № 6.
 27. *Филитов В.Р.* Новейшее этнополитическое мифотворчество «национальной интеллигенции» // «Новая» Россия: социальные и политические мифы: Мат-лы рос. межвуз. науч. конф. 26–27 ноября 1999. М., 1999.
 28. *Флад К.* Политический миф: Теоретическое исследование. М., 2004.
 29. *Edelman M.* Constructing the Political Spectacle. Chicago, 1988.
 30. *Myth and Mentality. Studies in Folklore and Popular Thought / Ed. by Anna-Leena Siikala. Studia Fennica Folkloristica 8. Helsinki, 2002.*

Глава 13

Глобализация и этничность

Проблема глобализации для современных социальных наук превратилась в одно из важнейших направлений исследований. За последнее десятилетие число публикаций, посвященных различным аспектам процесса глобализации, росло лавинообразно. В тех из них, авторы которых рассматривали социокультурный ракурс этого процесса, отмечалось, что глобализация ведет к гомогенизации культур, что она является свидетельством кризиса национальных культур, вызывает столкновение исторических общностей людей. Утверждалось также, что глобализация ведет к конфликту цивилизаций, фрагментации мира из-за существующих цивилизационных различий. Наиболее часто исследователи говорили о культурной глобализации, которая выдвигает на первый план проблему мультикультурализма и межкультурных коммуникаций.

Исторические этапы и сущность процесса глобализации

Естественно, не обошли вниманием проблему глобализации и российские этнологи, и западные социальные антропологи. В работе М.Н. Губогло «Идентификация идентичности» целая глава посвящена тому, каким образом актуальные проблемы российской этнологии связаны с процессами глобализации. Автор в пику тем исследователям, которые изображают глобализацию исторически беспрецедентным социальным процессом, предлагает историческое «прочтение» данного социального феномена, выделяя три фазы глобализации. Первая фаза охватывает период с начала Великих географических открытий до начала XIX в. Она связана с началом колонизации, выходом капиталов, культур и политических интересов за рамки государственных границ, формированием мировых империй и переносом глобального политического соперничества на все

континенты Земли. Вторая фаза связана с дальнейшей европейской колонизацией, начавшейся индустриализацией, развитием транспортных средств и коммуникаций. Этот период характеризовался массовой эмиграцией из стран Европы, развитием мировой торговли и усилением эксплуатации неевропейских ресурсов. Третья фаза глобализации охватывает период структурных изменений в мире, начавшийся после Первой мировой войны и продолжающийся до сих пор. В этот период происходит сосредоточение этнополитической и военной мощи сначала в руках двух великих держав — СССР и США, а затем только в руках последней. В это же время происходит упадок таких колониальных империй, как Испанская, Французская, Британская, Португальская, Нидерландская, Османская. Вместе с изменениями в расселении людей (продолжающиеся массовые миграции) осуществляется широкомасштабный межкультурный обмен. Кроме того, можно добавить, что в XX в. складывается новая система международных отношений, основанная на международном праве и деятельности таких организаций, как Лига Наций и ООН, которые объединяют в своих рядах все большее число стран и народов.

Если обратиться к сущностным характеристикам глобализации, то здесь акценты делаются чаще всего на качественно новом уровне интегрированности, целостности и взаимозависимости мира. Нынешний этап глобализации исследователи рассматривают как дополнение растущей взаимозависимости стран усиливающейся транснационализацией хозяйственной, информационной и других видов деятельности. Транснационализация ведет к постнационализму, когда реальной становится перспектива «растворения» наций и государств в более сложных и прежде не существовавших международных структурах.

Такое понимание глобализации предполагает, что этнический фактор утрачивает свое значение во внутренней и международной политике, что доминирующее значение приобретают новые идентичности и новые системы ценностей, разрушающие прежние культурные границы. В этой связи английский ученый Энтони Смит задает резонный вопрос: «Можно ли представить время, когда на смену не только этническому национализму,

но и национальным государствам, национальным идентичностям и национализму как таковому придет космополитическая культура и наднациональное правление?»¹ Анализируя позиции тех исследователей проблем национализма, которые рассматривают его в контексте глобализации, он отмечает, что они предрекают, во-первых, неизбежный упадок «национального государства», во-вторых, замену национализма и, в-третьих, преодоление этничности.

Глобализация и проблема сохранения этничности

Те, кто используют понятия «наднационализм» и «глобальная культура», указывают на фрагментацию национальных идентичностей, утрату экономического суверенитета и растущую политическую взаимозависимость национальных государств. Но вместе с тем имеются и свидетельства того, что «в эпоху добровольных сетей социального взаимодействия, основывающихся на потребностях и деятельности индивидов, этнонациональная организация служит важным каналом для индивидуальной идентификации и солидарности... Этнонациональные движения политически активны и к тому же служат основой для формирования культуры». Имеет место не преодоление этничности, а возрождение «этнических уз самими процессами глобализации». Более того, события последнего десятилетия XX в. позволили Э. Смиту высказать мнение об очевидном «глобальном этническом возрождении».

Действительно, пока мы наблюдаем не формирование новых глобальных идентичностей, не замещение и преодоление этничности «наднационализмом», а явную актуализацию этничности плюс к этому усиление регионализма. Неслучайно в последние годы все чаще говорят о «Европе регионов». Правда, процессы глобализации приводят к формированию новых трансграничных регионов или «еврорегионов», которые формируются на стыке прежних государственных границ. Примером таких «еврорегионов» можно назвать разделенный город Хапаранд/Торнио на границе Швеции и Финляндии, еврорегион Нейсе-Ниса-Нысса на стыке границ Чехии, Польши

и Германии или планируемый регион Карелия по обе стороны российско-финской границы. Но все эти регионы имеют прочные исторические и этнические основания для своего возникновения и призваны главным образом содействовать «расширению контактов между жителями приграничных территорий», облегчению «процесса пересечения границ для людей и групп» между естественно тяготеющими друг к другу территориями.

Вместе с тем за пятьдесят лет интенсивной европейской интеграции все еще не сложилось условий для того, чтобы можно было говорить об общеевропейской культуре или общеевропейской идентичности, хотя элементы того и другого существуют. Впрочем, главной ошибкой многих апологетов глобализации является их убежденность в том, что новые культурные стандарты и новые глобальные идентичности обязательно должны замещать старые, и прежде всего этнические. В то же время само этническое самосознание неоднородно и демонстрирует возможные формы сосуществования разных идентичностей. Члены этнических сообществ могут обладать как общеэтническим самосознанием, так и субэтническим, т.е. одновременно соотносить себя с этносом в целом и с этнографической группой или субэтносом, например француз и корсиканец, русский и донской казак, немец и баварец, даргинец и кубачинец.

Важно иметь в виду, что экономическая сущность процесса глобализации, выражающаяся в доминировании транснациональных компаний и интеграции производственных систем, которая, казалось бы, ломает все границы и ограничения эпохи доминирования национальных государств, на самом деле жестко регламентируется национальными правительствами путем имеющихся в их руках институциональных форм. Деятельность транснациональных компаний, как правило, привязана к определенным национальным государствам, и последние сохраняют решающее влияние на них.

Глобализация и политическая кооперация этнических сообществ

Процессы глобализации, не отменяя этничности и не ослабляя ее влияния на общественное развитие, сказываются на

¹ Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004. С. 388.

положении этнических сообществ и групп, создают новые реальности и новые перспективы для этнического развития и актуализации этничности. Ломка прежних преград, развитие информационных и культурных связей позволяют этнически родственными сообществам укреплять солидарность, заимствовать эффективные образцы самоорганизации, рассчитывать на в деле экономической и социальной модернизации.

Надежды такого рода имеют место не только в среде интеллигенции и активистов национальных движений, но и в академической среде. В качестве доказательства сошлемся на монографию удмуртского исследователя И.К. Калинина, в которой он, в частности, выражает надежду, что российские финно-угорские народы имеют шанс противостоять ассимиляции и выстоять в конкуренции языков и культур, опираясь на поддержку родственных им народов на Западе: «Встречное расположение к культурному сближению со стороны Финляндии, Венгрии, Эстонии обещает хорошие перспективы. В изучении и интерпретации культуры этих стран, прежде всего, необходимо усвоение тех моментов ментальности, которые конструируют современное общество, ориентируя человека не на потребление плодов цивилизации, чем, к сожалению, грешит интерпретация Запада российским общественным сознанием, а на их производство. Для восточных финнов более близкое знакомство с жизнью финнов Финляндии или венгров означает поэтому, кроме всего прочего, и возможность “прицепиться” к первому эшелону модернизации»¹.

Развитие сотрудничества между «родственными народами» и государственными институтами стран, где они проживают, действительно, в последние годы существенно расширилось, обрело своеобразные организационные формы и стало играть важную интеграционную миссию как в Европе, так и в циркумполярном регионе и некоторых других международных площадках. Что касается уже упомянутого сотрудничества финно-угорских народов и возлагаемых на него надежд, то эффект от этого сотрудничества налицо. В 1992 г. в столице Республики Коми Сыктывкаре состоялся I Всемирный конгресс финно-

¹ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000. С. 153.

угорских народов, на котором был учрежден международный Консультативный комитет финно-угорских народов, который впоследствии стал добиваться статуса неправительственной организации ООН. В Декларации об основных принципах, целях и задачах объединения финно-угорских народов мира, которая была принята на первом конгрессе, говорилось: «...Мы рассматриваем Всемирный конгресс финно-угорских народов как высший форум (представительное собрание) неправительственных институтов самих народов:

- мы видим себя открытым для всего мирового сообщества добровольным объединением равноправных родственных народов, включающимся в общеевропейский процесс ОБСЕ и руководствующимся Всеобщей декларацией прав человека, Парижской хартией для новой Европы, 169-й Конвенцией Международной организации труда и другими нормами международного права для коренных народов и национальных меньшинств;
- мы твердо намерены выполнять волю наших народов к сотрудничеству и взаимопомощи в экономической, экологической, правовой, социальной, информационной, научной и культурной областях...»¹.

Всемирные финно-угорские конгрессы с тех пор проводятся регулярно, а культурное сотрудничество между странами и регионами проживания финно-угорских народов развивалось как на межправительственном уровне, так и на уровне общественных ассоциаций. В соглашениях между Россией и Финляндией, Россией и Венгрией, Россией и Эстонией тема культурного сотрудничества, а точнее ее этнический аспект был особо оговорен. Правительства Эстонии и Финляндии приняли специальные правительственные программы оказания содействия своим «сородичам» в России, под которые выделялись значительные средства. На эти средства ежегодно в вузах Эстонии и Финляндии обучаются десятки студентов и аспирантов из этнически родственных этим странам российских регионов, издаются учебники и книги на языках финно-угорских народов, финансируются программы культурных мероприятий типа летних ла-

¹ Штрихи этнополитического развития Коми Республики: Очерки. Документы. Материалы. Т. 1. М., 1994. С. 231.

герей для школьников и студентов, театральных и фольклорных фестивалей, съездов и встреч финно-угорских писателей.

На II Всемирном конгрессе финно-угорских народов заговорили о формировании «финно-угорского мира» как общего культурного и информационного пространства финно-угорских народов, как некоей новой идентичности. Таким образом, новые возможности глобального мира стимулировали активизацию этничности. Более того, вслед за сферой этнической интеграционные тенденции стали формироваться в сфере экономической и политической. Финляндия инициировала принятие ЕС специальной программы «Северное измерение», призванной интенсифицировать экономическое сотрудничество Евросоюза с регионами Европейского Севера России, но прежде всего с Карелией и Коми, где проживает родственное финнам население. Некоторые ученые из Эстонии и Финляндии стали заявлять, что после вступления в Европейский союз Финляндии, Венгрии, и Эстонии стоит задуматься о том, как далее строить сотрудничество между этими странами и российскими регионами с финно-угорским населением. Высказывалось даже предположение, что они смогут стать ассоциированными членами Евросоюза прежде России, поскольку пока вопрос о вступлении в эту организацию самой России не стоит. Таким образом, актуализированная этничность отчасти выступает в качестве стимулятора процессов экономической и политической интеграции и даже способствует усилению процессов глобализации.

В чем-то аналогичную картину можно наблюдать и у татар. Подъем татарского национализма на рубеже 1980–1990-х гг. привел к идее созыва Всемирного конгресса татар. Первый такой конгресс прошел в Казани в июне 1992 г. Его проведение обосновывалось в Декларации конгресса «необходимостью единства татар всего мира под знаменем национального обновления». На конгрессе был создан исполком, который стал рассматриваться делегатами как международная организация, ставящая своей целью «возрождение татарского народа, его языка и культуры». Если финно-угорские конгрессы заявляли об укреплении сотрудничества народов целой языковой семьи, то конгресс татар пытался в глобальном плане интегрировать татарский этнос. Эта геополитическая идея привела идеологов татарского движения к тому, что они вообще стали отрицать наличие субэтни-

ческих подразделений татарского этноса — кряшен, сибирских, астраханских, крымских татар. На этой идеологической основе раздавались даже требования внести изменения в переписные листы Всероссийской переписи населения 2002 г., в идеологию которой якобы сознательно заложен принцип разделения татарской нации на отдельные составляющие.

Но более прагматичные татарские интеллектуалы заявляют не о необходимости механического ранжирования всех татар, а о долгосрочных ориентирах нациестроительства, которые включают широкую интеграцию татар в культурное пространство Европы и Азии. К примеру, татарский ученый Дамир Исхаков пишет по этому поводу: «Геополитические приоритеты Татарстана никак не могут выстраиваться в узких рамках русско-православной Евразии. Татарстан нуждается в выходе на мировое сообщество через западную (демократическую) цивилизацию, но при сохранении особого акцента на общетюркские и мусульманские начала своей культуры и идентичности»¹.

В интеграционных, глобалистских целях пытаются использовать этничность и некоторые другие национальные движения и лидеры, хотя акценты здесь могут быть самыми разными. Своеобразный пример «этнической глобализации» демонстрируют малочисленные народы Севера России, Сибири и регионов Дальнего Востока. Этних народов несколько десятков, и численность их колеблется от нескольких сотен человек до десятков тысяч. Их культуры, как правило, связаны с промысловым хозяйством — охотой, рыбной ловлей, оленеводством. Однако их традиционное хозяйство переживает кризис, а многие из них под давлением индустриальной культуры, изменений в образе жизни, миграции на их территории пришлого населения стали стремительно утрачивать свою этничность, и сегодня стоит вопрос о возможности их выживания или о полном поглощении этих народов их этническим окружением. Почти все языки народов Севера занесены в Красную книгу языков народов России.

Осознавая кризисное положение своих народов, представители их интеллигенции еще в 1990 г. при поддержке федераль-

¹ Исхаков Д. Модель Татарстана: «за» и «против» // Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Т. 2. М., 1998. С. 90.

ных властей создали Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНСиДВ). В состав ассоциации вошли организации и отделения ассоциации, представляющие 35 народов. Общей проблемой для этой части россиян является не только ослабленный культурный потенциал, но и недостаточный политический ресурс для лоббирования своих интересов на местном уровне и его полное отсутствие для воздействия на федеральные власти. Объединение в ассоциацию решило проблему дефицита политического ресурса и позволило добиться принятия ряда законов и постановлений, которые способствуют решению актуальных проблем этих народов. В частности, были приняты федеральные законы «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», в 2000 г. постановлением Правительства РФ был утвержден Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, что предполагает предоставление народам, вошедшим в список, государственной поддержки и ряда льгот (альтернативная военная служба, закрепление земельных угодий и т.д.).

Малые народы Российской Федерации для усиления своих политических позиций внутри страны все чаще прибегают к кооперации своих усилий с родственными народами или народами, имеющими сходные исторические судьбы, но проживающими за пределами государственных границ России. Совместно с ними создают специальные международные этнополитические объединения, которые лоббируют их интересы на национальном и международном уровнях. Первыми в этот процесс включились российские саамы, которые в 1992 г. вступили в созданный в 1956 г. Совет северных саамов, объединявший до этого саамов Швеции, Норвегии и Финляндии. С этого времени организация получила новое название — Совет саамов. В 1996 г. правительства восьми арктических стран сформировали Арктический совет, призванный решать проблемы сохранения окружающей среды в Арктике. На правах равноправных членов в этот совет вошли Совет саамов, Инуитская циркумполярная конференция и АКМНСиДВ. Позднее к ней присоединились

Арктический совет атабасков, Международная ассоциация алеутов. Сотрудничество малых народов Севера в рамках международных программ позволяет им добиваться признания в качестве равноправных политических партнеров в решении проблем внутригосударственной и международной жизни, затрагивающих их интересы; требовать от национальных правительств единого подхода в отношениях с малыми народами и этнографическими группами; способствовать формированию и развитию правовой базы, регулирующей права малочисленных народов.

Именно процессы глобализации актуализировали проблему коренных народов, поскольку интересы промышленного развития заставили вторгаться на земли, населенные коренными народами, а развитие информационных систем и надгосударственных политических институтов показало, что это вторжение угрожает образу жизни и культурам уникальной части человеческой цивилизации. Сейчас, по оценке ООН и Международной рабочей группы по делам коренных народов (IWGIA), на земле проживает 220 миллионов представителей коренных народов, сохраняющих традиционные культуры. Они занимают около 20% всей поверхности суши, причем районы их проживания — это наиболее ценные в экологическом отношении территории, обеспечивающие сохранение уникального генофонда планеты и стабилизирующие воздействие индустриальных регионов на атмосферу и водные пространства. Для того чтобы эффективно использовать международные инструменты и механизмы для защиты прав коренных народов, около десятилетий назад (1982) в рамках Подкомиссии по поощрению и защите прав человека Комиссии ООН по правам человека была создана Рабочая группа по коренным народам. В 1985 г. эта группа приступила к разработке Декларации о правах коренных народов, проект которой в 1993 г. был передан на рассмотрение в Подкомиссию. С тех пор идет доработка данной декларации на основе консультаций с организациями коренных народов. Более 100 таких организаций заявили о своем желании принять участие в работе над проектом.

Активная работа с представителями коренных народов привела к необходимости создания специального органа, координирующего

нирующей деятельностью по изучению проблем коренных народов и оказанию им действенной международной помощи. Экономический и социальный совет ООН в 2000 г. принял решение — учредить Постоянный форум по вопросам коренных народов в качестве своего консультативного, вспомогательного органа, который занимался бы исключительно вопросами коренных народов. Форум состоит из 16 членов, 8 из которых — эксперты из числа коренных народов. Мандат форума предусматривает изучение проблем коренных народов, связанных с экономическим и социальным развитием, культурой, охраной окружающей среды, образованием, здравоохранением и правами человека.

Широкие интеграционные процессы, которые затронули коренные народы, способствуют их плодотворному сотрудничеству со многими международными организациями, привлечению дополнительных ресурсов туда, где собственные ограничены. Так, сотрудничество со своими этнополитическими союзниками за пределами России позволило АКМНС и ДВ получать международные гранты и международную финансовую поддержку для создания информационных центров, сайтов и сетей, где аккумулируется информация о положении дел на территории проживания отдельных народов и политическом взаимодействии этнополитических организаций малых народов; за счет этих средств создаются и поддерживаются традиционные промыслы, формируются коммерческие организации народов Севера и проводится их обучение для успешной адаптации к условиям рыночной конкуренции.

Широкое этнополитическое взаимодействие ведет и к формированию новых политических структур национального и наднационального уровня. Так, при содействии Рабочей группы по делам коренного населения и скандинавских партнеров у активистов АКМНС и ДВ созрела мысль о создании в России Парламента коренных малочисленных народов как неправительственной организации, призванной привлечь внимание общественности, политиков и властей к нуждам и требованиям нескольких десятков малых народов и этнографических групп. Эти предложения уже рассматривались в Государственной Думе РФ. Дискуссии на IV Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Таллине (август 2004 г.) привели к рождению идеи о

создании при общеевропейских институтах постоянно действующего форума по правам коренных народов и этнических меньшинств.

Особое внимание многие исследователи обращают на то, как влияют процессы глобализации на культурное развитие стран и народов. Очевидно, что нарождающаяся «глобальная культура» имеет в своей основе то, что прежде называлось «англосаксонской» культурой, которая исторически связана с протестантской этикой. Но в современном мире существует немало стран и регионов, где в процессе длительного исторического развития сформировались специфичные культуры мирового уровня, имеющие мощное влияние на ценностные системы сотен миллионов людей, — это Индия и Китай, это Арабский Восток, это Япония и Франция и это Россия.

В этих странах происходит националистическая реакция на глобализацию, в частности распространяются антиамериканские настроения. Такая ситуация дает повод некоторым исследователям говорить о цивилизационном противостоянии, как о глобальном конфликте современности.

Характерно, что если в начале XX в., анализируя масштабные социальные сдвиги, Освальд Шпенглер говорил, что процесс политического распада ведет к формированию новой, более амбициозной и авторитарной цивилизации, то драматичные события конца XX в., которые не были следствием войн или революций, заставили Самюэля Хантингтона говорить о том, что процессы глобализации не только не создают единую цивилизацию, но и ведут к столкновению цивилизаций. Взрывы в лондонском метро, столкновения в Австралии, карикатурная война между Европой и мусульманскими странами и многие другие процессы и явления, казалось, только подтверждали идею столкновения цивилизаций и показывали нарастание этнополитической конфликтности в современном мире. Вместе с тем ряд исследователей отмечают и другую сторону современной глобализации, которая связана с тем, что в процессе глобальных трансформаций не формируются новые универсальные культурные ценности, а осуществляется навязывание западных стандартов культурного потребления. Поэтому реакцией на вестернизацию становится стремление незападных культур к изоляции.

Будучи связанной с регионализацией и поиском локальных идентичностей, глобализация привела к замещению конфликта между социальными системами, новыми конфликтами и цивилизационными противоречиями. На наш взгляд, **глобализация на современном этапе развития человеческого общества не ведет к вытеснению или замещению этничности, а способствует ее актуализации и политизации. Глобализация позволяет расширить политическое и информационное поле культурной партикулярности, она способствует превращению миноритарных этнических сообществ не просто в политически активных игроков, но и в международных акторов.** Глобализация позволяет перераспределять ресурсы в пользу тех этнических сообществ и этнических групп, которые находятся в сложном положении, и дает им дополнительные стимулы для самоорганизации и выживания.

Подчеркивая тот факт, что глобализация не вытесняет и не замещает этничность, необходимо, однако, отметить, что, безусловно, процессы глобализации оказывают разрушительное воздействие на этничность. Но конкуренция языков и культур имела место в истории человечества всегда, их породила не глобализация, она способна лишь интенсифицировать эти явления, которые приобретают качественно иной характер. Вместе с тем глобализация дает и новые ресурсы этническим группам для сопротивления процессам унификации и ассимиляции.

Вместе с тем, политическим менеджерам необходимо учитывать, что современная глобализация — это еще и глобализация рисков. В частности, как пишет российский политолог В.И. Пантин, становится очевидным, что происходит «глобализация социально-политических конфликтов, глобализация экологического кризиса, глобализация терроризма и организованной преступности...»¹ По его словам, глобализация есть не одна из многих проблем, а «проблема проблем», которая сложна и противоречива. В отношении этнического и этнополитического развития эта противоречивость проявляется достаточно очевидно. И наиболее очевидна она в практике европейского мультикультурализма, ставшей своеобразным ответом правя-

¹ Пантин В.И. Глобальное видение истории и современности // Философские науки. 2004. № 7. С. 77.

щих кругов европейских стран на возрастающие масштабы этнических миграций.

Сами эти миграции были вызваны процессами глобализации, ибо развивающиеся мирохозяйственные связи потребовали создания широкого рынка рабочей силы. Но масштабы миграций оказались таковы, что мультикультурализм сам оказался «жертвой» глобализации. Как считают некоторые европейский мультикультурализм «умирает», поскольку политика культурной терпимости в странах Западной Европы привела к формированию «параллельных обществ», которые сформировались из этнических мигрантов и живут ныне по своим законам, полностью изолированы от доминантного общества и в языковом и в культурном плане. В мультикультурном обществе собственная культура этнических мигрантов рассматривалась как форма сохранения их идентичности. В таком качестве она постепенно превращалась в контркультуру, противостоящую общенациональной культуре принимающего мигрантов общества. Культурная обособленность становится агрессивной и степень агрессивности зависит от степени отчуждения той или иной группы иммигрантов от основного населения страны. При этом культурные противоречия могут легко трансформироваться в противоречия политические, в политическое противостояние мигрантов доминантному большинству.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите три исторических этапа в развитии процессов глобализации.
2. Каковы критерии процессов глобализации?
3. Э. Смит о глобализации и «наднационализме».
4. Вытесняет ли глобализация этничность, а глобальная культура — этнические культуры?
5. Как соотносятся глобализация и регионализация?
6. Как влияет глобализация на этнополитические процессы в современном мире?

Литература

1. Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.

3. Богатуров А. Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.
4. Богомолов Б.А. Глобализация: некоторые подходы к осмыслению феномена // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2004. № 3.
5. Боришполец К.П. Национальное измерение глобального мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 1.
6. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003.
7. Гусейнов А.А. О возможности глобального этноса // Диалог культур в глобализирующемся мире: Мировоззренческие аспекты. М., 2005.
8. Дахин В.Н. Глобализация и культурно-идеологический кризис современного мира // Глобализация и перспективы современной цивилизации. М., 2005.
9. Игрицкий Ю. Национальное государство под натиском глобализации // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.
10. Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.
11. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.
12. Ландабасо Ангуло А., Коновалов А. Терроризм и этнополитические конфликты. Книга вторая. Терроризм сегодня. М., 2004.
13. Марен А. В поисках европейской идентичности: Парадипломатическая деятельность Республики Карелия и ее последствия // Политическая наука. 2002. № 1.
14. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хаттингтона. М., 2004.
15. Пантин В.И. Глобальное видение истории и современности // Философские науки. 2004. № 7.
16. Понарин Э.Д., Мухаметшина Н.С. Национальные проблемы на постсоветской территории: Уч. пособие. СПб., 2001.
17. Скотт Дж. Стимулирование кооперации: могут ли еврорегионы стать мостами коммуникации? // Кочующие границы: Сб. статей по материалам международного семинара (Нарва, 13–15.11.1998). СПб., 1999.
18. Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004.
19. Федотова В.Г. Глобализация и терроризм // Космополис. 2003. № 3 (5).
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.
21. Хелд Д., Гольтблатт Д., Перратон Дж. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М., 2004.
22. Штрихи этнополитического развития Коми республики: Очерки. Документы. Материалы. Т. 1. М., 1994.
23. Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998.

Глава 14

Этнополитика в образовательной и информационной сферах

К числу практических задач этнополитики, помимо законодательного и политического регулирования межэтнических отношений, относятся меры профилактического характера, направленные на предупреждение конфликтных ситуаций и формирование благоприятного климата межэтнического взаимодействия, гражданскую консолидацию общества. Эти меры должны сочетаться с грамотной информационной политикой, целью которой является формирование культуры межэтнических отношений, основанной на толерантности и сотрудничестве, поддерживающей культурное многообразие в данном государственном сообществе.

Молодежь и школа как субъект этнополитики

Молодежь и школа – один из ключевых субъектов этнополитики. Этническая идентичность человека, его знание о своем народе и стране, о народах и странах мира формируются с юных лет, прежде всего в семье, а затем и в школе. Именно в школе закладываются первые представления о Родине, ее истории и героях, воспитываются чувства гражданской ответственности и патриотизма. Вместе с этим подросток на уроках географии, истории, литературы, в процессе непосредственного общения с учителями и сверстниками получает информацию об этнокультурном разнообразии населения своей страны, региона, города, в котором он проживает. В современной России фактически нет школ и даже классов, в которых обучались бы ученики только одной этнической принадлежности. Все это предполагает в качестве обязательного компонента школьных программ и стандартов воспитание и обучение культуре толерантности в сфере межэтнического общения, умению предотвращать и разрешать возможные конфликты на основе этнических, расовых или религиозных различий. Там, где это не делается в должной

степени и где сама общественная среда или политика могут противодействовать позитивным установкам среди молодежи, там возникают идеология и молодежные группировки экстремистского толка. В ряде стран, в том числе и в России, существуют своего рода молодежные субкультуры, которые предопределяет ненависть к «чужакам» («черные», «азиаты», «кавказцы» и т.п.). Такие молодежные группы имеют свою символику (часто заимствованную из фашистской или расистской идеологии и практики) и ведут себя вызывающе, зачастую агрессивно. Они больше всего известны как «группы ненависти», ибо исповедуют ненависть и практикуют насилие в отношении тех, кто отличается от них по физическому облику и культуре. В России среди подобных групп наиболее известны скинхеды, нацболы, неонацистские и другие ультрарадикальные группировки. Рекрутирование в эти группы начинается фактически со школы. В декабре 2010 г. в Москве на Манежной площади было наиболее известное массовое выступление последователей и сторонников радикальных националистических групп. Молодежная ксенофобия распространена фактически по всей стране, особенно в крупных российских городах.

Именно по этой причине в политике по укреплению межнационального согласия в российском обществе важнейшее внимание обращается на молодежь и на школу (как среднюю, так и высшую). В конце 1990-х гг. Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляло комплексную программу «Профилактика экстремизма и формирование толерантности в российском обществе». В российских школах проводились уроки толерантности. В вузах начала распространяться практика создания кафедр ЮНЕСКО по тематике «Культура мира». В 2000-х гг. аналогичная программа осуществлялась под эгидой правительства Москвы «Москва — многонациональная» и «Москва — столица многонациональной России», которая во многом была обращена к молодежи. После создания Общественной палаты Российской Федерации в 2006 г. начала работать Комиссия по толерантности и свободе совести, а затем появился клуб «Многонациональная Россия», который объединяет молодых лидеров этнических и молодежных организаций большинства регионов России. Интересные и полезные программы и про-

екты в области толерантного воспитания молодежи были осуществлены в российских регионах.

К сожалению, проблема ксенофобии и молодежного экстремизма в России решается с огромным трудом. Отрицательное воздействие оказали социальные последствия мирового экономического кризиса, общий поворот в мировой политике и в молодежных настроениях в пользу радикально-националистических идей и практик, неподготовленность институтов гражданского общества (включая научное и преподавательское сообщества) и властей противостоять этому новому вызову.

Отметим, что в последние годы в России часто можно было слышать рассуждения об этнопедагогике и этнопсихологии, книги и доклады на эту тему писались для учителей и обществоведов. Во многих местах создавались этнопедагогические центры, проводились семинары по этнопедагогике. При этом сама этнопедагогика как целостная и продуманная часть образовательного процесса в России не сложилась, точнее, она во многом исходила из ограниченной методологии изначальной приоритетности самой этничности и поощрения этнической эксклюзивности. Применительно к школе чаще всего речь идет о том, чтобы реанимировать элементы традиционного воспитания, характерные для той или иной местности и того или иного народа, и встроить их в воспитательный процесс современной школы. В представлениях современных последователей этнопедагогике нередко царит эклектика и оторванность от современной жизни.

Довольно часто так называемое **этнокультурное образование** ограничивается попытками привить учащимся навыки традиционных ремесел: плетение корзин, изготовление туесов, гончарных изделий и т.д. Порой педагоги пытаются сопроводить эти практические занятия культурно-просветительской работой на тему «Как хороши были традиции наших предков до того, как их стала вытеснять чуждая нашему народу космополитичная городская (американская, европейская, общероссийская) культура». Такая «этнопедагогика» превращается в своеобразный факультатив по этноцентризму, противоречит интересам общественного развития полиэтничных и поликультур-

турных сообществ, каковыми на сегодня является большинство российских регионов.

Многие отечественные и зарубежные специалисты видят в подобной дисциплине или в ее аналогах очевидную необходимость и объясняют эту необходимость особенностями социализации личности, и в частности спецификой освоения культурных ролей ребенком, спецификой формирования идентичностей, культурных стереотипов и предубеждений. Часто в этой связи ссылаются на труды швейцарского психолога Ж. Пиаже, но их трактовка российскими «этнопсихологами» искажается под углом этничности. Пиаже на примере школьников Женева исследовал национальную (швейцарскую) идентичность, а не партикулярно-этнические, которых среди швейцарцев существует не менее трех-четырех. Пиаже выделял этапы в формировании национальной идентичности у ребенка. В 6–7 лет ребенок приобретает элементарные и несистематизированные сведения о своей национальной принадлежности. В 8–9 лет он уже может идентифицировать себя с группой, к которой принадлежит. В 10–11 лет национальная идентичность формируется в полном объеме, и к этому времени ребенок способен осознавать уникальность истории собственного народа, понимает, в чем заключается специфика традиционной культуры его соплеменников, у него появляется чувство патриотизма, он усваивает разницу между своим народом и другими.

Наряду с этой информацией, ребенок усваивает и предубеждения, имеющие место в сознании взрослых членов группы, причем усвоение предубеждений начинается рано. При этом уровень предубеждений у детей может быть даже выше, чем у взрослых, от которых эти предубеждения приходят в детскую среду. Но далеко не всегда родители виноваты в наличии подобных предубеждений у своих детей, и нередко, сталкиваясь с проявлением такого рода предубеждений у своего ребенка, они бывают удивлены этим. Наиболее яркая характеристика предубеждений — это негативизм, неприятие, ненависть, возникающие при восприятии членов других групп. Поскольку на детей после 7 лет влияют многие социальные факторы, постольку их предубеждения далеко не всегда являются следствием семейного воспитания. В этой связи возникает необходимость воздей-

ствовать на формирование культуры толерантности у ребенка не только в семье, но и в школе.

С начала 1980-х гг. во многих странах Западной Европы, в США и Канаде все большее применение находила концепция мультикультурного образования. В основе этой концепции лежит идея, что в истории человечества все культуры являются равноценными, и в Европе, и Северной Америке нет человека, которого можно было бы рассматривать как «культурного самозванца». Это объясняется меняющимся этническим и расовым составом учащихся школ, необходимостью адаптировать к доминирующим культурным стандартам многочисленных иммигрантов, потребностью снижения рисков возникновения межэтнических, межрасовых и межконфессиональных конфликтов. Программы мультикультурного образования нацелены на подготовку учащихся к успешному существованию в поликультурных сообществах. Большинство западных специалистов в сфере культурного образования выделяют три цели:

- формирование этнокультурной грамотности учащихся и учителей, которая заключается в получении общей информации об особенностях культуры этнических групп региона и страны проживания;
- воспитание умения взаимодействовать с людьми, принадлежащими к другим культурам и понимать их;
- необходимость индивидуального подхода к каждому ребенку как носителю определенной культуры.

Вместе с тем важно не только прививать учащимся знания о других культурах и навыки общения с их носителями. Не менее важно выработать у учащихся позитивное отношение к культурам, отличным от собственной, понимание необходимости диалога со всеми этническими группами, способствовать осознанию поликультурности современного мира как его естественного состояния. В процессе обучения и воспитания учителям должно формировать у учащихся ясную культурную идентичность, доброжелательное отношение к другим группам, к межкультурным различиям.

Конкретные методики мультикультурного воспитания включают межгрупповые диалоги, создание групп кооперативного (совместного) обучения, программы межкультурного тренинга и другие приемы. Но все они должны быть включены в более

широкие программы общекультурного просвещения, с целью которого снимаются специальные видеофильмы, издаются специальные пособия, брошюры о культуре и традициях разных народов и стран.

Помимо обучающих программ, в западной педагогической практике широко используются **инструктаж и ориентирование**. При этом используются специальные пособия – на сленге профессионалов «культурные поваренные книги», поскольку в них представлены «рецепты» поведения в конкретных ситуациях, которыми должен руководствоваться человек, попадая в инокультурное окружение. В качестве примера можно сослаться на серию брошюр издательства «Эгмонт Россия Лтд.» «Внимание: иностранцы», содержащих ознакомительные материалы типа «Эти странные англичане», «Эти странные французы» и т.д. В этих брошюрах немного сведений об истории, географии и государственном устройстве, но много внимания уделено описанию национального характера, поведения и манер, традиций и манер, культурных ценностей.

Однако все модели дидактического характера недостаточно эффективны, поскольку предполагают лишь пассивное усвоение этнокультурной информации. Для осознанного и естественного восприятия чужой культуры и ее носителей необходимо не только образование, но и воспитание учеников в духе толерантности. В школе со сложным этническим и расовым составом учащихся велика роль учителя, знающего этнографию, умеющего не просто интерпретировать идеи мультикультурализма в содержание своего учебного предмета и строить толерантные отношения с учениками, но и ежечасно демонстрировать им модель восприятия представителей иных культурных групп.

Одной из европейских стран, где достигнуты положительные результаты в деле воспитания доброжелательного отношения к учащимся другой этнической и расовой принадлежности, является Голландия. В этой стране с 1990 г. в начальной школе осуществляется учебная программа, которая включает 30 уроков, интегрированных в общий учебный план школы. На каждом из этих уроков один из учеников рассказывает о любимых играх, планах на будущее, отношениях с родителями, идеалах и кумирах, положении в группе сверстников. В совместном обсуждении проблем и интересов каждого из детей, ставших

«героями» урока (которым «дирижирует» учитель), прямо или косвенно оценивается и осознается этнокультурный опыт учеников разной этнической и расовой принадлежности. Общее обсуждение проблем и интересов позволяет ученикам установить взаимопонимание со сверстниками другой этнической принадлежности. В ходе подобных уроков дети приобретают не только знания о других народах и культурах, но и способность ценить в себе и других индивидуальность и непохожесть, которые обусловлены не только личностными качествами, но и этническими различиями.

В такой полиэтнической стране, как Россия, этих внедрение программ и практик улучшения межкультурного взаимодействия является актуальной задачей, особенно в свете распространения экстремистских взглядов среди молодежи, укоренившихся в массовом сознании этнических стереотипов, предубеждений и настроений неприятия культурно отличных групп. Положительный опыт такого рода в России имеется. Однако западная система воспитания толерантности, основанная на интеграции мигрантов в принимающее общество, для России с ее изначальной многонациональностью подходит не вполне, хотя проблема интеграции мигрантов становится все более актуальной и для россиян.

Для российской школы первично обеспечение детям и молодежи равных прав и возможностей в области образования независимо от их национальности и места проживания. **Двухединой целью школы является воспитание российской национальной идентичности (гражданского самосознания) при сохранении этнокультурной идентичности каждого учащегося.** Это означает, например, что российские школы должны обеспечивать одинаковые стандарты знания государственного русского языка и в то же самое время обеспечивать возможности для изучения языков других национальностей и обучения на этих языках в начальной школе.

В настоящее время из примерно 200 языков и диалектов, на которых говорит население России, в качестве родных языков обучения и языков изучения в системе общего образования функционирует 89 языков (помимо русского). С точки зрения этнокультурной политики это очень высокий стандарт защиты языков, которого нет в других странах с подобным языковым

разнообразием. За последние 20 лет увеличилось количество школ (в основном в городской местности), в которых изучается родной язык или на нем ведется преподавание. В настоящее время такими являются 56% всех российских школ, тогда как в 1991 г. их было всего 13%.

Безусловно, школой не может и не должна ограничиваться практика воспитания и поощрения межкультурной чувствительности. Этим должны заниматься и другие организации, прежде всего социальные службы, что требует от работников этих служб определенной компетенции в сфере межкультурного диалога. Но как бы то ни было, начинать мультикультурное образование необходимо в школе. Широкое внедрение само обусловит последующие позитивные изменения в социальных практиках.

Этническая проблематика в СМИ

Роль средств массовой информации (СМИ) в современном полиэтничном обществе очень существенна. Для нашего предмета прежде всего важны проблемы освещения этнической тематики, ее воздействия на общество и ее использования политической. Известно, что пресса, радио, ТВ, Интернет — это основные коммуникационные каналы, через которые осуществляются поддержка и трансляция культуры, межэтническое общение и межкультурный диалог. Кроме того, это еще и серьезный идеологический инструмент, с помощью которого формируются массовые представления людей. СМИ не просто информируют общество о событиях, в том числе и в сфере этнополитики и межэтнических отношений, но, комментируя их, внедряют в массовое сознание толерантные или конфликтные ценности, образы, ориентиры и идеи.

Общеизвестно, что СМИ играют важную роль в современном этнокультурном развитии многих стран мира, в том числе и Российской Федерации. За последние 20 лет в нашей стране фактически сформировалась заново разнообразная система региональных телевизионных каналов и радиостанций, которые имеют этнокультурный характер (это явление иногда называют «этнические СМИ»). В 2008 г. в России, помимо русскоязычных, было зарегистрировано более 400 телевизионных программ и

более 300 радиопрограмм, вещавших на 50 языках российских национальностей. Из 71,5 тысячи зарегистрированных в РФ периодических печатных изданий почти 10 тысяч издаются на языках народов мира, из которых 2 335 СМИ — на языках народов России и бывшего СССР. К концу 2010 г. резко выросло число электронных СМИ на языках народов России: 2279 электронных СМИ и 94 информационных агентства осуществляют свою деятельность на 66 языках, в том числе 968 изданий — на татарском, 355 — на башкирском, 299 — на украинском, 212 — на якутском, 185 — на чувашском, 133 — на чеченском, 128 — на белорусском, 120 — на азербайджанском, 115 — на армянском, 112 — на удмуртском, 102 — на коми, 81 — на бурятском, 87 — на аварском языке, 73 — на иврите и 19 — на идише.

Многие этнокультурные объединения (национально-культурные автономии, национальные общественные организации) имеют собственные периодические издания — газеты «Татарский мир», «Азеррос», «Греческая газета» (ежемесячная газета Московского общества греков), «Ноев ковчег» (газета армянской диаспоры стран СНГ), «Еврейская газета», «Российские корейцы» и др. В 2005 г. в России была создана Гильдия межэтнической журналистики, объединяющая журналистов, которые пишут на этническую тематику. Эта организация устраивает ежегодный Всероссийский конкурс средств массовой информации на лучшее освещение темы межэтнического взаимодействия «СМИротворец» и издает еженедельное приложение «Национальный акцент» к общероссийской газете «Аргументы недели».

Практика показывает, что СМИ могут ориентировать массовое сознание не только на толерантные идеи равенства людей перед законом, но также и на идеи ксенофобии, шовинизма, неофашизма и расизма. От гражданской позиции и ответственности СМИ, их владельцев, спонсоров и конкретных авторов в большой мере зависит, будет ли в стране или регионе сохраняться межнациональный мир или будет нагнетаться межнациональная напряженность, разжигаться межнациональная рознь. Эту способность СМИ влиять на массовое сознание, на представления людей в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений активно используют в своих интересах современные политики во многих полиэтничных регионах мира.

Понятно, что в таких ситуациях власти и общество должны уметь воздействовать на СМИ и противостоять негативным информационным попыткам спекулировать на этнической проблематике.

Следует признать, что в средствах массовой информации поликультурных регионов и стран этнокультурная и этнополитическая проблематика присутствует постоянно. Более того, именно СМИ нередко тиражируют не только ценности и нормы, которые исповедует данное общество, но и предрассудки, стереотипы и установки, которые прямо или косвенно способствуют росту межэтнической напряженности, сохраняют и укрепляют внутренние культурные границы между этническими и расовыми общинами. Иногда это тиражирование осуществляется сознательно, поскольку этничность, как уже говорилось, используется в политической борьбе и служит дополнительным аргументом для обоснования позиций соперничающих политических сил или лидеров. Но чаще эксплуатация этнических предрассудков и стереотипов носит неспровоцированный и неявный характер следствием общей этнополитической неподготовленности журналистов, их нежелания соблюдать принципы журналистской этики, их стремления сыграть на чувствах читателей и сделать материал более понятным.

В последние десятилетия российские и мировые СМИ передают в больших количествах так называемую этнически окрашенную информацию, которая изначально имеет или обретает политический смысл и тем самым становится существенным компонентом современной этнополитики. Это упоминания в публикациях о странах и народах, об их образе жизни, о национальных или этнических обычаях и ценностях, информация об этнической культуре, экономике, спорте, медицине и о других сферах общественной жизни.

Основными признаками **этнической информации** в газете или в передачах радио и ТВ являются упоминания этнонимов, например **узбекский, татарский, немецкий, английский, русский** и др. Употребление терминов, связанных с этничностью: *шовинизм, национализм, национал-экстремизм, ксенофобия, национал-фашизм* и т.п.¹

¹ Подробнее об этом см.: Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М., 2002. С. 29–32.

Отметим еще раз, что этнически окрашенные материалы в СМИ могут выполнять гуманную, толерантную миссию. Они *просвещают людей, информируют их, развлекают, могут организовать на добрые дела и выполняют еще много других полезных функций*. Из СМИ люди узнают много нового не только о других народах, но нередко и о своем собственном. Такого рода этническая информация воспитывает у читателей, слушателей, зрителей патриотизм и гражданственность, интерес и уважение к другим народам, к их жизни и достижениям, способствует формированию этнического самосознания, чувства национального достоинства, уважительного отношения к своей этнической общности. Актуализированная и мобилизованная политиками и журналистами этничность может сплотить представителей одного народа, например, ради защиты их национальных ценностей — *родной земли, родной страны, религии и других национальных святынь*.

Однако в настоящее время изобретено много информационных технологий, с помощью которых современные политики и общественные активисты манипулируют массовым сознанием, например не только объединяют полиэтничное население в солидарное согражданство, но и разъединяют его на *своих* и *чужих*. Причем в роли *чужих* СМИ могут представить соседей, гастарбайтеров, «лица кавказской национальности».

Рядовым гражданам не всегда легко увидеть и осознать, что массированное формирование общественного этнического сознания, нагнетание этнических страстей с помощью СМИ нередко направлены на распространение среди населения установок нетерпимости: *не пустить, прогнать, выселить, убрать «чужих», «не нас», «этнически других», «не таких, как мы»*. Подобные примеры нетолерантной этнической журналистики были особенно распространены в 1990-х гг. в прессе бывших союзных и некоторых наших российских республик. И в настоящее время имеются многочисленные примеры выступлений в отечественных и зарубежных СМИ, когда намеренно раздуваются страхи и фобии против этнических чужаков в лице гастарбайтеров или мигрантов из других регионов собственной страны.

Примером использования этнических предрассудков в политической борьбе и невосприимчивости СМИ к такого рода «политическим агиткам» стал ролик партии «Родина», транс-

лировавшийся федеральными телеканалами перед выборами в Московскую городскую думу осенью 2005 г. Важен даже не тот скандал, который разгорелся после появления ролика, не то, что партия была снята с предвыборной гонки, и поводом к этому стал материал, фактически призывавший «очистить» столицу России от выходцев с Кавказа. Карикатурные «лица кавказской национальности» в этом видеоматериале едят арбуз и кидают арбузные корки под колеса детской коляски, а партийные функционеры «Родины» строго указывают нарушителям порядка на некорректное поведение и призывают «очистить Москву от мусора». Важно то, что ролик вообще появился на телевидении и транслировался телеканалами. Важно и то, что отснятый сюжет демонстрировался зрителям в качестве иллюстрации предвыборной программы партий.

Наиболее глубокий анализ отечественной прессы на предмет ее этнополитических публикаций был осуществлен В.К. Мальковой. Она, в частности отмечает, что в современной российской прессе довольно широко представлены этнические идеологемы, среди которых есть интегрирующие и консолидирующие идеологемы, идеологемы позитивной полиэтничности, идеологемы открытой толерантности, и вместе с тем присутствуют идеологемы, муссирующие исторические обвинения, идеологемы конфликтности и вражды, идеологемы-насмешки, идеологемы-подстрекательства, идеологемы-обвинения и очернения и т.д.

Отметим, что, пожалуй, в наиболее неприкрытой форме названные идеологемы и провоцирующий характер этнополитических публикаций проявляются при освещении темы этнических миграций. Этнические миграции рисуются во многих публикациях как угроза экономическому благополучию местного населения, как опасность для доминирующей культуры. С ними связывают распространение наркомании, рост терроризма и усиление опасности исламского экстремизма, процветание криминальной экономики. По сути, обобщенный образ мигранта предстает в таких публикациях как образ «врага у ворот». Именно тема этнической миграции активно эксплуатируется на многочисленных интернет-форумах.

Освещение этнополитических проблем отечественной журналистикой в прессе зачастую страдает отсутствием ответственного профессионального подхода: «Изменение состава авторов

газет, освещающих этнические сюжеты, их непостоянство и сменяемость может свидетельствовать о случайном интересе и о поверхностном знании журналистами предмета обсуждения. Это может также навести на мысль о недостаточной их подготовленности в данной тематике и о некомпетентности людей, затрагивающих сложнейшие вопросы межэтнического взаимодействия... Поэтому одним из важнейших резервов для гуманизации межэтнической атмосферы... могла бы стать система целенаправленных мероприятий, направленных на повышение квалификации журналистов, работающих с этнической тематикой в различных СМИ», – пишет В.К. Малькова¹.

Надо сказать, что объектом анализа В.К. Мальковой была столичная пресса, которая не испытывает недостатка в высококвалифицированных журналистских кадрах. Кадровый потенциал провинциальных изданий, как правило, заметно слабее, а потому они острее нуждаются в создании названной системы квалификации. Ведь именно региональные издания, особенно в республиках, в силу специфики этнической и этнополитической ситуации на периферии вынуждены освещать наиболее острые и сложные проблемы межэтнического взаимодействия. Далеко не всегда это освещение ведется квалифицированно.

Руководители некоторых изданий, понимая всю сложность этнополитических комментариев, стараются избегать публикаций на тему этнополитики, ибо не уверены в том, что уровень квалификации журналистов достаточен для объективного и качественного ее анализа данной темы. Свою позицию данные руководители объясняют тем, что не хотят «ворошить улей», но замалчивание темы не есть проявление журналистской объективности и ответственного подхода к освещению социальных реалий, что диктуется долгом журналиста и журналистской этикой. В своей работе В.К. Малькова предлагает руководство для журналистов, своего рода «путеводитель» в работе с этнической проблематикой.

Что считать толерантным или интолерантным и вредным при освещении в СМИ этнических особенностей нашей жизни? Это один из важных вопросов, ответ на который ищут многие

¹ Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М., 2004. С. 203.

специалисты. Конечно, более или менее четкими ориентирами в этом вопросе являются известные международные и отечественные документы о стандартах и нормах поведения в демократических обществах. Таких документов много. В нашей стране это соответствующие статьи Конституции РФ, Гражданского и Уголовного кодексов РФ, ряд специальных законов о СМИ, о гражданстве РФ, об экстремизме, о языках народов РФ и т.д. Кроме того, по аналогии с другими странами у нас разработан ряд профессионально-этических кодексов российских журналистов¹.

Недостаток некоторых правовых документов и журналистских кодексов заключается в их декларативности. Это действительно «рамочные» рекомендации, не содержащие конкретных рабочих понятий и определений, например таких явлений, как *разжигание межнациональной розни, унижение национальной чести и достоинства, национальная исключительность, шовинизм, национал-экстремизм* и др.² Тем не менее эти документы в последние годы стали использоваться в российской практике. Принципы, которыми должны руководствоваться журналисты, изложены в принятом ими же самими Кодексе профессиональной этики российского журналиста и в Заявлении Международной федерации журналистов о принципах поведения журналистов, но они не всегда строго выполняются. Еще раньше Парламентская ассамблея Совета Европы приняла специальный документ (Рекомендация 1277 (1995) о мигрантах, этнических меньшинствах и СМИ), в котором указала на необходимость всесторонне и беспристрастно освещать важные эт-

¹ Основные рамочные документы по проблемам освещения этничности в СМИ: Кодекс профессиональной этики российского журналиста; Декларация Московской хартии журналистов; Положения о программе «Чистые перья»; Декларация об основных принципах, касающихся вклада СМИ в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма, апартеида и подстрекательства к войне и др. См. подробнее: Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы. ФЗГ / Сост. Ю.В. Казаков. М., 2002.

² На эту тему существует пока очень мало работ, и тем больший интерес представляет статья Л. Макеевой «Правовой анализ нормативной базы по разжиганию национальной, социальной, религиозной нетерпимости или розни» (Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., 2002).

нополитические проблемы, и в частности проблему этнических меньшинств и мигрантов.

В российской политической практике в центре внимания региональных и федеральных властей до сих пор находится не проблема этнополитической корректности содержания публикаций в СМИ, а проблема поддержки газет, журналов, радио и телевидения на языках народов России. Как отмечалось, это, конечно, важное направление в области государственной этнонациональной политики. Однако проблема состоит не в количестве изданий и времени вещания, а в качестве публикаций и уровне подготовленности журналистов. Этнические СМИ часто проигрывают в конкуренции с массовыми региональными и федеральными изданиями именно по этим параметрам.

Есть и другая проблема, которая является особо актуальной прежде всего для российской прессы. **В демократическом государстве пресса должна исполнять роль своеобразного катализатора процессов гражданской консолидации, укрепления гражданской солидарности, и посредством прессы общественное мнение мобилизует правовые и политические институты на защиту прав меньшинств, на противодействие экстремизму.** Именно так происходит в эффективно функционирующих демократиях, хотя и не без проблем. Но, как отмечает российский этнополитолог Э.А. Паин, «несмотря на то что пресса обращает критическое внимание на экстремистские выходки, отсутствует последующая правовая и политическая реакция государства на отмеченные прессой факты, а общественность пассивно относится к различным проявлениям экстремизма»¹.

Социальная реклама и информационные кампании

Социальная реклама, как известно, связана со стремлением укоренить в обществе определенные модели поведения и взаимоотношений посредством специального информационного воздействия на аудиторию. Она служит своеобразной формой

¹ Паин Э. Этнополитический экстремизм в России: социально-культурные истоки и причины неэффективности принимаемых мер противодействия // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга. 2004. М., 2005. С. 27.

воспитания и укоренения в общественном сознании моделей поведения и культурных стандартов. Безусловно, социальная реклама не может быть самостоятельным средством воспитания или идеологического воздействия: она лишь создает некий визуальный фон для государственной политики, но это весьма важный инструмент в системе политических средств, благодаря которым реализуется социальная, и в том числе этническая, политика.

Удачный пример социальной рекламы, ориентированной на укоренение в обществе культуры толерантности, приведен в статье профессора Елены Бурлиной, размещенной на сайте Московского бюро по правам человека. Речь идет о немецком плакате, формирующем повседневную толерантность, созданном в конце 1960-х гг. во Франкфурте-на-Майне. Плакат публикуется в современных школьных учебниках, наличествует в музейных витринах и на уличных рекламных тумбах. К его созданию приложили силы философы, культурологи и активисты молодежных движений того времени. Глубокий смысл изложен всего в семи строчках, написанных как бы от руки:

«Твой Иисус — еврей,
 Твой автомобиль — японский,
 Твой кофе — бразильский,
 Твои цифры — арабские,
 Твои буквы — латинские,
 Твоя демократия — греческая,
 Твой сосед после всего этого лишь иностранец?»

Как отмечает профессор Бурлина, концепция плаката состоит в том, чтобы показать, что человек всегда пользуется повседневными трудами других народов. И если даже твой символ веры был рожден другим народом, то можно ли при этом свысока или косо смотреть на иностранцев и представителей других культур?

Именно повседневность может служить мощным аргументом в формировании культуры толерантности, ибо сама жизнь современной Европы пронизана инокультурностью и глобальным потреблением всего того, что является овеянным воплощением культурных достижений других народов и стран. Если итальянская пицца и итальянское мороженое вкуснее, а японские автомобили экономичнее и безопаснее, то покупают

именно их. Турецкие курорты и отдых на них стали самой массовой формой проведения отпуска европейского среднего класса — «курортами для домохозяек и шоферов». Американские фильмы и музыка являются формой массового культурного потребления. Рынок и повседневный досуг стали теми сферами, где культурные универсалии проявляются очевиднее всего. В этой связи очень удачной, на наш взгляд, представляется идея, которую реализовал первый общенациональный телеканал, создав серию мультфильмов «Гора самоцветов» на основе сказок различных народов России. Таким образом в детях с малолетства воспитывается привычка осознавать окружающий мир как поликультурный и признавать его таким.

Технология повседневной толерантности состоит в том, чтобы выявить и использовать в социальной рекламе самые повседневные вещи, т.е. те, которыми пользуются все и которые наиболее очевидно создают необходимый культурный образ или культурный фон.

Помимо позитивных образов и культурных моделей, в социальной рекламе возможно и допустимо использование и негативной информации. В качестве примера подобной антирекламы можно назвать фильм «Мама, я скинхед», снятый режиссером и автором сценария Виталием Юрьевым, режиссером Ольгой Пономаревой, оператором Александром Терновым. Фильм рассказывает о национальной нетерпимости и экстремизме в молодежной среде. Авторы фильма дают зрителям возможность выслушать точку зрения на проблему не только представителей правоохранительных органов, но и скинхедов, членов РНЕ; задуматься о судьбах современной молодежи, которая часто не видит духовной поддержки ни со стороны государства, ни со стороны старшего поколения, занятого проблемами выживания. Фильм лишен нотаций, он просто приглашает зрителей к размышлению, сопереживанию, к поиску решения сложных социальных проблем, проблем межкультурного взаимодействия.

В целях укрепления общегражданской идентичности среди россиян в 2009–2011 гг. Министерство регионального развития России, которое имеет в своем составе специальный Департамент по межнациональным отношениям, разработало и реализовало комплексную *информационную кампанию*, направленную

на повышение уровня толерантности и культуры межнациональных отношений, снижения уровня межэтнической напряженности в регионах России, предупреждение межнациональных конфликтов и проявлений экстремизма. В рамках этой кампании был осуществлен ряд проектов, в том числе:

- создан специализированный интернет-портал кампании (www.stranaodna.ru), на котором можно найти информацию о народах России, о событиях в сфере межнациональных отношений, позитивном опыте развития культур различных народов и их взаимодействия;
- размещена социальная реклама в федеральных и региональных телесетях с участием популярных телеведущих, спортсменов, представителей шоу-бизнеса: «лицами кампании» были Николай Дроздов, Ляйсан Утяшева, Тимати, Гарик Сукачев, Егор Бероев, Тимур Батрутдинов, Илья Лагутенко, Эльдар Рязанов, Сергей Светлаков, Жасмин, Михаил Галустян и другие;
- на улицах российских городов размещена социальная реклама, которая пропагандирует гармоничные межэтнические отношения и толерантное отношение к людям разных национальностей.

Информационными проектами можно считать профинансированные Минрегионом и Минкультуры России создание альманаха короткометражных фильмов «Многонациональная Россия: авторский взгляд» (6 фильмов об этнических традициях и опыте взаимодействия народов России), распространение в образовательных учреждениях страны информационных стендов, плакатов, флаеров, наклеек, пропагандирующих ценности многонационального российского общества и образ России как страны с богатым этническим и религиозным разнообразием.

Следует особо отметить важность информационных кампаний, которые по образцу зарубежных стран стали проводиться в нашей стране среди спортивных болельщиков и во время крупных международных спортивных мероприятий. Миллионы россиян видели во время трансляции международных футбольных матчей размещенные на бортиках футбольного поля надписи "Say no to racism" (Скажи «нет» расизму). Это делается по требованиям ФИФА и одобряется национальными спортив-

ными ассоциациями и самими спортсменами. За отдельные расистские выходки болельщиков спортивные клубы и национальные ассоциации могут понести суровые наказания в форме крупных штрафов и дисквалификаций, а сами болельщико-расисты становятся изгоями в спортивных сообществах.

В целом современный спорт, особенно всемирные Олимпийские игры, становится все больше средством объединения людей разных культур, рас и национальностей. Однако эта космополитичность современного спорта не мешает ему быть одним из механизмов национальной консолидации и воспитания патриотизма, а также в ряде случаев оставаться прибежищем отдельных радикальных националистов и расистов. Предстоящие в г. Сочи зимние Олимпийские игры и мировой чемпионат по футболу в России предоставляют нашей стране отличную возможность показать миру уникальное культурное богатство и традиции этнических общностей, составляющих российский народ.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем смысл воспитания толерантности в школе?
2. Каково содержание современной этнопедагогике?
3. Охарактеризуйте формы и методы мультикультурного образования и воспитания.
4. Роль СМИ в формировании культуры толерантности, в поддержании социальной стабильности и межэтнического сотрудничества.
5. Каково значение социальной рекламы?
6. Для каких целей проводятся информационные кампании в сфере этнополитики?
7. Место спорта в воспитании межэтнического согласия.

Литература

1. Бурлина Е. Технологии повседневной толерантности: философия и практика культуры. URL://[http:// antirasizm.ru](http://antirasizm.ru).
2. Бызова В.М., Краева Л.И. Элементы этнопедагогике: Уч. пособие. Сыктывкар, 2000.
3. Волков Г.Н. Этнопедагогика. М., 2000.
4. Журналистика и социология. М., 1995.
5. Идентичность и толерантность. М., 2002.
6. Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В. Межкультурный диалог в школе. Кн. 1. Теория и методология. М., 2004.

7. Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М., 2004.
8. Малькова В.К. Мобилизация этнических сообществ в современной России. М., 2011.
9. Малькова В.К., Тишков В.А. Образы российских республик в Интернете. М., 2009.
10. Мартынова М.Ю. Мир традиций и межкультурное общение. В помощь школьному учителю. М., 2004.
11. Межкультурный Диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия. М., 2003.
12. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Этничность и социальная работа: анализ учебной литературы // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.
13. Сыроедьева А.А. Поликультурное образование: Уч.-метод. пособие. М., 2001.
14. Толерантность в межкультурном диалоге. М., 2005.
15. Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации. М., 2004.
16. Филиппов В. Фобии стали фактором политической ситуации // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. Ноябрь–декаб. № 64
17. Шабаетв Ю.П. Манекены и граффити: символическое пространство интолерантности // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2008. Май–июнь. № 79.
18. Этническая толерантность в поликультурных регионах России. М., 2002.
19. Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Под ред. В.В. Степанова. М., 2010.
20. Green J.W. Cultural Awareness in the Human Services: a Multi-ethnic Approach. 3rd ed. Boston, 1998.

Заключение

Для того чтобы этнонациональная политика была эффективной, ее суть должна заключаться в организации диалога этнических общностей с властью, в позитивном межобщинном диалоге, согласовании действий всех заинтересованных сторон при урегулировании этнополитических и этнических конфликтов. Это требует координации усилий всех государственных органов.

Очевидно, что этнополитика должна представлять собой синтез усилий различных государственных ведомств для оптимизации положения этнических сообществ и сбалансированного учета их интересов в общефедеральной и региональной политике. По мнению Ж.Т. Тощенко, «этнонациональная политика, как и политика в целом, представляет собой регулятивно-контрольную сферу, направляющую жизнь, деятельность и отношения (согласие, подчинение, господство и конфликт) между различными национальными и этническими сообществами. Национальная политика — это и средства, и методы, при помощи которых взаимодействие между людьми различной национальной и этнической принадлежности осуществляется посредством социальных и духовных атрибутов (культура, язык, менталитет, традиции и обычаи)»¹.

Но какое бы определение сущности этнополитики ни было, очевидно, что речь в любом случае будет идти о **способах вовлечения этнических общностей и групп в государственную политику и разных стратегиях их поведения в зависимости от конкретных политических систем в их странах.** При этом исследователи этнонациональных проблем отмечают, что в полиэтничных странах вряд ли возможно создание единой и приемлемой для всех этнонациональной политики, какие бы идеалы всеобщего равенства в нее ни закладывались. На практике интересы этнических общностей и групп все равно будут сталкиваться и даже противостоять друг другу.

То же равенство этнических общностей и групп на деле всегда будет оборачиваться в пользу доминантного большинства, ибо

¹ Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М., 2003. С. 137.

его исходные позиции предпочтительнее для политической и культурной конкуренции. Исходя из этого нередко допускается некоторый отход от принципов универсального равенства (пример тому — саамские парламенты, политика позитивной дискриминации в ряде стран) и предоставляются некоторые преимущества этническим меньшинствам. При этом очевидно, что в каждом конкретном случае нужны свои решения и особая программа действий. Отсюда вытекает, что **этнополитика в полиэтничном государстве не может быть одновариантной, а должна представлять собой набор конкретных стратегий, адаптированных к конкретным условиям регионов, этническому составу их населения, характеру межэтнических связей и т.д.** Такой подход требует, чтобы разработкой стратегий занимались не карьерные бюрократы, а специалисты в области этнополитики. Именно они должны разрабатывать для чиновников рекомендации и конкретные методы осуществления региональной этнополитики.

Вместе с тем адаптированные к местным условиям региональные стратегии не только не отрицают неких общих принципов и базового содержания государственной этнополитики, но и предполагают их наличие, ибо в противном случае государственные интересы могут быть принесены в жертву локальным интересам и стремлениям региональных политиков к получению политической выгоды за счет эксплуатации ресурса этничности. Об этих общих принципах и о сущности этнополитики отечественные этнологи и политологи дискутируют уже второе десятилетие. Наиболее полно их сформулировал М. Губогло: «Содержание новой этнической политики состоит в расширении спектра самовыражения этничности путем разработки механизмов, способных примирить политико-правовые интенции и интегративные задачи государства по созданию юридически обоснованной солидарности граждан, т.е. согражданства, с жизненно важными социально-демографическими, культурно-языковыми и психологическими аспектами этнических общностей и групп. Долгосрочность ее вытекает из признания многоэтничности постоянно действующим фактором»¹.

¹ Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 721.

Принимая такое содержание этнополитики как ее концептуальную основу, можно и нужно предложить для реализации в практической деятельности государственных ведомств следующие основополагающие принципы:

- многоэтничность, в основе которой — признание культурного своеобразия различных групп и закрепление этой этнокультурной специфики в правовых нормах и программах ее поддержки;
- признание этнического разнообразия имеющих место политических образований и исключение из политической практики требований о совпадении этнических и административно-территориальных границ;
- целенаправленная политика по укреплению государственной целостности страны, основанная на понимании федерализма как гармоничной и динамичной системы совместной организации и сотрудничества между федеральным центром и субъектами и между самими субъектами;
- равноправие всех субъектов РФ во взаимоотношениях между собой и с федеральным центром;
- признание российского этнического федерализма важным инструментом обеспечения баланса между этническим разнообразием и государственным единством, одним из механизмов обсуждения и разрешения межэтнических конфликтов;
- равноправие граждан независимо от их этнической, языковой и религиозной принадлежности;
- закрепление права каждого гражданина определять свою единичную или множественную этническую принадлежность и права отказа от ее фиксации;
- создание условий, препятствующих проявлениям дискриминации и ограничения прав граждан и возможностей их доступа к ресурсам по признакам этнической, языковой и религиозной принадлежности;
- запрещение и уголовное преследование деятельности, направленной на возбуждение социальной, этнической, языковой и религиозной розни во всех сферах межэтнических отношений;
- гарантии прав этнических общностей на охрану природной среды как основы образа жизни и культурного своеобразия в соответствии с Конституцией и законодательными актами РФ, нормами международного права;

- содействие сохранению и развитию этнических культур с целью оказания помощи этническим сообществам в деле межпоколенной передачи культурных традиций;
- содействие сохранению, развитию и функционированию языков этнических общностей исходя из понимания того, что язык служит не только этнопсихологическим символом и помогает этническому самоутверждению, но и механизмом этнокультурного самоопределения;
- отказ от чрезмерного восхваления этнической общностью своей исключительности, которая лишает общность гибкости и восприимчивости к вызовам модернизации и трансформационных процессов.

Эти принципы так или иначе присутствуют в документах, касающихся национально-культурного развития народов России, и в аналогичных международных правовых актах. Вместе с тем государство не вправе навязывать этническим общностям ни этноцентричную модель развития, которая ведет к изоляции и обособлению этнического сообщества, ни ассимиляционную, которая вызывает противодействие и провоцирует конфликты, однако идея культурной свободы должна быть акцентирована в концептуальных основах этнонациональной политики. Очевидно, что государство не должно противодействовать добровольной ассимиляции, которая неизбежна в полиэтничных и динамично развивающихся сообществах.

Гражданская интеграция, которая покоится на идее общих культурных и политических ценностей, может быть успешно совмещена и с идеей культурного плюрализма, хотя в России активисты этнонациональных движений и многие исследователи воспринимают эти идеи как антагонистические. Между тем подобный подход к интеграционной идее ведет к сегментации общества на этнические анклавы, разрушению общенационального единства и как следствие к росту ксенофобии и расизма, что все более очевидно проявляется в российском обществе.

Реформы в сфере этнополитики на новом этапе начались с инициативы Президента В.В. Путина привести в соответствие с федеральной Конституцией конституционно-правовые акты субъектов Российской Федерации и прежде всего республиканские базовые правовые нормы, которые еще сохраняли положения эпохи «неограниченного суверенитета» и слабые гарантии

прав человека нетитульной национальности. Для решения этой задачи в 2000 г. была введена система семи федеральных округов во главе с полномочными представителями Президента России и сетью федеральных инспекторов непосредственно в субъектах Федерации. В течение нескольких лет были внесены поправки в республиканские конституции и законы. Федеральные округа сохраняются в системе государственно-административного устройства страны. В январе 2010 г. из Южного федерального округа был выделен Северокавказский федеральный округ с центром в г. Пятигорске.

В сфере этнотерриториального устройства страны был начат процесс укрупнения субъектов Федерации за счет слияния автономных национальных округов с более крупными областями и краями, куда они и входили в советское время. Это диктовалось необходимостью объединить ресурсы территорий для более успешного развития и улучшения социальных условий жизни населения, сократить число субъектов Федерации, а следовательно, повысить эффективность управления. Меньше всего укрупнение субъектов преследовало цель — лишить проживающие в автономных округах малочисленные народы атрибутов самоопределения, поддержки их традиционного хозяйства и культурно-языкового развития. Однако в ряде округов некоторыми общественными активистами, в частности бурятскими общественными лидерами, этот процесс был воспринят довольно негативно. Еще более болезненной и конфронтационной была реакция со стороны адыгской общественности на возможное возвращение республики в состав Краснодарского края. Всего на 2010 г. было упразднено шесть автономных округов, и общее число субъектов Федерации составило 83, из них 21 республика, одна автономная область и 4 автономных округа.

В русле оптимизации государственно-административной структуры и повышения эффективности управления была изменена система выборов глав субъектов Федерации, включая и президентов российских республик, которые до этого избирались на прямых выборах, а с 2004 г. стали утверждаться Президентом страны по представлению региональных законодательных органов. Следует отметить, что отмена прямых выборов подвергалась критике и пока что не решила одну из важнейших

задач — устранение клановости и коррупции региональных властей. Для российских республик вопрос качественного и эффективного управления на демократических, открытых принципах остается одним из наиболее труднорешаемых.

В доктринальном плане новые подходы в области национальной политики были сформулированы в разработанных по поручению Президента В.В. Путина предложениях по корректировке действующей Концепции государственной национальной политики, но они не были приняты, скорее всего, по причине ортодоксального подхода руководителей государственно-правового управления Администрации Президента России. Однако и без обновления Концепции в ежегодных посланиях Федеральному Собранию и официальных выступлениях Президента было заявлено о новом понимании российской нации и возможности достижения национального единства при сохранении этнического и религиозного разнообразия населения страны. В 2004 г. В.В. Путин заявил следующее: «Мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство». В 2008 г. Д.А. Медведев сказал: «...само историческое развитие российской нации в немалой степени основывалось на богатстве и сохранении этнокультурной и поликонфессиональной среды... Благодаря этому единство российской нации выдержало многие испытания. И в наши дни является важным фактором преодоления экстремистских настроений, национализма и религиозной нетерпимости».

Эти фундаментальные положения о необходимости осуществления в России формулы «единства в многообразии» отвечают не только потребности обеспечения гражданского согласия в крупном государстве, это также единственная реализуемая формула устройства многоэтнической страны. Новая идеология гражданского национализма не означает отрицания или растворения российских национальностей (наций в этническом смысле слова) в некой монокультурной общности под названием российская нация. Последняя есть прежде всего форма надэтнической гражданской идентичности россиян, которые представляют собой по историческому и культурному наследию и

по современным лояльностям и патриотизму представителей одного народа — российского народа, многообразного, но единого.

Россия — это нация наций, и суть современной национальной политики становится двуединой: с одной стороны, это обеспечение национальных интересов русского народа внутри страны и на международной арене, в том числе и через национальные проекты, модернизационное развитие экономики, систему национального образования; с другой стороны, это сохранение и поддержка историко-культурного и религиозного разнообразия проживающих в России представителей разных национальностей и религий. Одно совсем не исключает другого, а, наоборот, возможно только в сложном единстве и при эффективном, демократическом управлении.

Подведем общие итоги и сделаем ряд полезных для жизни выводов после изучения курса этнополитологии. Прежде всего, нет никаких сомнений, что данная дисциплина имеет особую актуальность и общественно-политическую значимость для нашей многонациональной страны — России. События в декабре 2010 г. на Манежной площади с выступлениями националистически настроенной молодежи, террористические акты со стороны ультрарадикальных исламистских групп на Северном Кавказе, напряженность в отношениях между постоянными жителями российских городов и мигрантами-гастарбайтерами и другие проявления межнациональной розни и насилия убеждают нас, что этнический фактор пронизывает все сферы нашей жизни, начиная от бытовых повседневных контактов до самых сложных проблем экономики и политической жизни. Но этнокультурное разнообразие населения нашей страны сопровождается не только негативными проявлениями и рисками, но включает в себе много позитивного и привлекательного. Собственно говоря, все развитие нашей страны, ее исторические достижения в области науки и культуры, ее победы на фронтах войны и на спортивных аренах — все это результат совместных усилий представителей многих народов, которые исторически проживают на территории нашего государства.

У России есть уникальный опыт управления многоэтническими сообществами и регионами, особенно по части длительного

мирного сосуществования людей, которые исповедуют разные религии — христианство в форме православия, ислам, буддизм и иудаизм. Наша страна известна своими позитивными результатами в области сохранения языков и культурных традиций малых народов. Здесь отечественный опыт также носит противоречивый характер, ибо в давние царские времена имели место черта оседлости и еврейские погромы, во времена правления Сталина насильственные депортации целых народов и гонения против церкви и верующих, а уже в постсоветское время произошел разрушительный вооруженный конфликт в Чечне.

И все же за последние двадцать лет в Российской Федерации имел место процесс, который справедливо можно назвать «этническим возрождением». Укрепили свое самосознание представители больших и малых народов, даже увеличилось их общее число (с 128 в 1989 г. до 182 в 2002 г.), через внутреннее самоопределение в форме республик и национально-культурных автономий стал более определенным их суверенный статус и свободы в рамках общего государства и на основе Конституции России.

Круг проблем, которые находятся в сфере внимания этнополитологии, широк, а сами эти проблемы требуют квалифицированного подхода и подготовленных для этого кадров в области государственного управления, образования и культуры. Только хорошее знание этнической тематики и этнополитических процессов позволяет принимать решения в области государственного управления и развития страны, которые не разделяют народ, а сплачивают его в единую гражданскую нацию. В феврале 2011 г. в г. Уфе прошло заседание Президиума Государственного совета Российской Федерации, на котором Президент страны Д.А. Медведев сказал, что в России необходим постоянный этнополитический мониторинг, что нужны кадры специалистов по этнополитологии, которые помогали бы решать проблемы прежде всего на уровне отдельных регионов. Грамотная этнонациональная политика и понимание политиками и управленцами особенностей России и запросов россиян в этнокультурной сфере — это надежные инструменты для урегулирования межнациональных проблем и предотвращения конфликтов.

Очевидно, что концепции и политические установки в этой сфере оформить в обеспеченные ресурсами рабочие программы и планы, своего рода «социальные нормативы» при выработке конкретных управленческих решений и местных политических стратегий. Социальный заказ со стороны государства на это до сих пор выражен недостаточно определенно, но это не означает, что этнополитическая проблематика утратила свою актуальность.

Задача научного сообщества и нового поколения политических менеджеров, которое идет на смену старым элитам, превратить этнополитику в эффективный механизм укрепления гражданской солидарности, поддержания социальной стабильности на местном, региональном и федеральном уровнях. Само появление и обсуждение учебно-методических программ в сфере этнополитики подталкивает политический истеблишмент на путь выбора рациональных решений и к отказу от импровизационных действий в столь важной сфере жизни страны.

Существует потребность в том, чтобы этнополитология в учебных программах вузов переместилась с периферии учебного процесса (элективы, спецкурсы, факультативы) в число основных дисциплин и заняла прочное место в учебном процессе. Особенно это актуально для вузов российских республик, других многоэтнических регионов и городских мегаполисов, каким, например, является Москва. Очевидно и то, что ее преподавание необходимо распространять не только на кафедрах политологии, социологии, этнографии или на исторических факультетах. Крайне необходимы этнополитологические знания будущим журналистам и правоведам, которые напрямую сталкиваются с этнологической проблематикой, не имея при этом необходимых знаний в сфере этнологии и этнополитологии.

Более того, существование групп типа скинхедов и других радикальных группировок, довольно частые проявления расизма и ксенофобии в молодежной среде говорят о необходимости воспитания культуры толерантности, начиная со школьной скамьи, соответствующих школьных программ по обществоведению. Лучшая часть российского учительства и вузовского профессорско-преподавательского состава всегда была восприимчива к веяниям времени и стремится обогатить и разнообра-

зять учебный процесс. Данный учебник может быть полезен прежде всего для учителей-новаторов и для вузовских преподавателей, которые ищут способы обновить содержание общественных дисциплин. Такое обновление необходимо, поскольку под лозунгом пересмотра тоталитарного наследия в новые школьные учебники активно проникают не только сомнительные материалы и суждения, но и отдельные элементы расизма, шовинизма и этнического национализма.

Предложенная в нашем учебнике трактовка этнополитических проблем расширяет личностный кругозор в понимании этнокультурного разнообразия, воспитывает чувство гражданской ответственности за сохранение мира и стабильности в российском обществе.

Автономия

Различают несколько типов автономии (от греч. *autos* — сам и *nómos* — закон) — политическую, административно-территориальную и персональную (или культурную) А. *Административно-территориальная* А. представляет собой совокупность мер по обеспечению определенной степени самоуправления этнической общности, отличающейся от большинства населения государства и, как правило, имеющей численное преобладание на отдельной части территории государства. А. предполагает перераспределение полномочий между центральной властью и автономными территориальными образованиями. Центральная власть, как правило, передает в регионы только часть полномочий. Другая часть относится к совместному ведению, а третья — к исключительному ведению центральной власти. Правительство страны не контролирует полностью действия органов власти автономии, но может воспользоваться правом вето в случае превышения последней своих полномочий. А. предполагает кооперацию и координацию действий между центральной и местной властью. *Персональная* (или культурная) А. применяется к членам культурно отличительной общности в государстве или в регионе независимо от места их проживания. Она предоставляет право сохранять и развивать религиозные, языковые и культурные традиции группы с помощью создаваемых ею общественных институтов и при поддержке государства.

Автономия национально-культурная

Форма удовлетворения культурных интересов, которая предполагает предоставление членам этнической общности, составляющей меньшинство в государстве или в его отдельном регионе, определенной самостоятельности в вопросах организации образования и других форм культурной жизни (право на создание библиотек, школ, театров, вещания и т.д.). Формируется на экстерриториальной основе, т.е. распространяется не на конкретную территорию, а на всех представителей этнического сообщества. Реализуется через такие формы, как этнокультурные центры, землячества, этнические общественные советы и ассоциации. В России в 1996 г. был принят федеральный закон о национально-культурной автономии (НКА) и ряд аналогичных региональных законов. НКА могут быть федеральными и региональными (например, федеральная национально-культурная автономия российских немцев, национально-культурная автономия украинцев Республики Коми и т.д.). Всего в России зарегистрировано 18 федеральных, 240 региональных и около 700 местных НКА.

Автономия этнотерриториальная

Наряду с экстерриториальной этнокультурной автономией существует этнотерриториальная А. В этом случае этническая общность, составляющая большинство населения территории, получает права административной автономии. Примером могут служить Аландские острова в Финляндии (населенные шведами), иракский Курдистан, автономные округа в Китае, канадский Квебек, испанская Каталония, российские республики и автономные округа. При создании этнотерриториальных образований важную роль играет компактность расселения этнической группы и автохтонность ее проживания на данной территории. При этом этничность не является сущностной характеристикой административно-территориального образования, которое строится прежде всего на внутрисубъектном самоуправлении всего населения территории при обеспечении гражданского равноправия. Совмещение политической и административной организации с этничностью создает опасность этнонационализма и сепаратизма. В полиэтничных странах (к примеру, в Индии, Канаде, Испании) при территориальном делении строго избегают совмещения административных единиц с этническими территориями, и особый статус получает все население автономного образования. В некоторых странах законодательно запрещено создавать территориальные этнические А., а также политические партии на этнической основе. В России республики, автономные область и округа являются равнозначными с остальными субъектами Федерации и не обозначаются как «национальные» (этнические) образования. В то же время культурные запросы так называемой титульной группы (или групп) пользуются особой поддержкой со стороны власти и других институтов автономного образования.

Ассимиляция

Ассимиляция (лат. *assimilatio* — уподобление, сходство) — социально-культурный процесс, в результате которого представители этнической общности утрачивают свою отличительность и растворяются в другом или в других этнических сообществах (интегрируются в них), в результате чего происходит утрата языка, культурной специфики и самосознания. А. на практике выражается в усвоении представителями одной этнической группы языка, культуры, обычаев, традиций и культурной идентичности другой. Конечной фазой ассимиляционного процесса считается смена этнического самосознания. Различают естественную и насильственную А. Естественная А. происходит в ходе культурных контактов этнических сообществ и связана с поглощением обычно представителей менее крупного сообщества более многочисленным или обладающим привилегированным статусом. Насильственная ассимиляция насаждается путем отказа в признании самого факта групповой отличительности (например, в Турции длительное время не признавалось существование курдов), дискриминации, подавления языка и культуры меньшинств. А. представляет особый вид социальной

политики. Она включает способы, с помощью которых принимающее общество может решить, как обращаться с индивидами или группами, которые отличаются в культурном, языковом или социальном отношении. Ассимиляционистская политика чаще всего избирается в отношении иммигрантского населения или групп, которые иным образом оказываются включенными в границы принимающего общества.

Геноцид

Под геноцидом (от греческого *genos* — род, племя и лат. *caedo* — убиваю) понимается преднамеренное и систематическое уничтожение целой этнической (расовой) или иной культурно отличительной группы. В истории известны многочисленные случаи организованного насилия против отдельных групп (религиозных еретиков, туземных народов, «ведьм»), но только в условиях нового времени Г. становится политической реальностью. Один из самых известных фактов Г. — массовое уничтожение евреев нацистами, хотя фактов геноцида в XX в. было больше. В международном праве Г. считается преступлением против человечества. Международная конвенция «О предупреждении преступлений геноцида и наказании за него» (1948) устанавливает уголовную ответственность лиц, виновных в совершении геноцида. При этом под Г. понимается не только массовое физическое уничтожение представителей отдельной культурной группы, но и создание условий, которые препятствуют воспроизводству группы и ведут к ее вымиранию. На этом основании в политических лозунгах некоторых этнических активистов используется термин «*этноцид*», не имеющий общепринятой трактовки и строгого правового содержания. Под этноцидом понимают как систематическое нарушение прав представителей культурной группы, так и процесс масштабной ассимиляции в сложных обществах.

Гражданство

Категория гражданства выражает отношения между человеком и национальным государством. Нация есть сообщество граждан, т.е. юридически и политически равнозначных членов, на основании свободного волеизъявления которых и формируются политические институты. Национальное государство — это государство, где каждый гражданин уравнивается в правах с остальными, и никакие сословные, имущественные, этнические (расовые) характеристики личности не могут являться основанием для дискриминации или для получения преимуществ перед остальными гражданами. Г. является категорией, определяющей отношение человека к политическому сообществу. Институт Г. в ряде стран служит способом реализации политической гегемонии этнического большинства и своеобразным «этническим сепаратором» в миграционной политике, поскольку Г. предоставляется в приоритетном порядке представителям этнических групп, которые рассматриваются как культурно близкие основному населению страны. В России с 2001 г. действует закон «О гражданстве Российской Федера-

ции», который определяет условия предоставления Г., права и обязанности гражданина страны.

Групповые права

Концепт групповых прав, «прав меньшинств» и т.п. присутствует в некоторых международных документах и программах этнополитических организаций. Он широко используется политиками и этническими активистами. Однако данные права являются в большей степени политической, нежели юридической конструкцией. В национальных законодательствах, как правило, отсутствуют юридические нормы, предусматривающие коллективные права, поскольку подобная правосубъектность является неопределенной. Законодательные нормы в основном строятся на использовании концептов индивидуальных прав или прав юридического лица, в качестве которого может выступать и организация. Принципиальным моментом, который опровергает логику Г.п., является то обстоятельство, что группа не может выступать в качестве субъекта права. Субъект права должен не только *иметь способность приобретать и реализовывать права своими действиями*, но и *исполнять обязанности, а также нести ответственность*. А поскольку коллективной ответственности и, следовательно, коллективного наказания за нарушения законов быть не может, постольку Г.п. не являются собственно правами. Г.п. — это не юридическая норма, а политическая установка, ибо нет адекватных механизмов выражения таких прав, и все политические и культурные права — это прежде всего права личности. В том случае, когда речь идет о правах меньшинств или этнических сообществ, подразумеваются лица, принадлежащие к данным меньшинствам и сообществам, и их выраженная индивидуальная воля принадлежать к указанным сообществам и реализовать свои личные культурные или экономические интересы в рамках данных сообществ.

Ирредентизм

Ирредентизм можно рассматривать как своеобразную форму этнического сепаратизма. Ирредента имеет место тогда, когда часть этнического сообщества объединена в рамках отдельного государства, а другая находится вне пределов этого государственного образования. И. есть движение за объединение этнически родственного населения, в результате которого пограничные территории стремятся воссоединиться с соседним государством. Примером И. может служить деятельность ирландских радикалов в Северной Ирландии, которые требуют присоединения провинции к Ирландской Республике. Ирредентистские настроения есть у албанцев Косова, в Южной Осетии, в Нагорном Карабахе. Реальный или мнимый И. имеет место во многих странах, что побуждает центральные правительства не только ограничивать политическую активность меньшинств путем юридического запрета на создание этнических партий, упразднения административных автономий (например, опасения по поводу ирредентистских настроений

у венгров Трансильвании заставили румынские власти ликвидировать автономную область, которая существовала с 1954 по 1968 гг. на территории уездов Харгита, Ковасна и части уезда Муреш). И. наиболее очевиден, когда у группы нет шансов на конкуренцию в рамках неразделенного государства или когда общее пространство несет в угрозу косвенного или прямого насилия со стороны большинства.

Коренные (аборигенные) народы

Коренные (или аборигенные) народы — это признанная международно-правовыми документами категория населения, которая представляет собой автохтонных жителей государства или региона и которые в местах своего исторического проживания сохраняют традиционный образ жизни, отличный от образа жизни основного населения государства. В России термин «коренные малочисленные народы» был введен в политический лексикон и нормативные акты в советский период. В современном понимании «коренной народ» — это народ, именем которого названо то или иное этнотерриториальное образование (республика, округ, область), но в трактовке некоторых идеологов аборигенных движений коренной народ — это исконный народ, обладающий приоритетным правом пользования территорией, природными ресурсами и претендующий на особый статус на территории. В таком контексте понятие «коренной народ» представляет собой особую социальную категорию, призванную узаконить не только особые права-привилегии, но и этническую иерархию, что может вызывать конфликт между аборигенами и постоянным местным населением или между аборигенами и государством. Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах» не приводит определения «коренные народы», а лишь указывает, что конвенция распространяется на «народы, ведущие племенной образ жизни в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями, или специальным законодательством». Здесь же говорится, что к К.н. относятся потомки населения, которое проживало на данной территории до ее завоевания или колонизации, и подчеркивается, что использование термина К.н. не означает наделяния их особыми правами. Эксперты относят к К.н. индейцев обеих Америк, многие народы Африки, аборигенов Австралии, арктические народы зарубежного Севера и малочисленные народы российского Севера, Сибири и Дальнего Востока. Специфика защиты прав коренных народов состоит в охране их образа жизни, ибо остальные права гарантируются стандартными нормами прав человека и прав меньшинств. Образ жизни К.н. базируется на традиционных формах хозяйствования, к которым относятся охота, рыбная ловля, собирательство, морской зверобойный промысел, а также оленеводство.

Ксенофобия

Под ксенофобией (от греч. *xenos* — чужой, *phobos* — страх) понимается страх перед чужими людьми или людьми другой этнической принадлежности, часто переходящий в острое неприятие представителей этих групп. К. может проявляться в форме негативных этнических стереотипов или прямых призывов к ограничению в правах или депортации представителей чуждых этнических, расовых или религиозных групп. Причины К. различные: социальное неравенство по этническим границам, резкие изменения этнического состава населения и привычного образа жизни, так называемые исторические несправедливости, намеренная индоктринация по созданию негативного образа «чужого» или «врага» в лице иммигрантов или представителей меньшинств и др. К. связана с уровнем образования и информированности населения, но К. подвержены также образованные слои, в том числе политики и представители интеллигенции. В России К. распространилась среди части населения в отношении выходцев из региона Кавказа и Средней Азии, особенно в отношении временных трудовых иммигрантов.

Меньшинства

Обычно под меньшинствами понимают любые группы граждан, меньшие по численности по сравнению с остальным населением страны и не занимающие господствующего положения. В ситуации меньшинства может оказаться и численно доминирующая в государстве/регионе группа, если ее политические или культурные права ущемлены, т.е. понятие «меньшинство» имеет как статистический, так и политический смысл. Рабочие определения меньшинств выработаны на основе следующих критериев: численность меньшинства, объективные отличительные признаки, недоминирующее положение в обществе, стремление сохранять свою групповую отличительность и наличие гражданства соответствующей страны. Однако выделение групп меньшинств на основе предложенных признаков несвободно от недостатков и допускает неоднозначность толкования социальной категории М. Тем не менее в числе проблем, с которыми сталкиваются М., основными являются проблема неравенства и дискриминации и проблема реализации права на сохранение своей самобытности. Большинство групп М. принадлежит к культурным М. (этническим, расовым, религиозным). В международном праве система защиты прав М. зародилась в рамках действовавшей после Первой мировой войны Лиги Наций и оформилась в 1948 г., когда ООН приняла Конвенцию о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него. Конвенция была направлена в первую очередь на обеспечение права на существование «национальных, этнических, расовых или религиозных групп». Затем в Международный пакт о гражданских и политических правах была включена особая статья о М. В последующие годы проблема М. получила отражение в ряде международно-правовых документов.

Наиболее значительный из них — Европейская рамочная конвенция по защите национальных меньшинств, принятая в 1994 г. В России термин «национальные меньшинства» (нацмень) вышел из употребления в 1960-е гг. как принижающий статус представителей той или иной этнической группы, которые считали себя «социалистическими нациями». Но Россия разделяет международные требования и стандарты по соблюдению прав национальных меньшинств.

Многообразие культур и народов

Культурное многообразие, существующее в стране и в мире в целом. Для России это существование, диалог и взаимообогащение всех культурных потоков (или слоев): общенациональной, общероссийской культуры на основе русского языка, этнических культур многонационального народа Российской Федерации и глобальных или мировых культурных явлений и систем. Культурное многообразие и свобода культурного выбора являются условием развития, стабильности и гражданского согласия.

Межэтнический мир и согласие

Единство в многообразии, признание и поддержка культур, традиций и самосознания всех представителей многонационального народа Российской Федерации, гарантированное равноправие граждан независимо от национальности, а также политика интеграции, предотвращения напряженности и разрешения конфликтов на этнической или религиозной основе. Межэтнический мир включает политику толерантности, т.е. признания и уважения культурных и других различий среди граждан страны и проживающих в ней граждан других стран.

Национализм

В отечественной научной традиции термин «национализм» связывается с политическим и религиозным фундаментализмом, антидемократическими тенденциями, фашизмом и т.д. Н. некоторые исследователи определяют как политическое применение идеи нации. Понимание природы Н. не сводится лишь к констатации его связи с идеей нации. Неоднозначность в понимании социального основания наций порождает и различные концепции Н., предлагаемые исследователями. Одним из наиболее распространенных является понимание Н. как *идеологии*, которая признает политически легитимной лишь форму национального самоуправления. Следующее определение называет национализм *политическим движением*, стремящимся добиться совпадения этнонациональных и государственных границ посредством создания суверенного государства. Национализм определяется также как *форма коллективного самосознания*, заменяющая собой более ранние формы самосознания, базировавшиеся на религии, династическом родстве или иерархическом статусе группы, а также как *нравственный кодекс* или *светскую религию*, которые ставят лояльность собственной нации превыше всех прочих обязанностей. При всем многообразии

понимания сущности национализма, наиболее употребительно разделение Н. на два основных типа — гражданский, или государственный, и культурный, или этнический. Гражданский выступает от имени историко-территориальной, политической общности, этнический — от имени этнического сообщества. Гражданский Н. рассматривается как либеральная идеология и практика нациестроительства, направленная на формирование наций–государств. Этнический Н. обычно понимается как коллективистско-авторитарный, как средство достижения отдельной группой контроля над властью и ресурсами и создания этнически гомогенных государств, чуждых демократии и идеям гражданского общества.

Национальное государство

Национальное государство — государство с общей, контролируемой центральной властью, хозяйственно-экономической основой, с общей территорией, с общими историко-культурными ценностями жителей страны. Российская Федерация — Н.г., имеющее разнообразный этнический и религиозный состав населения и отличающееся большой региональной спецификой. Принадлежность индивида к государству определяется через категорию гражданства (nationality). Формирование государств-наций началось в конце XVIII в., когда в общественном сознании утвердилась идея нации и идея гражданина, как носителя индивидуальных прав и свобод. Теоретики глобализации утверждают, что значение нации-государства в современном мире падает, ибо сфера его компетенции сужается ввиду передачи функций наднациональным и международным институтам. Понятие Н.г. следует отличать от понятий «моноэтническое государство» и «полиэтническое государство». Принято считать, что государство является моноэтническим, если этнические меньшинства составляют не более 5% его населения, все остальные типы относятся к полиэтническим государствам, и таких государств большинство.

Национальное самосознание (идентичность)

Разделяемое всеми гражданами представление о своей стране, ее народе, чувство принадлежности к своей стране и народу. Основу национальной идентичности составляют базовые национальные ценности и общая историческая судьба. Формирование национальной идентичности — формирование у личности представления о многонациональном народе Российской Федерации как о гражданской нации и воспитание патриотизма.

Нация

Чаще всего Н. определяют как большую социальную группу, обладающую общностью языка и культуры, имеющую единую территорию и политические институты и сохраняющую стабильность благодаря солидарности ее членов. Единого определения понятия «нация» не существует. Для одних исследователей (Макс Вебер) Н. — это общность

чувств, для других — воображаемая общность (Бенедикт Андерсон), третьи называют ее «ежедневным плебисцитом» (Анри Ренан). Идея Н. как гражданской общности, объединенной не сословной или этнической солидарностью, а основанной на принципах равенства и свободы всех граждан, появилась в конце XVIII в. ее связывают с Великой французской революцией.

Существует две основных концепции нации — нация-демос (нация-согражданство) и нация-этнос или этнонация. Первая предполагает, что Н. формируется как сообщество, объединенное гражданскими и политическими идеалами; вторая основана на утверждении о том, что основу нации составляет этническая группа и, следовательно, Н. объединяет прежде всего этничность. В российской политической науке порой выделяют такие понятия, как «коренная нация», «титовая нация», «гражданская нация», «культурная нация», но ни теоретически, ни идейно их содержание четко не определено.

В современном обществоведении и политической практике доминирует представление о Н. как гражданской общности, и именно исходя из такого понимания формируются международные политические институты (ООН) и система международного права. Таким образом, понятие «нация» коррелирует с понятием «государство», и для того чтобы подчеркнуть эту связь, исследователями используется нередко определение «нация-государство». Вместе с тем ряд ученых полагают, что существуют безгосударственные Н. и в качестве примера называют шотландцев или басков. Ряд этнических сообществ, добываясь политической и культурной автономии в составе единого государства, требуют одновременно признать за ними статус Н. Такого права добиваются, например, франкофоны в Канаде и каталонцы в Испании. В России фактически все российские национальности считаются Н.

Раса

Понятие «раса» относится к той части обществоведческих категорий, которые во многом утратили былую научную значимость, но сохраняют общественную актуальность, особенно на уровне бытового мышления и среди политических экстремистов. Первоначально термин использовался для обозначения фенотипически (по физическому облику) и биологически отличающихся групп людей. Термин возник еще в XVI в., и тогда предполагалось, что расовые различия неизменны и обуславливают не только физические особенности людей, но и культурные отличия между группами. С тех пор содержание понятия несколько раз менялось. Сегодня большинство ученых признают, что Р. — это классификационный конструкт, используемый в науке и общественной практике для классификации социальных групп. В то же самое время Р. есть некая обобщенная категория, используемая для изучения и объяснения биологических и фенотипических различий между разными человеческими популяциями.

Расизм

Расизм есть приверженность идее о расовом делении общества и биологически обусловленном превосходстве одних рас над другими. Позднее под Р. стали понимать убеждение в том, что принадлежность к социально созданной категории обуславливает определенные характеристики личности. Таковой категорией может быть не только расовая (биологическая или псевдобиологическая), но и культурная, историческая, религиозная. Р. может проявляться как на индивидуальном уровне, так и на институциональном. При первом это выражается в личном негативном отношении к представителям других этнорасовых групп, при втором — в политике дискриминации членов какой-либо общественной группы по признаку расы, религии или культуры. В Европе расистская идеология применялась для оправдания колониальных захватов и колониальной эксплуатации, агрессии против наций и притеснения групп меньшинств. Р. играл решающую роль в формировании идеологии германского фашизма. В последние годы в России также получили распространение идеи «расовой теории» или расологии, которые объявляют представителей небелых рас и некоторых национальностей «ублюдками», а представителей «белой расы» носителями высших качеств и способностей. Р. осуждается международным сообществом и наказывается национальными законодательствами, в том числе и в РФ.

Самоопределение

Самоопределение есть культурное и политическое позиционирование личности и группы в их отношениях с другими культурными и политическими субъектами. Соответственно *право на самоопределение* есть возможность свободно определять культурный и политический статус как отдельной личности, так и группы в целом. Право на С. является одним из ключевых принципов в системе международного законодательства. Вместе с тем право наций на самоопределение, которое является основой государственности, нередко вступает в противоречие с принципом нерушимости границ, являющимся одной из базовых основ идеи государственного суверенитета. В 1945 г. была принята Хартия ООН, в основу которой были положены принцип территориальной целостности государств — членов этой организации и запрещение использовать силу при разрешении международных конфликтов. Но в 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, в которой говорилось, что «подчинение народов иностранному игу и господству» является отрицанием основных прав человека и противоречит Уставу ООН. Здесь же заявлялось, что всякая попытка, «направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами устава организации». Иными словами, принцип С. был утвержден в качестве нормы международного права, но сопровождается

оговорками. В современных условиях гораздо большее значение приобретают международная стабильность и развитие демократии в сложных обществах, нежели идеи партикулярной суверенизации.

Сепаратизм

Сепаратизм (от лат. *separatus* — отдельный) — политическая идеология и практика, направленные на отделение части страны от единого государства и обретение ею политической самостоятельности. Сущность *этнического сепаратизма*, который является разновидностью радикального этнического национализма, состоит в том, чтобы добиваться политической автономии или полного отделения территорий проживания этнических сообществ от основной территории страны. Идеологической основой этнического сепаратизма служит концепт нации-этнуса. С. часто обретает форму открытой вооруженной борьбы или террористической деятельности. Национальные государства противостоят внутреннему сепаратизму, в том числе с использованием вооруженных сил, но могут симпатизировать сепаратистским силам в других странах и даже поддерживать их.

Толерантность

Термин «толерантность» имеет латинское происхождение (*tolerantia* — терпение), но его смысл не сводим к тому семантическому значению, которое имеет латинская основа. Т. есть культурный и политический принцип, который является важной составляющей государственной политики в демократических государствах. Декларация принципов Т., утвержденная Генеральной конференцией ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г., является своего рода политическим дополнением к Уставу ООН и Всеобщей декларации прав человека, а также к ряду других основополагающих международных документов, подтверждающих гражданские и политические права личности. Неслучайно в понятии Т., которое сформулировано в Декларации, указывается, что «толерантность — это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека». Т. есть терпимость, уважение к чужим мнениям, верованиям, поведению и культурным предпочтениям. Наоборот, навязывание неких культурных стандартов и ценностей есть проявление интолерантности. При этом Т. не может трактоваться как терпимое отношение к социальной несправедливости или как отказ от собственных убеждений и уступки чужим. Толерантное отношение означает признание за другими права жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Т. есть важнейший принцип организации сложных сообществ, где сосуществуют различные этнические, расовые, религиозные группы населения и где нормой общественной жизни должно быть осознание того, что мир и социальная среда являются многомерными, а значит, и взгляды на этот мир различны и не должны сводиться к единообразию или в чью-то пользу. В Российской Феде-

рации действуют программы по Т. на федеральном и региональном уровнях. Большую работу по утверждению Т. ведет Общественная палата РФ, религиозные и общественные организации.

Федерализм

Федерализм (от лат. foedus — союз, объединение) — политический принцип, суть которого состоит в разделении государства на составные части — субъекты, обладающие высокой степенью политической самостоятельности. Обычно субъекты федерации создаются по территориальному признаку. В случае, когда в основу выделения субъектов берется также этнокультурный признак, имеет место так называемый *этнический федерализм*. Этнический федерализм — довольно редкое явление, ибо совместить этнические и административные границы весьма сложно. К федерациям с этническим компонентом можно отнести уже распавшиеся страны — Югославию, Чехословакию, СССР, а также современную Российскую Федерацию, Бельгию, Индию, Испанию, отчасти Великобританию и Канаду.

Этничность и этническая общность (группа)

В российской научной традиции, которая связана с изучением истории, культуры и быта различных народов, ключевым понятием долгое время являлся «этнос». Этнос понимается как сообщество людей, объединенное единым языком, территорией, культурными традициями, общностью психического склада и при этом осознающее свою целостность и отличающее себя от других культурных сообществ. В советской традиции было принято считать этнос объективной реальностью, своего рода «коллективным телом», имеющим и биологическую, и социальную природу. В отличие от российской традиции зарубежная наука не употребляет термин «этнос» и западная социально-культурная антропология занимается изучением не этносов, а культур. В связи с этим при анализе этнических явлений ключевое значение здесь имеет термин Э. До сих пор однозначного понимания термина Э. ни в западной, ни в отечественной науке нет. Тем не менее в общем плане Э. рассматривается как явление групповой культурной схожести, как комплекс чувств, основанных на принадлежности к культурной общности, как коллективное ощущение, в результате которого и формируется общая идентичность. Помимо сферы самосознания (идентичности), существуют некоторые характеристики, свойственные общностям, которые называют этническими. К числу таких характеристик относятся: разделяемые членами группы представления об общем историческом происхождении, единый язык, общие черты материальной и духовной культуры; политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые входят в понятие «народ»; чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия.

Характерные черты этнических групп не могут сводиться к сумме содержащегося в их пределах культурного материала, а определяются прежде всего тем, что для себя сами члены группы считают значимым что лежит в основе их самосознания. Таким образом, Э. — это форма социальной организации культурных различий. Исходя из этого под этнической общностью понимается группа людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут связывать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой лояльности.

Этнический конфликт

Форма гражданского противостояния внутри государства или на трансгосударственном уровне, когда одна или более сторон конфликта организуется и действует на этнической основе или от имени этнической общности. Э.к. может иметь разные причины (политические, территориальные, социально-экономические, ресурсные, историко-культурные) и протекать как в скрытых формах межэтнической напряженности, так в форме открытого насильственного конфликта. Распространенными формами Э.к. являются конфликты сепаратистские, когда представители этнического меньшинства выступают за отделение от государства своего проживания и создание собственного. Помимо такого рода конфликтов («группа против государства»), имеют место конфликты между двумя или более этническими группами, которые зачастую приобретают крайне жестокие формы и имеют тенденцию к циклическому насилию. Способы и механизмы предотвращения и трансформации Э.к. составляют основу так называемой конфликтологии, которую можно считать поддисциплиной этнополитологии.

Этнополитика

В общественно-научной лексике термин Э. имеет ограниченное распространение. Его российским аналогом является понятие «национальная политика», которое означает государственную политику управления этническим разнообразием на коллективном и индивидуальном уровнях, политику регулирования отношений между этническими общностями, политику поддержки и развития языков и культур, представители которых населяют территорию страны или отдельного региона. Нередко российские политики и активисты этнополитических движений понимают под «национальной политикой» государственный патронаж этнических меньшинств, что является неверной точкой зрения, ибо термин «национальная политика» по своему смысловому содержанию является синонимом термина «государственная политика». Поэтому, когда речь идет о национальной политике, подразумевается внешняя и внутренняя политика государства, призванная реализовывать национальные, т.е. государственные интересы. Поэтому более

точным термином для определения внутренней политики государства, сферой которой является регулирование отношений между этническими общностями и между ними и государством, является термин Э. или «этнонациональная политика», который все более широко используется в общественных науках.

Разные страны используют разные модели Э., но основных моделей три — ассимиляционная или интеграционная модель, мультикультурализм и политика исключения. Первая модель строится на идее «одна страна — один народ — один язык», и здесь принцип гражданства противостоит принципу меньшинства. В 1970-е гг. многие страны мира, в составе населения которых имелись многочисленные иммигрантские общины, значительное количество этнических, расовых и религиозных меньшинств, провозгласили мультикультурализм основным принципом своей внутренней политики. Мультикультурная модель базируется на идее «единство в многообразии». Эта модель предполагает государственную поддержку для этнических, расовых и религиозных групп в деле сохранения их культурной специфики, языка, религии. С этой целью формируются специальные институты и выделяются ресурсы для организации школьного обучения на языках меньшинств, создания телеканалов, вещающих на их языках, и т.д. В последние годы эта модель дополнилась требованиями создания условий для формирования общенационального единства и укрепления системы общих ценностей.

Политика исключения предполагает создание условий для политического, экономического и культурного доминирования одной этнической группы и вытеснения с ключевых позиций в политике и культуре представителей других групп. Такая модель может быть достаточно мягкой и выражаться в конституционном национализме и этнической демократии, когда одна группа через государственно-правовые институты и процедуры захватывает доминирующие позиции (Эстония, Латвия), а может приобретать форму жесткого разделения этнических и расовых общин (ЮАР в эпоху апартеида). Крайней формой политики исключения является геноцид.

Этноцентризм

Э. есть восприятие собственной культурной группы как наиболее значимой среди всех других групп. Культурные нормы группы в этом случае являются критериями, на основании которых оцениваются другие культурные сообщества. Понятие Э. впервые было предложено в начале XX в. В. Самнером, который указал на универсальный характер Э. Историческим основанием Э. является племенное сознание, при котором, по выражению К. Леви-Строса, «человечество прекращается за пределами границ племени, лингвистической группы, нередко даже за пределами деревни». Неслучайно, большинство так называемых примитивных народов дают сами себе названия, которые означают «люди». Все, кто не включен в состав «людей», оцениваются как «ди-

кари», не заслуживающие уважения. Так, термин «инуиты» означает «настоящие люди», в то время как соседние с инуитами индейцы называют их эскимосами, т.е. «пожирателями сырого мяса» (синоним «дикарей»), а те в свою очередь дают соответствующее определение индейцам. В содержательном плане Э. близок расизму, хотя формы его проявления могут быть различны и не всегда агрессивны. В политике Э. находит выражение в этническом фаворитизме (наделение особой ролью отдельного народа, а также преференции для представителей определенной этнической группы).

Примерные темы рефератов и курсовых работ

1. Сравнительный анализ этнополитики в Российской империи, СССР и Российской Федерации.
2. Этнические федерации как форма государственного устройства.
3. Роль этнического фактора в распаде СССР.
4. Югославский кризис: причины и последствия.
5. Проблемы Северной Ирландии и способы преодоления северо-ирландского кризиса.
6. Корсика: реальна ли борьба за самоопределение?
7. Этнополитический конфликт в Шри-Ланке.
8. Эритрея: долгий путь к независимости.
9. Южно-Африканская Республика сегодня: забыт ли апартеид?
10. Истоки и эволюция чеченского кризиса.
11. Состоится ли независимый Курдистан?
12. Нагорный Карабах: вечна ли проблема урегулирования.
13. Излечим ли сепаратизм басков?
14. Нигерийский опыт строительства нации.
15. Российская нация: идейная борьба вокруг проблемы нациестроительства.
16. Опыт функционирования саамских парламентов.
17. Самоуправляемая территория Нунавут: плюсы и минусы модели.
18. Проблема «коренных народов» в международной политике.
19. Русский национализм как идейное течение.
20. Местные национализмы в России и их роль политической жизни регионов.
21. Страны Балтии: проблемы неграждан.
22. Иммигрантские общины Европы и их влияние на политическую жизнь.
23. Косово до и после провозглашения независимости.
24. Татарстан: модели этнополитического развития.
25. «Финно-угорский мир» — этнополитический миф или реальность?
26. Этнополитические проблемы Северного Кавказа.
27. Проблема ксенофобии в России и Западной Европе.
28. «Лингвистические войны» в Канаде и провал стратегии мультикультурализма.
29. Исламский фундаментализм как идеологическая основа эскалации этнополитических конфликтов.
30. Идеи евروهгионов как этнополитические проекты.
31. Мультикультурализм в современной политике.

32. Крым как очаг этнополитической напряженности.
 33. Пути решения приднестровского конфликта.
 34. Великая Румыния или Румыния и Молдавия: интеграционизм и молдовенизм по обе стороны молдаво-румынской границы.
 35. Дагестан: особая этнополитическая ситуация.
 36. Индийский опыт этнополитического урегулирования внутренних конфликтов.
 37. Среднеазиатские государства на путях нациестроительства: выбор между традиционализмом и модернизацией.
 38. Арабо-израильский конфликт: выживет ли Израиль?
 39. Тибетская проблема в Китае.
 40. Швейцарский опыт демократии согласия: идея и ее воплощение.
 41. Состоялась ли грузинская нация?
 42. Этнорасовые проблемы в США.
 43. Проблемы индейских сообществ в Латинской Америке.
 44. Роль международного сообщества в решении проблем этнических, расовых и религиозных меньшинств.
-

Учебное издание
Тишков Валений Александрович,
Шабаев Юрий Петрович

**ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ
ЭТНИЧНОСТИ**

Учебник для вузов

Научный редактор *З.Н. Осадченко*

Редактор *Г.С. Савельева*

Художественный редактор *Г.Д. Колоскова*

Художники ?

Технический редактор *Н.И. Матюшина*

Корректор *Н.И. Коновалова*

Компьютерная верстка *Л.В. Тарасюк*

Подписано в печать 00.00.2011.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура Palatino Linotype.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25,5. Уч.-изд. л. 00,00.

Тираж 0000 экз. Изд. № 9399. Заказ №

Ордена «Знак Почета»

Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Тел.: 629-50-91. Факс: 697-66-71.

939-33-23 (отдел реализации).

E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ: www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Адрес отдела реализации: Москва, ул. Хохлова, 11

(Воробьевы горы, МГУ).

E-mail: izd-mgu@yandex.ru. Тел.: (495) 939-33-23.

Интернет-магазин: <http://msupublishing.ru>